

ISSN 2541-7606

ВЕСТНИК

Вятского государственного
университета

Философия, педагогика,
психология

HERALD

of Vyatka State University

Philosophy, pedagogy,
psychology

2022

4 (146)

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 4 (146)

Киров
2022

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

С. С. Куклина, д-р пед. наук, проф., Вятский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

Ю. П. Зинченко, д-р психол. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Е. М. Вечтомов, д-р физ.-мат. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., ГСГУ (г. Коломна), РУДН (г. Москва) ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., МГУ (г. Москва);

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, проф., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО, ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Н. А. Сеногноева, д-р пед. наук, доц., НТФ ИРО (г. Нижний Тагил), ORCID: 0000-0001-6783-5860;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

Е. А. Счастливецва, д-р филос. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, проф., Университет Иннополис (г. Казань), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

М. А. Щукина, д-р психол. наук, СПбГИПСП (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

Р. Jelescu, д-р хабилитат психологии, проф., Государственный педагогический университет

им. Иона Крянгэ (Молдова, г. Кишинев), ORCID: 0000-0002-3535-0524;

Е. Protassova, д-р пед. наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет

(Финляндия, г. Хельсинки), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

А. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Кирьят-Тивон), Академический

педагогический колледж Шаанан (Израиль, г. Хайфа);

N. Veresov, канд. психол. наук, доц., Университет Монаш (Австралия, г. Мельбурн), ORCID: 0000-0001-8714-7467.

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 4 (146)

Kirov
2022

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

S. S. Kuklina, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University, (Kirov) ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen, academician of the RAE (St. Petersburg);

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician of the RAE (St. Petersburg);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corresponding member of the RAE (Moscow);

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS (Moscow);

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE (St. Petersburg)

Editorial board members

E. M. Vechtomov, Dr. of phys.-math. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Social University of Humanities (Kolomna), Peoples' Friendship University of Russia (Moscow) ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Yu. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education, Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

N. A. Senognoeva, Dr. of ped. sciences, associated prof., Nizhny Tagil branch Institute for Education Development (Nizhny Tagil), ORCID: 0000-0001-6783-5860;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, prof., Innopolis University (Kazan), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg);

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg);

P. Jelescu, Dr. of habilitat psychology, prof., State Pedagogical University n. a. Ion Creanga (Moldova, Chisinau), ORCID: 0000-0002-3535-0524;

E. Protassova, Dr. of ped. sciences, associate prof., University of Helsinki (Finland, Helsinki), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Kiryat Tiv'on), Shaanan Academic Teachers College (Israel, Haifa);

N. Veresov, PhD of psychol. sciences, associated professor, Monash University (Australia, Melbourne), ORCID: 0000-0001-8714-7467.

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education «Vyatka State University»

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Коромыслов В. В.</i> Диалектика истины, правды и мудрости.....	9
<i>Сорокин С. Э.</i> «Третья миссия» университетов в условиях вызовов санкционной политики	23
<i>Тихомиров Н. В.</i> Формирование национальной идентичности: онтология культурного контекста и управление	31
<i>Петев Н. И.</i> Научно-технический прогресс и цифровой мир в трансгуманистической парадигме как вызов современному обществу и человеку.....	40
<i>Рочняк Е. В.</i> Социально-экономический форсайт как одно из направлений исследования и планирования будущего	50
<i>Шаяхметова Л. А., Гринчук М. С.</i> Серилал «Игра в кальмара»: философский анализ.....	57

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Шарабарина Е. А.</i> Феномен юродства: основные исследовательские направления в современной отечественной науке	65
<i>Редин Ф. Д.</i> Опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов (на материалах сообществ в социальной сети «ВКонтакте»)	76

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Маслова А. Г.</i> Проблема выбора и ответственности в бытовых повестях XVII в.: деятельностный подход к анализу произведений	90
<i>Семёнова М. А., Быковская М. А.</i> Искусство акварели в художественно-эстетическом воспитании дошкольников	101
<i>Александрова Н. С., Петушкова О. А.</i> Коммуникативно-речевые умения старших дошкольников: диагностика и планирование развивающей работы.....	110
<i>Леонтьева Н. В.</i> Методика обучения решению задач на построение в пространстве на основе расширенной схемы	121
<i>Перевощикова Е. Н., Бычков А. В.</i> Освоение будущими учителями математики приемов формирования функциональной математической грамотности учащихся основной школы.....	133
<i>Поляков О. Ю.</i> Литературоведческая имагология как учебный курс магистратуры: структурно-содержательные и методические аспекты.....	141

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Щукина М. А., Мартела А. И.* Социально-психологические особенности пользователей подросткового и юношеского возраста с проблемным использованием интернета 149
- Пузырёва Л. А.* Влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери 159

ПЕРСОНАЛИИ

- Сауров Ю. А.* Профессор Е. М. Вечтомов – духовный просветитель Вятского края (методологический портрет) 168

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Koromyslov V. V.</i> Dialectics of truth, verity and wisdom	9
<i>Sorokin S. E.</i> "The third mission" of universities in the context of the challenges of the sanctions policy	23
<i>Tikhomirov N. V.</i> Formation of National Identity: Ontology of Cultural Context and Management	31
<i>Petev N. I.</i> Scientific and Technological progress and the digital world in the transhumanist paradigm as a challenge to modern society and man	40
<i>Rochnyak E. V.</i> Socio-economic foresight as one of the directions of research and planning of the future	50
<i>Shayakhmetova L. A., Grinchuk M. S.</i> The series "The Game of Squid": philosophical analysis.....	57

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Sharabarina E. A.</i> The phenomenon of foolishness: the main research directions in modern Russian science	65
<i>Redin F. D.</i> Experience of comparative research of religiously-oriented Internet memes (based on the materials of communities in the VKontakte social network).....	76

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Maslova A. G.</i> The problem of choice and responsibility in the household stories of the XVII century: an activity-based approach to the analysis of the works	90
<i>Semenova M. A., Bykovskaya M. A.</i> The art of watercolors in the artistic and aesthetic education of preschoolers	101
<i>Alexandrova N. S., Petushkova O. A.</i> Communicative and speech skills of older preschoolers: diagnostics and planning of developmental work.....	110
<i>Leontieva N. V.</i> Teaching methods for solving problems for building in space based on an extended scheme	121
<i>Perevoshchikova E. N., Bychkov A. V.</i> Mastering by future mathematics teachers of techniques for the formation of functional mathematical literacy of primary school students	133
<i>Polyakov O. Yu.</i> Literary Imagology as a Master's degree course: Structural, substantive and methodological aspects	141

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

<i>Shchukina M. A., Martela A. I.</i> Socio-psychological characteristics of adolescent and adolescent users with problematic Internet use	149
---	-----

Puzyreva L. A. The influence of the subjective image of the mother
on the formation of the daughter's codependent behavior159

PERSONALITIES

Saurov Yu. A. Professor E. M. Vechtomov – spiritual educator
of the Vyatka region (methodological portrait)168

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 130+165

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.050

Диалектика истины, правды и мудрости

В. В. Коромыслов

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии,
Пермский государственный аграрно-технологический университет им. Д. Н. Прянишникова.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0001-6115-3631. E-mail: vvk79@mail.ru

Аннотация. Статья нацелена на переосмысление понятия правды в его соотношении с понятиями истины и мудрости. Необходимость данного исследования продиктована обострением противоречий современного общества, связанным с недостатком стимулов к познанию объективной истины и мудрости в подходах по разрешению конфликтов. Обосновано, что целесообразно рассматривать понятие правды в диалектической связи с понятием объективной истины, в ином случае это не только способствует разрушению стимулов к познанию объективного мира и нравственному самосовершенствованию, но и приводит к жесткому столкновению различных жизненных правд индивидов и социальных групп, к обострению проблем, связанных с взаимопониманием и необходимостью нахождения компромиссов. Поэтому в качестве метода исследования выбрана диалектика, а в основу построения статьи была положена гегелевская триада «тезис – антитезис – синтез». По итогам проведенного исследования жизненная правда определяется как представление об истинном и должном, то или иное понимание ситуации и связанное с ним отношение к ней, обусловленное содержанием и состоянием внутреннего мира индивида. Показана зависимость жизненной правды от затрагиваемых ситуаций потребностей и интересов; ожиданий развития ситуации; точности, глубины и полноты полученной информации; уровня интеллектуальных способностей и компетентности. Предлагается переосмыслить понятие мудрости, которое может быть использовано для решения проблем современного общества в качестве инструмента, ненавязчиво стимулирующего людей к формированию тех установок сознания, которые бы способствовали расширению и углублению их представлений на возникающие ситуации и мир в целом, что приводило бы не только к уважительному отношению к позиции других, но и к продвижению от многоликой правды к единой, но неисчерпаемой истине, даже если направления движения к которой будут многообразны.

Ключевые слова: правда, истина, мудрость, постправда, метамодерн, метамодернизм, духовный кризис, общество потребления, конфликты, столкновение цивилизаций.

Введение. Современный мир полон иррациональности, острых противоречий и проблем, которые создают у многих ощущение, что, катясь по наклонной, он вот-вот сорвется в пропасть. Перед лицом серьезных вызовов для мирового сообщества целесообразно было бы его сплочение на основе высоких духовных ценностей и идеалов. Русская душа в такие времена всегда питалась надеждой и верой, что «сила в правде» и она рано или поздно пробьет себе дорогу к подлинному и должному, преодолев ложь и лицемерие.

Русская философия традиционно уделяла понятию правды особое внимание, вкладывая в него самые высокие духовные смыслы. Однако, на наш взгляд, понятие правды, будучи тесно связано с духовно-нравственными ориентирами для человека, производно от понятия истины, которое является его гносеологическим ориентиром. У каждого своя жизненная правда, что проявляется, в частности, в столкновении интересов и различных представлений о должном, но тогда как определить, насколько та или иная правда близка к истине? В чем та мудрость, которая, имея дело с правдами различных индивидов, социальных групп и целых народов способствует постижению истины?

Особое почтение к понятию правды в русской философской традиции неудивительно, ведь корни этого понятия уходят очень глубоко и затрагивают саму душу русского народа. Оно было интуитивно понятным и близким для русского человека, поскольку выражало его

стремление к справедливости, к жизни во благе и по истине. Русская традиция «правдоискательства» была, прежде всего, связана с православием (протопоп Аввакум, Н. А. Бердяев, В. С. Соловьёв, С. Л. Франк и другие), но также проявилась в русском социализме (А. И. Герцен, Г. В. Плеханов) и народничестве (Н. К. Михайловский), в том числе анархо-коммунизме (М. А. Бакунин, П. А. Кропоткин и другие). Правда связывалась или со следами разумного замысла в мире, или с необходимостью духовного развития личности и совершенствования порядков в обществе согласно принципам справедливости. Понятие правды отражало тот идеал, на который направлены все духовные поиски, с которым связаны наиболее глубокие духовные переживания и который ведет «к подлинному существованию», одухотворению индивидуальной жизни, приданию ей смысла праведностью.

Тем не менее, на наш взгляд, настало время скорректировать смысл этого понятия с учетом современных реалий, достижений познания и особенностей современного словоупотребления, которое делает акцент на субъективном и преходящем характере правды [25].

Соотношение понятий «правда» и «истина» в современной философской литературе. В современной философской литературе прослеживаются две основные тенденции при рассмотрении соотношения понятий «правда» и «истина». С одной стороны, они противопоставляются на том основании, что понятие истины, связанное с рациональным обоснованием, теоретическими конструкциями и строгими научными методами, выступает как слишком абстрактное и недостаточно гибкое в отношении уникальных проявлений жизни личности, поэтому требует дополнения понятием правды как более практичным, более приближенным к качественным характеристикам жизни индивида. С другой стороны, происходит противопоставление этих понятий на том основании, что понятие правды дает возможность защиты уникальности мироощущений, потребностей и интересов индивидов от претензий понятия истины на возможность обладания объективным, окончательным, универсально применимым знанием, которые создают угрозы для свободы личности. Например, О. А. Ефремов пишет: «Обратной стороной признания некой истины как объективной выступает репрессивность и дискриминация по отношению к несогласным» [23, с. 106].

К. Х. Момджян предлагает относить понятие правды к «суждениям ценности», связанным с валюативной ориентацией человека, которая оценивает мир, соотнося его с потребностями и интересами людей и «не подлежит верификации, позволяющей отличить объективную истину от незнаний и заблуждений» [20, с. 110]. Задачу правды он видит не в познании мира, а лишь в «ценностном осознании мира, поиске смыслов человеческого существования в нем» [20, с. 121]. В отличие от правды истину К. Х. Момджян связывает с рефлексивной ориентацией, «познающей мир в собственной логике его существования, данной субъекту познания принудительно и не зависящей от его ценностных предпочтений» [20, с. 115]. Таким образом, если истина несет в себе знания о мире, то правда лишь «значимые мнения» [20, с. 116]. Тем самым К. Х. Момджян освобождает жизненную правду от «диктата истины» и одновременно стремится защитить понятие объективной истины от критики.

Р. М. Тазиев отмечает, что правда является характеристикой не только знания, но и носителя этого знания [27]. И. В. Сохань видит в правде индивидуальный способ понимания мира, связанный с возможностью самоутверждения и оправдывающими обстоятельствами, которые в условиях конфликта между должным и реалиями жизни учитывают внутреннее состояние индивида [26]. У В. В. Лимонченко правда – это то, что «конкретизирует истину в соответствии с изменчивостью жизни», придает ей целостный, завершённый вид в индивидуальных переживаниях и реализации на практике, служит мотивом человеческих поступков, придает смысл жизни и содержит оправдания ее проявлениям [16]. Д. В. Пивоваров связывает понятие правды с осваивающим познанием, итогом которого является очеловечивание, преобразование, некое одухотворение окружающего мира в соответствии с «потребным идеалом», вписывание новых элементов внешней среды в контекст содержания своего внутреннего мира. Правда у Д. В. Пивоварова – это переживание освоенного жизненного пространства, которое характеризуется той или иной степенью полноты, гармонии и удовлетворения. Ей противопоставляется истина как итог познания отчуждающего, разъединяющего субъект и объект. Такая истина рассматривается как внешняя, чуждая для индивида, в отличие от правды как истины внутренней, связанной с жизненно ценным для него [24].

У этих авторов под правдой понимаются особенности переживания и осмысления индивидом происходящего, которые определяют его оценку, отношение к определенной ситуации. Однако в понимании правды до сих пор существует и другая линия, которая продолжает

традиции русской философии, связывающие ее с центральным регулятивным мировоззренческим, гносеологическим и нормативным принципом русской духовности. Например, С. Н. Черных под правдой понимает фундаментальное духовное содержание, высшие ценности, духовный образец, идеал, через призму которого оценивается вся поступающая информация и в соответствии с которым происходит организация индивидуального жизненного пространства. Он различает правду-истину, связываемую с теоретическими положениями, и правду-справедливость как их воплощения на практике. У С. Н. Черных правда – единственно правильный порядок бытия и человеческих отношений [30]. Однако, на наш взгляд, с учетом современного словоупотребления и отсутствия единых представлений о должном, было бы более корректно говорить о том, что правда отражает наши представления об этом единственно верном порядке бытия.

Что касается сведения истины к теоретическим аспектам, а правды к практическим, то такой подход наиболее распространен. Более того, достаточно часто встречается резкое противопоставление данных понятий на этом основании [16; 24]. Однако мы считаем, что жесткое противопоставление правды истине неправомерно, скорее присоединяемся к тем, кто определяет правду как «истину на деле», «в действии». Тогда можно перефразировать известное выражение И. Канта и в известном смысле сказать, что истина без правды для индивида мертва, но в то же время жизненная правда без истины слепа.

Если говорить о тенденции противопоставления понятий истины и правды на основании угроз, которые возникают для свободы личности из-за претензий понятия истины на возможность обладания окончательным, универсально применимым знанием, то, на наш взгляд, здесь не стоит уходить в крайность. С одной стороны, нельзя не признать сами эти угрозы и не учитывать ту практику, которая проводилась в тоталитарных обществах. Нельзя также не признать все сложности, с которыми столкнулась научная мысль XX–XXI вв., когда, например, оказалось возможным создание различных работающих на практике моделей описания и объяснения одной и той же области действительности; были поставлены под сомнение или даже оказались опровергнуты многие, казалось бы, очевидные положения; в рамках квантовой физики обнаружилось проблемы с возможностью работы с «чистыми фактами», а также с причинностью, локальностью и временем, которое по интерпретациям Р. Фейнмана, Д. Крамера, Г. В. Рязанова и других в квантовой реальности может оборачиваться вспять; выявлены проблемы с интерпретацией научных фактов и текстов. Другими словами, нельзя не считаться с тем, что действительность во всей своей полноте и глубине оказалась неуловимой для четкой фиксации в виде строгих знаний о ней. Более того, в опыте, пожалуй, каждого существуют неприятные моменты, связанные с тем, что им навязывались представления об истинном, единственно верном, пренебрегая его интересами, знаниями и видением ситуации. Однако не стоит путать желание выдать свою правду за истину с самой объективной истиной. Это понятие является более глубоким и проработанным, чем это сейчас подается многими. Диалектика абсолютной и относительных истин предполагает отсутствие претензии на возможность познания всей полноты абсолютной истины, обладания всей бесконечной глубиной знаний как единого взаимосвязанного целого. Наше познание лишь способно продвигаться в этом направлении через сложный и противоречивый процесс накопления, уточнения и углубления знаний об объективном мире [7; 9; 21].

Итак, мы исходим из того, что абсолютная истина выступает идеалом познания, движение к которому предполагает определенную степень самокритичности, наличие критически-пытливого, творчески мыслящего ума, стремящегося выйти за пределы обретенных интеллектуальных способностей, преодолеть все препятствия на пути познания, шаг за шагом раздвигая границы познанного. Поэтому таким образом понятая истина не несет угрозы репрессивного характера, как раз наоборот, противопоставляемая ей жизненная правда подвержена влиянию эмоций, способных затмить рациональный, самокритичный, взвешенный подход. Когда мы говорим о правде, связанной с самыми высокими смыслами, с нашими представлениями о должном, с нашими ожиданиями от жизни, то сложно остаться беспристрастным, а тем более признать, что правда оппонентов достойна такого же уважения и внимания, как и наша. Даже если признается, что она имеет право на существование, ее важность в глазах противоположной стороны принижается, что служит препятствием для разрешения конфликтов в реальной жизненной практике.

Жизненная правда и факторы, ее определяющие. Жизненная правда, как видно из приведенного обзора, связана с особенностями переживания и осмысления действительно-

сти, которые определяют оценку ситуации. Эта оценка сопровождается, с одной стороны, чувством значимости предмета осмысления, а с другой – убежденностью в своей правоте, которые имеют разную степень интенсивности. И чем больше их интенсивность, тем больше убежденность в своей правоте накладывается на ситуацию, когда затрагиваются интересы и потребности личности, особенно когда затрагивается ее внутренний духовный стержень, задеваются струнки ее души, тем более она готова отстаивать свою правду, а значит, тем более «репрессивный» характер последняя будет нести для других.

Оценка действительности происходит в том числе и на ее соответствие ожиданиям и представлениям о должном. Эти ожидания могут быть завышены, а могут быть совсем наивны, не подкреплены ни достаточным жизненным опытом, ни глубоким анализом, выявляющим взаимосвязи и закономерности действительности. Поэтому и решения под влиянием этих ожиданий могут быть неадекватными ситуации. В то же время оценка последствий в случае неудач также будет находиться под влиянием прошлых ожиданий, что дает возможность для индивида оправдывать свое поведение и решения тем, что с его точки зрения перспективы развития ситуации выглядели иначе и его правда в том, что обстоятельства так сложились случайно, ему лишь не повезло. Речь, конечно, не о том, что всегда можно просчитать последствия принимаемых решений, а о тех крайних случаях, когда решения столь неадекватны, что последствия весьма вероятны.

Тем самым субъективность правды позволяет снизить роль ответственности за принимаемые решения или снять ее с себя совсем (мол, ничего не знаю, у каждого своя правда). Действительно, просчитать все последствия даже для профессионала в своем деле далеко не простая задача. Однако мудрость состоит в том, чтобы принять на себя всю полноту ответственности за собственные решения вне зависимости от своих ожиданий и представлений, то есть мудрость в данном случае в стремлении познать и принять истину, скорректировать свои представления с учетом полученного опыта.

Другое дело, когда предполагаемые решения вступают в противоречие с абстрактными формулировками моральных норм, не учитывающими всех тонкостей и нюансов возможных ситуаций. К примеру, И. В. Сохань отмечает, что суровая правда жизни погружает человека в атмосферу «сумерек повседневности», которая приводит его к мироощущению отсутствия в окружающем мире истины. А между тем неумолимые обстоятельства жизни ставят человека перед необходимостью выбора между должным и своими потребностями и интересами. И. В. Сохань пишет о праве каждого человека «затаиться в анонимности», временно откладывая выбор в пользу должного [26, с. 133–134]. На наш взгляд, мудрым в таких ситуациях было бы стремление найти баланс между, с одной стороны, некоторыми послаблениями в отношении выхода за рамки «буквы» морали, а с другой – возможностью придерживаться ее «духа» (если, конечно, эта мораль имеет общественную пользу).

В современной философской литературе существуют попытки обосновать наличие объективных оснований нравственного с научных позиций [17; 18]. В этом свете проблема совершенствования морали, ее конкретизации относительно многообразия уникальных жизненных ситуаций предполагает необходимость приведения ее в соответствие с объективной истиной¹, по крайней мере, более тонкого и гибкого ее отражения. Конкретность истины, видоизменение ее формы в зависимости от конкретных обстоятельств, наделяет ее способностью отражать эти обстоятельства с учетом содержания и состояния внутреннего мира человека, а значит, и учитывать правду каждого, соотнося эти правды между собой и с реализующимися в этой ситуации взаимосвязями и законами, определяющими те или иные последствия при тех или иных решениях. И если мы не можем взглянуть на ситуацию глазами других в буквальном смысле и просчитать все возможные последствия, то это еще не означает, что нет смысла к этому стремиться. В самом этом стремлении, в самокритичном, взвешенном, дальновидном подходе, в самом движении на встречу с внутренним миром другого уже есть большая ценность, значение которой сложно переоценить.

К. Х. Момджян резко противопоставляет понятия жизненной правды и истины на том основании, что правда, будучи ценностным ориентиром, не имеет отношение к познанию. Иллюстрируя свой аргумент, он отмечает, что предпочтение аскетического или гедонистического образа жизни нельзя рассматривать как гносеологически ложное или истинное [20,

¹ В силу распространенности нападок на понятие объективной истины следует пояснить, что речь идет не о независимости от сознания вообще, а о независимости от сознания исследователя.

с. 118]. С этим можно было бы согласиться, если бы не то обстоятельство, что любая оценка или предпочтение индивида, с одной стороны, осуществляется не неким чистым сознанием, а через призму сложившегося у него мировоззрения, которое адекватно реалиям в большей или меньшей мере, а с другой – склоняет к выбору определенного поведения. Таким образом, в данном случае выбор пути аскета или гедониста исходит из определенного понимания мира, которое склоняет индивида к соответствующим выводам, к тому же обычно строящимся на ожиданиях определенного желаемого результата. При этом очевидно, что различный выбор создает разные риски негативных последствий и в разной мере способствует достижению целей, собственному или общественному благополучию. Более того, в конечном счете мы все взаимозависимы, условия жизни в обществе создаются нашими совместными усилиями. С этих позиций жизненная правда с некоторым успехом может быть исследована на предмет того, насколько она способствует созданию благоприятных условий для жизни личности или всего общества.

Общественную мораль можно рассматривать как жизненную правду, общую для принимающих ее людей, хотя и всегда выраженную в сознании каждого индивидуальным образом. Как и любая жизненная правда, она в лучшем случае отражает только часть истины, относительную истину, а потому будет полезной только в определенных условиях. Точно так же, как в основе жизненной правды лежит своеобразная логика мышления, отражающая те закономерности и взаимосвязи действительности, с которыми индивид чаще всего имел дело лично в своем опыте, либо о которых получил знания, так и мораль обычно отражает общественный опыт и те знания, которые для выживания и устойчивого развития общества считаются в нем наиболее ценными. И то и другое дает людям жизненные ориентиры, которые указывают лишь магистральные направления в мышлении и поведении, однако не способны учесть все взаимосвязи, определяющие особенности развития ситуации, а потому необходимые для принятия правильных решений. Индивид или та или иная социальная группа в своих решениях и поведении встают в определенное отношение к реализующимся на тот момент взаимосвязям и законам, что в зависимости от их устойчивости и глубины определяет кратко-, средне- и долгосрочные последствия.

Итак, на наш взгляд, в основе большинства систем нравственности лежит определенная логика мышления, которая стремится учесть наиболее важные взаимосвязи для гармонизации отношений в обществе. Наши прошлые работы, опирающиеся на концепцию конкретно-всеобщего [12; 22, с. 66–92], показали возможность исследования такой логики нравственности. Конкретно-всеобщее, представляя собой всеобщие стороны и взаимосвязи, наполненные в действительности особым и единичным содержанием, содержит в себе все будущие уникальные проявления «в зачатке, в тенденции» [22, с. 70]. Были изучены механизмы конкретно-всеобщего, которые лежат в основе смысла жизни, свободы и ответственности, эгоизма и альтруизма. Также была показана возможность моделирования различных ситуаций, переживание которых наполняет эти категории для индивида уникальными смыслами. Безусловно, перипетии реальных жизненных ситуаций, особенно в их отношении к внутреннему миру личности, сложно охватить воображением исследователя, тем не менее сама возможность продвигаться в данном направлении исследования, начиная от наиболее типичных из этих ситуаций и двигаясь в сторону все более уникальных, неоценима, поскольку позволяет прогнозировать их развитие при заданных условиях, а значит, и совершенствовать с учетом этого механизмы нравственности.

Таким образом, в отличие от истины, которая хотя и в своей конкретности неисчерпаема для исследований, тем не менее дает возможность использовать ее как гносеологический ориентир, жизненная правда у различных индивидов и социальных групп может быть различной, и в ней нет оснований для универсальности. А непоколебимая убежденность в своей правоте порой делает ярых приверженцев различных правд непримиримыми противниками. Большинство самых чудовищных и беспощадных войн было столкновением именно жизненных правд, каждая из которых была подкреплена пониманием важности своих идеалов или даже фанатичной преданностью им. Это давало основания «биться» за свои представления о должном до конца, не щадя ни себя, ни других. Высокая цель впереди оправдывала средства достижения потребного будущего.

Описываемое С. Хантингтоном «столкновение цивилизаций» – это прежде всего столкновение различных ценностных ориентиров, под углом зрения которых одни и те же элементы действительности играют разную роль, создавая условия для различной оценки одной и той же ситуации. Каждая такая цивилизация имеет свои нравственные ориентиры, в отноше-

нии которых правду будут нести только определенные результаты оценки происходящего. Мы видели, как расколола мир, например, история с опубликованием карикатур на пророка Мухаммеда французским журналом карикатур Charlie Hebdo. Несмотря на след в этой истории запрещенной в России радикальной организации ИГИЛ, это не мешает говорить о том, что в этой ситуации столкнулись системы ценностей западной и исламской цивилизаций, в одной из которых приоритет отдается ценности свободы, в том числе свободы слова, печати, а в другой – свобода имеет гораздо меньшее значение, чем ответственность [29]. Такого рода столкновения ценностных ориентиров ограничивают возможности для взаимопонимания и нахождения компромиссов, особенно в условиях, когда та или иная цивилизация пытается представить свою правду как единственно верную истину и навязать ее другим народам.

Так, несмотря на серьезную критику работ С. Хантингтона и изобилующие в них ошибки, неточности и упрощения, тем не менее он верно подметил некоторые современные тенденции развития человечества. С. Хантингтон дальновидно предостерегал о том, что попытки Запада «переделать другие цивилизации по своему образу и подобию» приведут к обратному эффекту, выразившемуся, например, в росте исламского радикализма [5; 13]. Верным оказался и его прогноз о том, что Украина, по которой происходит разлом между западной и православной цивилизациями, станет важным эпицентром напряжения между ними, что приведет либо к межгосударственному вооруженному конфликту, либо к расколу Украины «по линии разлома на две части». Более того, точно подмечено, что это приведет к обострению противостояния Запада и России вплоть до уровня холодной войны [14].

В этой связи нельзя не вспомнить о понятии исторической правды, которое не сводится к простому соответствию оценок и интерпретаций документально подтвержденным фактам [6, с. 18–19]. Для разных стран и народов эта историческая правда будет отличаться, ведь те или иные ее события будут иметь для них различную важность, а значит, и нести разный смысл. Сложно понять историческую правду народов, например, без учета значения Косова поля для сербов, Палестины для мусульман и евреев, Крыма для России и так далее. В современных реалиях не всем просто понять историческую правду о победе русского народа над фашизмом и связанными с этим событиями, ведь значительная часть населения некоторых народов воевала на стороне Гитлера в надежде на независимость, идейно отвергая тоталитарный режим СССР.

С другой стороны, исторические факты – это часть какого-либо исторического процесса, реконструировать целостность которого весьма трудная, если вообще достижимая задача [10]. При подборке фактов и источников для обобщений всегда существует соблазн считать более достоверными и значимыми те, которые наиболее вписываются в позицию исследователя, а к тем, что не вписываются, отнестись с сомнением. Выявление всех взаимосвязей, определяющих развитие исторической ситуации во всех ее нюансах, даже при анализе недавних событий оказывается невозможным. В то же время при изучении этих взаимосвязей и беспристрастный исследователь может неверно расставить акценты, принять второстепенные факторы за ключевые, что уж говорить о заинтересованной стороне. Например, говоря о событиях в Крыму 2014 г., можно исходить из права народов на самоопределение, которое ранее было реализовано в случае с Косово, а можно не доверять результатам референдума, проведенного в таких условиях, и делать акцент на нерушимости границ. Выбор точки отсчета событий также может кардинально изменить картину произошедшего, поскольку отсекает предшествующие им причинно-следственные связи. Это наиболее явно выразилось в интерпретациях всех звеньев в цепочке событий, связанной с началом СВО на Украине. Так, понимание исторической правды у разных народов может быть не только различным, но и противоположным в силу самих трудностей, возникающих при интерпретации событий.

Позиция, согласно которой жизненная правда, в отличие от объективной истины, толерантна к чужим мнениям и культурам, не учитывает многие склонности человеческого мышления. Отрицание объективной истины не искореняет убежденность людей в своей правоте, а скорее лишь используется как оправдание своей предвзятости. В то же время не все видят в конфликте различных жизненных правд проблемы из-за наличия общезначимых моментов [24, с. 113]. Действительно, до тех пор, пока противоречия между интересами людей не столь остры, толерантность и стремление к солидарности справляются с ролью эффективных инструментов для снижения вероятности конфликтов. В противном случае сами по себе они остаются лишь красивыми словами в теоретических построениях, поскольку в условиях господства субъективизма и релятивизма индивид не имеет достаточных стимулов к самокритичному подходу и

развитию дисциплины сознания, столь необходимых для осознания собственных недостатков, заблуждений и работы над ними. Тогда в первую очередь задействуются простейшие механизмы интеллектуальной деятельности, связанные с некритичной верой в, казалось бы, очевидное, со склонностью выдавать желаемое за действительное, с неоправданным упрощением, домыслами и так далее. В таком случае возможностей для того, чтобы беспристрастно разобраться в ситуации с целью нахождения необходимого компромисса, гораздо меньше, и жесткое столкновение жизненных правд становится закономерным результатом.

В исследованиях жизненной правды обычно делают акцент на ее зависимость лишь от ценностных ориентиров, однако, как мы уже показали, на нее влияют и другие факторы. На наш взгляд, необходимо исходить из самой ситуации, в которой находится индивид или социальная группа. В простейшем случае это ситуация финансовой выгоды, описанная еще софистами: «Болезнь есть зло для больных, для врачей же благо». С выгодой также связаны пресловутые двойные стандарты, когда в ситуациях, в которых речь идет о государствах-союзниках и государствах-противниках, своих и чужих интересах, экономических агентах, близких и чужих людях и так далее, оценка разными сторонами оказывается разной. И дело не только в заведомом пренебрежении чужими интересами, но и в том, что сама демаркация своего/чужого накладывает свой отпечаток на особенности аналитического процесса и оценку.

О такой же ситуации, когда в противоположных позициях обеих сторон есть своя правда, можно говорить в случае войны Азербайджана и Армении за Нагорный Карабах в 2020 г. Азербайджан, пусть и поддерживаемый Турцией, реализовывал свое законное право на территории, которые были признаны за ним всем международным сообществом, но армяне, памятуя о геноциде начала XX века и притеснениях в конце 1980-х гг., были движимы собственной правдой, связанной с интересами безопасности [19]. Поэтому так важно не останавливаться на своей исторической или жизненной правде, а совершить следующий шаг, пытаясь взглянуть на ситуацию глазами других.

Когда мы говорим о ситуациях, в которых идет речь о жизненной правде, то под ними понимаем не столько объективные обстоятельства, сколько жизненные ситуации такими, какими они предстают в сознании людей. Поэтому в них особое значение имеет как содержание и состояние внутреннего мира человека, так и содержание и форма подачи информации, которую он получает.

Простейшей иллюстрацией этого может служить оценка необходимости приватизации и других подобного рода решений экономистами, придерживающихся основ рыночной и плановой экономики. В зависимости от особенностей образования и культуры, которые сформировали у специалиста его образ мышления, будет разное понимание ситуации и будут сделаны разные выводы, но при этом заранее однозначно нельзя сказать, что одно более правильное, чем другое, все будет зависеть от конкретного стечения обстоятельств. В кризисные времена обычно лучше себя показывали методы плановой экономики, а в долгосрочной перспективе более эффективными оказывались рыночные механизмы. По-видимому, неслучайно одним из лидеров мирового экономического развития сейчас является Китай, который нашел способ гармоничного сочетания элементов того и другого.

Потоки информации, под влиянием которых мы находимся, в долгосрочном плане формируют наш образ мышления, а в краткосрочном способствуют определенному пониманию текущих событий, а значит, и отношению к ним. В то же время подать информацию можно по-разному, и для этого необязательно намеренно ее исказить. Можно искренне верить в определенные идеалы или авторитеты, придерживаться определенных убеждений, занимать определенную гражданскую позицию, и этого уже будет достаточно, чтобы неосознанно расставлять определенные акценты, придавать информации форму своего видения ситуации. Например, Н. А. Иващенко, говоря о принципах работы СМИ, отмечает: «Беспристрастный подход... еще не гарантирует объективности... особую роль в процессах восприятия и отражения действительности играет апперцепция, обуславливающая их зависимость от прошлого опыта и индивидуальных особенностей человека» [11, с. 340]. Более того, он указывает на то, что авторы при подготовке материалов руководствуются определенными концепциями, ориентируются на различную аудиторию, а сами нормы газетного языка предполагают наличие оценки информации, в разных жанрах разное соотношение экспрессии и стандарта [11]. Как результат, картина ситуации для реципиентов разных источников информации будет вырисовываться различная, интерпретации одних и тех же событий могут быть весьма разнообразны и противоречивы. При этом для них это будет ситуация той жизненной правды, за ко-

торию многие будут готовы бороться и даже умирать. В происходящих сейчас событиях на Украине, если оставить за скобками фронт информационной войны, некоторые оказались именно в такой ситуации.

Феномен постправды как следствие недостатка мудрости. В последнее время активно ведутся дискуссии вокруг такого феномена, как постправда. Под ним обычно понимают «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании мнения, чем обращения к эмоциям и личным убеждениям» [32]. В философии это понятие используют в более широком контексте, обозначая обостряющийся кризис понятия истины. Так, А. Е. Якимов связывает понятие постправды с проблематизацией достоверности не только в политической сфере, но и в повседневности. Он выделяет такие ее характеристики, как: плюрализм, фрагментарность, потребительский характер истины, инструментальность, ситуативность. А. Е. Якимов обосновывает, что главным условием формирования рассматриваемого феномена являются «фоновые ожидания» людей [31].

А. В. Белокобыльский, В. С. Левицкий и А. В. Пилько связывают постправду с тем, что в современном мире оказывается под ударом «идеология универсального разума», стремящаяся создать единую картину мира и мировой истории, обосновать единые общечеловеческие ценности, нормы, права и свободы [20]. В. С. Левицкий видит причину этого кризиса в неудаче Западного проекта по созданию оптимального устройства общества, уходящего своими корнями в философию эпохи Просвещения. Обосновывая это, он констатирует раздробленность человечества «на автономные ценностно-смысловые субмиры», указывает на нескончаемую череду кризисов [15]. А. В. Пилько делает вывод о несостоятельности идеи Ф. Фукуямы о «конце истории» и вместо этого предлагает говорить о конце единой мировой истории [20, с. 107–108].

А. П. Козырев связывает понятие постправды с попытками современной цивилизации, если не снять с себя ответственность, то хотя бы избавиться от чувства вины, защищая образ человека как самого по себе совершенного, гармоничного от самой возможности вменения ему вины за что-либо, благодаря удобному для этого отказу от представлений о существовании объективной истины [23, с. 103–105].

К. Х. Момджян связывает этот кризис со стремлением «маниакально дискредитировать» понятие объективной истины, «не зависящей от ценностных предпочтений субъекта, доказать, что между суждениями истины и нарративами общественного мнения отсутствует принципиальная разница» [20, с. 119]. Он отмечает, что такая реакция на просвещенческую абсолютизацию истины чрезмерна и обосновывает важность понятия объективной истины, пусть и вкладывает в нее в какой-то мере феноменологический смысл. К. Х. Момджян пишет: «Ученый не может сомневаться в существовании объективной истины, не ставя под сомнение саму суть своего занятия» [20, с. 122]. Он также справедливо указывает на то, что призывы постмодернизма отказаться от «мертвящей всеобщности» и переориентировать внимание на единичное и случайное, основаны на «непонимании диалектики общего и единичного, связанных между собой как две стороны одной медали» [20, с. 121].

Действительно, здесь идет речь не о кризисе объективной истины, которая существует независимо от наших представлений и дискуссий о ней, а о кризисе понятия истины, понимаемого как жизненной правды, кризисе попыток выдать субъективную по своей природе правду (а в данном случае, прежде всего, речь идет о правде Западного проекта) за универсальную истину. А потому считаем перевод на русский язык рассматриваемого понятия как постправды вполне уместным. Представления о том, что возможно обойтись без понятия объективной истины даже как гносеологического ориентира и ограничиться такими ориентирами познания, как консенсус, общезначимость, интерсубъективность и тому подобное, закономерно столкнулись с очевидными трудностями. На наш взгляд, именно в этом заключается суть феномена постправды, который лишь обозначает ту ситуацию, когда столь явным образом обнаружилось, что даже широкие массы людей могут быть убеждены в том, что не соответствует действительности; что даже то, что веками считалось важными ценностными ориентирами для большей части прогрессивного человечества, перестало играть консолидирующую роль и, более того, стало способствовать росту напряженности в мире.

Для нас такая ситуация не выглядит удивительной. С одной стороны, О. А. Ефремовым справедливо отмечается, что в той или иной степени такие тенденции были всегда [23, с. 105], ведь они связаны с неискоренимыми склонностями человеческого мышления, самими его механизмами. С другой стороны, все более широкое просвещение общества, рост качества образования должны были бы приводить если не к устранению этих тенденций, то к их

неуклонному ослаблению. Может быть, именно поэтому, когда данное несоответствие ожидаемому стало столь очевидным, – это вызвало такой общественный резонанс. Однако усиление этих тенденций выглядит закономерным, если учесть тот факт, что в последние десятилетия культура общества и содержание образования, особенно в западных странах, стали кардинально меняться в сторону поощрения многообразия жизненных правд индивидов, какими бы они ни были, без понимания того, что свобода и индивидуальность являются важными ценностями не самими по себе, а в тесной связи с другими общечеловеческими ценностями. Без развития чувств ответственности, справедливости, любознательности, стремления к нравственному совершенствованию в целом свобода и индивидуальность теряют свое конструктивное содержание, способствуя произволу и распушенности.

Отрицание существования объективной истины снижает стимулы к серьезному, вдумчивому подходу при анализе событий, способствует тому, чтобы некритично принимать все то, что кажется убедительным, достоверным, что психологически комфортно. В этих условиях общественный консенсус будет на стороне удобной правды, на стороне красивых и понятных слоганов, благих, но оторванных от реалий лозунгов и обещаний, при этом вся сложность ситуаций будет не понята и не учтена. А это удобное поле для манипуляций общественным сознанием, в котором будет побеждать та информация, форма подачи которой наиболее продумана в целях завладения умами и сердцами людей.

В этом свете выглядят закономерными не только ситуация с кризисом солидарности, но и все те негативные тенденции в современном обществе, которые получили выражение в собирательном образе «общества потребления». В условиях отсутствия серьезных стимулов для познания и самосовершенствования жизненным приоритетом все чаще становится лишь потребление. Ярким примером этого служит кризис мирового государственного долга, который в том числе связан с тем, что к власти гораздо чаще начали приходить политики популистского толка, руководствующиеся вовсе не дальновидным анализом, а сиюминутной выгодой в политической борьбе. В результате рост уровня жизни во многих странах обеспечивался за счет будущего, необоснованно и чрезмерно раздувались дефициты бюджетов, которые покрывались увеличением государственного долга и денежной эмиссией, что в конечном счете привело, с одной стороны, к рекордной за 40 лет инфляции (в некоторых странах, например, в США, еще до событий на Украине), а с другой – к невозможности с ней полноценно бороться из-за серьезных угроз для макроэкономической стабильности при ужесточении монетарной политики [1; 4; 8].

Таким образом, можно констатировать, что кризис современной цивилизации во многом является результатом удовлетворенности собственной жизненной правдой и отсутствия заложенных в культуре общества серьезных стимулов к расширению и углублению своих представлений о мире, к продвижению от многоликости правды к единой, но неисчерпаемой истине, даже если направления движения к которой могут быть многообразны.

Если эпоху модерна, несмотря на некоторые исключения, можно охарактеризовать как стремление к рациональности, к познанию объективного мира и его преобразованию в соответствии с результатами познания, то эпоху постмодерна можно охарактеризовать как разочарование в итогах этого, в известном смысле как восстание чувств против разума, мироощущений против рациональности, против претензии на возможность обладания абсолютно истинным знанием, и тем самым как создающую простор для утверждения жизненной правды каждого, но вместе с тем обостряющую противоречия между ними, что проявляется в столкновении культур, различных представлений о должном социальных групп и индивидов. Тогда будущая эпоха, которая, возможно, уже зарождается на наших глазах перед лицом накапливающихся и обостряющихся мировых проблем и осознанием беспомощности попыток разрешения этих проблем в рамках парадигмы постмодернизма должна стать эпохой реабилитации понятия мудрости, способного сыграть роль как в наведении мостов между претензиями каждого на свою жизненную правду, так и в создании инструментов для консолидации мирового сообщества на основе стремления к объективной истине. На промежуточном этапе перехода к культуре нового типа концепция метамодернизма [3], будучи достаточно гибкой, стремящейся нащупать новый баланс, на наш взгляд, может выступать удобной платформой для дискуссий с целью анализа происходящих тектонических сдвигов современности для преодоления недостатков как постмодерна, так и модерна, и формулирования четких целей и задач нового пути развития.

Заключение. Итак, можно допустить, что даже научная картина мира никогда не будет точно отражать всей сложности объективной действительности в силу ограничений, заложенных в языковых структурах, механизмах высшей нервной деятельности и средствах познания, но нельзя не признать важность для жизнедеятельности человечества накопленных им результатов познания, независимо от того, насколько они далеки от совершенства. Известно, что даже знание о незнании уже является важным шагом вперед на пути познания. Было бы неправильным, совершив первый шаг, констатируя трудности познания и необходимость расширения круга возможностей для утверждения жизненных правд каждого, на этом остановиться, не совершая дальнейшего шага, нацеленного на преодоление этих трудностей, расширяя, уточняя и углубляя результаты познания, пробиваясь, насколько это возможно, к объективной истине. При этом очевидна ценность уже самого этого стремления, независимо от трудностей, встающих на этом пути. Важно ставить самые амбициозные задачи, не разрушать, а создавать стимулы для познания объективного мира, ведь «дорогу осилит только идущий».

Если сама по себе абсолютная истина лишь идеал познания, а диалектика абсолютной и относительной истины служит как гносеологический ориентир, то для решения проблем современного общества, помимо научных методов, должны быть простые и удобные инструменты познания массового применения, которые будут способствовать продвижению к этому идеалу. В этом свете считаем актуальным возвращение к незаслуженно подзабытому понятию мудрости, которое требует реабилитации и переосмысления в контексте обостряющихся в современности проблем. В последнее время это понятие оказалось зажато в тисках между, с одной стороны, нападками на него со стороны сциентизма, который не находил ему должного места, полагая, что оно уже устарело и его целиком восполняет понятие научности, а с другой – со стороны постмодернизма, который серьезно дискредитировал это понятие как одно из проявлений власти, подлежащее искоренению. Однако, на наш взгляд, именно понятие мудрости может сыграть важную роль выхода из той историко-культурной ситуации недостатка рациональности в поведении, которая сложилась в современности. Мудрость в данном случае можно рассматривать как инструмент, который через систему образования и культуру будет стимулировать людей к формированию установок сознания на самокритичный, взвешенный подход к анализу ситуации, тонкость и гибкость в мышлении, на избегание в нем крайностей, расширение взгляда на эту ситуацию, дальновидность, поиск баланса интересов и тому подобное. Но вряд ли он был бы эффективен без признания существования объективной истины.

Таким образом, можно сделать вывод, что жизненная правда – это представление о том, что является истинным и должным, то или иное понимание ситуации и связанное с ним отношение к ней, обусловленное содержанием и состоянием внутреннего мира индивида, в частности, зависящее от затрагиваемых ситуацией потребностей и интересов; ожиданий развития ситуации; точности, глубины и полноты полученной информации; уровня интеллектуальных способностей и компетентности. Поскольку данное отношение может быть наполнено эмоциями убежденности в своей правоте или переживаниями важности ситуации, понятие о нем должно рассматриваться в диалектической связи с понятием объективной истины, в ином случае это не только способствует разрушению стимулов к познанию объективного мира и нравственному самосовершенствованию, но и приводит к жесткому столкновению различных жизненных правд индивидов, социальных групп и целых народов, к обострению проблем, связанных с взаимопониманием и необходимостью нахождения компромиссов. В этом свете понятие мудрости, переосмысленное в контексте обрушившихся на современное общество проблем, может сыграть важную роль. Это может произойти в том случае, если использовать его как инструмент, ненавязчиво стимулирующий людей к формированию тех установок сознания, которые бы способствовали расширению и углублению их представлений на возникающие ситуации и мир в целом, что приводило бы не только к уважительному отношению к позиции других, но и к продвижению от многоликой правды к единой, но неисчерпаемой истине.

Список литературы

1. Андрианов В. Д. Глобальный долг: размер, динамика роста, структура и риски для мировой финансовой стабильности // Белорусский экономический журнал. 2021. № 1. С. 101–117. DOI: 10.46782/1818-4510-2021-1-101-117.
2. Белокобыльский А. В. Кризис идеологии универсального разума как вызов социальной структуре модерна // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 124–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133.

3. *Берукашвили Л. Г.* Все о метамодернизме. М. : РУСАЙНС, 2018. 74 с.
4. *Балюк И. А.* Мировой внешний долг: структура, тенденции, перспективы // Общество и экономика. 2020. № 5. С. 76–93. DOI: 10.31857/S020736760009733-5.
5. *Брусиловский Д. А., Есипов И. И.* Стратегия мира: глобальная интеграция между исламофобией и «столкновением цивилизаций» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 6 (51). С. 889–900.
6. *Бусыгин А. Е.* Об исторической правде и художественном вымысле в современном культурно-историческом просвещении // Социология власти. 2010. № 3. С. 18–25.
7. *Демченко О. Н., Дрон А. Е.* Диалектика абсолютной и относительной истины в познании // Культура. Наука. Производство. 2018. № 2. С. 79–82.
8. *Додонов В. Ю.* Исчерпание возможностей стимулирования как основной вызов развития мировой экономики // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 1 (27). С. 25–50.
9. *Ерахтин А. В.* Истина в философии и научном познании // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6. Ч. 1. С. 133–135. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-133-136.
10. *Ефремов В. Я.* Синергетика и познание исторической правды (некоторые заметки в осмыслении проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2014. Т. 8. № 4–1. С. 62–70.
11. *Иващенко Н. А.* Проблема корректности использования термина «объективность» для характеристики публикаций СМИ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 3–2. С. 340–344.
12. *Ильенков Э. В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории. Изд. 2-е. М. : Политиздат, 1984. 320 с.
13. *Кутырёв В. А.* Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма // Век глобализации. 2009. № 2. С. 92–102.
14. *Карнаух Е. И.* Интеграция Крыма и Донбасса с Российской Федерацией в контексте полицивилизационной парадигмы Хантингтона // Постсоветский материк. 2022. № 1 (33). С. 13–22. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_1_13.
15. *Левицкий В. С.* Философская экспертиза πολιτικής в эпоху постправды // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2021. № 1. С. 19–23. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23.
16. *Лимонченко В. В.* Очевидности умозрительной истины и жизненной правды // Поиск истины в пространстве современной культуры : сб. научных статей. СПб. : СПбГУ, 2017. С. 27–42.
17. *Лоскутов Ю. В.* Субстанция морали // Новые идеи в философии. 2019. Вып. 6 (27). С. 93–106.
18. *Максимов Л. В.* О некоторых стереотипах теоретической этики // Этическая мысль. 2016. Т. 16. № 2. С. 20–33. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
19. *Милитонян А. С.* Генезис и начальная фаза конфликта в Нагорном Карабахе // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 9 (49). С. 1944–1951.
20. *Момджян К. Х.* Об истине и правде // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
21. *Нийнлуото И.* Истина. Абсолютная или относительная? / пер. с англ. Е. Н. Лисанюк, А. А. Савченко // Вестник СПбГУ. 2013. Серия 17. Вып. 4. С. 16–27.
22. *Орлов В. В.* История человеческого интеллекта : в 3 ч. Ч. 3. Современный интеллект. Пермь : Изд-во Пермского гос. ун-та, 1999. 184 с.
23. Основные тезисы круглого стола «Разум vs постправда: онтология, аксиология, геополитика» / Миронов В. В., Момджян К. Х., Белокобыльский А. В., Козырев А. П., Ефремов О. А., Братерский М. В., Пилько А. В. // Философские науки. 2019. Т. 62. № 3. С. 101–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
24. *Пивоваров Д. В.* Истина и правда: познание отчуждающее и осваивающее // Русская философия о человекотворческой основе гуманитарного образования : мат-лы 9-й Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург : РГППУ, 2012. С. 104–121.
25. *Смирнова Е. Е.* Смысловое наполнение концептов правда и истина в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород : ННГУ, 2016. 272 с.
26. *Сохань И. В.* Истина и правда повседневного // Проблема истины в философии и науке : сб. Всероссийского семинара молодых ученых им. П. В. Копнина. Серия: Философская. Томск : Томский государственный университет, 2008. С. 132–134.
27. *Тазиев Р. М.* Истина и правда // Будущее науки 2020 : сб. научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции : в 5 т. Т. 2. Курск : ЮЗГУ, 2020. С. 167–169.
28. *Тузовский И. Д.* Постправда как синдром Цифровой эпохи: предельное понимание феномена и сценарии будущего // Философская мысль. 2020. № 12. С. 42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257.
29. *Цынарёва Н. А.* «Столкновение цивилизаций»: эффект Charlie Hebdo // Актуальные проблемы медиаисследований : сб. материалов конференции. М. : МГУ, 2020. С. 195–196.

30. Черных С. Н. Справедливость как объективизация категорий «истина», «благо» и «правда» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 11–19.

31. Якимов А. Е. Постправда и повседневность. К проблеме определения понятия «постправда» // Философия и культура. 2020. № 9. С. 1–8. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33801 (дата обращения: 10.07.2022). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801.

32. Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения: 22.02.2023).

Dialectics of truth, verity and wisdom

V. V. Koromyslov

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy,
Perm State Agrarian and Technological University n. a. D. N. Pryanishnikov.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0001-6115-3631. E-mail: vvk79@mail.ru

Abstract. The article is aimed at rethinking the concept of truth in its relation to the concepts of truth and wisdom. The need for this research is dictated by the aggravation of the contradictions of modern society associated with the lack of incentives for the knowledge of objective truth and wisdom in approaches to conflict resolution. It is proved that it is advisable to consider the concept of truth in dialectical connection with the concept of objective truth, otherwise it not only contributes to the destruction of incentives to cognition of the objective world and moral self-improvement, but also leads to a fierce clash of various life truths of individuals and social groups, to aggravation of problems related to mutual understanding and the need to find compromises. Therefore, dialectics was chosen as the research method, and the Hegelian triad "thesis – antithesis – synthesis" was used as the basis for the construction of the article. According to the results of the conducted research, the vital truth is defined as the idea of the true and proper, this or that understanding of the situation and the related attitude to it, due to the content and state of the individual's inner world. The dependence of the truth of life on the needs and interests affected by the situation; expectations of the development of the situation; accuracy, depth and completeness of the information received; the level of intellectual abilities and competence is shown. It is proposed to rethink the concept of wisdom, which can be used to solve the problems of modern society as a tool that unobtrusively stimulates people to form those attitudes of consciousness that would contribute to the expansion and deepening of their views on emerging situations and the world as a whole, which would lead not only to respect for the position of others, but also to progress from a multi-faceted truth to a single, but inexhaustible truth, even if the directions of movement towards which will be diverse.

Keywords: truth, verity, wisdom, post-truth, metamodern, metamodernism, spiritual crisis, consumer society, conflicts, clash of civilizations.

References

1. Andrianov V. D. *Global'nyj dolg: razmer, dinamika rosta, struktura i riski dlya mirovoj finansovoj stabil'nosti* [Global debt: size, growth dynamics, structure and risks for global financial stability] // *Belorusskij ekonomicheskij zhurnal* – Belarusian Economic Journal. 2021. No. 1. Pp. 101–117. DOI: 10.46782/1818-4510-2021-1-101-117.

2. Belokobyl'skij A. B. *Krizis ideologii universal'nogo razuma kak vyzov social'noj struktury moderna* [The crisis of the ideology of universal reason as a challenge to the social structure of modernity] // *Filosofskie nauki* – Philosophical Sciences. 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 124–133. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-124-133.

3. Berukashvili L. G. *Vse o metamodernizme* [All about metamodernism]. M. RUSAINS. 2018. 74 p.

4. Balyuk I. A. *Mirovoj vneshnij dolg: struktura, tendencii, perspektivy* [World external debt: structure, trends, prospects] // *Obshchestvo i ekonomika* – Society and economy. 2020. No. 5. Pp. 76–93. DOI: 10.31857/S02073676909733-5.

5. Brusilovskij D. A., Esipov I. I. *Strategiya mira: global'naya integraciya mezhdru islamofobiej i "stolknoveniem civilizacij"* [Peace strategy: global integration between Islamophobia and the "clash of civilizations"] // *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij* – Issues of national and Federal relations. 2019. Vol. 9. No. 6 (51). Pp. 889–900.

6. Busygin A. E. *Ob istoricheskoy pravde i hudozhestvennom vymysle v sovremennom kul'turno-istoricheskom prosveshchenii* [On historical truth and artistic fiction in modern cultural and historical enlightenment] // *Sociologiya vlasti* – Sociology of Power. 2010. No. 3. Pp. 18–25.

7. Demchenko O. N., Dron A. E. *Dialektika absoljutnoj i otnositel'noj istiny v poznanii* [Dialectics of absolute and relative truth in cognition] // *Kul'tura. Nauka. Proizvodstvo* – Culture. The science. Production. 2018. No. 2. Pp. 79–82.

8. Dodonov V. Yu. *Ischerpanie vozmozhnostej stimulirovaniya kak osnovnoj vyzov razvitiya mirovoj ekonomiki* [Exhaustion of incentive opportunities as the main challenge to the development of the world economy] // *Vestnik Diplomatichej akademii MID Rossii. Rossiya i mir – Herald of Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the world.* 2021. No. 1 (27). Pp. 25–50.
9. Erahtin A. V. *Istina v filosofii i nauchnom poznanii* [Truth in philosophy and scientific cognition] // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and socio-educational thought.* 2016. Vol. 8. No. 6. Part 1. Pp. 133–135. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-133-136.
10. Efremov V. Ya. *Sinergetika i poznanie istoricheskoy pravdy (nekotorye zametki v osmyslenii problemy)* [Synergetics and cognition of historical truth (some notes in understanding the problem)] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk – Actual problems of humanities and socio-economic sciences.* 2014. Vol. 8. No. 4–1. Pp. 62–70.
11. Ivashchenko N. A. *Problema korrektnosti ispol'zovaniya termina "ob'ektivnost'" dlya harakteristiki publikacij SMI* [The problem of the correctness of using the term "objectivity" to characterize media publications] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika – Herald of St. Petersburg University. Series 9: Philology. Oriental studies. Journalism.* 2007. No. 3–2. Pp. 340–344.
12. Il'enkov E. V. *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii. Izd. 2-e* [Dialectical logic: essays on history and theory. Ed. 2d]. M. Politizdat. 1984. 320 p.
13. Kutryyov V. A. *Stolknovenie kul'tur s civilizaciej kak prichina i pochva mezhdunarodnogo terrorizma* [The clash of cultures with civilization as the cause and ground of international terrorism] // *Vek globalizacii – The age of globalization.* 2009. No. 2. Pp. 92–102.
14. Karnauh E. I. *Integraciya Kryma i Donbassa s Rossijskoj Federaciej v kontekste policivilizacionnoj paradigmy Hantingtona* [Integration of Crimea and Donbass with the Russian Federation in the context of Huntington's policivilizational paradigm] // *Postsovetskij materik – The post-Soviet continent.* 2022. No. 1 (33). Pp. 13–22. DOI: 10.48137/2311-6412_2022_1_13.
15. Levickij V. S. *Filosofskaya ekspertiza politiki v epohu postpravdy* [Philosophical examination of politics in the era of post-truth] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika – News of Saratov University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy.* 2021. No. 1. Pp. 19–23. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-1-19-23.
16. Limonchenko V. V. *Ochevidnosti umozritel'noj istiny i zhiznennoj pravdy* [Evidences of speculative truth and vital truth] // *Poisk istiny v prostranstve sovremennoj kul'tury : sb. nauchnyh statej – Search for truth in the space of modern culture : collection of scientific articles.* SPb. SPSEU. 2017. Pp. 27–42.
17. Loskutov Yu. V. *Substanciya morali* [The substance of morality] // *Novye idei v filosofii – New ideas in philosophy.* 2019. Is. 6 (27). Pp. 93–106.
18. Maksimov L. V. *O nekotoryh stereotipah teoreticheskoy etiki* [On some stereotypes of theoretical ethics] // *Eticheskaya mysl' – Ethical thought.* 2016. Vol. 16. No. 2. Pp. 20–33. DOI: 10.21146/2074-4870-2016-16-2-20-33.
19. Militonyan A. S. *Genesis i nachal'naya faza konflikta v Nagornom Karabahe* [Genesis and the initial phase of the conflict in Nagorno-Karabakh] // *Voprosy politologii – Questions of Political Science.* 2019. Vol. 9. No. 9 (49). Pp. 1944–1951.
20. Momdzhyan K. H. *Ob istine i pravde* [On truth and truth] // *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences.* 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 110–123. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
21. Nijniluoto I. *Istina. Absolyutnaya ili otnositel'naya?* [Truth. Absolute or relative?] / transl. from English by E. N. Lisanyuk, A. A. Savchenko // *Vestnik SPbGU – Herald of St. Petersburg State University.* 2013. Series 17. Is. 4. Pp. 16–27.
22. Orlov V. V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta : v 3 ch. Ch. 3. Sovremennyy intellekt* [History of human intelligence : in 3 parts. Part 3. Modern intelligence]. Perm. Publishing House of Perm State University. 1999. 184 p.
23. *Osnovnye tezisy kruglogo stola "Razum vs postpravda: ontologiya, aksiologiya, geopolitika"* [The main theses of the round table "Reason vs post-truth: ontology, axiology, geopolitics"] / Mironov V. V., Momdzhyan K. H., Belokobyl'skij A. V., Kozyrev A. P., Efremov O. A., Braterskij M. V., Pil'ko A. V. // *Filosofskie nauki – Philosophical Sciences.* 2019. Vol. 62. No. 3. Pp. 101–109. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-3-110-123.
24. Pivovarov D. V. *Istina i pravda: poznanie otchuzhdayushchee i osvayayushchee* [Truth and truth: alienating and mastering cognition] // *Russkaya filosofiya o chelovekotvorcheskoj osnove gumanitarnogo obrazovaniya : mat-ly 9-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii – Russian philosophy on the human-making basis of humanitarian education : materials of the 9th All-Russian Scientific and Practical Conference.* Russian Academy of Sciences. 2012. Pp. 104–121.
25. Smirnova E. E. *Smyslovoe napolnenie konceptov pravda i istina v russkom yazykovom soznanii i ih yazykovaya ob'ektivaciya v sovremennoj russkoj rechi : dis. ... kand. filol. nauk* [Semantic content of the concepts of truth and truth in the Russian language consciousness and their linguistic objectification in modern Russian speech : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Nizhny Novgorod. UNN. 2016. 272 p.
26. Sohan' I. V. *Istina i pravda povsednevnogo* [The truth and the truth of everyday life] // *roblema istiny v filosofii i nauke : sb. Vserossijskogo seminaru molodyh uchenyh im. P. V. Kopnina. Seriya: Filosofskaya – The problem of truth in philosophy and science : collection of the All-Russian seminar of Young scientists n. a. P. V. Kopnin. Series: Philosophical.* Tomsk. Tomsk State University. 2008. Pp. 132–134.

27. Taziev R. M. *Istina i pravda* [Truth and truth] // *Budushchee nauki 2020 : sb. nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii : v 5 t. T. 2* – The Future of science 2020 : collection of scientific articles of the 8th International Youth Scientific Conference : in 5 vols. Vol. 2. Kursk. South State University. 2020. Pp. 167–169.

28. Tuzovskij I. D. *Postpravda kak sindrom Cifrovoj epohi: predel'noe ponimanie fenomena i scenarii budushchego* [Post-truth as a Digital syndrome epochs: the ultimate understanding of the phenomenon and scenarios of the future] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical Thought. 2020. No. 12. Pp. 42–60. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.12.34257.

29. Synaryova N. A. *'Stolknovenie civilizacij': effekt Charlie Hebdo* ["Clash of civilizations": the Charlie Hebdo effect] // *Aktual'nye problemy mediaissledovaniy : sb. materialov konferencii* – Actual problems of media research : collection of conference materials. M. MSU. 2020. Pp. 195–196.

30. Chernyh S. N. *Spravedlivost' kak ob'ektivizaciya kategorij "istina", "blago" i "pravda"* [Justice as objectification of the categories "truth", "good" and "truth"] // *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya* – Herald of Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies. 2009. No. 1. Pp. 11–19.

31. Yakimov A. E. *Postpravda i povsednevnost'. K probleme opredeleniya ponyatiya "postpravda"* [Post-truth and everyday life. On the problem of defining the concept of "post-truth"] // *Filosofiya i kul'tura* – Philosophy and Culture. 2020. No. 9. Pp. 1–8. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33801 (date accessed: 10.07.2022). DOI: 10.7256/2454-0757.2020.9.33801.

32. Oxford Dictionaries. Available at: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (date accessed: 22.02.2023).

УДК 316.344.32+378.4

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.051

«Третья миссия» университетов в условиях вызовов санкционной политики

С. Э. Сорокин

доктор философских наук, доцент, проректор по социальным вопросам и воспитательной работе,
профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии,
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова.
Россия, г. Архангельск. ORCID: 0000-0003-4604-0676. E-mail: s.sorokin218@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено вопросу функционирования российских университетов в условиях вызовов, вызванных введением санкций со стороны ряда западных государств, а также поиску путей их преодоления.

В качестве методологической основы берется теория «третьей миссии» университетов, под которой подразумевается деятельное участие университетов в жизни общества путем предоставления своих ресурсов и возможностей общественным институтам.

Анализируются ключевые вызовы, стоящие перед отечественной системой высшего образования, возникшие вследствие санкционной политики, и выделяются направления трансформации деятельности университетов для выполнения задач по обеспечению технологического, научно-образовательного суверенитета, а также формирования мировоззрения студенческой молодежи.

Автор видит выполнение этих задач через призму реализации «третьей миссии» университетов в процессе их активного взаимодействия с органами региональной власти, предприятиями, организациями и местным сообществом.

В ходе исследования рассматриваются меры, которые были приняты органами государственной власти непосредственно после введения санкций, анализируется их эффективность и выделяются дальнейшие направления работы: необходимость создания новой системы оценки научной деятельности; фокусирование тематик научных исследований на решение задач по удовлетворению потребностей экономики и запросов конкретных отраслей; мероприятия по подготовке высококвалифицированных кадров; совершенствование воспитательной работы в образовательных организациях.

Делается вывод о том, что вызовы санкционной политики несут в себе, в том числе, возможности по повышению эффективности работы образовательных организаций высшего образования, усилению интеграции между ними и реальным сектором экономики, включение их в решение социально-экономических проблем государства и российских регионов.

Ключевые слова: университет, «третья миссия», регион, образование, санкции.

Введение. В настоящее время ряд секторов экономики и социальной сферы государства находятся под давлением санкций, введенных некоторыми зарубежными странами, прежде всего, Евросоюза и Соединенными Штатами Америки. Санкции коснулись в том числе отечественной сферы науки и образования, что, с одной стороны, требует определенных действий по редуцированию негативных эффектов, а с другой – открывает возможности для трансформационных изменений и повышения эффективности их функционирования.

Не секрет, что до последнего времени интернационализация отечественного образования и науки являлась одной из перспективных задач, которые ставились соответствующими органами государственной власти.

Под интернационализацией образования понимается «процесс, при котором задачи, цели, функции и организация предоставления образовательных услуг различным целевым группам приобретают международное измерение» [10, с. 152].

Она предполагала, к примеру, активное вхождение университетов в мировые научные рейтинги (The Times Higher Education, QS, Academic Ranking of World Universities), расширение партнерства с зарубежными университетами и научными организациями, размещение научных публикаций в журналах, входящих в зарубежные базы данных рецензируемой научной литературы (Scopus, Web of science), привлечение иностранных преподавателей и ученых к работе в российских образовательных и научных организациях, развитие академической мобильности обучающихся и преподавателей, онлайн-обучения на базе международных платформ и так далее.

При том, что границы интернационализации четко не определялись, было очевидно, что она была в основном ориентирована на «западное» направление. «Восточное» направление также развивалось, но его нельзя было назвать приоритетным.

Современная геополитическая ситуация свидетельствует о том, что «западное» направление международного сотрудничества в ближайшей перспективе окажется закрытым. Это означает, что, с одной стороны, необходимо определять новые векторы международного сотрудничества, а с другой – обеспечивать замещение тех элементов, которые оказались для нас закрытыми вследствие санкционной политики.

Эти направления работы связаны с процессом трансформации деятельности образовательных организаций в текущих условиях. Она будет происходить с одной стороны, по пути усиления взаимодействия между университетами, научными организациями и сферой производства для создания технологической основы модернизации отечественной промышленности, а с другой – путем повышения роли университетов в формировании мировоззрения и ценностных установок студенческой молодежи.

В настоящий момент необходима стратегия формирования научно-образовательного суверенитета, под которым можно понимать формирование независимой политики в сфере науки и образования, направленной на развитие тех сфер общественной жизни, которые являются ключевыми для достижения национальных целей развития страны.

Необходимо отметить, что такие задачи были поставлены руководством страны еще несколько лет назад. Так, важным шагом и знаком поддержки со стороны государства российского научного сообщества стало объявление 2021 г. Годом науки и технологий, во время которого было проведено несколько тысяч мероприятий, направленных на вовлечение молодежи в науку, популяризацию исследовательской работы, инициирован ряд важных инфраструктурных проектов.

Очевидно, что ключевую роль в достижении научно-образовательного суверенитета нашей страны призваны сыграть университеты.

Реализацию этих приоритетных направлений работы можно рассматривать через призму концепции «третьей миссии» университетов, важность которой на сегодня признана как научным и экспертным сообществом, так и органами государственной власти.

Методы. В качестве методологической базы исследования мы использовали социально-философский анализ реализации университетами своей «третьей миссии», в том числе в рамках философии образования, а также педагогические теории в части подходов к воспитательной деятельности.

Теория «третьей миссии» рассматривается в трудах таких зарубежных исследователей, как М. Мархл и А. Паусист, Г. Исковиц и Л. Лейдесдорф, М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Троу и другие. В российской научной литературе вопросам «третьей миссии» уделяли внимание такие авторы, как Т. А. Балмасова, И. В. Головкин, О. В. Зиневич, Е. А., В. А. Нагорнов, В. Я. Нечаев, О. В. Перфильева, К. А. Пунина, Е. А. Рузанкина, Н. А. Медушевский, Е. В. Кудряшова, С. Э. Сорокин и другие.

Определяя «третью миссию» университетов, исследователи говорят о «совокупности специфических услуг, основанных на действиях и возможностях, служащих для блага общества» [17, с. 44], модели «тройной спирали», суть которой состоит в описании процесса взаимодействия органов власти, университета и промышленности [16, с. 5], «включенности университета в решение значимых для общества проблем» [3, с. 8], концепции «второго типа» производства знания, связанного с тем, что наука должна соотносить цели своих проектируемых исследований с социальными параметрами, а также краткосрочными и долгосрочными перспективами развития общества [19, с. 50].

При анализе «третьей миссии» университетов мы использовали два подхода – философско-культурологический (в его рамках университет выполняет задачи по формированию культуры) и социально-экономический (в рамках которого университет выступает как драйвер развития экономики и социальной сферы региона своего местонахождения).

Ключевыми элементами «третьей миссии» выступают трансфер технологий и развитие инноваций (создание технопарков, интеграция в производственные кластеры, R&D), непрерывное образование и обучение в течение всей жизни (переподготовка кадров, повышение квалификации, тренинги), активное участие в социальной жизни (социальные обязательства, взаимодействие с обществом, регионом, НКО) [7, с. 22].

В основе реализации университетами «третьей миссии» лежат предпринимательские, инновационные и социальные факторы, которые связаны с направлениями трансформации моделей функционирования университетов: «предпринимательским» («нахождение взаимовыгодных форматов взаимодействия университетов со сферой производства и бизнесом») [6, с. 12] и инновационным («внедрение научных разработок университетов, консультирование органов власти и правительственных организаций») [18, с. 196].

Важнейшей задачей университетов остается формирование культуры и мировоззрения, распространение знаний в обществе, социализация, формирование человеческого капитала.

Н. Н. Клеменцова обращает внимание на то, что условием интеграции образования в культуру и культуры в образование выступает формирование культурно-образовательного пространства. При этом автор выделяет следующие структурообразующие элементы культурно-образовательного пространства: культуру, образование и самого человека – субъекта культурно-образовательной деятельности [5, с. 35]. В его контексте она считает необходимым ориентацию образования на формирование «человека культуры и образования».

Эти задачи непосредственно связаны с развитием воспитательной составляющей в работе образовательных организаций.

Теоретические подходы к пониманию воспитания и воспитательной деятельности, в частности, в образовательных организациях, достаточно многочисленны. Каждый из исследователей выделяет тот или иной аспект, важный для понимания этого феномена.

Так, А. В. Мудрик считает, что «воспитание – это относительно осмысленное и целенаправленное возвращение человека, более или менее последовательно способствующее адаптации человека в обществе и создающее условия для его обособления в соответствии со спецификой целей групп и организаций, в которых оно осуществляется» [8, с. 5]. М. И. Рожков говорит о важной составляющей социального воспитания – социальной ответственности, которая определяется как «создание условий для реализации мотивации ответственного поведения и саморегуляции поступков на основе осознания их соответствия требованиям, предъявляемым обществом» [13, с. 16]. Х. Й. Лийметс, Л. И. Новикова, В. А. Караковский трактуют воспитание как «управление процессом развития личности через создание благоприятных для этого условий» [14, с. 43]. С. И. Григорьев, Б. Т. Лихачев рассматривают его как создание условий для развития личности [12, с. 118]. О. С. Газман – как процесс психолого-педагогической поддержки развития личности [2, с. 59].

Большинство исследователей рассматривают воспитание в контексте социального развития. Идеалы, принципы и содержание воспитательного процесса детерминируются особенностями конкретного исторического периода, этапа общественного развития, политического и государственного устройства.

Следовательно, изменения, происходящие в общественной жизни, должны соответствующим образом получать свое отражение и в выборе приоритетов, форм и методов воспитательной работы в университетах.

Результаты. Проанализируем основные эффекты, которые санкции оказали на работу отечественной сферы образования и науки, и рассмотрим, каким образом эти эффекты могут быть редуцированы, а также какие новые возможности могут появиться в этой связи.

В первые месяцы после введения санкций российские ученые столкнулись с невозможностью публикаций в ряде зарубежных научных журналов и участия в международных конференциях. Следствием этого стало сокращение присутствия российских ученых в мировом научном пространстве, осложнение процесса обмена научной информацией. Еще одной проблемой для университетов оказалось то, что необходимость публикаций в зарубежных научных журналах была «зашита» практически во все показатели эффективности работы.

В качестве реакции на эту ситуацию Минобрнауки Российской Федерации до конца 2022 г. был введен мораторий на показатели по наличию публикаций, индексируемых в международных базах данных, и участию в международных конференциях при оценке результативности научной работы университетов.

С одной стороны, эту меру можно назвать вынужденной, но с другой стороны, у государственных органов власти, отвечающих за сферу высшего образования, возникает необходимость создания новой системы оценки научной деятельности, в которой, очевидно, публикации в зарубежных журналах и попадание в зарубежные рейтинги уже не будут играть ключевую роль.

Это означает, что усилится значение российских научных изданий, которым, в свою очередь, будет необходимо повышать качество своей работы. На смену международным рей-

тингам университетов, скорее всего, придут российские, к примеру, «Три миссии университетов», разработанный Российским союзом ректоров и МГУ имени М. В. Ломоносова.

Заккрытие совместных международных проектов с западными университетами, безусловно, оказало влияние на работу многих российских ученых: как на тематику научных исследований, так и на возможность доступа к зарубежным научным источникам.

Безусловно, их переориентация на новые направления займет определенное время, при этом какие-то тематики окажутся закрытыми, но появятся новые, которые до этого не были в приоритете.

Непосредственно после введения санкций российские студенты, обучающиеся за рубежом, столкнулись с ситуацией дискриминации и отчисления из иностранных университетов, а также прекращения выдачи грантов и стипендий для обучения российских студентов за границей.

В качестве оперативной ответной меры этим студентам была предоставлена возможность обучения в российских университетах на бесплатной основе, но становится очевидным необходимость переориентирования потоков студентов, желающих обучаться за рубежом, на азиатское, ближневосточное и в определенной степени южноамериканское направление.

Еще одним вызовом является отток иностранных студентов, которые обучались в российских университетах. Многие из этих студентов проходили обучение по грантовым программам, которые прекратили свою работу.

С одной стороны, это оказывает влияние на финансовые показатели работы университетов, с другой – уменьшает возможности реализации политики «мягкой силы» по продвижению интересов Российской Федерации за рубежом через выпускников российских университетов.

Вместе с тем результаты приемной кампании 2022 г. говорят о том, что общее количество иностранных абитуриентов, поступивших в российские университеты, не сократилось. И места, которые занимали студенты из западных стран, оказались замещенными студентами из стран СНГ, Китая, Индии и других.

Еще одним значимым событием, вызванным изменением отношений России со странами Запада, стала декларация «отказа от Болонского процесса». 24 мая 2022 г. Министр науки и высшего образования РФ Валерий Фальков заявил, что «к Болонской системе надо относиться как к прожитому этапу... Будущее за нашей собственной уникальной системой образования, в основе которой должны лежать интересы национальной экономики и максимальное пространство возможностей для каждого студента»¹.

В заявлении министра делается акцент на ориентацию образования на нужды экономики, что подтверждает наш тезис о том, что именно эта сфера деятельности университетов в ближайшее время будет иметь приоритет.

На сегодняшний день конкретные шаги в данном направлении не сформулированы, возможно, это произойдет в скором будущем. Тем не менее можно ожидать значительную перестройку организации образовательного процесса, что, безусловно, будет иметь значительные эффекты, которые нам еще предстоит проанализировать.

Ситуация, образовавшаяся в результате ведения санкционной политики в отношении нашей страны, вызвала необходимость постановки новых задач перед сферой науки и высшего образования.

Среди них можно выделить, в первую очередь, научно-образовательную поддержку обеспечения технологического суверенитета государства, а во-вторых, работу по формированию мировоззрения, идеологических основ государства, социализации молодежи.

Рассмотрим, каким образом реализация «третьей миссии» университетов будет способствовать достижению новых задач сферы высшего образования в условиях санкционной политики.

Ключевым направлением в этой части должно стать укрепление связей между университетами, предприятиями региона и региональными органами власти. Модель этой деятельности описана в концепции «тройной спирали» Г. Исковица и Л. Лейдесдорфа, в которой авторы выделяют ведущую роль университетов [4, с. 54], а также «треугольника знаний» М. Унгера и В. Полта, которую авторы определяют как «функциональную модель, характеризующую двусторонние каналы коммуникации между образовательной, научной и инновационной сферами» [20, с. 12].

¹Россия выходит из Болонской системы: кого и как это коснется. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/28/05/2022/628e29749a794747a1ee085d?ysclid=18a0ra3lgg82554767.

Первым шагом в данном направлении должно стать фокусирование тематик научных исследований на решение задач по удовлетворению потребностей экономики и запросов конкретных отраслей.

Целью этого является получение новых разработок, способных обеспечить работу критически важных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

В настоящее время Министерство науки и высшего образования Российской Федерации объявило об увеличении числа бюджетных мест по программам магистратуры по приоритетным направлениям научно-технологического развития. Также Минобрнауки объявило о расширении программы поддержки молодых ученых (в том числе предоставление жилищных сертификатов и иные формы поддержки). Таким образом, в субъектах Федерации должны появиться дополнительные источники набора кадров под задачи развития региональной экономики.

Еще одним механизмом укрепления взаимодействия университетов и производственной сферы регионов может стать участие в программах «Приоритет 2030» и «Научно-образовательные центры мирового уровня», в рамках которых осуществляется финансовая поддержка приоритетных направлений исследований.

Не менее важной задачей является развитие гуманитарного направления в деятельности университетов и новые форматы воспитательной работы и патриотического воспитания.

Говоря о «третьей миссии» университетов, В. М. Шкарупа рассматривает ее через призму философии, которая наделяет университет «высшим – мировоззренчески метафизическим смыслом» [15, с. 113].

В настоящее время идет полномасштабная «борьба за умы» молодого поколения, наиболее активной частью которого является студенчество.

Еще Х. Ортега-и-Гассет выделял «просветительскую» функцию университета, говоря о том, что он «должен участвовать в современности, рассуждая о великих темах дня с собственной позиции – культурной, профессиональной или научной» [11, с. 62].

На региональном уровне происходят процессы формирования нравственных и духовных основ регионального общества, воспитания гражданственности и патриотизма, создания и воспроизводства творческого потенциала населения, передачи историко-культурных традиций.

Социально-культурная сфера регионального развития связана с «сохранением, трансляцией, освоением и развитием традиций, норм, ценностей в сфере исторической, художественной, духовно-нравственной, политической и экологической культуры, осуществлением научно-методической, научно-исследовательской, производственно-практической, учебно-педагогической и экспертно-консультационной работы» [9, с. 100].

По мнению С. И. Аккиевой и И. М. Сампиева, влияние университета на развитие региональной культуры проявляется через:

- формирование профессиональных, этических и эстетических качеств личности обучающихся;
- способствование развитию интеллектуальной активности населения, формированию и умножению региональных элит;
- сохранение, развитие, приумножение, переосмысление и модернизацию общенациональных, региональных и этнических культурных традиций [1, с. 122].

В настоящее время вследствие изменений в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в деятельность университетов внедряются «Рабочие программы воспитания», которые призваны систематизировать работу образовательных организаций в сфере воспитания.

Суть предлагаемых изменений состоит в том, что воспитательная деятельность в университетах должна стать задачей не только профильных специалистов, но и включать в себя работу преподавателей, которые непосредственно общаются с обучающимися в ходе занятий.

Безусловно, выполнение этой задачи будет связано с определенными трудностями, поскольку, во-первых, большинство преподавателей не считают эту работу приоритетной для себя, во-вторых, они не обладают необходимыми компетенциями для ее проведения и могут опираться лишь на собственный опыт, а в-третьих, отсутствуют конкретные методические рекомендации, программы повышения квалификации, которые могли бы помочь преподавателям вести эту работу на должном профессиональном уровне.

Однако потребность в этом существует, как для самих университетов, так и для регионов их местонахождения.

Работа университетов как центров социализации и воспитания молодого поколения в регионах ведется по следующим ключевым направлениям:

- Формирование ценностных установок и ориентиров молодого поколения, его мировоззренческих принципов;
- Социализация молодежи, ее включение в экономические и социальные процессы;
- Формирование человеческого капитала;
- Формирование общественно активного слоя граждан;
- Участие в решении социальных проблем различных групп населения;
- Формирование региональной и федеральной политической, экономической, управленческой элиты из числа социально активных представителей студенчества;
- Сокращение проявления асоциальных явлений в молодежной среде;
- Снижение социальной напряженности в регионе.

В условиях санкционной политики и идеологического противостояния значение этой работы многократно возрастает, что подтверждается повышенным вниманием к данному направлению со стороны Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Так, в течение лета 2022 г. во всех российских университетах появились проректоры, отвечающие за молодежную политику и воспитательную работу, проведен ряд всероссийских обучающих семинаров, подготовлена методическая литература и указания для работы профильных подразделений.

Заклучение. В качестве выводов исследования можно выделить то, что введение западными странами санкций, которые затронули отечественную сферу высшего образования, актуализировали вопрос реализации университетами своей «третьей миссии».

В последние годы университеты становятся значимыми акторами регионального развития, вступая в активное взаимодействие с региональными органами власти, предприятиями и организациями в сфере разработки и внедрения инноваций, поддержки социальной сферы.

Основными задачами текущего периода представляются фокусировка научных исследований, а также подготовка высококвалифицированных кадров на решение вопросов импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета путем синхронизации усилий сферы образования и науки, предприятий и органов государственной власти.

Кроме того, университеты становятся центрами формирования мировоззрения, ценностных ориентиров молодого поколения, реализуя на уровне регионов программы и мероприятия патриотической направленности. Значение такой работы в перспективе будет возрастать, в связи с чем необходима консолидированная работа по созданию соответствующей методической базы на уровне органов федеральной власти с учетом регионального компонента. Воспитательная работа в университетах получает приоритетное внимание и соответствующую поддержку со стороны Минобрнауки, а также ректорского корпуса.

Таким образом, вызовы, которые ставят перед российскими университетами западные санкции, дают основания для повышения эффективности их работы путем внутренней трансформации, исходя из потребностей общества и государства.

Современная геополитическая ситуация требует консолидированной работы органов федеральной и региональной власти, образовательных и научных организаций, общественных объединений и граждан для достижения задач развития нашей страны.

Список литературы

1. Аккиева С. И., Сампиев И. М. Роль университета в социально-экономическом и культурном развитии региона // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 120–124.
2. Газман О. С. Педагогическая поддержка детей в образовании как инновационная проблема // Новые ценности образования: десять концепций и эссе. 1995. Вып. 3. С. 58–64.
3. Головкин Н. В., Зиневич О. В., Рузанкина Е. А. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 5–17.
4. Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты – предприятия – государство. Инновации в действии / пер. с англ. Г. Ицковиц. Томск : Изд-во Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
5. Клеменцова Н. Н. Образование и культура: к определению понятия «образование» // Вестник ТОГУ. 2013. № 4 (31). С. 35–37.
6. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. Предпринимательский университет как модель трансформации образовательных организаций: теоретические подходы и российский опыт // Философия образования. 2019. № 4. С. 5–20.
7. Медушевский Н. А. Интерпретация третьей роли университетов на современном этапе / Н. А. Медушевский, О. В. Перфильева // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2016. № 3. С. 19–31.

8. Мудрик А. В. Три ипостаси человека в процессе социализации // Вопросы воспитания. 2012. № 4. С. 3–16.
9. Мивилдадзе А. Р. Региональная миссия университетов: социально-экономические и культурно-воспитательные функции // Проблемы высшего образования. 2012. № 1. С. 97–101.
10. Николаев В. К. Экспорт образования в вузах России в условиях новой реальности // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 2. С. 149–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.
11. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета / пер. с исп. Минск : БГУ, 2005. 112 с.
12. Педагогика : курс лекций / Б. Т. Лихачев, под ред. В. А. Сластенина. М. : Владос, 2010. 646 с.
13. Рожков М. И. Практика социального воспитания: основные тенденции развития // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 6. С. 13–18.
14. Теория и практика шк. воспитат. систем / В. А. Караковский, Л. И. Новикова, Н. Л. Селиванова. М. : Новая шк., 1996. 155 с.
15. «Третья миссия» университета в современной России: новации и интеллектуальные традиции : сб. научных трудов V Сибирского философского семинара / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2016. 276 с.
16. Etkowitz H., Leydensdorff L. Introduction: Universities in the Global Knowledge economy // Universities and the global knowledge economy: A triple helix of university – industry – government relations. London, 1997. Pp. 1–8.
17. Marko Marhl, Atilla Pausist. Third Mission Indicators for New Ranking Metodologies // Evaluation in Higher Education. 2011. Pp. 43–64.
18. Montesinos P., Carot J-M., Mora F. Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research // Higher Education in Europe. 2008. Vol. 33 (2–3). Pp. 195–199.
19. The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies / Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. London : Sage, 1994. 191 p.
20. Unger M. Austria: Place-based dimension in higher education policy making / M. Unger, D. Wagner-Schuster, W. Polt // Enhancing the Contributions of Higher Education and Research Institutions to Innovation : Case Studies Background Document for the OECD High Level Event on the Knowledge Triangle (15–16 September 2016, Paris). Paris : OECD, 2016. P. 12.

"The third mission" of universities in the context of the challenges of the sanctions policy

S. E. Sorokin

Doctor of Philosophy, associate professor, vice-rector for Social Affairs and Educational Work,
Professor of the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science,
Northern (Arctic) Federal University n. a. M. V. Lomonosov.
Russia, Arkhangelsk. ORCID: 0000-0003-4604-0676. E-mail: s.sorokin218@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the issue of the functioning of Russian universities in the face of challenges caused by the imposition of sanctions by a number of Western states, as well as the search for ways to overcome them.

As a methodological basis, the theory of the "third mission" of universities is taken, which implies the active participation of universities in the life of society by providing their resources and opportunities to public institutions.

The key challenges facing the domestic higher education system, which arose as a result of the sanctions policy, are analyzed, and the directions of the transformation of the activities of universities to fulfill the tasks of ensuring technological, scientific and educational sovereignty, as well as the formation of the worldview of students are highlighted.

The author sees the fulfillment of these tasks through the prism of the implementation of the "third mission" of universities in the process of their active interaction with regional authorities, enterprises, organizations and the local community.

The study examines the measures that were taken by state authorities immediately after the imposition of sanctions, analyzes their effectiveness and highlights further areas of work: the need to create a new system for evaluating scientific activity; focusing research topics on solving problems to meet the needs of the economy and the demands of specific industries; measures to train highly qualified personnel; improving educational work in educational organizations.

It is concluded that the challenges of the sanctions policy carry, among other things, opportunities to improve the efficiency of higher education institutions, strengthen integration between them and the real sector of the economy, and include them in solving socio-economic problems of the state and Russian regions.

Keywords: university, "third mission", region, education, sanctions.

References

1. Akkueva S. I., Sampiev I. M. *Rol' universiteta v social'no-ekonomicheskom i kul'turnom razvitii regiona* [The role of the university in the socio-economic and cultural development of the region] // *Obshchestvo: filozofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. 2015. No. 6. Pp. 120–124.
2. Gazman O. S. *Pedagogicheskaya podderzhka detej v obrazovanii kak innovacionnaya problema* [Pedagogical support of children in education as an innovative problem] // *Novye cennosti obrazovaniya: desyat' koncepcij i esse* – New values of education: ten concepts and essays. 1995. Is. 3. Pp. 58–64.
3. Golovko N. V., Zinevich O. V., Ruzankina E. A. *Tret'ya missiya universiteta i model' mnogopol'zovatel'skogo upravleniya dlya regional'nogo razvitiya* [The third mission of the University and the model of multi-user management for regional development] // *Sravnitel'naya politika* – Comparative politics. 2018. No. 1. Pp. 5–17.
4. Ickovic G. *Trojnaya spiral'. Universitety – predpriyatiya – gosudarstvo. Innovacii v dejstvii* [Triple helix. Universities – enterprises – the state. Innovations in action] / transl. from the English by G. Itskovits. Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics. 2010. 238 p.
5. Klemencova N. N. *Obrazovanie i kul'tura: k opredeleniyu ponyatiya "obrazovanie"* [Education and culture: towards the definition of the concept of "education"] // *Vestnik TOGU* – Herald of TOGU. 2013. No. 4 (31). Pp. 35–37.
6. Kudryashova E. V., Sorokin S. E. *Predprinimatel'skij universitet kak model' transformacii obrazovatel'nyh organizacij: teoreticheskie podhody i rossijskij opyt* [Entrepreneurial University as a model of transformation of educational organizations: theoretical approaches and Russian experience] // *Filosofiya obrazovaniya* – Philosophy of Education. 2019. No. 4. Pp. 5–20.
7. Medushevskij N. A. *Interpretaciya tret'ej roli universitetov na sovremennoj etape* [Interpretation of the third role of universities at the present stage] / N. A. Medushevskij, O. V. Perfilieva // *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie* – Herald of Russian State University. Series: Political Science. History. International relations. Foreign regional studies. Oriental studies. 2016. No. 3. Pp. 19–31.
8. Mudrik A. V. *Tri ipostasi cheloveka v processe socializacii* [Three hypostases of a person in the process of socialization] // *Oprosy vospitaniya* – Parenting issues. 2012. No. 4. Pp. 3–16.
9. Mshvildadze A. R. *Regional'naya missiya universitetov: social'no-ekonomicheskie i kul'turno-vospitatel'nye funkcii* [Regional mission of universities: socio-economic and cultural-educational functions] // *Problemy vysshego obrazovaniya* – Problems of higher education. 2012. No. 1. Pp. 97–101.
10. Nikolaev V. K. *Eksport obrazovaniya v vuzah Rossii v usloviyah novej real'nosti* [Export of education in Russian universities in the conditions of a new reality] // *Vyshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2022. Vol. 31. No. 2. Pp. 149–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-2-149-166.
11. Ortega-y-Gasset H. *Missiya universiteta* [The mission of the University] / transl. from Spanish. Minsk. BSU. 2005. 112 p.
12. *Pedagogika : kurs lekcij* – Pedagogy : a course of lectures / B. T. Likhachev, ed. by V. A. Slastenin. M. Vados. 2010. 646 p.
13. Rozhkov M. I. *Praktika social'nogo vospitaniya: osnovnye tendencii razvitiya* [The practice of social education: the main development trends] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical herald. 2017. No. 6. Pp. 13–18.
14. *Teoriya i praktika shk. vospitat. sistem* – Theory and practice of the school educat. systems / V. A. Karakovskij, L. I. Novikova, N. L. Selivanova. M. Novaya shkola (New school). 1996. 155 p.
15. *"Tret'ya missiya" universiteta v sovremennoj Rossii: novacii i intellektual'nye tradicii : sb. nauchnyh trudov V Sibirskogo filozofskogo seminaru* – "Third mission" of the University in modern Russia: innovations and intellectual traditions : collection of scientific papers of the V Siberian Philosophical Seminar / Novosibirsk State University. Novosibirsk. 2016. 276 p.
16. Etzkowitz H., Leydensdorff L. *Introduction: Universities in the Global Knowledge economy* // *Universities and the global knowledge economy: A triple helix of university – industry – government relations*. London. 1997. Pp. 1–8.
17. Marko Marhl, Atilla Pausist. *Third Mission Indicators for New Ranking Methodologies* // *Evaluation in Higher Education*. 2011. Pp. 43–64.
18. Montesinos P., Carot J-M., Mora F. *Third Mission ranking for world class universities: Beyond teaching and research* // *Higher Education in Europe*. 2008. Vol. 33 (2–3). Pp. 195–199.
19. *The New Production of Knowledge: The Dynamics of Science and Research in Contemporary Societies* / Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. London : Sage, 1994. 191 p.
20. Unger M. *Austria: Place-based dimension in higher education policy making* / M. Unger, D. Wagner-Schuster, W. Polt // *Enhancing the Contributions of Higher Education and Research Institutions to Innovation : Case Studies Background Document for the OECD High Level Event on the Knowledge Triangle (15–16 September 2016, Paris)*. Paris: OECD. 2016. P. 12.

Формирование национальной идентичности: онтология культурного контекста и управление

Н. В. Тихомиров

кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tihomirov_n@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию онтологических оснований формирования национальной идентичности в современном массовом обществе. Актуализован комплекс проблем, связанных с развитием представлений о сущности нации как культурного феномена и субъекта политического процесса, целях и задачах социального управления. Рассмотрены вопросы формирования национальной идентичности, структурные и содержательные основания данного процесса. Произведен системный анализ понятий «культура», «идентичность» и «нация» в их соотносительности с указанными задачами. Раскрыто содержание категории «бытийный (онтологический) разрыв» как отражающей фундаментальные противоречия, лежащие в основе складывания социально-политических общностей (гражданских наций). Проанализирована сущность культуры как посредника в преодолении коренных противоречий индивидуального и коллективного бытия. Выделены и рассмотрены основные ступени становления национальной идентичности в контексте выстраивания дискурсивных моделей и смыслового насыщения основообразующих категорий национальной культуры. Показаны ключевые аспекты процесса содержательного наполнения поля национальной идентичности как продукта сложной культурной эволюции. В основу работы положены принципы междисциплинарного исследования, привлечены методы и положения системного философского анализа, социальной философии, культурной и социальной антропологии, дискурсивного анализа. Представленные выводы призваны послужить углублению научного понимания и теоретического осмысления проблем управления гуманитарной сферой в современном обществе. Результаты исследования могут быть использованы в качестве задела для последующих изысканий в области социальной и политической философии, культурологии и социальной антропологии, а также для выработки стратегий и практических рекомендаций в части обеспечения прикладных задач социального и культурного управления.

Ключевые слова: бытийный разрыв, дискурс, идеология, культура, национальная идентичность, управление.

Введение. Текущее состояние международных отношений, а равно положение дел внутри отдельных стран содержит отчетливые признаки усиливающейся социально-политической турбулентности, растущей разупорядоченности (энтропии) внутри национальных и региональных структур. Существующая мир-система находится в преддверии больших потрясений и сопутствующих крупных перемен во всех сферах общественных отношений – политической, экономической, социальной, духовной. Результатом грядущих преобразований ожидаемо станет кардинальная перестройка большого числа микро- и макропараметров, определяющих развитие мира в целом и отдельных его частей.

Россия в настоящий момент пребывает в эпицентре масштабного геополитического конфликта, имеющего как выраженные глобальные, так и отчетливо прослеживаемые региональные черты. При этом наша страна как активный субъект разворачивающихся событий выступает в качестве мощного аттрактора, обладающего существенным потенциалом влияния на выстраивание конфигурации предпосылок посткризисного миропорядка. В этой связи заслуживает отдельного внимания вопрос о внутреннем состоянии самой страны, точнее – о том, как в нынешних условиях стремительного удаления от состояния равновесия будут изменяться содержание и характер всех форм общественного взаимодействия.

Духовно-нравственной ситуации в российском обществе присущи отчетливо наблюдаемые признаки девальвации системы культурных установок и ценностных представлений, содержательно оформившихся еще в раннюю постсоветскую эпоху. Изначально слабая устойчивость этих идейных форм, обусловленная во многом перипетиями социально-экономического характера и противоречиями внешнеполитической обстановки, создала предпосылки для растущего общественного запроса на их основательный пересмотр [13, с. 175]. Потому

является вполне закономерной назревшая сегодня потребность глубокой ревизии существующей матрицы общественного сознания и ее перестройки на качественно новых основаниях. Одним из важнейших звеньев организации современной системы общественных отношений выступает национальная идентичность, служащая несущей конструкцией национального самосознания. Комплекс представлений о национальной идентичности логически и содержательно связан с такими категориями социально-политической действительности, как: нация, национальный интерес и – что особенно важно – национальная безопасность. В данном контексте коллективная национальная идентичность функционально соединяется с процессом целеполагания в рамках стратегического управления, а также способствует мобилизации общества, что является необходимым условием успешного осуществления управленческих инициатив государства.

Сказанное позволяет утверждать о высокой степени актуальности и стратегической значимости изысканий, нацеленных на разработку теоретической модели, служащей организации прикладной работы по конструированию системы идентичности с ее последующим закреплением на уровне общественного сознания.

Постановка проблемы. В настоящей статье производится общий анализ культурно-философских оснований национальной идентичности общества современного типа. Такой анализ позволит прояснить и артикулировать важнейшие начала и закономерности в процессе формирования и функционирования национального самосознания как сложной синергетической системы.

Утверждение идентичности в качестве объекта целенаправленного управляющего воздействия требует раскрытия сущности данного объекта, посредством чего могут быть поняты онтологические основы, принципы и закономерности его существования и развития. Только при условии такого понимания возникает возможность осуществлять управляющее воздействие с достаточной степенью эффективности. Потому данное исследование направлено к выяснению, обобщению и систематизации теоретических представлений о национальной идентичности как социально-культурном феномене. Полученные выводы призваны послужить методологической основой для выработки конкретных методик, направленных на решение прикладных задач в области социально-культурного управления.

Методология. Исследование построено на началах межпредметности. Характер решаемых задач требует задействования в сочетании подходов и приемов, свойственных общей философской теории, социальной и политической философии, культурной и социальной антропологии, теории дискурсивного анализа.

Результаты исследования. Как отмечал К. Хюбнер: «Идентичность нации является столь же необходимым практическим постулатом человеческого общежития, как и идентичность индивидуального лица» [19, с. 292]. Идентичность проявляется в особой модальности осознания индивида и переживается им как устойчивая сопричастность определенному сообществу. Она, следовательно, предполагает не простое провозглашение коллективной принадлежности, но деятельное принятие того, что составляет содержание, то есть идейно-психологическое наполнение социальных отношений внутри конкретного коллектива. Это содержание по наитию воспринимается человеком через совокупность коренных понятий (категорий), отражающих важнейшие, в его понимании, стороны общественного бытия. Э. Канетти говорит в этой связи о «массовых символах», с которыми человек ощущает свою связанность в наибольшей мере [11, с. 185]. Таким образом, индивидуальное сознание воспринимает (осваивает) заданный идейный конструкт, представляющийся элементом своего рода фрактала в масштабах общественного сознания (а равно общественного бессознательного).

Поскольку идентичность является культурным феноменом, имеет смысл предварительно коснуться вопроса о сути самой культуры с тем, чтобы иметь предпосылки полноценного понимания обсуждаемого предмета, его функциональной значимости в общественной жизни.

Человеческое бытие, единичное и общественное, осуществляется в ходе целенаправленной деятельности, необходимым условием которой служит наличие опредмеченной действительности. При этом существование биологического рода homo неизбежно сопряжено с неустранимым присутствием в жизни каждого индивида того, что мы склонны назвать бытийным (или онтологическим) разрывом. Это исходное состояние субъекта в его отношении к окружающей действительности, которое характеризуется их принципиальной нетождественностью и создает фундаментальное противоречие, служащее первопричиной социально-культурного становления человека. В ходе исторического развития человек складывается

как самосознающая сущность, что равно справедливо и для всего общества. Самосознание задает качественную определенность индивидуального и коллективного субъекта. Этому логически предшествует состояние когнитивного разрыва между субъективным сознанием, отражающим действительность, и самой наличной действительностью (ситуация разобщенности индивидуально-субъективного бытия и бытия объективного). Общей эволюционной предпосылкой такого положения является отсутствие у представителей рода homo биологически обусловленных программ поведения, то есть базовых представлений о том, каким образом и способами возможно благоприятное взаимодействие с окружающим миром.

Ф. Ницше выразил идею бытийного разрыва в известном образе: «человек – это канат, закрепленный между зверем и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [15, с. 34]. Ницшеанская рефлексия коренных проблем человеческого бытия в своеобразной, но по-своему точной форме отразила понимание разъединенности сознания и природы, духовного и материального начал существования индивида. Такая разъединенность означает принципиальную невозможность непосредственного осуществления человеком своих жизненных задач, то есть обеспечения насущных потребностей, ранее всего – физиологических. Бытийный разрыв, обусловленный самой человеческой природой, предполагает обязательное наличие опосредующей инстанции, которой он функционально восполняется и отчасти устраняется. В качестве таковой выступает культура как специфический продукт социальной эволюции.

Культура исторически сложилась как следствие диалектического взаимодействия человека с окружающей средой: преобразующее воздействие его трудовой деятельности на природное окружение создавало и создает предпосылки непрерывного преобразования самого человека, то есть эволюции социальных отношений, всецело определяющих его жизнедеятельность. Таким образом, бытийный разрыв, характеризующий человеческое существование, тесно сопряжен как с самой возможностью культуры, так и с перспективами ее поступательного развития. В основе системы культуры лежат функционально устойчивые самовоспроизводящиеся конструкции, в которых закрепляются и сохраняются эволюционно приобретенные формы поведения. По определению К. Гирца, культура есть «набор контрольных механизмов – планов, рецептов, правил, инструкций <...> управляющих поведением» [7, с. 56]. Речь идет об особом способе небиологического обеспечения базовых (или «инстинктивных», по выражению А. Маслоу [14, с. 180–181]) потребностей человека. Будучи по природе общественным существом, человек способен удовлетворять названные потребности лишь в рамках коммуникации, с опорой на механизмы культуры, для чего последняя создает ряд необходимых условий. По заключению Я. Ассмана, «каждая культура образует нечто, что можно назвать “коннективной структурой”. Она действует соединяющим, связующим образом, причем в двух измерениях – социальном и временном <...> она связывает человека с современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [3, с. 15].

Культура представляет собой пространство, в котором осуществляется диалектическое взаимодействие смыслов и ценностей. Это взаимодействие, характеризующее известной мерой устойчивости, задает систему нравственных координат, обеспечивающую предпосылки для деятельностного осуществления человеческого бытия. Подключение к такой системе (инкультурация) и определяет становление идентичности субъекта как решающей предпосылки его осмысленного поведения.

Не вдаваясь в сверхсложную механику культуры как своеобразной среды человеческого бытия, выделим набор ведущих функций культуры, с точки зрения обеспечения насущных потребностей ее носителя. Таковы функции: 1) понимания, 2) осмысления, 3) оценивания, 4) целеполагания и 5) орудийно-прикладная функция. Приведенная классификация в самом общем приближении необходима нам для выявления и констатации функциональной связи между представлениями о социальном бытии, общественном сознании, национальной идентичности и возможностями успешного регулятивного воздействия на нее.

Остановимся подробнее на проблеме смыслов, а именно – их орудийной значимости для человеческого существования. Г. П. Щедровицкий предлагал рассматривать смыслы как функциональные элементы систем деятельности [20, с. 556]. Такой подход видится нам наиболее правильным. Смыслы не являются частью наличного бытия или его атрибутами, а выступают продуктом интеллектуального освоения действительности человеком, плодами диалога сознания с миром как познаваемой объективной данностью. Смыслотворчество служит связкой для трансцендентного и трансцендентального, каналом коммуникации человека

с материальным природным окружением. От этого первичного культурно-психологического конструкта выстраивается последовательность операций, задающих порядок осуществления человеческого бытия как деятельности – от житейских поступков до крупных начинаний. Цепочку названных операций можно представить в следующем виде: осмысливание – оценивание – целеполагание – действие. Первая ступень в этом процессе, осмысливание, служит начальным шагом в преодолении бытийного разрыва путем насыщения противостоящей человеку действительности внутренним содержанием. Герменевтическая деятельность субъекта, «разгадывающего» такое содержание в доступном сочетании эмпирических данных, носит зачастую чисто интуитивный характер. В этом проявляется важнейшая потребность человека – потребность в истине, стремление к которой мы можем наблюдать на самом элементарном поведенческом уровне. Смыслы снабжают рассудок устойчивым знанием о мире, которое наитием воспринимается как истина. Это выражается в произвольном отождествлении смыслов как идеальных конструкций в сознании с познаваемой областью вещественно-наличного бытия. Таким образом, посредством смыслополагания человек создает системы опорных точек, своего рода аттракторов, посредством которых задается картина мира как сложная функция с большим числом переменных.

Производной от конкретного содержания смысловых конструктов является операция оценивания. Смыслы, рождаемые работой сознания, служат субстратом для формирования представлений о значимости явлений, отношений, состояний и так далее. Наличие таких представлений становится основанием для последующего целеполагания. Его суть состоит в изобретении образа действительности, развернутого в будущее. В отсутствие биологически предопределенного набора поведенческих алгоритмов целеполагание становится важнейшим узлом в структуре поведенческих практик, переводя бессознательные потребности человека в рационально обусловленные поступки.

Генетически заданные программы поведения в живой природе запускаются посредством сугубо соматических факторов, в то время как человеческое поведение требует особой, экстрасоматической надстройки в виде системы культуры. Основоположник науки культурологии Л. А. Уайт ввел понятие «символатов», которые определял как «предметы и явления, зависящие от способности человека к символизации» [2, с. 22]. Тем самым исследователь подчеркивал нетождественность явлений наглядно-чувственного окружения тем представлениям, которые человек соотносит с ними и которыми оперирует при решении жизненных задач. Таким образом, орудийно-прикладная функция культуры имманентна системе символических отношений, составляющих содержание конкретной культуры.

Указанная система имеет многоуровневую концентрическую структуру и обладает свойствами открытости и динамичности. При этом интенсивность происходящих в ней изменений снижается от периферии к ядру. Таким образом, некоторые смыслы и символы в диахроническом измерении отличаются высокой степенью устойчивости и могут воспроизводиться без существенных отклонений на протяжении длительного времени.

Приведенные соображения в равной мере справедливы как для индивидуального, так и для коллективного субъекта деятельности, каковым является нация. Однако последняя обладает качественной спецификой, не сводимой к простому соединению множества индивидуальных интересов, соображений и побуждений. Так, Б. Андерсон определил нацию как «воображаемое политическое сообщество», которое представляется «как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное» [1, с. 59]. Нация не выводима из биологических предпосылок. Она не обладает вещественной сущностью, но мыслится как сущее, будучи объектом идеальным, существующим в области общественного сознания. Таким образом, говоря о нации, мы имеем дело не с материальным субстратом, а с комплексом идеальных представлений (национальной идеей), который принадлежит ядру мировоззренческой системы общества и служит важным компонентом в опорной конструкции его культуры.

Определяющим свойством национальной идеи, как любого идеального конструкта, является виртуальность: нация существует в непрерывном становлении, осуществляет себя как возможность (sic!) или – если угодно – непрерывный политический проект. Подобно отдельной личности, нация претворяет себя из бытия возможного в наличное бытие посредством деятельности, длящегося коллективного акта, обуславливаемого соответствующим целеполаганием. Но в отличие от индивида с его житейски-бытовыми установками, это целеполагание – политическое. Нация мыслится в контексте всемирно-исторического процесса, а потому неотделима от идеи государства. В общественном сознании такая связка зачастую содержится имплицитно, вне чет-

кой артикуляции, из-за чего на уровне обывательского дискурса названные сущности могут разделяться и даже противопоставляться, что не должно вводить в заблуждение.

Национальная идентичность включает подсистемы, образуемые динамическими множествами идейно-нравственных представлений, в числе которых – представления об отечестве, народе, стране и так далее. Каждый из этих культурно-психологических конструктов производит набор идентификаторов, описываемых соответствующими категориями (и закреплённых в совокупности культурных прообразов). Данные категории принадлежат ядру национальной культуры и, следовательно, как было указано выше, в наименьшей мере подвержены изменениям. В то время как образы и формы, служащие развертыванию их содержания в предметно-чувственном виде, закрепляются в системе культуры на уровнях, в разной степени удалённых к периферии, а потому более подвержены трансформациям в диахроническом отношении. В этой связи можно говорить об известной функциональной зависимости категорий национального сознания от знаков и символов культуры, выступающих в качестве переменных, опредмечивающих указанные категории. Поэтому идейно-нравственные структуры, задающие национальную идентичность, можно трактовать также как страннные аттракторы, то есть притягивающие множества «с хаотической компонентой» [5, с. 66].

Национальная идентичность целенаправленно конструируема, что хорошо показывает, например, опыт национального строительства в СССР [18] и на постсоветском пространстве [4]. Гуманитарно-политическая программа большевиков предполагала формирование и насаждение национального сознания там, где его не было прежде; либо осуществлялось настойчивое вытеснение прежних форм национального сознания новыми, нарочито заданными сообразно провозглашенным целям социально-культурного развития. Аналогичные процессы наблюдаются сегодня в бывших союзных республиках. Созидаемые формы национальной идентичности закрепляются в массовом сознании посредством языка, самоназвания, исторической памяти, политической символики и так далее. Отдельно заметим, что в условиях постмодерна и широкой информатизации резко возрастает количество субъектов, имеющих влияние на формирование общественного сознания. Информационная революция последней трети XX в. поколебала централизованную систему общественных коммуникаций, основанную на технологической монополии государства, создав условия для появления большого числа автономных структур культурного влияния.

Первым шагом на пути национального строительства становится провозглашение и последовательное утверждение наличного бытия некой национальной общности. Такое бытие непреложно должно обладать исторической глубиной (в большей мере стихийно угадываемой, нежели рационально выводимой из массива исторических фактов), быть подкреплено и фундировано исторической памятью. Потому в число первейших задач творцов культурной политики входит обязательное «отыскание» нации в толще всемирного исторического процесса. Не случайно гуманитарная политика постсоветских республик в значительной мере сосредоточена вокруг проблемы конструирования исторической памяти [10]: обретение политической субъектности (со всеми уместными оговорками) и духовная сепарация от общего духовно-нравственного пространства потребовали «изобретения» ментальных оснований существования национальных государств.

Следующим шагом в деле национального конструирования становится определение конкретных параметров данной общности – атрибутов, сообщающих ей самобытное своеобразие. Облик национальной идеи рождается в сложном переплетении культурных форм, исторической памяти, политических концепций и так далее. Этому сопутствует неизбежное сопоставление и противопоставление ее другим общностям. Умозрительная дихотомия «мы – они» задает диспозицию для определения ключевых параметров социальной группы. Она имманентна утверждению общности как отдельного, суверенного субъекта истории. Вариантом такой дихотомии является дуальная конструкция «свой – чужой» (или усложненная «свой – чужой – другой»). Обе оппозиции на фундаментальном уровне заложены в ядро всякой культуры.

Таким образом, нация обнаруживает себя в прошлом, утверждает в настоящем и проектирует в будущее. Здесь мы, конечно, допускаем некоторую вольность, говоря о нации как субъекте воли и практики, понятом по аналогии с человеческой индивидуальностью. В действительности указанные выше процессы куда более сложны, нелинейно-стохастичны и предполагают вовлечение большого множества действующих субъектов. Национальное бытие рождается синергетическим взаимодействием самых разнообразных инстанций, находящихся на разных системных уровнях общественной организации: от неформальных объединений до высших органов политического руководства.

Становление в эпоху модерна массовых обществ и, как следствие, появление массовой культуры и массовой политики предопределили ведущую роль государства в деле национального строительства. За истекшие полтора столетия значение управляющей деятельности государства в данной области не только сохранилось, но значимо возросло (сообразно усложнению социально-экономической структуры общества, а также умножению внутренних и внешних вызовов). В свою очередь, увлечение теориями сплошного разгосударствления общественной жизни, особенно в части идейно-воспитательного воздействия, успело подтвердить свою несостоятельность. Радикальная эмансипация массового сознания неизбежно приводит к вырождению здорового плюрализма в идейно-нравственную неопределенность с последующей декомпозицией и деконструкцией всей социальной сферы. Что, конечно, не говорит о необходимости монополизации государством области национального строительства. Однако наличие ресурсного потенциала, на порядки превышающего таковой у прочих участников социального взаимодействия, делает государство мощнейшей инстанцией, способной реализовать управляющее воздействие во всех областях социальных отношений и комплексно обеспечивать устойчивое развитие общества.

Итак, национальная идентичность осуществляется как политическое самоопределение общества в системе конкретных культурных координат. Как отмечалось выше, одна из базовых потребностей человека состоит в отыскании истины с целью закрепления смысловой основы индивидуального бытия. То же происходит на уровне самоопределения нации, установления семантических границ воображаемого «мы». Общественное сознание неявно включает набор вопросов, побуждающих к постоянной актуализации групповой идентичности. Главнейшие из них суть: Кто мы? В чем состоит наше самобытное своеобразие? Каково наше место во всемирно-историческом процессе? На что мы как общность имеем право? Какова наша цель (миссия) в контексте всемирной истории? Ответы на данные вопросы имплицитно содержатся в идеологемах, образующих структуру национальной идентичности.

Экспликация и формальное закрепление ответов на указанные вопросы происходит на уровне идеологии, которая переводит неявные (мерцающие) смыслы в строгую систему формализованных символов. Суть идеологии не в пассивной регистрации некой сложившейся данности, но в конструировании действительности во всем многообразии ее подсистем. Идеология направлена к формированию системы социальных диспозиций, которая в теории П. Бурдьё описывается понятием габитуса [6, с. 102]. Созвучные положения представлены в концепции структурной антропологии К. Леви-Стросса, отмечавшего, что наряду с тем, «что мы предлагаем называть системой наименований (и что образует, в сущности говоря, систему терминов), существует другая система, являющаяся одновременно психологической и социальной, которую мы называем системой установок» [12, с. 39].

Следовательно, в структуре идеологии воплощается рассмотренный ранее алгоритм социального поведения «осмысливание – оценивание – целеполагание – действие». Как правило, конкретный образ действия редко предписывается или вовсе отсутствует в идеологической схеме. Однако система наглядных представлений, насаждаемых ею же в общественном сознании, содержит набор поведенческих образцов, соотносящихся с ценностными и целевыми установками идеологической парадигмы. В итоге общество обретает понимание координат национального развития с должной степенью наглядности и дискурсивной определенности. Идеология артикулирует и канализует устремления людей, конструируя внятный образ будущего. Диалектика национального бытия выражается в том, что идентичность нации одновременно конституируется в настоящем и проецируется в будущее. В ходе актуализации целей национального развития снимается противоречие, проистекающее из сущности бытийного разрыва, который, как отмечалось выше, исходно характеризует индивидуальное и коллективное бытие. Вместе с тем идеология служит условием и элементом прикладной деятельности в области социально-культурного управления. Цели, сформулированные управляющей инстанцией, требуют быть инкорпорированными в структуры общественного сознания, как на уровне словесно-наглядных установок, так и на уровне интуитивных знаний архетипического порядка.

А. Я. Гуревич подметил, что в каждую эпоху люди вырабатывают картину мира, которой руководствуются в повседневной жизни и которая служит отражением их самосознания. Постигание конкретной культуры исследователь предлагал осуществлять посредством «анализа отдельных ее категорий и в раскрытии их смысла как элементов единой социально-культурной системы» [8, с. 8]. Именно эти категории следует иметь в виду при выработке

управленческой стратегии, призванной моделировать национальную идентичность. При этом, как было показано ранее, категориальный аппарат национального дискурса служит лишь внешним выражением для содержания динамичных смысловых комплексов, выполняющих роль аттракторов в процессе национального строительства. То есть содержание опорных категорий национального самосознания представляет не застывшую сущность, а сложно заданную переменную (переменной является и семантическая наполненность каждой отдельно взятой категории). Поэтому объектом управляющего воздействия должны выступать не категории культуры как таковые и связанные с ними ценностные структуры сами по себе, а их конкретное наполнение. Это и есть та подвижная периферия, которая в структуре культурной организации отличается наибольшей стохастичностью.

Рутинно-формалистский подход к использованию категорий национальной культуры в практиках публичной политики ведет к их функциональному вырождению и нарушению референтных связей данных категорий с наличными ценностными представлениями. Как следствие, происходит девальвация всего политического дискурса, чреватая деконструкцией системы идейно-нравственных представлений, служащих фундаментом национальной идентичности. По сути, речь идет о новой итерации бытийного разрыва, точнее – о его социально-политическом измерении. Поэтому первостепенное внимание в деле конструирования и управления коллективной идентичностью должно быть уделено проблеме смыслотворчества, которое единственное обеспечивает содержательное наполнение коренных культурных понятий. Тем самым формируется система символических координат, по которым выстраивается среда, обеспечивающая коммуникацию между агентами социально-политического процесса.

М. Фуко предлагал рассматривать понятийный аппарат конкретной культуры как совокупность объектов, которые формируются и существуют по правилам и в условиях соответствующей дискурсивной формации [16, с. 93]. Дискурс в данном случае – это не единственно набор высказываний, но социальная практика, созидаящая и конституирующая реальность. Производство дискурса активно задействует механизмы контроля, отбора, организации и перераспределения, основанные на «некотором числе процедур, функция которых – нейтрализовать его (дискурса – Н. Т.) властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события» [17, с. 51]. Иными словами, управление дискурсивными практиками сопряжено с упорядочением стихийного процесса порождения и преобразования смыслов, наполняющих общественное сознание. Это работа, направленная к снижению энтропии внутри системы культуры. Учреждение желаемого порядка в смысловом поле служит утверждению практик соответствующего целеполагания. Фуко подчеркивает, что дискурс – это «то, что является объектом желания <...> то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть» [17, с. 52]. Применительно к проблематике управления общественным сознанием и идентичностью это означает наличие функциональной взаимосвязи между практиками дискурсивного воздействия и широкой мобилизации общественных ресурсов, прежде всего – ресурса человеческого. Это обусловлено тем, что решающее воздействие на умы «является привилегией все-таки символического, а не экономического контроля» [9, с. 52–53].

Контролируемое производство дискурса на уровне публичной политики предполагает выстраивание корпуса идеологов, отсылающих к содержанию смыслового ядра культуры, обретающих в нем опору и прокладывающих пути к осуществлению виртуальных концептов национальной идентичности. Таким путем обретает свою качественную определенность семантический каркас общественного сознания, происходит образно-словесная фиксация ведущих культурных смыслов, определяющих общие параметры национальной идентичности.

Заключение. Коротко обобщим выводы, нашедшие отражение в статье. Фундаментальное противоречие, служащее отправной точкой социально-культурной эволюции, определено нами как бытийный (онтологический) разрыв. Данная категория раскрывает одну из важнейших особенностей человеческой природы и призвана служить опорной точкой теоретических разысканий о складывании идейных представлений, регулирующих коллективное бытие современного общества. Система культуры служит посредником (своего рода мембраной) между индивидом (как формой субъективного бытия) и средой (как бытием объективным). В приложении к проблеме бытия национальных коллективов эта дихотомия отражает соотношенность национального субъекта со всемирно-историческим процессом посредством обретения и поддержания обществом определенной идентичности. Конструирование нации как коллективного субъекта происходит посредством реализации дискурсивных стратегий,

задачей которых является смысловое насыщение и актуализация системы культурных категорий, определяющих содержание коллективного сознания. Управление общественным сознанием есть процесс непрерывного конструирования системы виртуальных сущностей, принадлежащих области идеально-возможного. Содержанием данного процесса является насыщение коренных категорий национальной культуры конкретными смыслами, которые служат руководящими установками мышления и поведения людей.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М. : Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб. : Университетская книга, 2006. 728 с. (Культурология. XX век).
3. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).
4. *Бордюгов Г. А.* «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М. : АИРО-XXI, 2011. 256 с. (Историческая политика и политика памяти в СССР, РФ и СНГ).
5. *Буданов В. Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании. Изд. 3-е, доп. М. : ЛКИ, 2009. 240 с. (Синергетика в гуманитарных науках).
6. *Бурдье П.* Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
7. *Гириц К.* Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004. 560 с. (Культурология. XX век).
8. *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Искусство, 1984. 350 с.
9. *Дейк Т. А. ван.* Дискурс и власть: Репрезентация и доминирование в языке коммуникации. М. : ЛИБРИКОМ, 2013. 344 с.
10. Историческая политика в XXI веке / под ред. А. Миллера, А. Липмана. М. : Новое литературное обозрение, 2002. 648 с.
11. *Канетти Э.* Масса и власть. М. : Ad Marginem, 1997. 527 с.
12. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Наука, 1985. 535 с.
13. *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
14. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. Изд. 2-е, испр. М. : Смысл ; Альпина нон-фикшн, 2011. 496 с.
15. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М. : Прогресс, 1994. 512 с.
16. *Фуко М.* Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия, 2004. 416 с.
17. *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Кастанья, 1996. 448 с.
18. *Хириц Ф.* Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 472 с. (Historia Rossica).
19. *Хьюбнер К.* Нация: от забвения к возрождению. М. : Канон+, 2001. 400 с.
20. *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М. : Школа культурной политики, 1995. 800 с.

Formation of National Identity: Ontology of Cultural Context and Management

N. V. Tikhomirov

PhD in Historical Sciences, Russian State University for the Humanities.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2808-3763. E-mail: tikhomirov_n@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the ontological foundations of the formation of national identity in modern mass society. The complex of problems related to the development of ideas about the essence of the nation as a cultural phenomenon and a subject of the political process, the goals and objectives of social management is actualized. The issues of the formation of national identity, structural and substantive foundations of this process are considered. A systematic analysis of the concepts of "culture", "identity" and "nation" in their correlation with these tasks is carried out. The content of the category "existential (ontological) gap" is revealed as reflecting the fundamental contradictions underlying the formation of socio-political communities (civil nations). The essence of culture as a mediator in overcoming the fundamental contradictions of individual and collective existence is analyzed. The main stages of the formation of national identity in the context of building discursive models and semantic saturation of the basic categories of national culture are identified and considered. The key aspects of the process of content filling of the field of national identity as a product of complex cultural evolution are shown. The work is based on the principles of interdisciplinary research, methods and provisions of systemic philosophical analysis, social philosophy, cultural and social anthropology,

discursive analysis are involved. The presented conclusions are intended to deepen the scientific understanding and theoretical understanding of the problems of humanitarian management in modern society. The results of the research can be used as a foundation for further research in the field of social and political philosophy, cultural studies and social anthropology, as well as for the development of strategies and practical recommendations in terms of providing applied tasks of social and cultural management.

Keywords: existential gap, discourse, ideology, culture, national identity, governance.

References

1. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneni nacionalizma* [Imaginary communities: Reflectios on the origins and spread of nationalism]. M. Kuchkovo pole (Kuchkovo field). 2016. 416 p.
2. *Antologiya issledovaniy kul'tury. T. 1. Interpretaciya kul'tury* – Anthology of Cultural studies. Vol. 1. Interpretation of culture. SPb. Universitetskaya kniga (University Book). 2006. 728 p. (Cultural studies. XX century).
3. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M. Languages of Slavic culture. 2004. 368 p. (Studia historica).
4. Bordyugov G. A. *"Vojny pamyati" na postsovetском prostranstve* ["Memory wars" in the post-Soviet space]. M. AIRO-XXI. 2011. 256 p. (Historical policy and memory policy in the USSR, the Russian Federation and the CIS).
5. Budanov V. G. *Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoy nauke i obrazovanii. Izd. 3-e, dop.* [Methodology of synergetics in postnonclassical science and education. 3rd ed., add.] M. LKI. 2009. 240 p. (Synergetics in the humanities).
6. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical sense]. SPb. Aleteya. 2001. 562 p.
7. Girtz K. *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. M. ROSSPEN, 2004. 560 p. (Cultural studies. XX century).
8. Gurevich A. Ya. *Kategorii srednevekovoy kul'tury. Izd. 2-e, ispr. i dop.* [Categories of medieval culture. 2nd ed., corr. and add.] M. Iskusstvo (Art). 1984. 350 p.
9. Deik T. A. van. *Diskurs i vlast': Reprezentaciya i dominirovanie v yazyke kommunikacii* [Discourse and power: Representation and dominance in the language of communication]. M. LIBRIKOM. 2013. 344 p.
10. *Istoricheskaya politika v XXI veke* – Historical politics in the XXI century / ed. by A. Miller, A. Lipman. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2002. 648 p.
11. Canetti E. *Massa i vlast'* [Mass and power]. M. Ad Marginem. 1997. 527 p.
12. Levi-Strauss K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. M. Nauka (Science). 1985. 535 p.
13. Malinova O. Yu. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [The actual past: The symbolic politics of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity]. M. Political Encyclopedia. 2015. 207 p.
14. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody. Izd. 2-e, ispr.* [New frontiers of human nature. 2nd ed., corr.] M. Smysl (Sense) ; Alpina non-fiction. 2011. 496 p.
15. Nietzsche F. *Tak govoril Zarathustra* [Thus spoke Zarathustra]. M. Progress. 1994. 512 p.
16. Foucault M. *Arheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. SPb. Humanities Academy. 2004. 416 p.
17. Foucault M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. M. Castal. 1996. 448 p.
18. Hirsch F. *Imperiya nacij: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza* [Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the formation of the Soviet Union]. M. Novoe literaturnoe obozrenie (New Literary Review). 2022. 472 p. (Historia Rossica).
19. Hubner K. *Naciya: ot zabveniya k vozrozhdeniyu* [Nation: from oblivion to rebirth]. M. Canon+. 2001. 400 p.
20. Shchedrovitsky G. P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. M. School of Cultural Policy. 1995. 800 p.

Научно-технический прогресс и цифровой мир в трансгуманистической парадигме как вызов современному обществу и человеку

Н. И. Петев

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения,
Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Россия, г. Владимир. ORCID: 0000-0002-8711-4400. E-mail: cyanideemo@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу проблемных моментов, связанных с оценкой научно-технического прогресса в рамках трансгуманистической парадигмы. *Актуальность* данной тематики заключается в том, что безграничная вера в техническое развитие, которая свойственна трансгуманистам и отдельным научным исследователям, поддерживающих первых, пресекает возможность эффективного анализа данного процесса. Таким образом, возникает возможность становления ситуации, которая приведет к неоднозначным последствиям, в том числе деструктивного характера. *Основная проблема* данной работы заключается в выявлении тех идей трансгуманизма (и анализа их содержания), которые в будущем, а некоторые уже сейчас, способны бросить вызов человеку и обществу. *Цель* работы состоит в выявлении противоречий, спекулятивных подмен и прагматической риторики различных идей и принципов данного течения. В данном исследовании был задействован комплекс *различных методов*. Метод деконструкции использовался как метод-провокация для выявления скрытого (драпированного) содержания идей трансгуманизма. Герменевтический подход необходим для выявления внутреннего нарратива основных концепций данного течения. Мысленное моделирование и конструирование позволяет раскрыть потенциальное развитие и воплощение трансгуманистических идей, для которых утверждается необходимость реализации. Диалектический метод позволяет выявить противоречивый характер установок трансгуманизма. Кроме того, в работе применялись этический и психологический подходы. *Выводы.* Вскрыто спекулятивное применение принципа «будущности» как алиби последствий идей трансгуманизма. Проанализирован и продемонстрирован эволюционный принцип трансгуманизма как искусственного и прагматического построения. Вскрыт феномен трансформации времени и пространства из явлений материальной объективности в атрибуты человеческого потребления (отождествление их с потребляемыми и контролируемыми ресурсами). Проанализированы феномены новизны и языка, выявлены деструктивные их метаморфозы под действием современных технологий, в том числе цифрового мира.

Ключевые слова: трансгуманизм, цифровой мир, эволюция, пессимум новизны, футурофобия, технологическая сингулярность, постчеловек.

Цифровое пространство является на сегодняшний день одной из наиболее развивающихся плоскостей пребывания и деятельности индивида. Благодаря своим специфическим качествам и свойствам цифровой мир является сферой безграничных возможностей, не привязанных к ограниченной материальности объективных пространства и времени. Данная плоскость представляет собой новую территорию, которую еще необходимо освоить человеку. Она позволит раскрыть потенциал как самого человека, так и откроет совершенно новые возможности.

Позитивная оценка цифрового пространства – это лишь одна сторона «медали» аксиологической оценки данного явления. Существует скептическое¹ и негативное отношение ко всему современному научно-техническому прогрессу человечества, в частности в рамках прогностического осмысления будущих нововведений. Одной из основных задач трансгуманизма является поддержание и использование научных достижений для улучшения умственных и

© Петев Н. И., 2022

¹ Иногда можно встретить и индифферентное отношение к тем проблемным моментам, которые вызваны развитием науки и техники. Кант И. видел в индифферентистах тех, кто стремится избавиться от мнимого знания и установить возможности разума [6, с. 10–11]. Скептиков же он сравнивает с кочевниками, что презируют всякое постоянное возделывание почвы и время от времени разрушают гражданское единство. На позиции критики скепсиса стояли Ницше Ф. [7, с. 169] и Швейцер А. [18, с. 7]. Можно согласиться с данными утверждениями лишь отчасти, так как элемент сомнения может быть полезным критерием исследования.

физических возможностей человека, а также избавление от негативных факторов экзистенции. «Трансгуманистическая Декларация» представляет собой манифест, провозглашающий рациональную необходимость и экзистенциальную неизбежность научно-технического прогресса, придерживаясь категорически положительной оценки реализации данного проекта. Особый схоластико-дидактический характер основных положений имплицитно предполагает таргетирование и интегрирование прагматических идей в сознание индивидов. Основная мотивация, обеспечивающая легитимность догматического принятия трансгуманистических утверждений/положений, – это будущность.

Обратим внимание на аспект будущности. Ортега-и-Гассет Х. отмечал, что «главенствовать должно будущее, лишь оно диктует, как поступать с былым» [8, с. 81]. Рэнд А. настаивала на обратной позиции [10, с. 154–155]. Вопрос будущности – гипотетический вопрос, поэтому может использоваться как спекулятивная мотивация, целью которой может быть как прогресс, так и регресс. Лишь трансгрессивный акт реализации будущего в настоящее может решить подобную проблематику. Настоящему до становления будущего остается лишь одна прогностическая возможность в процессе выведения предполагаемых выводов и результатов.

Как и позитивизм, трансгуманизм предполагает, что, базируясь на собственно «научном», он не может быть разрушительным, и только это уже доказывает, что его идеи являются истинными, необходимыми, неизбежными и так далее. Трансгуманизм эскалирует маргинализацию и редукцию научного знания. Он использует алиби будущности для драпирования данных тенденций. Опора на будущность – это тавтологический прием, так как оно (будущее) только наступает/наступит в будущем. Различные его потенциальные сюжеты можно успешно варьировать, а при необходимости и корректировать. Это позволяет утверждать «существующим» самое желаемое, не требуя действительных доказательств. Такая опора на фантазию носит особый мотивационный характер. В спекуляциях на научных достижениях прослеживается схоластическая черта – обращение к абсолютному и установленному авторитету, а также становление догматики как критерия «истинности».

Далее рассмотрим такое понятие, как «эволюция», которое присутствует в рамках риторики трансгуманизма. Сомнительным является применение термина эволюция к процессу внедрения технологий во все области человеческой экзистенции. Подобный проект развития невозможно назвать эволюцией в традиционном смысле. Дело в том, что она предполагает наличие таких феноменов, как естественный отбор, мутационные процессы, адаптацию организма и так далее [4, с. 314; 12, с. 726]. Согласно идеологии трансгуманизма факторы развития человека имеют не естественно-биологический источник, а являются продуктом антропогенным. Но если рассматривать эволюцию как синоним филогенеза, то чисто номинально, при условии принятия истории как доминирующего фактора развития, можно применить данный термин к трансгуманистическому проекту. Кроме того, если рассматривать эволюцию в значении процесса возникновения новых форм движения материи, в частности социальной, то также возникает некая формальная возможность вышеуказанного отождествления.

Возникает вопрос: будет ли речь идти в рамках трансгуманистической эволюционной риторики собственно о человеке или о чем-то совершенно ином. Эволюционные процессы предполагают образование и обособление нового вида [12, с. 726]. Им в рамках вышеуказанной концепции является абстрактный «Постчеловек». Такие рассуждения могут быть использованы в пользу применения термина «эволюция» трансгуманизмом. Вышесказанное может стать благотворной почвой для формирования теории трансгуманистической эволюции или концепции технологической эволюции (как например, на почве постгуманизма предполагается появление новых дисциплин/разделов научного знания [21]). Жизнеспособность «эволюционных» идей трансгуманизма и эффективность их интегрирования в сознание индивидов зависит от успеха идеологической риторики, обоснованности практической сферой применения, а также склонностью к догматическому принятию.

Конкретика содержания эволюционного процесса, а также неоднозначный характер его последствий в трансгуманистической теории, нивелируются идеями провозглашения «истинного гуманизма»², свободы выбора и необходимости. Стоит подробнее остановиться на аспекте интерпретации понятия «необходимость» трансгуманистами. В целом данным термином описывают вещи или явления, которые отличаются присущей им всеобщей закономерной связью, имеют непосредственное отношение к развитию направления реальности и

² Гуманизм, который маскирует принцип технизма и радикального антропоцентризма.

так далее. Но стоит указать, что необходимость не сводится к неизбежности, так как последняя является лишь одной из стадий первой [9, с. 422]. Трансгуманизм вводит в своей наррации не столько смешение данных категорий, сколько замену внутреннего содержания необходимости приматом понятия неизбежность, наделяя необходимость бытийным, действительным и априорным характером. Принятие идей трансгуманизма как неизбежности является слишком позитивным и в целом невозможным на данном этапе развития человека, науки и техники. Можно установить для концепций данного течения статус номической необходимости. Для нее утверждается некое сходство с онтологической необходимостью [11], но такая аналогия возможна не в рамках законов универсального типа, но лишь в границах статистических законов, имеющих лишь вероятный или правдоподобный характер. Но даже такой шаг будет гиперболизированно положительной оценкой такой «необходимости». Адекватным является признание лишь их логической необходимости, имеющей вариативности.

Стоит обратить особое внимание и проанализировать трансгуманистическую интерпретацию человека. Трансгуманизм – это не разрозненные группы идеологов и сторонников. Он представляет собой консолидированное объединение исследователей в единую организацию. Еще в 1997 г. была создана «Всемирная трансгуманистическая ассоциация» (в настоящее время Humanity Plus). Этимология названия Humanity Plus латентно предполагает идею о некой экзистенциальной неполноценности «человечества» и об острой необходимости его усовершенствования. Существительное «плюс» имеет телеологическое назначение бартовского прилагательного (маскирующего слабое и придающего новые силы [1, с. 212]). Таким образом, постулируется, что человек как вид в той форме присутствия, которую он имеет, слишком устарел для настоящего и будущего.

Человек – явление биологическое со всеми присущими ему качествами и особенностями. По содержанию существует глубокая разница между биологическим и техническим развитием человека. Он как биологическая единица отсек себя от внешних природных факторов, чтобы развиваться в иной плоскости, поэтому техно-антропогенные факторы влияют интенсивнее и фундаментальнее. «Постчеловек» – продукт технического совершенства. Таким образом, подобно тому, как Homo Sapiens вытеснил Homo Neanderthalensis, так и новый технически усовершенствованный вид сможет вытеснить обычный биологический. Сегодня человек, не умеющий пользоваться имеющимися технологиями, отброшен на периферию жизни, в частности в социальном аспекте. Он находится в невыгодном положении, учитывая информационно-цифровой характер современного мира. Можно представить, какой может быть сегрегация, основанная на более радикальных изменениях. Поэтому человек как бы не может войти в новый мир в том состоянии, которое он имеет. Ему необходим «апгрейд» (подобно программе или компьютерной системе) для качественного функционирования.

Сама этимология термина трансгуманизм предполагает некий выход за пределы такого понятия, как человек и человечество. Необходимо пройти сквозь «человеческое» для обретения совершенно нового содержания. Проблематика состоит не только в самом факте преодоления границ, но и в их демаркации. Вопрошающим без определенного ответа остается также неоднозначность результатов такой экзистенциальной «транспозиции», то есть существует огромный диапазон потенциальных вариативностей. Вопросы возможности преодоления и наличия границ, которые не стоит преодолевать в настоящее время, являются лишь теоретическими конструктами. Несмотря на категорическое заявление о потребности в преодолении гуманизма, необходимо, чтобы реально наличествовало то, через что необходимо переступить. Человечество еще никогда за всю свою историю не реализовывало гуманистический проект (и даже близко не подходило к его осуществлению), хотя теоретических моделей существовало множество. Оно и в настоящее время находится на пути как к самосознанию (в поисках ответа «что такое человек?»), так и к дефиниции того, что же такое гуманизм.

Современный трансгуманизм раскрывает идею будущего человечества, которое во многих аспектах носит футуро-фантастический характер. Но в истории человечества всегда присутствуют идеи, связанные со скепсисом в аспекте только позитивной оценки влияния развития науки и техники. Хайдеггер М. критиковал доминирование принципа *techne* [15] и отмечал ограниченность наук во многих вопросах человека, в частности в аспекте онтологии [14, с. 9–13]. Аналогичное мнение высказывал Швейцер А. [17, с. 44, 98–99]. Трансгуманисты особенно остро реагируют на критику в отношении авторитетности научного прогресса, создавая оппозицию тем сферам человеческой деятельности, которые данное учение рассмат-

ривают как своего прямого оппонента³. Но критическое отношение к возможностям научного прогресса это не только, а скорее не столько неприятие, сколько рациональный противовес «слепой вере» в абсолютное благо технократии и техницизма. Антисциентизм наиболее ярко раскрывает проблему технофобии современного общества.

Вышеуказанное приводит к необходимости рассмотрения феномена страха в парадигме будущности, новаторства и технического прогресса. Американский социолог Тоффлер Э. создал концепцию футурошока (футуршока), согласно которой у человека/социума возникает защитная психофизическая реакция на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального развития. Это некое ошеломление и оцепенение потенциальной будущностью, которая имеет характер гипотетического предположения об изменениях окружающей реальности. Такая реакция, по мнению автора концепции, связана не столько с будущим развитием, сколько с уже имеющимися новшествами, то есть с настоящим [13, с. 23–24]. Человек и социум не успевают адаптироваться к изменениям, поэтому и возникает это чувство. Оно в совокупности с экзистенциальным давлением со стороны объективной реальности может перерасти в футурофобию.

Футурофобия представляет собой острое чувство отторжения будущего (в том числе потенциально возможного), связанного с наличием новых феноменов, отношений, состояний и связей. Данная фобия вызывает внутреннее неприятие будущего со всем его новым. Инновационное изначально не принимается в один момент всем обществом/группой индивидов. Для того чтобы новое стало нормальным компонентом структуры человеческой экзистенции, оно должно пройти процессы стереотипизации и хабиутализации. Таким образом, новаторскому требуется процесс апробации публичностью. Поэтому и происходит становление проблематики «принципа необходимости» внедрения инновации в плоскость нормальности. В данном случае возникающая фобия – неудачная по месту и времени, выбору каналов интегрирования, а также по причине некорректной, неполной или частичной подготовки людей, попытка внедрения новшества. Инновациями требуется время для интегрирования в традицию, чтобы стать ее частью и обрести аналогичный статус.

Новшеству также необходимы инструменты/области, посредством которых будет происходить его внедрение непосредственно в социум. Такими сферами являются не только собственные области возникновения. Культура в целом и есть тот канал, который способен эффективно реализовать необходимый процесс интеграции, так как она задает общий вектор развития, устанавливает требования к человеку, предоставляет методы и инструменты решения проблем, в частности самые эффективные – новые разработки. Важно, чтобы сама культура была готова не столько принять нововведения, сколько внедрить их без последствий «культурного шока». Футурофобия в синтезе со страхом перед развитием науки и техники способна породить регрессивные и панические тенденции внутри социума.

Страх развития технологий предполагает непосредственное или опосредованное ощущение критической зависимости человека от этого прогресса как в настоящем (в меньшей степени), так и в будущем (как гипотетически предполагаемая радикальная кабала). При этом данная зависимость односторонняя, то есть это не взаимокоррелированное отношение. Человек в данном случае имеет статус пассивного и страдающего от влияния доминирующего технического примата объекта. Таким образом, процесс технической эволюции параллельно предполагает тенденцию нивелирования исключительности человека как онтологической единицы. Создание сильного искусственного интеллекта предполагает появление новой автономной экзистенциальной единицы. Подобное положение вещей, соответственно, разрушает принцип исключительности человека, на котором базируются системы, связанные с антропоцентризмом⁴. Парадокс человека заключается в том, что он желает исключить свое одиночество во Вселенной⁵, но также не желает терять свою единственность. Именно поэтому экзистенциальный и аксиологический статус «соседа» должен быть ниже, чем его собственный.

³ Мор М. критически относится к возможности синтеза религиозных идей и трансгуманизма [22, с. 8].

⁴ В частности, это касается и сильного антропного принципа (особенно антропного принципа участия), который отводит человеку особую и незаурядную роль. Хокинг С. выступает с острой критикой сильного антропного принципа, подчеркивая его слабую научную обоснованность [16, с. 154]. Но состоятельность антропного принципа (сильного и слабого) является полемическим вопросом и в настоящее время.

⁵ Стремление создать сильный искусственный интеллект, различные уфологические концепции, религиозные представления (о Боге, богах, духах и иных существах), концепция мультывселенной и так далее – все это указывает на некоторое стремление человека преодолеть экзистенциальное одиночество.

В рамках вопроса о техническом «апгрейде» индивида и социума возникает множество вопросов. Например, необходимо ли человеку чем-то пожертвовать ради новых достижений? Необходимо ли будет отбросить как рудимент нечто, что делает его самим собой? Если да, то что же это (то самое, что делает из него то, чем он является)? Насколько радикальными будут эти изменения?

Именно поэтому стоит обратить особое внимание на примат и логику, иницирующие легитимность модернизации человека в рамках трансгуманизма. Человечество еще не ответило на вопрос, что же такое человек. Человек – искусственное понятие. Если принять установку, что отсутствует некая основа, которая делает человека человеком, то нивелируется значение вышеуказанных вопросов, при этом в пользу сциентистов и трансгуманистов. Если отсутствует такой человеческий «фундамент» (что делает человека человеком) или он имеет естественное свойство изменяться, то новые модификации не имеют фатально негативного значения, и таким образом данные вопросы девальвируются. «Апгрейд» становится легитимным во всех аспектах, в том числе и с нравственной точки зрения.

Антисциентисты⁶ в ответ на установки радикального сциентизма стремятся подорвать абсолютизированный авторитет науки и техники. Можно указать на наличие стремления вышеуказанной позиции избежать девальвации не научных сфер человеческой жизни, а также пресечь деспотическое доминирование научно-технического компонента. В истории философии идею научного доминирования пытался реализовать позитивизм, но эта программа не только не была воплощена в реальность, но и стала стимулом появления другого, противоположного философского течения, а именно постпозитивизма. Так, например, «анархизм» Фейерабенда П. стоит на позиции лояльного и плюралистического отношения ко всем сферам человеческого существования, в том числе к религиозной и духовной.

Человеку и социуму всегда импонирует та устроенность, систематичность и объяснимость, которую может им предоставить наука и техника. Индивид хочет, чтобы все в мире было сведено к совокупности букв и цифр в формулах, к уравнениям или схемам с графиками. Но сам человек, общество и все мироздание оказываются намного сложнее операций суммирования, разности, дробления и так далее, чтобы было возможно выразить все вышеуказанное одной строчкой. Иногда в жизни слишком много непостоянных и скрытых переменных, которые затрудняют вычисления.

Далее стоит обратиться к феноменам реализации желаемого и удовлетворенности, которые могут быть иницированы в рамках воплощения в реальности идей трансгуманизма. Цифровое пространство, а также иные достижения науки и техники в настоящее время не являются роскошью, а представляют собой средство обеспечения комфорта⁷ и устроенности. Но комфорт снижает остроту необходимости развития и действует как ингибитор на мотивационные аспекты. Мир благодаря новым техническим достижениям становится мягким и податливым, не требующим усилий и готовым к употреблению. Цифровое пространство представляет собой «рог изобилия» такого комфорта, так как его специфические качества и особенности настолько автономны от требований материальной реальности, что способны удовлетворять практически любые прихоти индивида. Но такое «удовлетворение» является лишь фантазией, которая исчезает при столкновении с объективным миром физического присутствия человека.

Фатальной является ситуация, когда подобные химеры все-таки имеют аспект инкарнирования. Прихоти и блажь индивидуума/группы становятся репрессивными тенденциями для остальных индивидов. Более того, в рамках подобного положения вещей научные достижения, которые способны вывести человечество на новый уровень существования, превращаются лишь в инструменты удовлетворения потребительских желаний.

Стоит отметить, что цифровое пространство отчасти решает проблематику, которая в течение длительного времени волновала человека, а именно времени и пространства. Благодаря современным технологиям человек «экономит время», а также распределяет, накапливает⁸ и так далее (за счет высокой интенсивности функционирования социума благодаря со-

⁶ Конечно, в данном случае стоит говорить не о радикальных представителях, которые своими идеями не только не помогают решать актуальные вопросы, связанные с развитием науки, техники и цивилизации, но и их установки могут привести человечество к регрессу и возвращению в «каменный век».

⁷ Конформизм может распространяться даже на такое явление, как смерть [2, с. 310].

⁸ Такое накапливание имеет чисто условный и умозрительный характер, но индивидом может рассматриваться как действительный факт.

временному техническому оснащению). Он как бы владеет им. Подобное положение вещей схоже с феноменом коллекции [3, с. 123]. Иными словами, время представляет собой не явление объективной реальности. Оно становится атрибутом современного человека, то есть не условием его экзистенции, но лишь ресурсом, контролируемым различными девайсами.

Современному индивиду уже нет необходимости находиться в каком-то месте физически. Ее успешно компенсирует виртуальное присутствие: общение, работа, обучение, тренировки – все это может иметь дистанционный характер. При таком положении вещей объединение людей происходит не в рамках их физического присутствия, а на основе причастности к определенной цифровой области. В такой парадигме для многих индивидов общество как таковое перестает играть роль консолидирующего фактора. Необходимость в единстве сублимируется в причастность к виртуальному сообществу. Консолидацию индивидов при различном местоположении обеспечивает цифровое пространство и современные технологии. Возникает кризис общества как института. Оно теряет функцию регулирования и воздействия на индивида.

Теперь необходимо проанализировать важную черту трансгуманистической риторики, которая состоит в реализации проекта потребления. Одной из негативных тенденций научно-технического прогресса современного мира является ориентация на потребительство. Сегодня человек имеет достаточно широкий спектр возможностей для удовлетворения своих потребностей благодаря развитию технологии. Массовый человек не заботится о производстве благ, он желает лишь потреблять их по праву рождения [8, с. 58]. Отчасти этому способствовал рост массового производства. Данный вопрос о производительных силах решается трансгуманизмом достаточно просто, так как ими становится техника. Человеку останется лишь потребление.

Развитие техники уже само порождает ряд искусственных дополнительных потребностей, при этом не имеющих действительной необходимости. Оно порождает сверхнеобходимость⁹, задавая тем самым вектор потребительства, которое уже не имеет целью собственно удовлетворение. При таком положении вещей доминирующим является не качество потребляемого, а его статус «новизны». Индивиду необходимо потреблять именно «новое», и современные технологии позволяют делать это. Всем известная формула «спрос рождает предложение» изменяется, и теперь уже предложение рождает спрос. Индивид не выбирает, ведь за него это уже сделали бренды, производители, марки, компании и так далее. За него уже поработали желаемое и само желание. Для индивида-потребителя отводится роль пассивно претерпевающего. Парадоксально, что зачастую такое «новое» – лишь по-новому «открытое» старое. Небольшое изменение вызывает экстатический взрыв в массах, хотя в действительности инновационные изменения отсутствуют. Индивид довольствуется минимальностью инноваций – это пессимум новизны.

Важным аспектом современного, в том числе цифрового, мира является вырождение языка. Он не является статичным, а представляет собой динамически развивающуюся систему, трансформирующуюся в соответствии с особенностями времени и места. Можно отметить две наиболее яркие тенденции современного языка. Первая заключается в его редукции к чистому символу/знаку, который был бы способен передать совокупность информации с затратой наименьшего количества лингвистических элементов (яркими примерами являются стикеры, смайлы, неологизмы и так далее). Интенсивность процессов в обществе требует лингвистических реформ, иногда радикальных для языка и коммуникации. Вторая тенденция связана с некой универсализацией, которая предполагает как упрощение языка, так и его дополнение различными элементами из других языков, что предполагает потерю аутентичности языка¹⁰.

⁹ Сверхнеобходимостью можно назвать феномен, который представляет собой искусственно сформированную ступень развития и интегрирования в сознание индивида идеи необходимости. Она не только аналогична (но не тождественна) неизбежности, но и в отличие от последней обладает аспектом эфемерного сохранения свободы воли и выбора. Сверхнеобходимость не только не обладает какой-либо обязательностью или действительной необходимостью для человека, но и представляет собой успешный инструмент манипулирования, особенно эффективный в области применения в рамках массового сознания общества.

¹⁰ Хайдеггер М. указывал, что язык «поддается нашей голой воле и активизму и служит орудием нашего господства над сущим» [15]. Когда же воля подчинена чисто техническому, то есть неживому, что не способно к индивидуальному и единственному, а также что упрощено до знаков и символов, тогда и язык становится аналогичным. Он выражает не бытие, а лишь схему, модель и регламент техники.

Изменение языка влияет на процесс, специфику и качество мышления человека. Трансгуманисты рассматривают развитие технических возможностей как несомненный критерий улучшения интеллектуальных способностей индивида [20, с. 21]. Подобная риторика о развитии интеллектуализма и рациональности предполагает тенденцию подмены вышеуказанных феноменов компенсирующими техническими средствами. Более того, в современном мире радикальное доверие и опора на них со стороны человека носит гиперболический характер, что сказывается на развитии самого индивида (возникает слабое интеллектуальное напряжение).

Далее стоит указать на концепцию технологической сингулярности, с которой трансгуманизм связывает будущее положение человека и социума. Данным термином описывается гипотетический момент, после которого технический прогресс станет настолько быстрым и сложным, что окажется недоступным пониманию [19]. Такими точками невозврата считаются: создание сильного искусственного интеллекта, появление самовоспроизводящихся машин, объединение человека и вычислительных машин и так далее¹¹. Развитие научно-технического прогресса, в том числе в рамках его автономного функционирования, становится настолько неконтролируемым и непрогнозируемым, что приобретает характер опасности для человека, так как не имея возможности регулирования данного процесса, он не может применить превентивные меры для ликвидации критических ситуаций (социальных, политических, экономических и так далее). Подобное положение вещей с одной стороны вызывает определенное опасение, которое продиктовано голосом разума и самосохранения¹². С другой – панический ужас может вызвать острую технофобию и футурофобию, что приведет к иррациональному и репрессивному отношению к любой форме развития. От оптимального решения этого вопроса отчасти зависит будущее человека, социума и техники.

Стоит обратить внимание на особый сотереологический статус, который присваивает себе трансгуманизм. Данное течение предполагает, что техническое развитие может спасти человечество, в частности благодаря концепции равномерного распределения технических достижений среди всех категорий/представителей социума. Одинаковый доступ к технологиям, таким образом, является инструментом социального уравнивания индивидов в группе. Однако в действительности подобное положение вещей носит характер утопии. Дело в том, что такой принцип¹³ противоречит основам и содержанию социальных, политических, экономических и прочих установок функционирования групп и в особенности различных государств.

Кроме того, сомнительным является принцип равномерного распределения, ведь индивиду/группе всегда хочется больше. Но трансгуманизм предполагает новый принцип абсолютного равенства, не правовой, но технический, который гипотетически должен решить все проблемы человечества. Предполагается, что развитие технологии создаст некое единое универсальное сознание, которое обеспечит вышеуказанный принцип. Но это также вызывает больше вопросов и сомнений.

Подводя итог, стоит сделать следующие выводы. Будущность в рамках риторики трансгуманизма используется как алиби для драпирования процесса редукции «научного». При этом желаемое обретает спекулятивный статус существующего. Данное течение стремится интегрировать и использовать в своей идеологии понятие эволюции, отождествляя ее с научно-техническим прогрессом. Но возможность этого условна и формальна. Концепция «Постчеловека» обеспечивает перспективу и легитимность применения данного термина к процессу потенциального становления некоего нового вида. Это позволяет построить некую концепцию трансгуманистической эволюции, хотя ее жизнеспособность вызывает сомнение и зависит от ряда факторов.

Трансгуманизм преднамеренно подменяет содержание понятия необходимость приматом термина неизбежность. Анализ указывает на отсутствие такой легитимности. Более того, в

¹¹ Одним из идеалов трансгуманистов является возможность синтеза биологического и технического, что позволит взять лучшее и исключить недостатки каждой из этих сфер.

¹² Самосохранения не только в биологическом, но и в экономическом, политическом, социальном и прочих аспектах, то есть сохранение привычного; всего того, что делает жизнь человека комфортной, безопасной и удобной.

¹³ Основная предпосылка проблематики заключается в том, что конфликты возникают только в борьбе за имеющиеся блага. Таким образом, равномерное их распределение, как в качественном, так и количественном аспекте, ликвидирует необходимость такого противостояния за ресурсы. Однако человеку не только всегда мало, но и он не будет ценить то, что будет ему доступно. Человек не ценит то, что не выделяет его среди других [5, с. 82]. Конфликты людей носят иногда совершенно иррациональный характер.

рамках идеологии данного течения можно говорить лишь о номической необходимости, но даже это чрезмерно позитивный шаг. Человек в трансгуманизме рассматривается как нечто неполноценное, поэтому ему требуется усовершенствование. «Апгрейд» производится посредством преодоления человека и всего, что можно назвать «человеческим». Таким образом, «Постчеловек» должен вытеснить менее совершенный вид, который «устарел» для нового мира. Феномен футурофобии связан с проблемой принятия будущего вместе с его нововведениями, в том числе научно-технического характера. Страх вызван ощущением зависимости человека от научно-технического прогресса. Она делает его пассивным и нивелирует исключительность.

Трансгуманизм использует положение о том, что не существует основы, делающей человека человеком, а поэтому и нравственные, правовые и иные нормы не нарушаются, что позволяет инициировать категорическую необходимость модернизации индивида. Тенденции к устроенности, удовлетворенности и потребительству являются позитивными факторами для реализации идей трансгуманизма. Даже такие феномены объективной реальности, как время и пространство, трансформируются из объективных явлений в атрибуты/ресурсы человека. Сверхнеобходимость – это искусственное явление, вызванное научно-техническим прогрессом. Она не имеет целью собственно удовлетворение, а желаемый продукт всегда нечто «новое», которое в действительности отсутствует. Современные метаморфозы языка приводят к изменению мышления. Трансгуманизм хоть и считает одной из своих главных задач интеллектуальное развитие человека, однако предполагает его подмену компенсирующими технологиями. Кроме того, стоит отметить, что трансгуманизм присваивает себе особый сотериологический статус. Он создает мир-утопию, в котором наличествует эфемерное «равномерное распределение благ».

Иррационально игнорировать не только научно-технический прогресс, но и его необходимость для человека и общества. Но важно понимать, что человеку следует разработать культуру использования технических средств. Индивид всегда пользуется словом «культура» для подчеркивания необходимости рационального построения и эффективного функционирования собственной деятельности (например, «культура речи», «культура мышления», «культура тела» и так далее). Техника и технология и как сфера деятельности человека, и как некий инструмент, которым пользуется человек, может приносить разные плоды в зависимости от того, как ими пользоваться. Нетрезвый водитель (как субъект, использующий техническое средство) представляет опасность как для себя, так и для других. Поэтому необходимо избежать такой ситуации, в которой человечество может превратиться в подобного водителя.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М. : Академический проект, 2014. 351 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2015. 392 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
4. Васильева В. И. Эволюционное учение // Малая медицинская энциклопедия : в 6 т. Т. 6 / под ред. В. И. Покровского. М. : Медицина, 1996. С. 314.
5. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Мн. : Харвест, 2001. 304 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. М. : Эксмо, 2014. 736 с.
7. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М. : Эксмо, 2018. 320 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М. : АСТ, 2018. 256 с.
9. Пилипенко Н. В. Необходимость и случайность // Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева и др. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 421–423.
10. Рэнд А. Добродетель эгоизма. М. : Альпина Пабlisher, 2018. 267 с.
11. Статья «Необходимость» // Философия : Энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/844/neobhodimost.htm> (дата обращения: 03.06.2022).
12. Статья «Эволюция» // Биологический энциклопедический словарь / под ред. М. С. Гилярова. М. : Советская энциклопедия, 1986. С. 726.
13. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ, 2004. 557 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академический проект, 2015. 460 с.
15. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Сайт, посвященный В. В. Библихину «Владимир Библихин». URL: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (дата обращения: 03.06.2022).
16. Хокинг С. Краткая история времени: От Большого взрыва до черных дыр. СПб. : Амфора, 2017. 231 с.
17. Швейцер А. Культура и этика. М. : Прогресс, 1973. 337 с.
18. Швейцер А. Я родился в период духовного упадка человечества // Кризис сознания : сборник работ по «философии кризиса». М. : Алгоритм, 2009. С. 5–11.

19. Amnon H. Eden, Eric Steinhart, David Pearce, James H. Moor. Singularity Hypotheses: An Overview // Singularity Hypotheses A Scientific and Philosophical Assessment. Cham, CH : Springer, 2012. Pp. 1–13. DOI: 10.1007/978-3-642-32560-1.

20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. I. 1. Pp. 1–25. URL: <http://jetpress.org/volume14/bostrom.html> (дата обращения: 03.06.2022).

21. Cipolla C., Crellin R. J., Harris O. J. Posthuman Archaeologies, Archaeological Posthumanisms // Journal of Posthumanism. 2021. Vol. 1. № 1. Pp. 5–21. DOI: 10.33182/jp.v1i1.1357.

22. More M. The Philosophy of Transhumanism // The Transhumanist Reader. Oxford, UKJ : John Wiley & Sons, 2013. Pp. 3–17.

Scientific and Technological progress and the digital world in the transhumanist paradigm as a challenge to modern society and man

N. I. Petev

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Religious Studies,
Vladimir State University n. a. A. G. and N. G. Stoletov.
Russia, Vladimir. ORCID: 0000-0002-8711-4400. E-mail: cyanideemo@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of problematic issues related to the assessment of scientific and technological progress within the transhumanist paradigm. The relevance of this topic lies in the fact that the boundless faith in technical development, which is characteristic of transhumanists and individual scientific researchers who support the former, prevents the possibility of an effective analysis of this process. Thus, there is a possibility of a situation that will lead to ambiguous consequences, including destructive ones. The main problem of this work is to identify those ideas of transhumanism (and the analysis of their content), which in the future, and some already now, are able to challenge man and society. The purpose of the work is to identify contradictions, speculative substitutions and pragmatic rhetoric of various ideas and principles of this trend. A set of different methods was used in this study. The deconstruction method was used as a provocation method to reveal the hidden (draped) content of the ideas of transhumanism. The hermeneutic approach is necessary to identify the internal narrative of the main concepts of this trend. Mental modeling and construction allows us to reveal the potential development and embodiment of transhumanistic ideas, for which the need for implementation is asserted. The dialectical method makes it possible to identify the contradictory nature of transhumanism attitudes. In addition, ethical and psychological approaches were used in the work. Conclusions. The speculative application of the principle of "futurity" as an alibi for the consequences of the ideas of transhumanism is revealed. The evolutionary principle of transhumanism as an artificial and pragmatic construction is analyzed and demonstrated. The phenomenon of transformation of time and space from the phenomena of material objectivity into the attributes of human consumption (their identification with consumed and controlled resources) is revealed. The phenomena of novelty and language are analyzed, their destructive metamorphoses under the influence of modern technologies, including the digital world, are revealed.

Keywords: transhumanism, digital world, evolution, pessimism of novelty, futurophobia, technological singularity, posthuman.

References

1. Bart R. *Mifologii* [Mythology]. M. Academic project. 2014. 351 p.
2. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M. Dobrosvet. 2015. 392 p.
3. Baudrillard Zh. *Sistema veshchej* [The system of things]. M. RIPOL classic. 2020. 256 p.
4. Vasilyeva V. I. *Evolucionnoe uchenie* [Evolutionary doctrine] // *Malaya medicinskaya enciklopediya : v 6 t. T. 6* – Small medical Encyclopedia : in 6 vols. Vol. 6 / ed. by V. I. Pokrovsky. M. Medicine. 1996. P. 314.
5. Hobbes T. *Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine* [Philosophical foundations of the doctrine of the citizen]. Mn. Harvest. 2001. 304 p.
6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. M. Eksmo. 2014. 736 p.
7. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond good and evil]. M. Eksmo. 2018. 320 p.
8. Ortega y Gasset H. *Vosstanie mass* [The uprising of the masses]. M. AST. 2018. 256 p.
9. Pilipenko N. V. *Neobhodimost' i sluchajnost'* [Necessity and chance] // *Filosofskij enciklopedicheskiy slovar'* – Philosophical Encyclopedic Dictionary / ed. by L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev et al. M. Soviet Encyclopedia. 1983. Pp. 421–423.
10. Rand A. *Dobrodetel' egoizma* [The virtue of egoism]. M. Alpina Publisher. 2018. 267 p.

11. Stat'ya "Neobhodimost'" – The article "Necessity" // *Filosofiya : Enciklopedicheskij slovar'* – Philosophy : An Encyclopedic dictionary / ed. by A. A. Ivin. M. : Gardariki, 2004. Available at: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/articles/844/neobhodimost.htm> (date accessed: 06.03.2022).
12. Stat'ya "Evolyuciya" – Article "Evolution" // *Biologicheskij enciklopedicheskij slovar'* – Biological encyclopedic dictionary / ed. by M. S. Gilyarov. M. Soviet Encyclopedia. 1986. P. 726.
13. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of the future]. M. AST. 2004. 557 p.
14. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. M. Academic project. 2015. 460 p.
15. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme* [Letter about humanism] // *Sajt, posvyashchennyj V. V. Bibihinu "Vladimir Bibihin"* – Website dedicated to V. V. Bibikhin "Vladimir Bibikhin". Available at: http://bibikhin.ru/pismo_o_gumanizme (date accessed: 06.03.2022).
16. Hawking S. *Kratkaya istoriya vremeni: Ot Bol'shogo vzryva do chernyh dyr* [A brief history of time: From the Big Bang to black Holes]. SPb. Amphora. 2017. 231 p.
17. Schweitzer A. *Kul'tura i etika* [Culture and ethics]. M. Progress. 1973. 337 p.
18. Schweitzer A. *Ya rodilsya v period duhovnogo upadka chelovechestva* [I was born in the period of the spiritual decline of mankind] // *Krizis soznaniya : sbornik rabot po "filosofii krizisa"* – Crisis of consciousness : a collection of works on the "philosophy of crisis". M. Algorithm. 2009. Pp. 5–11.
19. Amnon H. Eden, Eric Steinhart, David Pearce, James H. Moor. Singularity Hypotheses: An Overview // *Singularity Hypotheses A Scientific and Philosophical Assessment. Cham, CH : Springer, 2012. Pp. 1–13. DOI: 10.1007/978-3-642-32560-1.*
20. Bostrom N. A History of Transhumanist Thought // *Journal of Evolution and Technology. 2005. Vol. 14. I. 1. Pp. 1–25. Available at: http://jetpress.org/volume14/bostrom.html* (date accessed: 03.06.2022).
21. Cipolla C., Crellin R. J., Harris O. J. Posthuman Archaeologies, Archaeological Posthumanisms // *Journal of Posthumanism. 2021. Vol. 1. No. 1. Pp. 5–21. DOI: 10.33182/jp.v1i1.1357.*

Социально-экономический форсайт как одно из направлений исследования и планирования будущего

Е. В. Рочняк

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории,
Горловский институт иностранных языков. Россия, г. Горловка. E-mail: lero1981@yandex.ru

Аннотация. Человек всегда желал знать свое будущее, а способности к его предчувствованию и предвосхищению высоко ценились. Сегодня, в эпоху постоянных и быстро сменяющих друг друга культурно-исторических, социально-политических, экономических, научно-технических и других изменений, научное предвидение будущего приобрело исключительно важное значение глобального характера. Близкое и далекое будущее стремятся предугадывать, предсказывать, предвещать, предусматривать, прогнозировать, планировать, рассчитывать, программировать, конструировать, проектировать, созидать. Такого рода деятельность как в научных исследованиях, так и на практике направлена прежде всего на выявление вариантов возможных действий в ситуациях неопределенности и постоянных изменений. В статье приводится ряд определений термина «форсайт», дается краткая характеристика форсайта как результата активизации принципа конструктивизма в истории общественной мысли. Подчеркивается, что форсайт представляет собой активное, открытое, систематическое, разновекторное планирование и построение видений будущего на средне- и долгосрочную перспективу, своего рода инструмент формирования приоритетов, а не просто его пассивное ожидание. Рассматриваются базовые утверждения и основные этапы эволюции форсайта как прикладного фьючерсного исследования. Основное внимание уделяется последнему, третьему этапу – социально-экономическому форсайту, однако дается краткая характеристика и первым двум – технологическому и рыночно-ориентированному этапам форсайта. На основе сравнения с традиционным линейным прогнозированием акцентируются такие характерные черты форсайт-исследования, как антропность, стремление к уходу от когнитивных шаблонов, аксиологическая направленность. Автор публикации высказывает мысль, что спектр применения социально-экономического форсайта на современном этапе значительно расширяется и с прикладного аспекта все чаще переходит на философско-методологический уровень, лежащий в основе социоантропологической трансформации человека и общества.

Ключевые слова: форсайт, социально-экономический форсайт, будущее, исследования будущего, планирование будущего.

Человек живет будущим. Возможно, в этом и кроется основная причина интереса к нему. В новейшее время для людей, по крайней мере, наиболее активных из них, характерно не фаталистическое мировоззрение, доминировавшее на протяжении большей части человеческой истории, а представление об открытости, непредзаданности и созидаемости будущего. Собственно, одна из ведущих современных методологических позиций в исследованиях будущего как раз и состоит в том, что будущее не линейно и предопределено, а «вариативно и творимо» [13, с. 124], именно поэтому акцент с «видения» (пророчество и прорицание) и «расчета» (предвидение, предсказание и прогноз) переносится в плоскость практического действия: обсуждение возможных сценариев будущего, договоренности о способах достижения наиболее приемлемых из них, проведение конкретных шагов по их реализации.

Исходя из одиннадцатого тезиса о Фейербахе («Философы различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» [7, с. 4]), для К. Маркса будущее существует не в качестве некой универсальной утопической идеи, а как результат прямого действия, поступка. По его мнению, необходимо говорить «о сознательном участии в происходящем на наших глазах ... преобразовании общества» [6, с. 451].

Активизация конструктивистского принципа в разнообразных исследованиях будущего свидетельствует собой появление нового вектора – «созидание, воплощение, конструирование будущего» [4, с. 198], а не просто его пассивное ожидание и безусловное принятие. В какой-то степени мысль К. Маркса о необходимости активного построения будущего, его планирования и проектирования поддержал основатель атеистического экзистенциализма Ж.-П. Сартр, отметив, что человек – это «проект, который переживается субъективно, а не мох,

не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопомощаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия» [10, с. 323]. Переформулировав данное высказывание, можно прийти к выводу, что будущее не познается, а создается.

С нашей точки зрения, данный мировоззренческий вектор наиболее полно раскрывается в таком методологическом направлении изучения будущего, как форсайт, подразумевающий именно прикладной аспект фьючерсных исследований и ориентированный не на точное описание будущего, а на продумывание разнообразных неравновероятных возможностей, способов достижения желаемых, «целевых» и избегания нежелаемых вариантов развития событий.

Термин «форсайт» (от англ. foresight, то есть предвидение, взгляд в будущее) был впервые введен еще в 1930 г. Гербертом Уэллсом в одном из интервью. В современной практике под форсайт-исследованиями понимают систематически и целенаправленно осуществляемый, открытый для участия различных субъектов процесс, ориентируемый на выработку в настоящем совместных решений и мобилизацию действий, объединяющий представления о будущем и формирующий видение на средне- и долгосрочную перспективу в случае соблюдения заранее известных условий. Иначе говоря, форсайт – это не угадывание будущего, а анализ его возможных вариантов, которые могут иметь место при соблюдении определенных условий, а основной задачей форсайт-исследований является «минимизация неопределенности будущего, подготовка к внезапным изменениям внешней среды и минимизация ущерба от влияния негативных факторов» [11, с. 32].

Исторически сложилось так, что форсайт развился в 1950-х гг. из двух основных школ. Г. Бергер разработал французскую «перспективную школу» (фокус на совместном системном мышлении), в это же время американская корпорация RAND заложила основы школы «стратегического форсайта» (фокус на методах прогнозирования будущего) [25]. А уже начиная с середины 1980-х гг., на «большую сцену» выходит корпоративный форсайт, когда такие компании, как BMW, Siemens, Shell разрабатывают и обнародуют собственные сценарии будущего, касающиеся прежде всего сферы экономики и технологий. Правительства многих стран мира реализуют программы государственного форсайта, а международные правительственные и общественные организации проводят свои исследования перспектив глобального развития. В частности, можно назвать Шестую и Седьмую Рамочные программы по научным исследованиям и технологическому развитию ЕС, программы инновационного развития ряда европейских (например, Великобритания, Ирландия, Испания) и азиатских (например, Индия, Китай, Сингапур, Южная Корея) стран.

Основополагающими для форсайта являются следующие утверждения [8]:

- 1) будущее можно создать, прилагая определенные усилия;
- 2) будущее не детерминировано жестко прошлым, а зависит от решений заинтересованных сторон в настоящем;
- 3) по отношению к некоторым сферам жизни можно строить прогнозы, но их реализацию нельзя предсказать достоверно;
- 4) нельзя быть уверенным в будущем, но можно быть готовым к его различным вариантам или самому участвовать в их подготовке.

Во многом эти утверждения форсайта как процесса исследования пересекаются с составляющими будущего как объекта в понимании современного французского исследователя Ю. де Жувенеля [1, с. 182]:

1. Будущее – территория свободы. Это открытая и инвариантная система, детерминируемая реалиями прошлого и настоящего.
2. Будущее – территория возможностей. Оно представляет собой пластичный и управляемый феномен. Через анализ вероятных событий мы можем к ним подготовиться.
3. Будущее – территория желаний. Необходимо знать, чего мы хотим от жизни и задавать направление, по которому хотим двигаться.

Еще относительно недавно форсайт-исследования рассматривались как одно из направлений синтетической концепции сугубо технологического прогнозирования, а именно стратегического информирования (Strategic Intelligence), которая также охватывала прогнозирование развития технологии (Forecasting Technology) и оценку последствий ее внедрения (Technology Assessment). В настоящее время форсайт является вполне самостоятельной междисциплинарной парадигмой научной прогностики [15].

Классическое прогнозирование (обозначаемое в англоязычной научной традиции термином forecasting) предполагает видение лишь одного образа будущего, в то время как фор-

сайт изначально базируется на предположении об их множественности. Причем каждый из возможных образов (вариантов, картин, сценариев будущего) является результатом действий в настоящем всех субъектов развития – государства, общества, науки и бизнеса. И если мы стремимся к наступлению именно желаемого, а не любого будущего, то анализ получаемых в результате форсайт-исследований вариантов должен одновременно сопровождаться разработкой мер для оптимального построения траектории инновационного развития, то есть разработкой так называемых «технологических дорожных карт» (technology roadmapping) по формированию будущего (making the future, design of the future или shaping the future), в создании которых прямо или косвенно принимают участие те, от кого оно непосредственно зависит или может зависеть. Иначе говоря, если прогноз по своей сути пассивен, то форсайт в большей степени ориентирован на активное формирование наиболее предпочтительных вариантов развития.

В свое время Э. В. Ильенков писал, что конкретного понимания факта действительности нельзя достигнуть без исторического подхода к нему [2, с. 197]. Если рассматривать историю становления форсайта как теории и практики исследования будущего, то можно увидеть эволюцию его целей [27, с. 26–30].

На первом этапе форсайт (Technology Foresight) носил однозначно технологический и в определенной мере директивный характер, давая представления о средне- и долгосрочных перспективах научно-технической сферы благодаря оценке имеющихся достижений, а также анализу их влияния на экономическое и социальное развитие.

Второй этап (1990-е – 2000-е) – рыночно-ориентированный форсайт, название которого говорит само за себя. Форсайт-исследования используются различного рода государственными и бизнес-структурами исходя из нужд развития конкретного рынка, даже при учете ими социальных и экологических факторов.

Третий, современный этап – социально-экономический. В условиях, когда обнаружись пределы невозобновляемых ресурсов, основной акцент сдвинулся на воспроизводство, сохранение и развитие «человеческого капитала», на первый план выходят не количественные, а качественные показатели. Именно с 2000-х гг. активно развивается идея адаптации людей к развивающемуся информационному обществу через «образование в течение всей жизни» (long life learning), что онтологически опирается на представления об устойчивом развитии. Мировая социальная модель модернизируется посредством разнообразных инвестиций в человеческие ресурсы и борьбы с социальной обособленностью.

В связи с тем, что социально-экономический форсайт ставит во главу угла вопросы развития, формирования, совершенствования человека в обществе, его роли в преобразовании окружающей действительности, естественно, значительный потенциал получают направления исследований в сфере образования, медицины, информационных и биотехнологий, экологии. Причем информация о новейших достижениях и перспективах в этих сферах на сегодняшний день широко представлена в разного рода источниках со свободным доступом. Именно поэтому основной проблемой их анализа является переизбыток, а вовсе не недостаток данных.

Интерес к социально-ориентированному форсайту отражается в расширении академического участия в этой области [20]. Количество публикаций, в первую очередь зарубежных, по этому вопросу значительно увеличилось в последние годы и уже превышает количество публикаций за предыдущие десятилетия [26]. При этом во многих из них подчеркивается, что для создания стратегий, которые заметно отличаются от статус-кво, необходимо преодолеть когнитивные ограничения [16; 20; 23], которые базируются на прошлом опыте и препятствуют выявлению и реализации отдаленных возможностей. По сути, инерционность нашего мышления и создает ситуации, когда «взгляда хватает не более чем на три шага вперед» [14, с. 349].

Именно на преодоление когнитивных ограничений направлено, в частности, активное использование в последние годы систем на основе информационно-коммуникативных технологий (например, приложения для коммуникационных интерфейсов и специализированное программное обеспечение для принятия решений) и новых информационных технологий (например, машинное обучение, искусственный интеллект и инструменты интеллектуального анализа текста) [17; 18]. По сути, эти технологические системы действуют в качестве вспомогательных средств для выполнения сложных количественных и качественных анализов данных, а также проведения процессов моделирования [24]. В свою очередь, это позволяет проводить контекстуальную идентификацию неопределенностей в настоящем и будущем,

выявляя возможности и угрозы [18]. Другими словами, эти системы и технологии обеспечивают «платформу для обмена и создания информации, сотрудничества, анализа и оценки... [это] должно позволить создать общий, но ориентированный на решение процесс прогнозирования для изучения краткосрочных и долгосрочных событий и сценариев» [22, с. 2].

Кроме того, А. Бойзен [17] подчеркивает, что преимущества сетевой системы многостороннего совместного обмена знаниями и представлениями в данных технологиях позволяют свести к минимуму когнитивные искажения в процессе форсайта, а выработанные таким образом идеи могут преобразовываться в культурные универсалии, получая распространение во всех структурах общества.

Если на первом и втором этапе своего исторического развития базой форсайт-исследований были в первую очередь модели экстраполяционно-линейного характера, опирающиеся на перенос опыта прошлого на будущее, например, аналогия, моделирование, экстраполяция, то на третьем этапе ретроспективный анализ уступает место поискам уникального нового на основе неполной индукции. Социально-экономический форсайт предполагает не только достижение консенсуса и общественную активность, использование социально-диалоговых, партнерских механизмов принятия и реализации решений, но и умение каждого быть гибким, готовым к переменам, не заикливаться на уже имеющемся опыте, стереотипах и шаблонах. И здесь важным становится исследовательский принцип Э. Тоффлера: «Когда имеешь дело с будущим ... важнее иметь хорошее воображение и быть проницательным, чем быть на сто процентов “правым”» [цит. по: 27, с. 122].

Согласно прогнозам авторов книги «Синергетика и прогнозы будущего» [3], в настоящий момент происходит достаточно быстрый отход от предшествующей траектории развития человечества, масштабы ожидаемых и неожиданных перемен велики, и для того чтобы иметь «свое завтра», очень многое должно измениться в самом человеке как на уровне мыслительной деятельности, так и ценностных ориентаций. И это при том, что ценности максимально стабильны при всех изменениях в социуме.

«Образцы будущего насыщены ценностными установками, – подчеркивала президент Всемирной федерации изучения будущего Э. Мазини, – и сознательно или бессознательно конструируются, исходя из ценностных оценок и ценностных приоритетов их создателей» [5, с. 15]. Поэтому смысл современных форсайт-исследований, с точки зрения Э. Тоффлера, как некоего моста между теоретическими, фундаментальными исследованиями будущего и практически ориентированным планированием состоит не в том, чтобы «исследовать настоящее с позиции отыскания в нем возможностей для будущего» [цит. по: 9, с. 122], а «помочь найти путь примирения с будущим – помочь эффективнее справляться с личностным и общественным процессом перемен», «повысить степень осознания будущего» [там же].

Мы ожидаем, что проведение теоретических и эмпирических исследований в этом направлении может привести к полезному концептуальному продвижению по поводу того, как качественные изменения приоритетов в социальной сфере смогут изменить нашу реальность в соответствии с желаемым образом.

Список литературы

1. Жувенель Ю де. Стрела времени и конец уверенности // Ключи от XXI века : сб. статей / пер. с фр. и пред. Коиширо Мацуура. М., 2004. С. 180–183.
2. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. Изд. 2-е, испр. М. : URSS, 2010. 284 с.
3. Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. М. : Эдиториал, 2001. 288 с.
4. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследования // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
5. Косолапов В. В. XXI век в зеркале футурологии / В. В. Косолапов, А. Н. Гончаренко. М. : Мысль, 1987. 238 с.
6. Маркс К. Сочинения : в 30 т. Т. 14. 1857–1860 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1959. 936 с.
7. Маркс К. Сочинения : в 30 т. Т. 3. 1845–1847 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. М. : Госполитиздат, 1954. 630 с.
8. Оценка компаний при слияниях и поглощениях. Создание стоимости в частных компаниях / Ф. Ч. Эванс, Д. М. Бишоп; пер. с англ. Изд. 3-е. М. : Альпина Паблишерз, 2009. 332 с.
9. Пирожкова С. В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 2. С. 111–129.

10. Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М. : Изд-во политической литературы, 1990. С. 319–340.
11. Сидельников Ю. В. Обзор зарубежных сценарных прогнозов и форсайтов: инструменты информационного управления / Ю. В. Сидельников, М. В. Шалышкин, М. Ю. Шевыренков // Управление большими системами : сборник трудов. 2014. Вып. 51. С. 26–59.
12. Стёпин В. С. Саморазвивающиеся системы: новые стратегии развития // Вестник Российского философского общества. 2003. № 2. С. 14–28.
13. Филатова О. В. Форсайт: от технологий к человеку // Человек.RU. 2014. № 9 (9). С. 120–126.
14. Хейзенга Й. Номо ludens. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл.; общ. ред. и послесл. Г. М. Тавризян. М. : Прогресс, 1992. 464 с.
15. A Practical Guide to Regional Foresight. FOREN Network (Foresight for Regional Development) // European Communities. 2001. P. 3.
16. Argote L. Organizational learning processes and outcomes: Major findings and future research directions / L. Argote, S. Lee, J. Park // Management Science. 2020. Vol. 67. № 9. Pp. 5399–5429.
17. Boysen A. Mine the Gap: Augmenting Foresight Methodologies with Data Analytics // World Futures Review. 2020. № 12. Pp. 239–248.
18. Da Silva Nascimento L. Dynamic interactions among knowledge management, strategic foresight and emerging technologies / Da Silva Nascimento L., Reichert F. M., Janissek-Muniz R., Zawislak P. A. // Journal of Knowledge Management. 2020. Vol. 25. № 2. Pp. 275–297.
19. Díaz-Domínguez A. How Futures Studies and Foresight Could Address Ethical Dilemmas of Machine Learning and Artificial Intelligence // World Futures Review. 2019. Vol. 12 (2). Pp. 169–180. DOI: 10.1177/1946756719894602.
20. Gavetti G. PERSPECTIVE – Toward a behavioral theory of strategy // Organization Science. 2012. Vol. 23. № 1. Pp. 267–285.
21. Gordon A. V. 50 Years of Corporate and Organizational Foresight: Looking Back and Going Forward / A. V. Gordon, M. Ramic, R. Rohrbeck, M. J. Spaniol // Technological Forecasting & Social Change. 2020. № 154. Pp. 119–966.
22. Heiko A. Foresight support systems: The future role of ICT for foresight / A. Heiko, V. A. Banuls, M. Turof, A. M. Skulimowski, T. J. Gordon // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 97. Pp. 1–6.
23. Kaplan S. Temporal work in strategy making / S. Kaplan, W. J. Orlikowski // Organization Science. 2013. Vol. 24. № 4. Pp. 965–995.
24. Keller J. The influence of information and communication technology (ICT) on future foresight processes – Results from a Delphi survey / J. Keller, A. Heiko // Technological Forecasting and Social Change. 2014. № 85. Pp. 81–92.
25. Rohrbeck R. IT tools for foresight: The integrated insight and response system of Deutsche Telekom Innovation Laboratories / R. Rohrbeck, N. Thom, H. Arnold // Technological Forecasting and Social Change. 2015. № 97. Pp. 115–126.
26. Singh S. Bibliometric overview of the Technological Forecasting and Social Change journal: Analysis from 1970 to 2018 / S. Singh, S. Dhir, V. M. Das, A. Sharma // Technological Forecasting and Social Change. 2020. № 154. Pp. 119–963.
27. Son H. The history of Western futures studies: An exploration of the intellectual traditions and three-phase periodization // Futures. 2015. № 66. Pp. 120–137.

Socio-economic foresight as one of the directions of research and planning of the future

E. V. Rochnyak

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and History,
Gorlovka Institute of Foreign Languages. Russia, Gorlovka. E-mail: lero1981@yandex.ru

Abstract. A person has always wanted to know his future, and the ability to anticipate and anticipate it was highly valued. Today, in the era of constant and rapidly changing cultural, historical, socio-political, economic, scientific, technical and other changes, scientific foresight of the future has acquired an extremely important global significance. The near and distant future seek to predict, predict, foretell, foresee, predict, plan, calculate, program, design, design, create. This kind of activity, both in scientific research and in practice, is primarily aimed at identifying the best options for possible actions in situations of uncertainty and constant changes. The article provides a number of definitions of the term "foresight", gives a brief description of foresight as a result of the activation of the principle of constructivism in the history of social thought. It is emphasized that foresight is an active, open, systematic, multi-vector planning and building visions of the future for the medium and long term, a kind of tool for forming priorities, and not just its passive expectation. The basic

statements and the main stages of the evolution of foresight as an applied futures research are considered. The main attention is paid to the last, third stage – socio-economic foresight, but a brief description is given of the first two – technological and market-oriented stages of foresight. Based on a comparison with traditional linear forecasting, such characteristic features of foresight research as anthropicity, the desire to move away from cognitive patterns, and axiological orientation are emphasized. The author of the publication suggests that the range of application of socio-economic foresight at the present stage is significantly expanding and is increasingly moving from the applied aspect to the philosophical and methodological level underlying the socio-anthropological transformation of man and society.

Keywords: foresight, socio-economic foresight, future, future research, future planning.

References

1. Jovenel Yu de. *Strela vremeni i konec uverenosti* [The arrow of time and the end of confidence] // *Klyuchi ot XXI veka : sb. statej* – Keys from the XXI century : collection of articles / transl. from Fr. and prev. by Koishiro Matsuura. M. 2004. Pp. 180–183.
2. Il'enkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v "Kapitale" Marksa. Izd. 2-e, ispr.* [Dialectics of the abstract and concrete in Marx's "Capital". 2nd edition, corr.] M. URSS. 2010. 284 p.
3. Kapica S. P. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and forecasts of the future] / S. P. Kapitsa, S. P. Kurdyumov, G. G. Malinetsky. M. Editorial. 2001. 288 p.
4. Knyazeva E. N. *Transdisciplinarnye strategii issledovaniya* [Transdisciplinary research strategies] // *Vestnik Vol. gos. ped. un-ta* – Herald of Vol. State Pedagogical University. 2011. No. 10 (112). Pp. 193–201.
5. Kosolapov V. V. *XXI vek v zerkale futurologii* [XXI century in the mirror of futurology] / V. V. Kosolapov, A. N. Goncharenko. M. Mysl (Thought). 1987. 238 p.
6. Marx K. *Sochineniya : v 30 t. T. 14. 1857–1860* [Works : in 30 vols. Vol. 14. 1857–1860] / K. Marx, F. Engels. Ed. 2nd. M. Gospolitizdat. 1959. 936 p.
7. Marx K. *Sochineniya : v 30 t. T. 3. 1845–1847* [Works : in 30 vols. Vol. 3. 1845–1847] / K. Marx, F. Engels. Ed. 2nd. M. Gospolitizdat. 1954. 630 p.
8. *Ocenka kompanij pri sliyaniih i pogloshcheniih. Sozdanie stoimosti v chastnyh kompaniyah* – Evaluation of companies in mergers and acquisitions. Creating value in private companies / F. C. Evans, D. M. Bishop; transl. from English Ed. 3rd. M. Alpina Publishers. 2009. 332 p.
9. Pirozhkova S. V. *Predskazanie, prognoz, scenarij: k voprosu o raznoobrazii rezul'tatov issledovaniya budushchego* [Prediction, forecast, scenario: on the question of the diversity of the results of future research] // *Filosofiya nauki i tekhniki* – Philosophy of Science and Technology. 2016. Vol. 21. No. 2. Pp. 111–129.
10. Sartre J. P. *Ekzistencializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism] // *Sumerki bogov* – Twilight of the Gods. M. Publishing House of Political Literature. 1990. Pp. 319–340.
11. Sidel'nikov Yu. V. *Obzor zarubezhnyh scenarijnyh prognozov i forsajtov: instrumenty informacionnogo upravleniya* [Review of foreign scenario forecasts and foresights: tools of information management] / Yu. V. Sidel'nikov, M. V. Shalyshkin, M. Yu. Shevyrenkov // *Upravlenie bol'shimi sistemami : sbornik trudov* – Management of large systems : collection of works. 2014. Is. 51. Pp. 26–59.
12. Styopin V. S. *Samorazvivayushchiesya sistemy: novye strategii razvitiya* [Self-developing systems: new development strategies] // *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva* – Herald of Russian Philosophical Society. 2003. No. 2. Pp. 14–28.
13. Filatova O. V. *Forsajt: ot tekhnologii k cheloveku* [Foresight: from technology to man] // *Chelovek.RU* – Человек.RU. 2014. No. 9 (9). Pp. 120–126.
14. Heizenga J. *Homo ludens. V teni zavtrashnego dnya* [Homo ludens. In the shadow of tomorrow] / transl. from Netherland; gen. ed. and afterword by G. M. Tavrizyan. M. Progress. 1992. 464 p.
15. *A Practical Guide to Regional Foresight. FOREN Network (Foresight for Regional Development)* // European Communities. 2001. P. 3.
16. Argote L. Organizational learning processes and outcomes: Major findings and future research directions / L. Argote, S. Lee, J. Park // *Management Science*. 2020. Vol. 67. No. 9. Pp. 5399–5429.
17. Boysen A. Mine the Gap: Augmenting Foresight Methodologies with Data Analytics // *World Futures Review*. 2020. No. 12. Pp. 239–248.
18. Da Silva Nascimento L. Dynamic interactions among knowledge management, strategic foresight and emerging technologies / Da Silva Nascimento L., Reichert F. M., Janissek-Muniz R., Zawislak P. A. // *Journal of Knowledge Management*. 2020. Vol. 25. No. 2. Pp. 275–297.
19. Díaz-Domínguez A. How Futures Studies and Foresight Could Address Ethical Dilemmas of Machine Learning and Artificial Intelligence // *World Futures Review*. 2019. Vol. 12 (2). Pp. 169–180. DOI: 10.1177/1946756719894602.
20. Gavetti G. PERSPECTIVE – Toward a behavioral theory of strategy // *Organization Science*. 2012. Vol. 23. No. 1. Pp. 267–285.
21. Gordon A. V. 50 Years of Corporate and Organizational Foresight: Looking Back and Going Forward / A. V. Gordon, M. Ramic, R. Rohrbeck, M. J. Spaniol // *Technological Forecasting & Social Change*. 2020. No. 154. Pp. 119–966.

22. *Heiko A.* Foresight support systems: The future role of ICT for foresight / A. Heiko, V. A. Banuls, M. Turof, A. M. Skulimowski, T. J. Gordon // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. No. 97. Pp. 1–6.
23. *Kaplan S.* Temporal work in strategy making / S. Kaplan, W. J. Orlikowski // *Organization Science*. 2013. Vol. 24. No. 4. Pp. 965–995.
24. *Keller J.* The influence of information and communication technology (ICT) on future foresight processes – Results from a Delphi survey / J. Keller, A. Heiko // *Technological Forecasting and Social Change*. 2014. No. 85. Pp. 81–92.
25. *Rohrbeck R.* IT tools for foresight: The integrated insight and response system of Deutsche Telekom Innovation Laboratories / R. Rohrbeck, N. Thom, H. Arnold // *Technological Forecasting and Social Change*. 2015. No. 97. Pp. 115–126.
26. *Singh S.* Bibliometric overview of the *Technological Forecasting and Social Change* journal: Analysis from 1970 to 2018 / S. Singh, S. Dhir, V. M. Das, A. Sharma // *Technological Forecasting and Social Change*. 2020. No. 154. Pp. 119–963.
27. *Son H.* The history of Western futures studies: An exploration of the intellectual traditions and three-phase periodization // *Futures*. 2015. No. 66. Pp. 120–137.

УДК 130.2

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.055

Сериял «Игра в кальмара»: философский анализ

Л. А. Шаяхметова¹, М. С. Гринчук²

¹кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-2536-6650. E-mail: LinaraShai@mail.ru

²студент второго курса факультета физической культуры, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. Россия, г. Пермь. E-mail: m1scha.grin4uk@yandex.ru

Аннотация. В статье делается попытка герменевтического анализа популярного корейского сериала «Игра в кальмара», выпущенного в сентябре 2021 г. Сериал, несмотря на всю критику, набрал большие рейтинги, и мы усматриваем данную популярность в отсылках к философским, социальным и этическим проблемам, таким, как проблема смысла, выбора, проблема моральных дилемм.

Цель исследования заключается в раскрытии философского содержания сериала. В ходе анализа были выявлены следующие компоненты: экзистенциальный компонент – проблема смысла, проблема свободы выбора, компонент этической области – вопрос моральных дилемм, компонент структуралистской философии – структуралистский подход к проблемам онтологии, компонент немецкой философии жизни – ницшеанское осмысление мира, социально-философский подтекст.

Эти составляющие дают возможность сюжету существовать на различных уровнях понимания бытия. Мы делаем вывод, что сериал отражает общественные запросы и саму социальную реальность. Сюжет сериала находится на грани художественного вымысла и философского контекста, возможно, он эклектичен и сумбурен, но именно в этой стихийности текста прослеживается основная философская стезя.

Игра в кальмара с философской точки зрения – проявление симптомов заболеваний общества и хронического течения болезни. Поэтому мы можем констатировать, что мир полон философской аномии, нуждается в решении проблем социальной стратификации и находится в процессе решения моральных проблем. Процесс этот нескончаем и будет существовать, пока живо думающее человечество.

Ключевые слова: этическая дилемма, свобода выбора, экзистенциальный смысл, ницшеанская философия, шизоанализ.

Популярный корейский сериал «Игра в кальмара» бил все рейтинги осенью 2021 г. Его успех с философской точки зрения отражает глобальные общественные настроения. В независимости от того, нравится сериал человеку или нет, большинство усматривает в нем подтекст острого социально-экономического конфликта в обществе, проблемы современного капитализма, проблемы этических дилемм, неоднозначность человеческих ценностей и даже отражение кризиса христианского религиозного мировоззрения.

Мы решили остановиться на философском содержании сериала и разглядели в нем следующие компоненты: проблему смысла, проблему свободы выбора, вопрос моральных дилемм, структуралистский подход к проблемам онтологии, ницшеанское осмысление мира, социально-философский подтекст.

1. Проблема смысла. Все участники игры в кальмара стали заложниками собственных обстоятельств, все находятся на дне общества и не видят смысла в своем существовании, это состояние социальной аномии, которое ввел в оборот Э. Дюркгейм [8]. Некоторые из них стали люмпенизированными элементами, а те, кто имел достаточное воспитание, готовы покончить жизнь самоубийством.

Проблема смысла жизни, соотношения ценности жизни и настигших проблем – носят экзистенциальный характер. Быть в *Dasien* [20], чувствовать жизнь здесь и сейчас – такую возможность дает людям игра, в которой единственный выживший может получить сумму, решающую все его проблемы наперед. При этом выбор несет за собой свободу, свободу сартровскую, которая не благо – которая наказание [16].

2. Свобода выбора. Образ человека в сюжете изначально наделен христианской свободой выбора, о которой говорил Августин Блаженный [2]. Августин заимствовал данный тезис из седьмой книги святого Амвросия «О добре и зле. О свободной воле»: «Воля свободна в своем решении и является причиной того, что мы творим зло и терпим справедливый суд». Сво-

бода выбора предоставляется участникам игры, так как они сами дают свое согласие на игру, и в договоре есть пункт, гласящий, что игра может быть окончена, если большинство игроков проголосуют за ее окончание. Согласимся, что перед первой игрой не было четкого понимания происходящего: людям не сообщили, что цена проигрыша – это их жизнь, поэтому после первой же игры произошло голосование, где большинство проголосовало за остановку. Игра была окончена. Каждый вернулся в свою привычную жизнь, но им предоставили возможность вернуться. И теперь, уже зная все обстоятельства данной игры, вернулась большая часть участников. Люди выбрали шанс и надежду несмотря на то, что шансы очень невелики, так как выиграть должен только один человек из двухсот. И если человек еще может принять то, что умрет он сам, то куда сложнее принять то, что другие должны умереть, чтобы выжил ты.

3. Этические, моральные дилеммы. В ходе игры между участниками складываются отношения и возникает привязанность, некоторые давно знают друг друга, формируются группировки и дружественные отношения. Эта ситуация приводит к тому, что игры начинают приобретать характер этических дилемм, ситуаций, где нет абсолютно правильных решений. И человек, если он совсем не деструктивная личность, будет испытывать муки совести – чем больше людей выбывает, тем существенней становится выигрыш. Получается, что деньги – это жизнь конкретного человека, поэтому победитель сталкивается с конфликтом совести и не тратит выигранные деньги, хотя изначально они ему были очень нужны. Показательной здесь становится игра с шариками, где, не зная условий игры, участники должны выбрать себе напарника, а напарника они выбирают исходя из симпатии и иных привязанностей, далее выясняется, что играть они должны со своим напарником, и проигравший, соответственно, умирает. В целом этика игры носит конвенционалистскую природу, так как результат игры важен для всех, ведь деньги могут решить проблемы большинства.

4. Рассуждая о социальной структуре, описанной в сериале, можно провести параллели с работой Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы» [18].

В своих трудах М. Фуко описывает тюрьму как один из дисциплинарных институтов. Сериал «Игра в кальмара» также иллюстрирует некий дисциплинарный институт. Можно различить два варианта. Первый, когда мы рассматриваем дисциплину на примере системы персонала игры и его взаимоотношений с руководством. Мы наблюдаем строгие рамки: разделение персонала по отдельным комнатам по одному человеку; запрет на общение без разрешения начальства; мгновенная смерть при нарушении должностных обязанностей; раскрытие личности персонала (никаких документов, имен и любой другой личной информации – все унифицировано); нарушение прав игроков на честную игру (случай, когда персонал давал игроку информацию о том, какой будет следующая игра за его услуги по извлечению органов выбывших игроков, другие игроки такой возможности не имели); в операторском центре персонал пристально следит за всем происходящим по камерам видеонаблюдения. Отлично видна хорошо выстроенная система подчинения в виде условных обозначений на масках персонала, где треугольник – солдат, круг – обслуживающий персонал, квадрат – начальник подразделения, который дает персоналу право разговаривать. Мы видим, что всей обстановкой управляет «главный», он имеет особый костюм и маску. Он лично решает, как поступить во внештатной и конфликтной ситуациях, применяя оружие незамедлительно. Стоит отметить, что главный всегда разъясняет причину, по которой он лишает или же не лишает жизни персонала/игроков, дабы зрители могли дать оценку его действиям и подумать, как бы они поступили на его месте. Все эксперименты (голосование, ночная потасовка, изменение правил игры) проводятся строго с его разрешения.

Второй стороной медали становится сама игра в кальмара. Взаимоотношения героев являются неким проявлением дисциплинарного института, который направлен не строго на воспитание нравственности и морали в человеке, а на испытание (проверку) его воспитания, его нравственности и его ценностей. Человек оказывается в ситуации, когда преступление (насилие, убийство) становится допустимым. Он понимает, что его жизнь на кону. Но правила игры нарушать нельзя. Тут мы и видим, как воспитание человека, все его жизненные ценности подвергаются жесткой проверке. Сломается он, дрогнет или нет? Готов ли он предать и изменить собственное мировоззрение ради игры, денег, сохранения жизни? Поначалу игроки не понимали, как жизнь человека может быть дороже денег, и какие правила могут лишать его этой жизни. Будучи заключенными в эти рамки, кто-то остался верен нравственным принципам, как игрок 199, который спас 456-го от верной смерти в первой игре, сам 456-й, который на протяжении всего своего участия в играх рассуждал, исходя из принципов совре-

менной морали, он не убил игрока 218 в финале, сохранив ему жизнь. Но не будем забывать, что 456-й обманом одержал победу в игре «шарики», обрекая игрока 1 на смерть. Если же мы посмотрим на игроков 101 и 218, то мы увидим, как люди изменили свои жизненные установки относительно ценности жизни другого человека. Для них убить стало синонимом слову продвигаться, выиграть, выжить, и они делали свой выбор. Если игрок 101 и был связан с криминалом, то 218-й, Сан Вуо, считался успешным на своей родине, окончил университет, бизнесмен и так далее. Почему он изменил свое отношение к человеческой жизни? Именно в противостоянии чувств и инстинктов мы видим проявление игры в кальмара как дисциплинарного института. Поступить, как поступил бы нравственный и воспитанный человек, или же, руководствуясь инстинктом самосохранения, убить и сохранить собственную жизнь. В первом случае, если вы сталкиваетесь с игроком (человеком), который готов поставить собственную жизнь выше морали и нравственных ценностей в критической ситуации, – убить вас, вы погибаете.

Рассматривая игру в кальмара через призму работы Мишеля Фуко, можно сказать, что его работа помогла провести аналогию между дисциплинарными институтами современного общества. Действительно, тюрьма изолирует человека от внешнего общества, но на территории тюрьмы он становится частью другого общества, еще более безнравственного и жестокого, деградируя до уровня люмпена. Получается, что тюремное заключение должно рассматриваться не с точки зрения формы наказания для осужденных, а именно привития им дисциплины, изменения их отношения к жизненным процессам и людям, дабы они больше не совершили правонарушений. Дисциплинарных институтов в современном обществе много: детский сад, школа, университет, тюрьма, военная служба (армия), работа, быденная жизнь. Проходя их, человек формирует жизненные ценности и свое отношение к другим людям в той или иной ситуации. Сериал «Игра в кальмара» становится еще одним примером, видеопособием, которое заставляет людей задуматься о том, как они поступают и как бы поступили, оказавшись на краю пропасти...

5. В сюжете явно прослеживаются две ницшеанские идеи. Первая – это «Сверхчеловек», который над или под социальной структурой общества, всех игроков в этом значении можно отнести к категории стремящихся стать сверхчеловеком, так как они выпали из социальной структуры, но еще не забрались над ней, хотя с точки зрения того, что они находятся под социальной структурой, свою цель они достигли. Истинным же сверхчеловеком здесь будет являться победитель: он теперь все понял, он достиг первоначальной цели, но не это его цель, он теперь сверхчеловек. Все значимые персонажи сюжета достаточно однобоки, их характер понятен, понятно, как они поступят, ведь внутренний мир не развивается. На этом фоне выделяются два персонажа: друзья, которые дойдут до финала, и именно в их характерах мы видим явные изменения. Первый герой – идеальный выпускник сельского университета, который работал на престижной работе, но влез в долги и попал в игру, второй – безработный неудачник, увлекающийся азартными играми, но именно этот герой имеет возможность страдать, и его персонаж в конце концов доходит до конца, именно его персонаж в самом конце отказывается от приза, лишь бы его друг остался живым... Друг убивает себя с просьбой забрать деньги и помочь его матери, ведь эту цель он преследовал.

Вторая ницшеанская идея – «Бог умер». В сюжете есть прямая отсылка к христианскому Богу [10]. Один из игроков, очень набожный, он читает молитвы, цитирует Библию, но все же не выполняет главную заповедь христианства: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Он не идет на самопожертвование, для него становится важна собственная выгода, выгода, которую можно достичь ценой жизни других людей.

Попадая на остров, где будут происходить основные этапы игры, участники поначалу просто пробуют оценить обстановку вокруг. Факт того, что их доставили в бессознательном состоянии, почему-то их не сильно тревожил. Начинается первая игра «Тише едешь – дальше будешь». Обыкновенная детская игра, в которую каждый играл, будучи ребенком, но что было на кону тогда, в детстве и сейчас? Люди не оценили серьезности намерений организаторов «игры». Как только первый выбывший игрок «получает пулю» и погибает, все остальные замирают от страха. За 2,5 минуты погибает половина от общего числа участников. Именно тогда оставшиеся понимают, что поставили собственную жизнь на чашу весов.

Изначально в игре установлен таймер в 5 минут. Как бы ни хотели выжившие участники покинуть игру, осознав ее опасность, этого сделать у них не получится. И тут на первое место вырывается мужчина преклонного возраста с раком мозга. Наше внимание обращают на

таймер. У игроков остается всего лишь 2,5 минуты, чтоб пересечь финишную черту. Войдя на площадку, все приняли правила игры. Незнание того, что они ставят на кон свою жизнь, не спасет никого. Перед самым финишем игрок № 456 начинает падать, что сулит ему верную смерть, но пакистанец Али хватает его за одежду и удерживает 456-го, пока игра не позволит игрокам продолжить движение. Ницше писал, что человеческая добродетель – порок человека. Поступил бы так сверхчеловек Фридриха Ницше? Спас бы он жизнь тому, кого не знает?

После первой игры игроки пребывают в ужасе от того, что слово «выбывший» означает «мертвый». Оставшаяся половина участников разделилась на два лагеря. На тех, кто отказывается продолжать игру. Судя по всему, люди осознали, что жизнь им дороже любых денег. И на тех, кто готов продолжить играть. По их мнению, жизнь в людском мире не лучше, и там им тоже уготована смерть в нищете и долгах.

Голосование показало, что большая часть людей решила закончить игру. Отдельную часть внимания нужно уделить тому моменту, что процесс голосования был строго демократическим, и соблюдалось право каждого человека сделать свой выбор без всякого давления, а прецеденты вмешательства пресекались.

Недолго пробыв на свободе, люди снова возвращаются в игровое поле. Что заставило их вернуться? Скорее всего – деньги, ресурс существования, который эти люди утратили и не могут обрести.

Основой всего является риск. Вы либо минимизируете риск, получая небольшой доход на протяжении долгого времени, либо риск на пределе, когда вы ставите все, включая свою жизнь, но доход обеспечит вам достойное существование в случае выигрыша. Очень многие люди проводят параллель между двумя факторами: «проиграть все деньги» и «проиграть собственную жизнь». Каждый из игроков сделал свой выбор...

Теперь происходит этап социализации в новом коллективе, выявляются лидеры из общего числа участников, те, кто оценивает силы, интеллект и возможности каждого из участников, подтягивая за собой лучших. Но, как показал сериал, союзы сформировались не по принципу лучших и худших, а по обстоятельствам. Кто-то был знаком между собой, кого-то связывает криминальное прошлое, кого-то взяли от безысходности.

На обеде происходит потасовка из-за того, что несколько участников обманом и наглостью забрали еду у других. По итогу игрок № 101 запинывает оппонента до смерти. Остальные игроки в ярости от того, что убийство никак не пресеклось персоналом. Деньги за жизнь убитого поступили в игровой фонд. В этот момент те, кто готов лишить жизни другого, ради увеличения выигрыша поняли, что будут действовать. Ницше верит в спартанскую дисциплину и способность терпеть так же, как и причинять боль ради важной цели. Игроков охраняли и держали под контролем солдаты, которые не стеснялись применять силу в случае конфликта. Для организаторов правила равенства – превыше всего, поэтому все строго соблюдают дисциплину и конфиденциальность, а главный смотритель лично устраняет нарушителей порядка без раздумий. Жесткий видеоконтроль и применение грубой силы, вплоть до лишения жизни персонала. А для всех игроков в рамках игры убить – убрать с дороги еще одного конкурента и увеличить выигрыш.

Уже по ходу других игр участники понемногу осознают, что если не убьют они, убьют их. Для них на первое место выходит инстинкт самосохранения, а не человеческие отношения. Но что кроется за этим инстинктом? Их размышления, планы и отношение к тому или иному игроку. Слово инстинкт применимо к диким существам, например, животным. Человек же этот момент обдумывает и решается на него осознанно. Отчасти здесь мы видим проявление другой морали, морали Ницше, когда человек склонен думать о том и совершать то, что традиционной морали противоречит. Почему отчасти? Думаем, Ницше хотел, чтобы люди сами дошли до таких рассуждений и это был каждый человек, которого не вынуждает ситуация и условия, в которых он оказался.

Ярким примером переоценки ценностей, по Ницше, являются поведение и действия игрока № 218. По мере прохождения игр Сан Воо только убеждался в том, что для продвижения вперед нужно хитрить, предпринимать серьезные решения (выстроить обстановку в команде так, чтобы те сплотились для убийства других – игра по перетягиванию каната). «Падающего подтолкни», – так писал Фридрих Ницше. В пятой игре на исходе времени Сан Воо понял, что не станет жертвовать собой из-за неуверенности игрока перед собой. Он понимал, что вероятность успеха/неудачи игрока № 13 равна 50 %, и решил за него. Игрок № 13 стоял на краю пропасти, вопрос «Куда бы он ступил?» не имел бы значения, его подтолкнули к следующей точке.

«Так говорил Заратустра», книга Фридриха Ницше [11]. В ней автор описывает трех существ, которыми человек по очереди становится на пути к переоценке собственных ценностей. Яркий пример, игрок № 456, который, собственно, и прошел игру до конца. Поначалу он стал верблюдом, потерял семью, средства к существованию, стал одиноким и никому ненужным. На этапе игры в «Шарики» он испугался, что потеряет свою жизнь. Этот страх заставляет его стать львом и сказать себе, что может так поступить, ведь жизнь на кону. Пусть через слезы и сострадание к игроку № 1 он обманывает его, забирая победу, думая, что обрек его на верную смерть. Ближе к концу наступает самая интересная сцена, пик жестокости, детская «Игра в кальмара». Правила просты – добраться до нужной точки любым способом, вплоть до убийства оппонента. Одержав физическую победу, игрок № 456 не убивает игрока № 218. Тут он становится ребенком. Он переосмыслил суть своего присутствия здесь, на игровом поле, в мире, в жизни. Ведь после победы он не устремился тратить выигрыш. Он продолжил жить в ином ключе, опираясь на неоченимый опыт своей жизни до игры, во время игры и после игры.

«Причинять боль ради важной цели». А что было целью всех шести игр? Развлечение богатых людей, интерес которых может подогреть игра людей на жизнь? Пройти все испытания и унести с собой огромную сумму денег, продолжив жить в роскоши? Или же эксперимент того, как поведут себя люди в таких «игровых» условиях? Что человек, социализированное существо, поставит во главе своих интересов, когда его могут лишить жизни? Как раз в этом мы видим смысл и проявление переоценки ценностей человеком. Мораль Ф. Ницше абсолютно противоположна той, которую принято считать «правильной» в современном обществе [1]. Мы увидели ее проявление в рамках игры, участниками которой стали люди из этого же современного общества, бывшие бизнесмены, бандиты, обыкновенные люди. Когда они осознали, что могут лишиться жизни, они полностью изменили свой взгляд на мораль. В тот момент для них убить человека – продвинуться дальше к выигрышу, обманом одержать победу, которая стоит другому жизни – сделать шаг вперед, то есть любым способом продвинуться к цели (для каждого она была своей – деньги, сохранить свою жизнь и другое). Но мы помним, что мораль для Ницше – это ее отсутствие в современном мире. Все то, что мы считаем аморальным, неправильным и подлым в понимании немецкого философа есть неотъемлемая часть жизни человека, попробовать все, что может и способен сделать человек, включая убийство себе подобного.

б. Отражение социальных настроений. Бесспорно, есть много литературы, фильмов и других сюжетов, где эти философские проблемы поднимаются и описываются как напрямую, так и иносказательно. Все-таки кажется, что создателям сериала удалось преподнести данные сюжеты в более понятной и доступной трактовке, трактовке, которая отвечает запросам молодых людей. Это неплохо и нехорошо, это лишь показывает актуальность этических проблем в ситуации экономического и общественного кризисов, схожесть которых в сериале с реалиями заметна каждому. Ценным становится тот факт, что победитель игры в конце остается человеком, человеком, который теперь страдает еще больше, человеком, который понял, что значит этот выигрыш, некий намек на то, что надежда у гуманности и гуманизма есть для будущего. Кроме того, для нас он напоминает абстрагированного философа из мыслей М. Мамардашвили [9]. Суть философии – абстрагироваться от обыденности и повседневности, а главный герой выпадает из повседневности, так как теперь он пребывает в отчаянии.

Кроме этого, для нас образ социального в тексте сериала начинает попадать под рамки шизоанализа Ж. Делеза и Ф. Гватари. Здесь прослеживаются маргинальные группы, как внутри игроков, так и сами игроки по отношению к остальному обществу маргинальны. Их мир, их мотив попадания в игру завязан на концепте мира желаний, где «все возможно» – возможно здесь и сейчас решить все проблемы или лишиться жизни, и тогда так же проблем не будет. Главные герои, несомненно, шизоиды вынужденного порядка, ими движет их социальное дистанцирование и стремление получить желаемое любой ценой.

В анализе содержания сериала «Игра в кальмара» нам удалось определить несколько основных вещей, которые экранизация преподносит с философской точки зрения. Во-первых, красной нитью проходит экзистенциальный компонент и моральные дилеммы – проблема смысла, проблема свободы выбора, философская категория ценности человеческой жизни, экзистенциальность выбора, готовность человека рискнуть самими собой, чтобы жить в достатке и ни в чем не нуждаться, определяет его отношение не только к себе, но и к миру, осознание самоценности только при наличии денег выдает безответственное отношение к обществу само по себе.

Во-вторых, сюжет раскрывает нам дисциплинарный институт как структуралистское основание. Структура дисциплинарного института трактуется здесь как жесткий устав с тоталитарным режимом, в то же время дисциплинарный институт – площадка для испытания физических и нравственных качеств человека.

В-третьих, мы видим ницшеанское перерождение героя, проходящего тяжелый путь борьбы в процессе достижения желаемого. Но позже он осознает, что желаемое абсолютно несоизмеримо с теми испытаниями, которое ему пришлось пройти. Он, как ребенок, начинает переосмысливать и узнавать жизнь по-новому, как будто формируя новое мировоззрение, новый взгляд на всю грядущую жизнь с оглядкой на прошлое.

В-четвертых, жизнь представлена здесь в виде социальной игры, находится на грани с контекстом симулякра, но второй версии игры не будет. В жизни героя в случае выживания ждет лишь полное изменение взгляда на ценность человеческой жизни, собственной жизни и жизни другого человека. Эти выводы так или иначе может сделать для себя каждый зритель сериала «Игра в кальмара».

Подводя итоги и вспоминая того же Ж. Делеза и Ф. Гваттари [7], мы цитируем их идею – «художники отражают клиническую картину мира». Популярные художественные произведения – проявления симптомов заболеваний общества и хронического течения болезни. Поэтому мы можем констатировать, что мир полон философской аномии, нуждается в решении проблем социальной стратификации и находится в процессе решения моральных проблем. Процесс этот нескончаем и будет существовать, пока живо человечество.

Список литературы

1. *Апресян Р. Г.* Ресентимент и историческая динамика морали // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 27–40.
2. *Блаженный Августин Аврелий.* О граде божием. М. : RUGRAM, 2016. 662 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
4. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономики знака. М. : Академический проект, 2007. 316 с.
5. *Бранский В. П.* Проблема «смысла жизни»: общефилософское и общенаучное значение / В. П. Бранский, И. Г. Михайлова, М. Р. Зобова. СПб. : СПбГЭУ, 2017. 83 с.
6. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
7. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Капитализм и шизофрения: Тысяча плато / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. Я. И. Свирский. Екатеринбург : У-Фактория, Астрель, 2010. 895 с.
8. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. М. : АСТ, 2019. 512 с.
9. *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. Dragos, 1992. 416 с.
10. *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое. М. : АСТ, 2020. 384 с.
11. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. М. : АСТ, 2020. 416 с.
12. *Ницше Ф.* По ту сторону зла и добра. М. : Харвест, 2018. 416 с.
13. *Неретина С. С.* Марк Аврелий: философские начала. Сомнения, возникшие при чтении книги Хайдеггера «Парменид» // Vox. Электронный философский журнал. URL: <http://vox-journal.org>. 2011.
14. *Полуэхтова И. А.* Социокультурные эффекты медиатизации телевидения // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 4. С. 71–82.
15. *Рачин Е. И.* Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесловие Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2009. № 1. С. 140–145.
16. *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм – это гуманизм / пер. с фр. М. Грецкого. М. : Изд-во иностранной литературы, 1953. 42 с.
17. *Сартр Ж.-П.* Заметки по этике // Этическая мысль. 2009. № 9. С. 168–176.
18. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ад Маргинем, 2018. 460 с.
19. *Фуко М.* Психиатрическая власть : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2007. 448 с.
20. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. В. В. Библихин. М. : Академический проект, 2015. 460 с.

The series "The Game of Squid": philosophical analysis

L. A. Shayakhmetova¹, M. S. Grinchuk²

¹PhD in Philosophical Sciences, senior lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University.

Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-2536-6650. E-mail: LinaraShai@mail.ru

²student of the second year of the Faculty of Physical Culture, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm. E-mail: m1scha.grin4uk@yandex.ru

Abstract. The article attempts a hermeneutic analysis of the popular Korean TV series "The Squid Game", released in September 2021. The series, despite all the criticism, has gained great ratings, and we see this popularity in references to philosophical, social and ethical problems, such as the problem of meaning, choice, the problem of moral dilemmas.

The purpose of the research is to reveal the philosophical content of the series. During the analysis, the following components were identified: the existential component – the problem of meaning, the problem of freedom of choice, the component of the ethical field – the question of moral dilemmas, the component of structuralist philosophy – the structuralist approach to the problems of ontology, the component of the German philosophy of life – Nietzschean understanding of the world, socio-philosophical subtext.

These components make it possible for the plot to exist at different levels of understanding of being. We conclude that the series reflects public demands and social reality itself. The plot of the series is on the verge of artistic fiction and philosophical context, perhaps it is eclectic and chaotic, but it is in this spontaneity of the text that the main philosophical path can be traced.

The game of squid from a philosophical point of view is a manifestation of the symptoms of diseases of society and the chronic course of the disease. Therefore, we can state that the world is full of philosophical anomie, needs to solve the problems of social stratification and is in the process of solving moral problems. This process is never-ending and will exist as long as thinking humanity is alive.

Keywords: ethical dilemma, freedom of choice, existential meaning, Nietzschean philosophy, schizo-analysis.

References

1. Apresyan R. G. *Resentiment i istoricheskaya dinamika morali* [Resentment and historical dynamics of morality] // *Eticheskaya mysl'* – Ethical thought. 2001. No. 2. Pp. 27–40.
2. *Blazhennyj Avgustin Avrelij. O grade bozhiem* – Blessed Augustine Aurelius On the City of God. M. RUGRAM. 2016. 662 p.
3. *Baudrillard J. imvolicheskij obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M. Dobrosvet. 2000. 387 p.
4. *Baudrillard J. K kritike politicheskoy ekonomii znaka* [To the critique of the political economy of the sign]. M. Academic Project. 2007. 316 p.
5. *Branskij V. P. Problema "smysla zhizni": obshchefilosofskoe i obshchenauchnoe znachenie* [The problem of the "meaning of life": general philosophical and general scientific significance] / V. P. Bransky, I. G. Mikailova, M. R. Zobova. SPb. SPbGEU. 2017. 83 p.
6. *Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenetiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics] / transl. from German, general ed. and the introductory article by B. N. Bessonova. M. Progress. 1988. 704 p.
7. *Deleuze J., Guattari F. Kapitalizm i shizofreniya: Tsyacha plato* [Capitalism and schizophrenia: A Thousand Plateaus] / J. Deleuze, F. Guattari; trans. Ya. I. Svirsky. Yekaterinburg. U-Factoria, Astrel. 2010. 895 p.
8. *Durkheim E. Samoubijstvo* [Suicide]. M. AST. 2019. 512 p.
9. *Mamardashvili M. K. Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I understand philosophy]. Dragos. 1992. 416 p.
10. *Nietzsche F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe* [Human thing, too human]. M. AST. 2020. 384 p.
11. *Nietzsche F. Tak govoril Zaratustra* [Thus spoke Zarathustra]. M. AST. 2020. 416 p.
12. *Nietzsche F. Po tu storonu zla i dobra* [Beyond evil and good]. M. Harvest. 2018. 416 p.
13. *Neretina S. S. Mark Avrelij: filosofskie nachala. Somneniya, vznikshie pri chtenii knigi Hajdeggera "Parmenid"* [Mark Aurelius: philosophical principles. Doubts that arose when reading Heidegger's book "Parmenides"] // *Vox. Elektronnij filosofskij zhurnal* – Vox. Electronic philosophical journal. Available at: <http://vox-journal.org>. 2011.
14. *Poluekhtova I. A. Sociokul'turnye efekty mediatizatsii televideniya* [Sociocultural effects of mediatization of television] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Ability. 2018. No. 4. Pp. 71–82.
15. *Rachin E. I. Delyoz Zh., Gvattari F. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia] / transl. from French. and an afterword by D. Krachkin; scientific ed. by V. Kuznetsov. Yekaterinburg. U-Factoriya. 2007. 672 p. // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* – Herald of Moscow City Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2009. No. 1. Pp. 140–145.

16. Sartre J.-P. *Ekzistencializm – eto gumanizm* [Existentialism is humanism] / transl. from French by M. Gretsky. M. Publishing House of Foreign Literature. 1953. 42 p.
17. Sartre J.-P. *Zametki po etike* [Notes on ethics] // *Eticheskaya mysl'* – Ethical thought. 2009. No. 9. Pp. 168–176.
18. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [To supervise and punish. The birth of a prison]. M. Ad Marginem. 2018. 460 p.
19. Foucault M. *Psihiatricheskaya vlast' : kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric power : a course of lectures delivered at the Collège de France in the 1973–1974 academic year] / transl. from French by A.V. Shestakov. SPb. Nauka. 2007. 448 p.
20. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time] / transl. V. V. Bibikhin. M. Academic project. 2015. 460 p.

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 291.4+291.6

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.056

Феномен юродства: основные исследовательские направления в современной отечественной науке

Е. А. Шарабарина

преподаватель, Среднерусский институт управления – филиал, Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Россия, г. Орел. ORCID: 0000-0002-3633-6185. E-mail: eva.sharabarina@mail.ru

Аннотация. В данной статье автор проводит обзор современной отечественной научно-исследовательской литературы, посвященной феномену юродства. Представленный обзор демонстрирует две проблемы: слабую изученность юродства отечественным религиоведением и отсутствие работ, в которых была бы применена единая целостная методология по поднимаемой теме. Между тем в современной России появился целый сонм научных трудов, анализирующих юродство в контексте того или иного подхода. Автор выделил ведущие направления, по которым проводились и продолжают проводиться научные исследования феномена юродства. В качестве основных подходов представлены культурологический подход, берущий начало в советской России, исторический подход, к которому можно также отнести исследования в области агиографии и иконографии. Доминирующими на данный момент являются филологический и литературоведческий подходы, в рамках которых представлено наибольшее число фундаментальных исследований. Также автор отмечает, что основательные труды по теологической составляющей изучаемого феномена относятся к дореволюционному периоду, сегодня известно лишь несколько работ, рассматривающих те или иные аспекты юродства в контексте православной теологии. Философское осмысление феномена юродства впервые было представлено в работах именно современных авторов, юродство рассматривалось с позиции философской антропологии и феноменологии. В статье делается вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует полноценный общепризнанный философский анализ феномена юродства в отечественной науке, который бы ко всему прочему не противоречил религиозной составляющей данного типа христианского подвижничества. Развитие изучения феномена юродства автор связывает с применением систематического анализа, основные положения которого сформулировал голландский религиовед Ж. Ваарденбург.

Ключевые слова: юродство, методологические подходы, систематическое исследование, отечественная наука, историография.

В истории и культуре России есть много уникальных феноменов, личностей и событий, которые оставили свой след на всем ее развитии. Одним из них стал феномен юродства. Современное постсекулярное общество активно обращается к нему как в различных формах массового искусства, так и на страницах научных изданий гуманитарного профиля. Этико-аксиологическое и онтологическое наполнение феномена юродства являются теми важнейшими его аспектами, которые позволяют нам говорить об актуальности его исследования методами современной науки. Обзор современной отечественной литературы по данной проблематике, представленный в нашей работе, демонстрирует две проблемы. Во-первых, слабую изученность феномена юродства отечественным религиоведением, во-вторых, зримое отсутствие работ, в которых бы было представлено применение целостного методологического подхода к феномену юродства в рамках религиоведения. Между тем данный феномен является религиозным феноменом, и потому, на наш взгляд, он должен стать самостоятельным объектом исследования именно религиоведения, поскольку любое иное его описание будет оставаться внешним и неполным без применения современных философских подходов. Прежде чем перейти к возможному решению обозначенных проблем, рассмотрим основные исследовательские направления современной отечественной науки, изучающие феномен юродства.

Отечественные исследования, посвященные феномену юродства, появляются в дореволюционное время [3; 76]. В советский период в большей степени издается научная литература, в которой юродство предстает как неотъемлемый и оригинальный феномен русской культуры [37; 38; 71]. Подлинный интерес в научных кругах к феномену юродства появляется у современных авторов, что обусловлено спецификой постсекулярной культуры.

Большое число исследований в отечественной науке по данной теме можно сгруппировать по дисциплинарным направлениям. Во-первых, сегодня продолжается традиция исследовать юродство в рамках культурологии. В 1985 г. вышла в свет статья Б. А. Успенского [69]. Автор пишет об антиповедении как неотъемлемом сегменте русской культуры, юродство он трактует как дидактическое антиповедение. Позже статья вошла в первый том его избранных трудов [70]. Антиповедение исследовалось и в известной монографии С. Е. Юркова [82]. Культурологический подход также был представлен А. М. Панченко [38; 46; 47]. Переиздание трудов А. М. Панченко и включение в них данной темы говорит о несомненной актуальности ее изучения для современной отечественной гуманитарной науки.

Интересной в контексте данной темы представляется статья А. Г. Козинцева [33], дающая повод к размышлениям о соотношении смеха и плача в фигуре русского юродивого. В 1993-м г. вышла в свет статья С. С. Аверинцева [1]. В ней автор отмечает то, что М. М. Бахтин, изучая карнавал, не применял данное понятие к отечественной культуре. С. С. Аверинцев пытался разобраться в вопросе, поднимаемом всеми исследователями смеховой культуры Руси – почему в Священном Писании не упоминается смех Христа? Автор пишет, что «смех – это освобождение» [1]. Поэтому абсолютно свободному смех не нужен. Результаты исследования С. С. Аверинцевым феноменологии смеха можно применить к анализу смеха юродивого (был ли смех?) и вопросу осмеяния блаженного его современниками. Тема места юродивого в смеховой культуре Древней Руси также была отражена на страницах книги А. В. Юдина [79]. В целом данное направление продолжает быть востребованным в отечественной науке. Примером тому является диссертационное исследование 2004-го г. А. В. Пешковой о русской смеховой культуре, в которой юродству и скоморошеству посвящен отдельный параграф [50].

Сегодня встречаются работы, на страницах которых юродство фигурирует в качестве культурного типа антиповедения, характерного для конкретного человека, речь идет о «юродствовании». Это работы следующих авторов: А. Р. Ермолюк, А. В. Ермолюк [21], В. Т. Фаритов [72], К. Б. Васильев [7]. Выделение типологически схожих явлений в иных культурных традициях встречается на страницах работ Е. А. Воронковой [10], Д. Б. Дорофеева [19]. Феномен русского юродства стал объектом изучения исследователей истории и семиотики культуры: Р. А. Мишина [42], Н. З. Гаевской [11], С. В. Герасимовой [12] и других.

Также предпринимаются попытки проанализировать место и значение феномена юродства и юродствования в современном мире. С. И. Маленьких отмечает, что православное юродство и образ юродивого, который сегодня нам транслируют с телеэкранов и со страниц художественных произведений современные авторы, – это несколько разные вещи. К юродству обращаются как фигуре эпатажной, забытой (что особенно актуально в постсекулярном мире), к той, которая может сказать нечто важное, значимое для каждого. Однако современные писатели и режиссеры несколько далеки от реальной сущности юродства как такового, поэтому современное их прочтение является всего лишь попыткой «обретения, приближения к этому явлению» [39, с. 56]. Исследователь М. А. Антонян обозначает общие черты между юродством и современным акционизмом [4]. Место юродства и юродствования в пространстве современной культуры изучали также А. И. Шаклеева [77] и В. Б. Рожковский [51]. В целом мы видим, что традиция изучения феномена юродства с позиции культурологического подхода, начатая в советское время, сегодня продолжает активно развиваться.

Вторым дисциплинарным направлением, в котором феномен юродства становится объектом специального исследования, является история. Сегодня продолжают попытки уточнения максимально объективных исторических данных о юродивых: это труды Т. А. Недоспаровой [44], Е. В. Грудевой [15]. Интересными представляются работы А. Л. Юрганова, в которых юродство рассматривается сквозь призму феноменологии истории [80; 81]. Также можно выделить авторов, в исследованиях которых юродство представлено наряду с иными чинами православной святости: это игум. Дамаскин (Орловский) [18], иером. Иоанн (Кологривов) [30], В. Н. Топоров [61], И. В. Семененко-Басин [57]. Статья с историческим очерком о юродстве содержится в Кратком словаре агиографических терминов В. М. Живова [22].

История почитания юродивых отражается в истории становления, развития и распространения их иконографии. По данной теме сегодня печатаются статьи, например, А. П. Елшиной и Б. М. Сергеева [20], выходят в свет словари, посвященные христианскому искусству, например, В. О. Гусаковой [17]. Исследователь О. А. Туминская посвятила иконографии юродства множество небольших очерков и докторскую диссертацию [62]. Работы О. А. Туминской представляют собой памятник юродивым, сквозь призму которого прослеживается традиция почитания блаженных праведников.

Источниковедческая база исследования феномена юродства сегодня также является объектом специального рассмотрения. Это работы О. А. Туминской [63; 67], С. В. Городилина [14], Т. Р. Руди [55]. Продолжают издаваться жития святых Русской Православной Церкви, составленные ранее [45], а также появляются новые собрания житийной литературы, например, таких авторов, как еп. Александра (Милеанта) [2], мон. Таисии (Кравцовой) [60].

Особое место занимают статьи в области медицины, рассматривающие историю становления науки о душевных расстройствах с отсылкой на блаженных (напр., П. И. Сидоров, И. Б. Якушев [58]).

В качестве нового исследовательского направления начинают выделяться работы, делающие акцент на политической составляющей юродства. Отметим исследование, посвященное истории и сущности политического юродства в России, Е. А. Горобинской [13], а также статьи Д. М. Коренева [34], И. В. Черниговского, В. Д. Черных, С. И. Сулимова [76], А. С. Лаврова [36], В. В. Петрунина, Е. А. Шарабариной [49].

Огромный сонм работ, посвященных феномену русского юродства, представлен в области филологии, языкознания и литературоведения. В основном в них рассматривается образ юродивого, представленного на страницах художественных произведений различных писателей и поэтов. Подавляющее число научных трудов в этом направлении посвящено рассмотрению образа «Божьих людей» на страницах художественных произведений Ф. М. Достоевского. Значительным трудом в этой области стали диссертационные исследования В. В. Иванова [23], Е. П. Гуровой [16], последняя также рассматривала юродство в пространстве художественного мира Г. И. Успенского. Также выделяются труды О. А. Мартиросяна [40], К. А. Янчевской [83], И. В. Мотеюнайте [43], И. Г. Чеботарева [75] и И. А. Казанцевой [32].

Далее выделяется философское направление. Монографией, претендующей на комплексный общефилософский анализ феномена юродства, стала работа Н. Н. Ростовской «Человек обратной перспективы как философско-антропологический тип» [54]. Н. Н. Ростова рассматривает юродивых в категориях современной антропологии. Следует сказать, что это первая в России работа, посвященная философскому исследованию юродства. Стоит отметить выдающийся труд по религиоведению Е. А. Воронковой [10], автор впервые применил к анализу юродства феноменологический метод. Несмотря на убежденность автора в том, что юродство является транскультурным феноменом и присутствует в разных формах в различных религиозных традициях, то есть не является исключительно православным уникальным явлением, с чем многие исследователи могут не согласиться, Е. А. Воронковой была проделана огромная работа по применению исторического, сравнительного и контекстуального методов по отношению к религиозному феномену. Также перу автора принадлежат статьи, посвященные обобщению и интерпретации полевых исследований, проведенных в начале XXI-го столетия в Амурской области [8; 9]. Сегодня появляется множество работ, рассматривающих те или иные аспекты юродства в философском контексте. Это труды И. В. Рынкового [56] и И. К. Мироненко-Маренковой [41], А. Н. Ильина [24; 25; 26; 27; 28], С. В. Радаевой [51], Ю. А. Разиновой, А. Н. Атыскиной [52], А. А. Сычева [59], О. А. Туминской [65; 68], К. Г. Исупова [31], О. Н. Кузнецовой [35], Н. В. Федоровой [73], Е. С. Петриковской [48], Н. А. Хренова [74] и других.

К последней группе мы отнесем современные исследования феномена юродства в области православной теологии. В 1994-м г. вышла рецензия А. В. Бармина на книгу С. А. Иванова «Византийское юродство» [5], где автор критикует этот фундаментальный труд за отсутствие рассмотрения собственно религиозной стороны вопроса. Из современных работ можно выделить всего пару статей, в которых те или иные аспекты русского юродства рассматриваются в контексте православной традиции: это исследования О. А. Туминской [64; 66]. Наиболее объемным трудом по теологии является работа Е. В. Грудевой [15]. Здесь исторические сведения перекликаются с теологическим пояснением и обобщаются в виде научных выводов. Е. В. Грудева раскрывает богословскую сущность юродства Христа ради, выделяет особенности жен-

ского юродства в сравнении с мужским, анализирует уникальные черты, присущие женским изображениям в иконографии юродивых. Представленная работа позволяет нам говорить о том, что дальнейшее исследование феномена юродства в контексте православной теологии имеет потенциал для своего развития. В целом все труды о юродстве предваряются теологическими вступлениями, что говорит о необходимости глубинного и детального изучения феномена русского юродства, прежде всего как религиозного феномена – выразителя православной традиции.

Таким образом, современная отечественная наука вернулась к изучению феномена русского юродства. Как появление юродивых в обществе связано с известным его обмирщением, социально-политическими, духовными или культурными кризисами, так и актуализация данного предметного поля имеет в своей основе те же причины. Множество работ о феномене юродства, появившихся в современной отечественной науке, мы сгруппировали по основным дисциплинарным направлениям, выделив специфику изучения рассматриваемого нами предмета в каждом из них. Важным поворотным моментом в отечественной науке стало появление первых философских работ, посвященных феномену юродства. Интересно отметить, что среди множества озвученных выше направлений можно назвать лишь одного автора – Е. А. Воронкову, чьи работы были направлены на исследование феномена юродства с позиции феноменологии религии. Более в корпусе религиоведческих дисциплин юродство не становилось объектом специального рассмотрения.

На наш взгляд, концепция систематического исследования религии голландского ученого Ж. Ваарденбурга способна ликвидировать данный пробел. Его теория и методология занимают особое место в современном религиоведении. Автор определяет религию как систему ориентирования и предлагает ее изучение через анализ объективных и субъективных религиозных фактов [6, с. 41]. Систематический подход Ж. Ваарденбурга основывается на применении четырех методов, результаты которых будут взаимно дополнять друг друга: исторического, сравнительного, контекстуального и герменевтического. На данный момент все работы, посвященные исследованию феномена юродства, раскрывают те или иные его стороны. Концепция Ж. Ваарденбурга позволяет объединить их результаты в единую стройную систему и возвести исследование феномена юродства на новый уровень.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С.* Бахтин, смех, христианская культура. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjaz-vremen/4_12 (дата обращения: 23.07.2022).
2. *Александр (Милеант), еп.* Избранные Жития святых: Январь – декабрь / сост. архиеп. Пермский и Соликамский Афанасий. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/izbrannye-zhitija-svjatyh/1_1 (дата обращения: 15.07.2022).
3. *Алексий (Кузнецов), иером.* Юродство и столпничество. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/ (дата обращения: 24.07.22).
4. *Антонян М. А.* Визуальный язык древнерусских юродивых и современных художников-перформансистов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2014. № 8 (93). С. 62–66.
5. *Бармин А. В.* Рецензия на книгу Иванова С. А. Византийское юродство. М. : Международные отношения, 1994 // Византийский временник. М. : Наука, 1999. Т. 57. № 82. С. 292–296.
6. *Ваарденбург Ж.* Религия и религии: систематическое введение в религиоведение. СПб. : Изд-во РХГА, 2016. 216 с.
7. *Васильев К. Б.* Иван Прыжков как зеркало русского социализма, пьянства и юродства // Вох. Философский журнал. 2016. Вып. 20. С. 1–12.
8. *Воронкова Е. А.* Юродство: взгляд изнутри (анализ мировосприятия современного юродивого). Статья первая // Религиоведение. Благовещенск : АГУ, 2011. № 2. С. 94–105.
9. *Воронкова Е. А.* Юродство: взгляд изнутри (анализ мировосприятия современного юродивого). Статья вторая // Религиоведение. Благовещенск : АГУ, 2012. № 3. С. 123–138.
10. *Воронкова Е. А.* Юродство как транскультурный религиозный феномен : дис. ... канд. филос. наук. Благовещенск, 2011. 216 с.
11. *Гаевская Н. З.* Культурная функция юродства // Вестник ВХГА. СПб., 2013. С. 198–204.
12. *Герасимова С. В.* Юродство, потемневшие иконы и механизм забвения в контексте семиотической системы культуры // Вестник РУДН. М., 2019. Т. 10. № 4. С. 957–976.
13. *Горобинская Е. А.* История и сущность политического юродства в России : дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2000. 138 с.
14. *Городилин С. В.* Между «немецкою землею» и Ростовом: исторические реалии в Житии Исидора Твердислова // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2018. № 2. С. 414–450.

15. Грудева Е. В. Женское юродство в Православной Церкви: история и содержание подвига. Saarbrücken : LAP LAMBERT, 2014. 100 с.
16. Гурова Е. П. Образы «Божьих людей» в русской прозе 1860-х – 1880-х гг. : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2016. 247 с.
17. Гусакова В. О. Православный словарь церковного искусства. СПб. : Лита, 2004. 196 с.
18. Дамаскин (Орловский), игум. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия : жизнеописания и материалы к ним. В 7 кн. Булат, 1992–2003.
19. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 63–87.
20. Елшина А. П., Сергеев Б. М. Феномен юродства и его интерпретация в иконографии // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. Н. : СибАК, 2016. № 8 (63). С. 5–11.
21. Ермолюк А. Р., Ермолюк А. В. Мудрость и юродство Василия Розанова (Размышления над статьей М. В. Чекмарева и А. С. Чупрова «Векордизм, или Мироощущение как способ защиты») // Социум и власть. Челябинск, 2012. № 3 (35). С. 127–129.
22. Живов В. М. Краткий словарь агиографических терминов. URL: https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov#a_z44 (дата обращения: 19.05.2022).
23. Иванов В. В. Христианские традиции в творчестве Ф. М. Достоевского : дис. ... докт. филол. наук. Великий Новгород, 2004. 428 с.
24. Ильин А. Н. Новое истолкование юродства // Общество: философия, история, культура. Краснодар : Хорс, 2016. № 3. С. 27–29.
25. Ильин А. Н. Онтология женского юродства // Вестник Вятского государственного университета. Киров : ВГУ, 2015. С. 9–13.
26. Ильин А. Н. Осмысление юродства с позиции детерминизма и синергетического историзма // Общество: философия, история, культура. Краснодар : Хорс, 2016. № 6. С. 34–36.
27. Ильин А. Н. Путь юродивого как идеал аскезы // Общество: философия, история, культура. Краснодар : Хорс, 2022. № 5. С. 57–60.
28. Ильин А. Н. Юродство как мировоззрение инакомыслящего // Вестник Вятского государственного университета. Киров : ВГУ, 2016. № 5. С. 12–16.
29. Иоанн (Ковалевский), свящ. Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной русской церкви: исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М. : Издание книгопродавца Алексея Дмитриевича Ступина, 1902. 308 с.
30. Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории русской святости. Италия : ISTINA, 1991. 413 с.
31. Исупов К. Г. Юродство (из авторского словаря «космос русского самосознания») // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). СПб. : Астерион, 2013. № 1 (26). С. 246–248.
32. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков : дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2011. 484 с.
33. Козинцев А. В. Феномен «плач-смех»: о различии сходного // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 124–177.
34. Корнев Д. М. «И кажется мне, окаянному, что наполовину я уже чернец...» К вопросу о возможном прижизненном монашеском чине Ивана Грозного в контексте проблемы истоков происхождения опричной одежды // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1 (2). С. 94–99.
35. Кузнецова О. Н. Мировоззренческие основы феномена юродства Христа ради в русской православной традиции // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. Барнаул : АГИК, 2019. № 1 (3). С. 35–40.
36. Лавров А. С. Юродство и «регулярное государство» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Ленинград, 2001. С. 432–447.
37. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси (Из истории мировой культуры). Л. : Наука, 1976. 204 с.
38. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л. : Наука, 1984. 295 с.
39. Маленьких С. И. Попытка юродства как одна из стратегий современной культуры : мат-лы научной конференции. СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 54–56.
40. Мартиросян О. А. Юродство в русском литературном сознании : дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2011. 203 с.
41. Мироненко-Маренкова И. К. Концепт святости в культурной традиции России и Франции XIX столетия : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 502 с.
42. Мишин Р. А. Диагональ юродства (общее исследование этимологии термина «юродство») // Культурное наследие России. М. : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. 2013. № 3-4. С. 23–29.
43. Мотейунайте И. В. Восприятие юродства русской литературой XIX–XX вв. : дис. ... докт. филол. наук. Великий Новгород, 2006. 330 с.

44. Недоспарова Т. А. Русское юродство XI–XVI вв. // ЛитРес: Самиздат. 1997. 84 с.
45. Новый эклогийон: избранные жития святых, пересказанные преподобным Никодимом Святогорцем. Псков : Лит. фонд России, Псковское региональное отделение, 2008. 704 с.
46. Панченко А. М. Роль скоморохов в культуре Древней Руси // Славянские литературы. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 79–88.
47. Панченко А. М. Юродивые на Руси // Русская история и культура: работы разных лет. СПб. : Юна, 1999. С. 392–407.
48. Петриковская Е. С. Рождение «Личности» из духа нигилизма // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. Иваново, 2016. № 1-2. С. 30–36.
49. Петрунин В. В., Шарабарина Е. А. Социально-политические аспекты русского юродства в эпоху правления Ивана IV Грозного // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Т. 9. № 6А. С. 50–56.
50. Пешкова А. В. Русская смеховая культура: Истоки и становление (XI–XVIII вв.) : дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 127 с.
51. Радаева С. В. Феномен юродства в контексте философской антропологии // XVIII Царскосельские чтения. СПб. : Изд-во Ленинградского университета им. А. С. Пушкина, 2014. С. 154–157.
52. Разинов Ю. А., Атыякина А. Н. Юродство // Международный журнал исследований культуры. СПб. : Эйдос, 2020. С. 32–48.
53. Рожковский В. Б. Фарисейство как форма «благочестия» и его антиподы в христианской культуре // Философия права. Р. н/Д. : Ростовский юридический институт МВД РФ, 2018. № 2 (85). С. 115–120.
54. Ростова Н. Н. Человек обратной перспективы: философско-антропологическое исследование феномена юродства Христа ради : дис. ... канд. филос. наук. М., 2008. 193 с.
55. Руди Т. Р. Об аскезе юродивых (из истории агнографической топики) // Slověne = Slověne. International Journal of Slavic Studies. 2015. № 1. С. 456–473.
56. Рынковой И. В. Подвижничество как феномен философско-религиозного сознания : дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 175 с.
57. Семенов-Басин И. В. Святость в русской православной культуре XX века: история персонализации. М. : Издательский центр РГГУ, 2010. 296 с.
58. Сидоров П. И., Якушев И. Б. Феномен юродства как катализатор становления психиатрического законодательства в России // Российский психиатрический журнал. М., 2010. № 2. С. 95–100.
59. Сычев А. А. К истокам этики юродства // Этическая мысль. М. : Институт философии РАН, 2017. Т. 17. № 1. С. 110–123.
60. Таусия (Карцова), мон. Русские святые: Жития святых русской церкви. СПб. : Пальмира, 2017. 720 с.
61. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М. : Гнозис, 1995. 875 с.
62. Туминская О. А. Образ юродивого во Христе в русском искусстве конца XV в. – начала XX в. : дис. ... докт. искусствоведения. СПб., 2014. 648 с.
63. Туминская О. А. Рукописные жития юродивых XVI–XIX веков (по материалам рукописного отдела РНБ) // Вестник САФУ: Гуманитарные и социальные науки. Архангельск : САФУ, 2013. № 1. С. 110–113.
64. Туминская О. А. Русское юродство в свете монашеского служения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб. : РХГА, 2017. Т. 18. Вып. 3. С. 44–56.
65. Туминская О. А. Синтез и синкретизм феномена православного юродства // Синтез в русской и мировой художественной культуре : мат-лы конференции, посвященной памяти А. Ф. Лосева. М. : МГПУ, 2002. С. 102–105.
66. Туминская О. А. Смирение – главная черта нравственного облика и художественного образа юродивого // Искусство и диалог культур. VII Международная межвузовская научно-практическая конференция. СПб. : РГПУ, 2013. Вып. 7. С. 69–71.
67. Туминская О. А. Черты юродствующего поведения в агнографии преподобных северно-русской ветви монашества // Пути духовного влияния иноческой жизни Троице-Сергиева монастыря. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. III Международная конференция. Сергиев Посад : СПГИХМЗ, 2002. С. 23–24.
68. Туминская О. А. Энтелехия юродства в русской культуре средневековья // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. № 4. С. 220–228.
69. Успенский Б. А. Антиповедение в культуре Древней Руси // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 326–336.
70. Успенский Б. А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 608 с.
71. Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 148–166.
72. Фаритов В. Т. Аскетизм и юродство в философии Ф. Ницше // Вестник ТГУ. Томск, 2021. № 446. С. 64–70.

73. Федорова Н. В. Жизнь как противопоставление норме // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Омск : ОГПУ, 2021. С. 62–65.
74. Хренов Н. А. Творческая личность как пороговая личность: от юродства инока Авраамия до перформанса О. Кулика // Ярославский педагогический вестник. Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. 2015. Т. 1. № 1. С. 74–82.
75. Чеботарев И. Г. Фасцинирующий типаж «юродивый» в русской лингвокультуре : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 227 с.
76. Черниговских И. В., Черных В. Д., Сулимов С. И. Самозванчество и юродство как социокультурные механизмы ограничения абсолютной политической власти // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 4. С. 302–316.
77. Шаклеева А. И. Юродствование как феномен российских культурных практик // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 209–215.
78. Экземплярский В. И. Христианское юродство и христианская сила (К вопросу о смысле жизни) // Христианская мысль. Киев, 1916. № 1. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Ekzemplyarskij/hris-tianskoe-yurodstvo-i-hristianskaja-sila/ (дата обращения: 24.07.2022).
79. Юдин А. В. Русская народная духовная культура. М. : Высшая школа, 1999. 334 с.
80. Юрганов А. Л. Нелепое, или Над чем смеялись святые в Древней Руси? // А. Г. Каравашкин, А. Л. Юрганов. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 211–290.
81. Юрганов А. Л. Убить беса. Путь от средневековья к Новому времени. М. : РГГУ, 2006. 433 с.
82. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI – начало XX вв.). СПб. : Летний сад, 2003. 210 с.
83. Янчевская К. А. Юродство в русской литературе второй половины XIX в. : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 195 с.

The phenomenon of foolishness: the main research directions in modern Russian science

E. A. Sharabarina

lecturer, Central Russian Institute of Management – branch, Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation.
Russia, Orel. ORCID: 0000-0002-3633-6185. E-mail: eva.sharabarina@mail.ru

Abstract. In this article, the author reviews the modern Russian scientific research literature devoted to the phenomenon of foolishness. The presented review demonstrates two problems: the weak study of foolishness by domestic religious studies and the lack of works in which a single holistic methodology on the topic raised would be applied. Meanwhile, a whole host of scientific works have appeared in modern Russia analyzing foolishness in the context of one approach or another. The author has identified the leading areas in which scientific research on the phenomenon of foolishness has been conducted and continues to be conducted. The main approaches are the culturological approach originating in Soviet Russia, the historical approach, which can also include research in the field of hagiography and iconography. The dominant approaches at the moment are philological and literary approaches, within which the largest number of fundamental studies are presented. The author also notes that the thorough works on the theological component of the phenomenon under study belong to the pre-revolutionary period, today there are only a few works that consider certain aspects of foolishness in the context of Orthodox theology. The philosophical understanding of the phenomenon of foolishness was first presented in the works of contemporary authors, foolishness was considered from the standpoint of philosophical anthropology and phenomenology. The article concludes that today there is no full-fledged general philosophical analysis of the phenomenon of foolishness in Russian science, which would not contradict the religious component of this type of Christian asceticism. The author connects the development of the study of the phenomenon of foolishness with the use of systematic analysis, the main provisions of which were formulated by the Dutch religious scholar J. Waardenburg.

Keywords: foolishness, methodological approaches, systematic research, domestic science, historiography.

References

1. Averincev S. S. *Bahtin, smekh, hristianskaya kul'tura* [Bakhtin, laughter, Christian culture]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjaz-vremen/4_12 (date accessed: 23.07.2022).
2. Aleksandr (Mileant), *ep. Izbrannye Zhitiya svyatyh: Yanvar' – dekabr'* [Selected Lives of Saints: January – December] / comp. Archbishop of Perm and Solikamsk Athanasius. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Mileant/izbrannye-zhitija-svjatyh/1_1 (date accessed: 15.07.2022).

3. Aleksij (Kuznecov), hieromonk. *Yurodstvo i stolpnichestvo*. Foolishness and stolpnichestvo. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/yurodstvo-i-stolpnichestvo/ (date accessed: 24.07.12).
4. Antonyan M. A. *Vizual'nyj yazyk drevnerusskikh yurodivyh i sovremennykh hudozhnikov-performansistov* [Visual language of Old Russian fools and modern performance artists] // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – News of Volgograd State Pedagogical University. Volgograd, 2014. No. 8 (93). Pp. 62–66.
5. Barmin A. V. *Recenziya na knigu Ivanova S. A. Vizantijskoe yurodstvo* [Review of the book by Ivanov S. A. Byzantine foolishness. M. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 1994 // *Vizantijskij vremennik* – Byzantine vremennik. M. Nauka (Science). 1999. Vol. 57. No. 82. Pp. 292–296.
6. Waardenburg Zh. *Religiya i religii: sistematičeskoe vvedenie v religiovedenie* [Religion and Religions: a systematic introduction to Religious Studies], SPb. Russian Academy of Sciences. 2016. 216 p.
7. Vasil'ev K. B. *Ivan Pryzhkov kak zerkalo russkogo socializma, p'yanstva i yurodstva* [Ivan Pryzhkov as a mirror of Russian socialism, drunkenness and foolishness] // *Vox. Filosofskij zhurnal* – Vox. Philosophical Journal. 2016. Is. 20. Pp. 1–12.
8. Voronkova E. A. *Yurodstvo: vzglyad iznutri (analiz mirovospriyatiya sovremennogo yurodivogo). Stat'ya pervaya* [Foolishness: an inside view (analysis of the worldview of a modern fool). Article one] // *Religiovedenie* – Religious studies. Blagoveshchensk. ASU. 2011. No. 2. Pp. 94–105.
9. Voronkova E. A. *Yurodstvo: vzglyad iznutri (analiz mirovospriyatiya sovremennogo yurodivogo). Stat'ya vtoraya* [Foolishness: an inside view (analysis of the worldview of a modern fool). Article two] // *Religiovedenie* – Religious studies. Blagoveshchensk. ASU, 2012. No. 3. Pp. 123–138.
10. Voronkova E. A. *Yurodstvo kak kul'turnyj religioznyj fenomen : dis. ... kand. filol. nauk.* [Foolishness as a transcultural religious phenomenon : dis. ... PhD in Philol. Sciences]. Blagoveshchensk. 2011. 216 p.
11. Gaevskaya N. Z. *Kul'turnaya funkciya yurodstva* [Cultural function of foolishness] // *Vestnik VHGA* – Herald of VHSA. SPb. 2013. Pp. 198–204.
12. Gerasimova S. V. *Yurodstvo, potemnevshie ikony i mekhanizm zabveniya v kontekste semioticheskoj sistemy kul'tury* [Foolishness, darkened icons and the mechanism of oblivion in the context of the semiotic system of culture] // *Vestnik RUDN* – Herald of RUDN. M. 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 957–976.
13. Gorobinskaya E. A. *Istoriya i sushchnost' politicheskogo yurodstva v Rossii : dis. ... kand. polit. nauk.* [History and essence of political foolishness in Russia : dis. ... PhD in Political Sciences]. Yekaterinburg. 2000. 138 p.
14. Gorodilin S. V. *Mezhu "nemeč'skoyu zemleyu" i Rostovom: istoricheskie realii v Zhitii Isidora Tverdislova* [Between the "Nemech land" and Rostov: historical realities in the Life of Isidor Tverdislov] // *Slověne = Slovĕne*. International Journal of Slavic Studies. 2018. No. 2. Pp. 414–450.
15. Grudeva E. V. *Zhenskoe yurodstvo v Pravoslavnoj Cerkvi: istoriya i sodержanie podviga* [Female foolishness in the Orthodox Church: the history and content of the feat]. Saarbrücken. LAP LAMBERT. 2014. 100 p.
16. Gurova E. P. *Obrazy "Bozh'ih lyudej" v russkoj proze 1860-h – 1880-h gg. : dis. ... kand. filol. nauk.* [Images of "God's people" in Russian prose of the 1860s – 1880s : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Perm. 2016. 247 p.
17. Gusakova V. O. *Pravoslavnyj slovar' cerkovnogo iskusstva* [Orthodox Dictionary of Church art]. SPb. Lita. 2004. 196 p.
18. Damaskin (Orlovskij), igum. *Mucheniki, ispovedniki i podvizhniki blagočestiya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi XX stoletiya : zhizneopisaniya i materialy k nim. V 7 kn.* [Martyrs, confessors and ascetics of piety of the Russian Orthodox Church of the XX century : biographies and materials for them. In 7 books]. Bulat. 1992–2003.
19. Dorofeev D. B. *Fenomen stranničestva v zapadnoevropejskoj i russkoj kul'turach* [The phenomenon of wandering in Western European and Russian cultures] // *Vestnik kul'turologii* – Herald of Cultural Studies. M. INION RAS. 2010. Pp. 63–87.
20. Elshina A. P., Sergeev B. M. *Fenomen yurodstva i ego interpretaciya v ikonografii* [The phenomenon of foolishness and its interpretation in iconography] // *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* – In the world of science and art: questions of philology, art history and cultural studies. N. SibAK. 2016. No. 8 (63). Pp. 5–11.
21. Ermolyuk A. R., Ermolyuk A. V. *Mudrost' i yurodstvo Vasiliya Rozanova (Razmyshleniya nad stat'ej M. V. Chekmareva i A. S. Chuprova "Vekordizm, ili Mirooshchushchenie kak sposob zashchity")* [Wisdom and foolishness of Vasily Rozanov (Reflections on the article by M. V. Chekmarev and A. S. Chuprov "Vekordism, or Worldview as a way of protection")] // *Socium i vlast'* – Society and power. Chelyabinsk. 2012. No. 3 (35). Pp. 127–129.
22. Zhivov V. M. *Kratkij slovar' agiograficheskikh terminov* [Concise Dictionary of hagiographic terms]. Available at: https://azbyka.ru/svyatost-kratkij-slovar-agiograficheskix-terminov#a_z44 (date accessed: 19.05.2022).
23. Ivanov V. V. *Hristianskie tradicii v tvorčestve F. M. Dostoevskogo : dis. ... dokt. filol. nauk.* [Christian traditions in the works of F. M. Dostoevsky : dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. Veliky Novgorod. 2004. 428 p.
24. Il'in A. N. *Novoe istolkovanie yurodstva* [New interpretation of foolishness] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* Society: philosophy, history, culture. Krasnodar. Hors. 2016. No. 3. Pp. 27–29.
25. Il'in A. N. *Ontologiya zhenskogo yurodstva* [Ontology of female foolishness] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. Kirov. VSU. 2015. Pp. 9–13.
26. Il'in A. N. *Osmyslenie yurodstva s pozicii determinizma i sinergeticheskogo istorizma* [Comprehension of foolishness from the standpoint of determinism and synergetic historicism] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. Krasnodar. Hors. 2016. No. 6. Pp. 34–36.

27. Il'in A. N. *Put' yurodivogo kak ideal askezy* [The way of the fool as an ideal of asceticism] // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* – Society: philosophy, history, culture. Krasnodar. Hors. 2022. No. 5. Pp. 57–60.
28. Il'in A. N. *Yurodstvo kak mirovozzrenie inakomyslyashchego* [Foolishness as a worldview of a dissident] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. Kirov. VSU. 2016. No. 5. Pp. 12–16.
29. Ioann (Kovalevskij), bishop. *Yurodstvo o Hriste i Hrista radi yurodivye vostochnoj russkoj cerkvi: istoricheskij ocherk i zhitiya sih podvizhnikov blagochestiya* [Foolishness about Christ and for Christ's sake, the fools of the Eastern Russian Church: a historical essay and the lives of these ascetics of piety]. M. Edition of the bookseller Alexei Dmitrievich Stupin. 1902. 308 p.
30. Ioann (Kologrivov), hieromonk. *Ocherki po istorii russkoj svyatosti*. [Essays on the history of Russian holiness]. Italy. ISTINA. 1991. 413 p.
31. Isupov K. G. *Yurodstvo (iz avtorskogo slovarya "kosmos russkogo samosoznaniya")* [Foolishness (from the author's dictionary "cosmos of Russian self-consciousness")] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* – Society. Wednesday. Development (Terra Humana). SPb. Asterion. 2013. No. 1 (26). Pp. 246–248.
32. Kazanceva I. A. *Pravoslavnaya aksiologiya v russkoj proze XX–XXI vekov : dis. ... dokt. filol. nauk.* [Orthodox axiology in Russian prose of the XX–XXI centuries : dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. Tver. 2011. 484 p.
33. Kozincev A. V. *Fenomen "plach-smekh": o razlichii skhodnogo* [The phenomenon of "crying-laughter": about the difference of the similar] // *Antropologicheskij forum* – Anthropological Forum. 2010. No. 13. Pp. 124–177.
34. Korenev D. M. *"I kazhetsya mne, okayannomu, chto napolovinu ya uzhe chernec..." K voprosu o vozmozhnom prizhiznennom monasheskom chine Ivana Groznogo v kontekste problemy istokov proiskhozhdeniya oprichnoj odezhdy* ["And it seems to me, damned, that I am already half a black man..." To the question of the possible lifetime monastic rank of Ivan the Terrible in the context of the problem of the origins of the origin of oprichina clothing] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Scientific notes of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2012. No. 1 (2). Pp. 94–99.
35. Kuznecova O. N. *Mirovozzrencheskie osnovy fenomena yurodstva Hrista radi v russkoj pravoslavnoj tradicii* [Ideological foundations of the phenomenon of foolishness for Christ's sake in the Russian Orthodox tradition] // *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii* – Culture in the Eurasian space: traditions and innovations. Barnaul. AGIK. 2019. No. 1 (3). Pp. 35–40.
36. Lavrov A. S. *Yurodstvo i "regulyarnoe gosudarstvo"* [Foolishness and the "regular state"] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* – Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. SPb. L. 2001. Pp. 432–447.
37. Lihachev D. S., Panchenko A. M. *"Smekhovoj mir" Drevnej Rusi (Iz istorii mirovoj kul'tury)* ["The laughing world" of Ancient Russia (From the history of world culture)]. L. Nauka (Science). 1976. 204 p.
38. Lihachev D. S., Panchenko A. M., Ponyrko N. V. *Smekh v Drevnej Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. L. Nauka (Science). 1984. 295 p.
39. Malen'kih S. I. *Popytka yurodstva kak odna iz strategij sovremennoj kul'tury : mat-ly nauchnoj konferencii* [The attempt of foolishness as one of the strategies of modern culture : the materials of the scientific conference]. SPb. St. Petersburg Philosophical Society. 2001. Pp. 54–56.
40. Martirosyan O. A. *Yurodstvo v russkom literaturnom soznanii : dis. ... kand. filol. nauk.* [Foolishness in the Russian literary consciousness : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Arkhangelsk. 2011. 203 p.
41. Mironenko-Marenkova I. K. *Koncept svyatosti v kul'turnoj tradicii Rossii i Francii XIX stoletiya : dis. ... kand. ist. nauk.* [The concept of holiness in the cultural tradition of Russia and France of the XIX century : dis. ... PhD in Historical Sciences]. 2009. 502 p.
42. Mishin R. A. *Diagonal' yurodstva (obshchee issledovanie etimologii termina "yurodstvo")* [Diagonal of foolishness (a general study of the etymology of the term "foolishness")] // *Kul'turnoe nasledie Rossii* – Cultural Heritage of Russia. M. Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage n. a. D. S. Likhachev. 2013. No. 3–4. Pp. 23–29.
43. Moteyunajte I. V. *Vospriyatie yurodstva russkoj literaturoj XIX–XX vv. : dis. ... dokt. filol. nauk.* [Perception of foolishness by Russian literature of the XIX–XX centuries : dis. ... Dr. of Philol. Sciences]. Veliky Novgorod. 2006. 330 p.
44. Nedosparova T. A. *Russkoe yurodstvo XI–XVI vv.* [Russian foolishness of the XI–XVI centuries] // *LitRes: Samizdat* – LitRes: Samizdat. 1997. 84 p.
45. *Novyj eklogion: izbrannye zhitiya svyatyh, pereskazannye prepodobnym Nikodimom Svyatogorcem* – The New Eclogion: selected lives of Saints retold by St. Nicodemus of the Holy Mountain. Pskov. Lit. fund of Russia, Pskov Regional Department. 2008. 704 p.
46. Panchenko A. M. *Rol' skomorohov v kul'ture Drevnej Rusi* [The role of buffoons in the culture of Ancient Russia] // *Slavyanskije literatury. IX Mezhdunarodnyj s'ezd slavistov. Doklady sovetsoj delegacii* – Slavic literatures. IX International Congress of Slavists. Reports of the Soviet delegation. M. 1983. Pp. 79–88.
47. Panchenko A. M. *Yurodivye na Rusi* [The Fools in Russia] // *Russkaya istoriya i kul'tura: raboty raznyh let* – Russian history and culture: works of different years. SPb. Una. 1999. Pp. 392–407.

48. Petrikovskaya E. S. *Rozhdenie "Lichnosti" iz duha nihilizma* [The birth of a "Personality" from the spirit of nihilism] // *Labirint : zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovanij* – Labyrinth : Journal of Social and Humanitarian Studies. Ivanovo. 2016. No. 1–2. Pp. 30–36.
49. Petrulin V. V., Sharabarina E. A. *Social'no-politicheskie aspekty russkogo yurodstva v epohu pravleniya Ivana IV Groznogo* [Socio-political aspects of Russian foolishness in the reign of Ivan IV the Terrible] // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* – Context and reflection: philosophy of the world and man. 2020. Vol. 9. No. 6A. Pp. 50–56.
50. Peshkova A. V. *Russkaya smekhovaya kul'tura: Istoki i stanovlenie (XI–XVIII vv.) : dis. ... kand. kul'turologii* [Russian laughing culture: Origins and formation (XI–XVIII centuries) : dis. ... PhD in Cultural Studies]. M. 2004. 127 p.
51. Radaeva S. V. *Fenomen yurodstva v kontekste filosofskoj antropologii* [The phenomenon of foolishness in the context of philosophical anthropology] // *XVIII Carskosel'skie chteniya* – XVIII Tsarskoye Selo readings. SPb. Leningrad University n. a. A. S. Pushkin. 2014. Pp. 154–157.
52. Razinov Yu. A., Atyaskina A. N. *Yurodstvo* [Foolishness] // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* – International Journal of Cultural Studies. SPb. Eidos. 2020. Pp. 32–48.
53. Rozhkovskij V. B. *Farisejstvo kak forma "blagochestiya" i ego antipody v hristianskoj kul'ture* [Pharisaism as a form of "piety" and its antipodes in Christian culture] // *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. Rostov-na-Donu. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2018. No. 2 (85). Pp. 115–120.
54. Rostova N. N. *Chelovek obratnoj perspektivy: filosofsko-antropologicheskoe issledovanie fenomena yurodstva Hrista radi : dis. ... kand. filos. nauk.* [Man of reverse perspective: philosophical and anthropological study of the phenomenon Foolishness for Christ's sake : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2008. 193 p.
55. Rudi T. R. *Ob askeze yurodivykh (iz istorii agiograficheskoy topiki)* [On the asceticism of the fools (from the history of hagiographic topics)] // *Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies* – Slovĕne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2015. No. 1. Pp. 456–473.
56. Rynkovej I. V. *Podvizhnichestvo kak fenomen filosofsko-religioznogo soznaniya : dis. ... kand. filos. nauk.* [Asceticism as a phenomenon of philosophical and religious consciousness : dis. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2006. 175 p.
57. Semenenko-Basin I. V. *Svyatost' v russkoj pravoslavnoj kul'ture XX veka: istoriya personifikacii* [Holiness in the Russian Orthodox culture of the XX century: the history of personification]. M. Publishing Center of RSUH. 2010. 296 p.
58. Sidorov P. I., Yakushev I. B. *Fenomen yurodstva kak katalizator stanovleniya psichiatricheskogo zakonodatel'stva v Rossii* [The phenomenon of foolishness as a catalyst for the formation of psychiatric legislation in Russia] // *Rossijskij psichiatricheskij zhurnal* – Russian Psychiatric Journal. M. 2010. No. 2. Pp. 95–100.
59. Sychev A. A. *K istokam etiki yurodstva* [To the origins of the ethics of foolishness] // *Eticheskaya mysl'* – Ethical Thought. M. : Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2017. Vol. 17. No. 1. Pp. 110–123.
60. *Taisiya (Karcova), mon. Russkie svyatyje: Zhitiya svyatykh russkoj cerkvi* [Russian Russian Saints: The Lives of the Saints of the Russian Church]. SPb. Palmyra. 2017. 720 p.
61. Toporov V. N. *Svyatost' i svyatyje v russkoj duhovnoj kul'ture. T. 1. Pervyj vek hristianstva na Rusi* [Holiness and saints in Russian spiritual culture. Vol. 1. The first century of Christianity in Russia]. M. Gnosis. 1995. 875 p.
62. Tuminskaya O. A. *Obraz yurodivogo vo Hriste v russkom iskusstve konca XV v. – nachala XX v. : dis. ... dokt. iskusstvovedeniya* [The image of the fool in Christ in Russian art of the late XV century – early XX century : dis. ... Dr. of Art Criticism.] SPb. 2014. 648 p.
63. Tuminskaya O. A. *Rukopisnye zhitiya yurodivykh XVI–XIX vekov (po materialam rukopisnogo otdela RNB)* [Handwritten lives of the fools of the XVI–XIX centuries (based on the materials of the manuscript department of the Russian National Library)] // *Vestnik SAFU: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Herald of SAFU: Humanities and Social Sciences. Arkhangelsk. SAFU. 2013. No. 1. Pp. 110–113.
64. Tuminskaya O. A. *Russkoe yurodstvo v svete monasheskogo sluzheniya* [Russian foolishness in the light of monastic ministry] // *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii* – Russian Russian Christian Humanitarian Academy Herald. SPb. RCSA. 2017. Vol. 18. Is. 3. Pp. 44–56.
65. Tuminskaya O. A. *Sintez i sinkretizm fenomena pravoslavnogo yurodstva* [Synthesis and syncretism of the phenomenon of Orthodox foolishness] // *Sintez v russkoj i mirovoj hudozhestvennoj kul'ture : mat-ly konferencii, posvyashchennoj pamyati A. F. Loseva* – Synthesis in Russian and world artistic culture : materials of the conference dedicated to the memory of A. F. Losev. M. MSPU. 2002. Pp. 102–105.
66. Tuminskaya O. A. *Smirenje – glavnaya cherta nravstvennogo oblika i hudozhestvennogo obraza yurodivogo* [Humility is the main feature of the moral appearance and artistic image of the fool] // *Iskusstvo i dialog kul'tur. VII Mezhdunarodnaya mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya* – Art and dialogue of cultures. VII International Interuniversity Scientific and Practical Conference. SPb. RSPU. 2013. Is. 7. Pp. 69–71.
67. Tuminskaya O. A. *Cherty yurodstvuyushchego povedeniya v agiografii prepodobnykh severno-russkoj vetvi monashestva* [Features of foolishness in the hagiography of the venerable North Russian branch of monasticism] // *Puti duhovnogo vliyaniya inocheskoy zhizni Troice-Sergieva monastyrya. Troice-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i duhovnoj zhizni Rossii. III Mezhdunarodnaya konferenciya* – Ways of spiritual influence of the monastic

life of the Trinity-Sergius Monastery. The Trinity-Sergius Lavra in the history, culture and spiritual life of Russia. III International Conference. Sergiev Posad. SPSIHMZ. 2002. Pp. 23–24.

68. *Tuminskaya O. A. Entelekhiya yurodstva v russkoj kul'ture srednevekov'ya* [Entelechy of foolishness in the Russian culture of the Middle Ages] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of the Leningrad State University n. a. A. S. Pushkin. SPb. LSU n. a. A. S. Pushkin. 2011. No. 4. Pp. 220–228.

69. *Uspenskij B. A. Antipovedenie v kul'ture Drevnej Rusi* [Anti-religion in the culture of Ancient Russia] // *Problemy izucheniya kul'turnogo naslediya* – Problems of studying cultural heritage. M. 1985. Pp. 326–336.

70. *Uspenskij B. A. Izbrannye trudy. Tom 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. Vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of culture]. M. School "Languages of Russian culture". 1996. 608 p.

71. *Uspenskij B. A., Lotman Yu. M. Novye aspekty izucheniya kul'tury Drevnej Rusi* [New aspects of studying the culture of Ancient Russia] // *Voprosy literatury* – Questions of literature. 1977. No. 3. P. 148–166.

72. *Faritov V. T. Asketizm i yurodstvo v filosofii F. Nicshe* [Asceticism and foolishness in the philosophy of F. Nietzsche] // *Vestnik TGU* – Herald of TSU. Tomsk. 2021. No. 446. Pp. 64–70.

73. *Fedorova N. V. Zhizn' kak protivopostavlenie norme* [Life as an opposition to the norm] // *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* – Herald of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. Omsk. OSPU. 2021. Pp. 62–65.

74. *Hrenov N. A. Tvorcheskaya lichnost' kak porogovaya lichnost': ot yurodstva inoka Avraamiya do performansy O. Kulika* [Creative personality as a threshold personality: from the foolishness of the monk Abraham to the performance of O. Kulik] // *aroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical herald. Yaroslavl. Publishing house of YaSPU n. a. K. D. Ushinsky. 2015. Vol. 1. No. 1. Pp. 74–82.

75. *Chebotarev I. G. Fascinativnyj tipazh "yurodivyj" v russkoj lingvokul'ture : dis. ... kand. filol. nauk.* [Fascinating type "fool" in Russian linguoculture : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Volgograd. 2015. 227 p.

76. *Chernigovskih I. V., Chernyh V. D., Sulimov S. I. Samozvanchestvo i yurodstvo kak sociokul'turnye mekhanizmy ogranicheniya absoljutnoj politicheskoj vlasti* [Imposture and foolishness as socio-cultural mechanisms of restriction of absolute political power] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Social and humanitarian knowledge. 2019. No. 4. Pp. 302–316.

77. *Shakleeva A. I. Yurodstvovanie kak fenomen rossijskikh kul'turnyh praktik* [Fooling as a phenomenon of Russian cultural practices] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* – Yaroslavl Pedagogical herald. 2020. No. 2 (113). Pp. 209–215.

78. *Ekzempljarskij V. I. Hristianskoe yurodstvo i hristianskaya sila (K voprosu o smysle zhizni)* [Christian foolishness and Christian power (On the question of the meaning of life)] // *Hristianskaya mysl'* – Christian thought. Kiev. 1916. No. 1. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Ekzempljarskij/hristianskoe-yurodstvo-i-hristianskaja-sila/ (date accessed: 24.07.2022).

79. *Yudin A. V. Russkaya narodnaya duhovnaya kul'tura* [Russian folk spiritual culture]. M. Vysshaya Shkola (Higher School). 1999. 334 p.

80. *Yurganov A. L. Nelepoe, ili Nad chem smeyalis' svyatyje v Drevnej Rusi?* [Ridiculous, or what did the saints laugh at in Ancient Russia?] // *A. G. Karavashkin, A. L. Yurganov. Opyt istoricheskoi fenomenologii. Trudnyj put' k ochevidnosti* [The experience of historical phenomenology. The Difficult path to evidence]. M. 2003. Pp. 211–290.

81. *Yurganov A. L. Ubit' besa. Put' ot srednevekov'ya k Novomu vremeni* [Kill the demon. The path from the Middle Ages to the New Time]. M. RSUH. 2006. 433 p.

82. *Yurkov S. E. Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoj kul'ture (XI – nachalo XX vv.)* [Under the sign of the grotesque: anti-religion in Russian culture (XI – early XX centuries)]. SPb. Letnij Sad (Summer Garden). 2003. 210 p.

83. *Yanchevskaya K. A. Yurodstvo v russkoj literature vtoroj poloviny XIX v. : dis. ... kand. filol. nauk.* [Foolishness in Russian literature of the second half of the XIX century : dis. ... PhD in Philological Sciences]. Barnaul. 2004. 195 p.

УДК (316.74:2):004.946

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.057

Опыт сравнительного исследования религиозно-ориентированных интернет-мемов (на материалах сообществ в социальной сети «ВКонтакте»)

Ф. Д. Редин

ассистент секции религиоведения кафедры онтологии и теории познания,
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Россия, г. Екатеринбург. E-mail: flyingfortress16@yandex.ru

Аннотация. В работе рассматриваются интернет-мемы, публикуемые в сообществах социальной сети «ВКонтакте», ориентированных на христианскую аудиторию. В теоретическом отношении опираясь на концепции культуры участия (Н. Jenkins) и проживаемой религии (R. Orsi, N. Ammerman, M. McGuire), автор статьи исследует шесть сообществ «ВКонтакте» посредством сравнительного анализа их контента и интервьюирования представителей администрации. В результате проделанной работы удастся прийти к выводам о том, что 1) обогащенные элементами религиозного происхождения мемы широко используются как средство коммуникации в конфессионально-ориентированном онлайн; 2) религиозно-ориентированные мемы являются одним из способов приспособления религии к языковым реалиям современности; 3) концепции культуры участия и проживаемой религии за некоторым исключением удовлетворяют целям описания данного феномена и могут становиться теоретическим фундаментом схожих исследований в дальнейшем; 4) религиозно-ориентированные мемы отличаются смысловым и структурным разнообразием, достаточно представлены в русскоязычном сегменте интернета, и еще более – в англоязычном.

Ключевые слова: мемы, ВКонтакте, социальные сети, культура участия, проживаемая религия, религиозно-ориентированные мемы.

Интернет-мемы возникли и популяризовались как жанр сетевой коммуникации сравнительно недавно (в близком к современному виде они стали массово создаваться и публиковаться не ранее середины 2000-х годов), но быстро стали универсальным средством межкультурного и трансязыкового общения в Интернете. Сегодня сложно представить себе культурный феномен, влиятельную организацию, яркого политического деятеля и т. п., о которых в том или ином виде не говорилось бы языком мемов. В этом смысле исключением не является и религия: с помощью мемов говорят *о ней* (как говорили и раньше: к примеру, при помощи фольклора и малых литературных форм) и *от ее лица*, вкладывая в уста и действия персонажей мемов религиозные идеи, упоминания обычаев или, *vice versa*, делая культурных героев религиозного происхождения действующими в рамках мема актерами. Одна из особенностей интернет-мема как коммуникативного средства состоит в его гибкой структуре и простоте использования, позволяющей отдельным пользователям при минимальных технических навыках начинать высказывание элементами разнородных культурных сред, составить из этих элементов коллаж, в рамках которого они начинают продуцировать множество новых, подчас неожиданных смыслов. По этой причине в рамках настоящего исследования было сочтено целесообразным отказаться от использования понятия *религия*, указывающего на нечто целостное, обладающее границами и имеющее вид организованной системы, в пользу термина *религиозное*, под которым понимаются отдельные идеи, визуальные образы, персонажи, артефакты, элементы культа и т. п., заимствованные из религиозных традиций. Поскольку в фокусе работы находятся интернет-мемы, создающиеся и распространяемые в рамках сообществ «ВКонтакте», ориентированных на конфессиональную аудиторию, а их содержание отсылает к элементам религиозных традиций, для обозначения таких мемов, на наш взгляд, корректно использовать термин *религиозно-ориентированные мемы (РОМ)*.

Для описания сущности интернет-мемов в работах по филологии и лингвистике часто используются термины *креолизированный текст*, *интертекст*, *полиmodalный дискурс* [6] и подобные им. В рамках специальных исследований эти дефиниции обладают рядом частных различий, и используются в зависимости от теоретико-методологического подхода и задач

конкретных авторов. Однако важное для целей настоящей работы значение этих терминов может быть сведено к тому, что содержание некоторого интернет-мема определяется взаимодействием в его рамках нескольких каналов трансляции информации. К примеру, сочетание определенного визуального наполнения и сопроводительной подписи, как двух различных семиотических систем в рамках интернет-мема, определяет его полимодальный характер, усложняет структуру, затрудняет сведение значения мема к значениям его отдельных компонентов. Дешифровка сообщения, содержащегося в интернет-меме, таким образом, оказывается возможна при условии внимания к характеру взаимодействия элементов, а также пониманию контекста, в котором они функционируют.

Еще одной характерной чертой интернет-мемов является их нацеленность на создание комического эффекта: эта особенность подобного контента стала одним из важнейших критериев отбора эмпирического материала для данной статьи. Исследованиям конкретных механизмов, благодаря которым этот эффект достигается, посвящен ряд трудов, преимущественно филологической направленности [3; 7; 8]. Определенных успехов отечественной и зарубежной гуманитаристике удалось добиться и в разработке проблем взаимоотношений религиозных систем и их отдельных представителей как с цифровой средой [1; 2], так и с юмором [4; 9; 11]. Однако по вопросам взаимоотношений в рамках триады «религия – интернет – мемы», составляющим смысловое ядро данной работы, в публичном доступе на русском и английском языках было обнаружено лишь несколько исследований разной степени полноты [13; 17], появление которых отчасти было стимулировано подъемом академического интереса к реакции религиозных сообществ на пандемию COVID-19 и связанные с ней события [12; 15].

Исходя из того, что РОМ являются продуктами свободного индивидуального творчества пользователей сети, а среда, в которой они создаются и распространяются, предположительно характеризуется отсутствием жесткой вертикальной иерархии и располагает к трансформациям формы и содержания, можно предположить, что адекватным целям исследования теоретическим фундаментом могут быть концепции *проживаемой религии* (R. Orsi, N. Ammerman, M. McGuire) и *культуры участия* (H. Jenkins). Основу первой из них составляет представление о том, что транслируемое через институты, официальный текст и ритуал религиозное знание органично вплетено в ткань повседневных действий и опыта, на первый взгляд не имеющих религиозного содержания [14]. В русле данного подхода оказывается возможно распознать воплощения религиозных смыслов в артефактах, действиях и высказываниях, подчас не вполне отрефлектированных самими практиками, но наиболее аутентичных, соответствующих личному пониманию веры и связанного с ней опыта [10]. Проживаемая религия, таким образом, представляет собой совокупность практик и представлений, укорененных в повседневном опыте встречи и общения со священным, динамически изменяющихся и конституирующих религиозную идентичность людей, вовлеченных в эту деятельность. Поскольку производство/потребление контента (и, в частности, мемов) посредством социальных сетей, несомненно, является повседневной практикой для урбанизированной части современного общества, возможность научного исследования содержащихся в этой практике элементов религиозного представляется обоснованной. В центре разработанной Г. Дженкинсом теоретической модели культуры участия [16] (participatory culture) находится тезис о том, что процессы производства и потребления контента, в доцифровую эпоху носившие скорее вертикальный характер и осуществлявшиеся разными по существу своим ролям актерами (например: один автор/издатель/производитель – множество читателей/потребителей), ныне оказались сосредоточены в руках «просьюмеров»: множества равноправных членов сетевого сообщества, участвующих в непрерывном и одновременном процессе создания, потребления, интерпретации и «переплавки» культурных продуктов. Особенности формы и содержания этих культурных продуктов, по мысли Г. Дженкинса, способны многое рассказать исследователю о том, каким образом индивидуальные представления о чем-либо становятся общим местом в той или иной среде, либо, напротив, отбраковываются сообществом. Поместив РОМ в фокус исследования, можно увидеть, какие элементы религиозной культуры или связанные с религией темы интересуют пользователей некоторой группы в наибольшей степени и обозначить контуры того, как эти элементы и темы интерпретируются на индивидуальном уровне.

В число целей настоящей работы, таким образом, входили попытки, опираясь на эмпирический материал, исследовать возможности интернет-мема как инструмента репрезентации религиозного, выявить специфические черты религиозно-ориентированных мемов и охарактеризовать среду, в которой они создаются и распространяются.

За период с 01.01.2021 по 01.05.2021 было исследовано шесть религиозно-ориентированных сообществ в социальной сети «ВКонтакте», публикующих юмористический контент: «Православные шутят», «Православные тоже шутят», «Скимень», «Terra Orthodoxa», «Christian memes» и «Христианские мемы на каждый день». Исследование было проведено в три этапа. На первом из них был отобран круг сообществ социальной сети ВКонтакте, специализирующихся на публикации юмористического контента, имеющего отношение к религии. Выяснилось, что наиболее широко представленной в таком формате конфессией является христианство. На втором этапе была проведена аналитическая работа, целью которой было выявление сходств и различий в подходах к репрезентации религиозного через интернет-мемы в рамках выборки из шести сообществ. Для этого публикации, появившиеся в них за рассматриваемый период, локально архивировались в виде скриншотов, а затем анализировались с целью установить преобладающую смысловую направленность этих медиа-текстов, а также выявить основные тематические направления для данных групп, уловить общее и различное в сути и способе подачи освещаемых на этих площадках проблем. В качестве инструмента количественного анализа была использована таблица, в которую для каждой группы заносилось общее количество единиц контента, их распределение по тематическим блокам, типам мемов и их смысловой окраске. Для того, чтобы выделить мемы из общей массы контента сообществ, была использована классификация, в рамках которой выделяются следующие группы: двусоставные М., персонажные М., синтаксические М., ситуативные М., и демотиваторы. Данная классификация, несомненно, не являясь исчерпывающей [5], в совокупности с достаточным личным опытом взаимодействия с подобным контентом позволила составить выборку, в которую попали 112 мемов. Третий этап исследования заключался в проведении полуструктурированных онлайн-интервью с членами администрации сообществ. Целью данных интервью было получение сведений о личной религиозности и взглядах администраторов, их связи с церковными институтами, либо отсутствию таковой, принципах генерации и публикации мем-контента в подведомственных им сообществах, а также о демографической картине в них. В результате удалось провести интервью с администраторами четырех групп: «Православные шутят», «Христианские мемы на каждый день», «Terra Orthodoxa» и «Christian memes».

По признаку смысловой окраски, публикуемые в группах мемы были ранжированы по трем категориям: «положительная», «ироничная», «критическая». К первой категории были отнесены мемы, смысл и эмоциональная тональность которых не были направлены на порицание, критику, побуждение к сомнению в справедливости/уместности тех или иных суждений и действий. Мемы, отнесенные нами к этой категории, в целом можно охарактеризовать как «беззлобные», «добрые» и «нейтральные»: т. е. либо направленные на то, чтобы вызвать у реципиента положительные эмоции от одобрения до умиления, либо просто сообщающие некий факт. Вторая категория мемов «ироничные», как следует из ее названия, характеризуется тенденцией к высмеиванию, сатирической репрезентации тех или иных сторон религиозной жизни, побуждению реципиента к размышлению о сравнительных достоинствах и недостатках некоторых явлений. Несмотря на общий сатирический характер, в мемах этой категории редко можно встретить открытый негатив в отношении обсуждаемого в их рамках предмета. Последней выделенной нами категорией мемов по смысловой окраске являются «критические». Они, как правило, посвящены бичеванию недостатков и заблуждений представителей конкретных конфессий и философских взглядов, формированию отношения реципиента к чему-либо как «неправильному», «неуместному», «негативному», «еретическому». Зачастую такой эффект достигается взаимодействием текстовой и визуальной составляющих: подвергающиеся критике явления и объекты представлены в виде шаблонных карикатурных персонажей, в уста которых вложены высказывания, так же сконструированные по шаблону мема.

В первую очередь оказалось возможным подразделить исследуемые сообщества на две группы, с некоторой долей условности названные «массовыми» («Православные шутят», «Православные тоже шутят») и «элитарными» («Скимень», «Terra Orthodoxa», «Christian memes» и «Христианские мемы на каждый день»). Такое разделение было произведено по следующим причинам. Первая, и наиболее очевидная из них: количество подписчиков. Разница в их числе теоретически могла бы объясняться различным возрастом групп, однако сопоставление дат основания отдельных сообществ и количества подписанных на них людей не позволяют удовлетвориться таким ответом. К примеру, сообщество «Православные тоже шутят», основанное в апреле 2019 года, имеет аудиторию 30 500 подписчиков, в то время как на имеющий гораздо

более продолжительную историю «Скимень» (основан ок. 2015 года) подписано почти в пять раз меньше людей. Второе основание, позволяющее констатировать принципиальную разницу между этими двумя группами сообществ, связано со спецификой контента, публикуемого в них. Во всех отобранных нами группах присутствуют мемы и шутки на религиозную тематику, однако, они, во-первых, в ряде случаев не являются единственным типом содержащегося там контента, во-вторых, стилистически, существенно отличаются от группы к группе. Стилистическая и эмоциональная специфика содержимого сообществ «Православные шутят» и «Православные тоже шутят», позволяет констатировать их обособленность от менее масштабных из рассмотренных нами сообществ, и отнести их к группе «массовых».

Отличия между двумя выделенными категориями обнаруживаются и в демографическом измерении. Так, удалось установить, что среди подписчиков «Православные шутят» соотношение мужчин к женщинам составляет 30 и 70 % соответственно, а возраст участников в среднем превышает 35 лет. Ряд косвенных признаков позволяет предположить, что в сообществе «Православные тоже шутят» (несмотря на созвучие названий никак не связанном с «Православные шутят») половозрастной состав участников выглядит схожим образом. Совершенно иную картину обнаруживают три группы «элитарного» блока, данные по которым удалось получить: средний возраст подписчиков колеблется в пределах 18–24 лет, а доля мужчин в составе их аудитории составляет в среднем 78 %¹.

Четыре из шести исследованных нами групп имеют выраженную ориентацию на православный вариант христианства. К ним относятся «Православные шутят», «Православные тоже шутят», «Скимень», и «Terra orthodoxa». «Православные шутят» (основана около 2012 года) декларируют это через свое название; кроме того, двое из пяти администраторов группы являются действующими священнослужителями РПЦ МП. В ходе беседы один из администраторов сообщил, что не имеет отношения к созданию группы, и присоединился к работе по ее модерированию спустя значительное время после ее основания, которое было частной инициативой женщины, по-видимому, не имеющей отношения к церкви как институту.

Ориентированность на православие сообщества «Православные тоже шутят» так же с очевидностью прослеживается в названии, однако поверхностного взгляда на публикуемый там контент может быть недостаточно для того, чтобы с уверенностью идентифицировать его как «православный». Достоверно установить, занимает ли администратор группы какое-либо положение в церковной иерархии не удалось, однако, исходя из указанной на его странице в социальной сети информации, можно с высокой степенью уверенности заключить, что он является мирянином. Юмористический контент этих двух групп, отнесенных выше к категории «массовых» представлен не только (а в случае с «Православные тоже шутят» – и не столько) мемами в собственном смысле этого слова: здесь можно встретить текстовые анекдоты; шутки, визуальная составляющая которых несет только иллюстративный характер, мало участвуя в процессе смыслообразования; призывы к сбору средств для больных детей; видеозаписи выступлений церковных деятелей. Вместе с тем, интернет-мемы тоже встречаются здесь, и их специфика представляет интерес в рамках настоящей работы.

Группа «Скимень» уже в информационной шапке позиционирует себя как «Православный паблик – паблик нового поколения». Из текста, описывающего цели группы и ее отличительные особенности, явствует глубокая теоретическая проработка позиции администрации по вопросам самопозиционирования и направлений деятельности. Перечисленные здесь принципы, которыми сообщество руководствуется в своей работе, оказываются частично обоснованы вероучительными положениями православия: «2. Самобытность – мы не стыдимся называть себя православными и обращать внимание на двухтысячелетний опыт Церкви.», «3. Верность – есть только два гендера и 15 Поместных Церквей (Американская, да-да, мы о тебе!)». Администрация группы «Скимень» отказалась беседовать с нами, сославшись на то, что выработка консенсуса по поводу задаваемых в рамках исследования вопросов слишком трудозатратна ввиду наличия у группы трех администраторов. То, имеют ли эти люди какое-либо отношение к церкви как институту, так же осталось непроясненным.

Подобно сообществу «Скимень», группа «Terra Orthodoxa» (основана около начала 2020 года) в шапке группы позиционирует себя как «Проект, посвященный православному христианству, от Рима и Константинополя до нынешних дней.», а в качестве целей своей ра-

¹ В частности: 77 % для «Christian memes», 82 % для «Христианские мемы на каждый день» и 75 % для «Terra Orthodoxa».

боты декларирует, что «Сообщество создано с целью дополнить Интернет-пространство информацией в доступной форме о нашей вере, которая, как мы надеемся, будет интересной, нужной и полезной». Здесь же отдельно указано, что группа не является миссионерской, что вполне коррелирует с ее содержанием. На вопрос об институциональной принадлежности к церкви администратор группы сообщил, что в настоящее время исполняет обязанности пономаря, однако, создание и модерирование группы было его частной инициативой, связанной с его прошлым опытом работы с интернет-медиа.

Эти два сообщества, кроме религиозно-ориентированных мемов наполнены цитатами из Священного Писания и святоотеческой литературы, постами с информацией об истории церкви и ее актуальных проблемах. Публикации подобного содержания составляют значительную часть всего массива контента, и религиозно-ориентированные мемы служат скорее дополнением, разбавляющим публикации просветительского характера.

Сообщества «Христианские мемы на каждый день» (основано около начала 2020 года) и «Christian memes» (основано около марта 2020 года) не заявляют о себе как об ориентированных исключительно на православие и православную аудиторию. Это можно заключить как исходя из названий и информации, которую сообщества предоставляют о себе, так и из того, что публикуемый в них контент репрезентует мнения и касается проблем, свойственных скорее христианству вообще, а не исключительно православию. «Подпишись, и ты точно станешь христианином», заявлено в информационной шапке «Христианских мемов на каждый день»: призыв, который сразу же настраивает пользователя на непринужденный лад, отвлеченный от глубоких проблем богословия и межконфессиональных отношений. В информационной секции группы «Christian memes» заявлено «Some pic about our faith» (картинки о нашей вере. – англ.), «Христианские юморески, так сказать», что так же свидетельствует об отсутствии жесткой конфессиональной привязки, и в целом легкой тональности контента. Среди блока «элитарных» сообществ эти две группы отличает их целенаправленная ориентация именно на интернет-мемы, отраженная в названиях и проявленная в содержимом, которое представлено исключительно этим типом контента.

Анализ контента групп позволил выявить ряд тематических блоков, встречающихся во всех рассмотренных случаях. Сюжеты и смысловая нагрузка обнаруженных мемов в абсолютном большинстве случаев находились в русле одной из следующих тем:

1) «Манифестация» – декларирование специфических черт, моделей поведения и мышления, которыми должны обладать люди, придерживающиеся определенных религиозных и философских взглядов.

2) «Ритуал» – мемы, содержание которых вращается вокруг практической стороны религиозной жизни: религиозных праздников, обрядов, таинств, регламентированного религиозной пищевой поведением.

3) «Самокритика» – категория мемов, высвечивающих проблемы и недостатки отдельных групп внутри конфессии, а также церкви как института.

4) «Полемика с другими» – мемы, смысл которых отражает те или иные разногласия как между христианскими конфессиями, так и между христианством и различными направлениями философской мысли: атеизмом, русской религиозной философией XIX–XX веков.

5) «История и богословие» – мемы, сюжет и комическая составляющая которых основаны на фактах церковной истории или проблеме, имеющей отношение к богословию. Зачастую обе темы могут освещаться в рамках одного мема.

6) Уникальной категорией для группы «Христианские мемы на каждый день» оказались мемы, в юмористической форме представляющие некоторые сюжеты из Ветхого Завета и Евангелия. Подобный контент удалось обнаружить в ориентированной на иудаизм группе «Мемный завет», содержимое которой подробно не рассматривается в рамках настоящей работы.

Говоря о мемах в «массовых» сообществах, в рамках настоящей работы мы ограничимся погружением в содержимое группы «Православные шутят», поскольку оно на основе разнообразного материала достаточно наглядно демонстрирует специфику контента таких групп. Обнаруженные в «Православные тоже шутят» мемы, во-первых, малочисленны, во-вторых, по стилю, тематике и в смысловом отношении крайне похожи на таковые в «Православные шутят». В общей сложности в двух этих группах было обнаружено 32 мема (26 в «Православные шутят» и 6 в «Православные тоже шутят»).

Содержимое сообщества «Православные шутят», как явствует из названия, представляет из себя разнообразные юмористические высказывания, раскрывающие те или иные сторо-

ны жизни православных верующих, духовенства, церкви вообще. Некоторая часть публикаций, вместе с тем, посвящена не только религии: здесь достаточно часто можно встретить юмор, построенный на комизме повседневных, бытовых ситуаций. Формы, в которые облечен этот юмор, отличаются разнообразием. Здесь можно встретить карикатуры, текстовая и визуальная составляющие которых монолитны, а специфика их взаимодействия предопределена автором рисунка; текстовые анекдоты; анекдоты, сопровождаемые картинками, несущими иллюстративную функцию, и напрямую не вовлеченными в процесс смыслообразования: к примеру, тексты, комизм которых построен на нетривиальной реакции ребенка на некоторый факт или событие, зачастую сопровождаются фотографиями детей. На стене сообщества периодически публикуются фотографии, на которых запечатлены различные бытовые предметы, объекты городской инфраструктуры и благоустройства, помещенные в специфический контекст, отсылающий к элементам православного вероучения или религиозной практики (например, фотография кружки с надписью «Best teacher ever», стоящей на фоне иконы, изображающей Христа Пантократора; фото желтой кнопки на светофорном столбе с надписью «ждите», к которой кто-то приписал маркером «...чуда»).

Наиболее широко освещаемой темой для этой группы оказалась тема религиозной практики (11 мемов). Чаще всего в рамках этого направления упоминались крупные религиозные праздники, празднование которых пришлось на период составления выборки: Рождество, Масленица, Великий пост, Благовещение, Пасха. В периоды до и во время этих значимых событий религиозной жизни количество тематических публикаций закономерно увеличивалось. Примечательно, что среди проанализированных публикаций категории «Ритуал» практически не встречалось мемов, посвященных основным таинствам Церкви (евхаристии, исповеди и т. д.). В основном роль персонажей мемов, через реплики и действия которых репрезентуются элементы религиозного, играют священнослужители, изображаемые как в процессе отправления культа, так и в повседневных ситуациях; персонажи популярной культуры и исторические личности, олицетворяющие простых верующих; животные, в основном представленные котами, запечатленными на фото в забавных ситуациях; простые верующие.

Исторические личности и персонажи произведений искусства, фигурирующие в мемах на религиозную тематику, могут весьма неожиданным образом окрашивать содержащееся в меме высказывание. Так, мем, посвященный Великому Посту и празднику Благовещенья, представляет собой фотографию Адольфа Гитлера, эмоционально бьющего себя кулаком в грудь, и задающего невидимой аудитории гневный вопрос: «Это я не пощусь?! Я даже на Благовещение рыбу не ем!». Спектр и характер смысловых коннотаций, вызываемых таким мемом, легко можно себе представить, об интерпретациях остается только гадать. Любопытно, что автором мема является действующий настоятель одного из приходов на территории Украины: человек, предположительно, обладающий представлением о границах допустимого в отношении смешения элементов поп-культуры и истории с элементами учения церкви и религиозной практики.

Куда менее провокативными, но не менее наглядно отражающими неоднозначность смыслов, которые могут возникнуть в результате помещения элементов религиозного в контекст интернет-мема, являются два изображения, сюжет первого из которых посвящен празднованию Масленицы, а второго – Крещенскому омовению в купели. В первом случае верующие, столпившиеся вокруг лопаты, на которой им преподносятся блины, сравниваются с орками – одними из антагонистов в романе Дж. Толкиена «Властелин колец» и трилогии фильмов по его мотивам. Во втором случае вопрос, «почему в прорубь не окунаетесь?» звучит из уст персонажа экранизации романа М. А. Булгакова «Собачье сердце» – управдома Швондера, в первоисточнике являющегося карикатурой на агрессивного малообразованного оппортуниста, для которого онтологическим значением обладают не принципы человечности и здравого смысла, а буква наспех сочиненного закона и формального распоряжения. Судя по наличию таких примеров, можно предположить, что администрация группы в целом достаточно лояльно относится к творческим интерпретациям элементов православной культуры, предлагаемым подписчиками.

Впрочем, подобные мемы являются скорее исключениями из общего массива, представленного в группе. Преобладающей смысловой окраской для контента «Православные шутят» оказалась «положительная». Характерный для сообщества юмор можно в целом охарактеризовать как беззлобный и доступный для понимания реципиента, не обладающего специальными познаниями, направленный не на критику и полемику, а на освещение религиозной

повседневности простых верующих и служителей культа. Мемы, посвященные церковной истории или богословским вопросам, отсутствуют в «Православные шутят» как класс, равно как и иной контент, который можно было бы назвать религиозно-просветительским. Администратор группы сообщил, что «нашего (т. е. созданного администрацией) контента процентов 10, наверное. В основном группу наполняют люди».

Полученные данные о контенте «массовых» групп позволяют заключить, что содержащиеся в них мемы в основном репрезентуют актуальные для участников проблемы, связанные с практической стороной их религиозности, а формат интернет-мема служит для пользователей инструментом индивидуальной творческой интерпретации связанного с религией опыта.

На контенте «элитарных» групп мы остановимся несколько подробнее, так как он сильнее отличается от сообщества к сообществу, и позволяет уловить специфику различных подходов к репрезентации религиозного через интернет-мемы.

Старейшим по времени основания и крупнейшим по количеству подписчиков среди рассмотренных нами «элитарных» групп является сообщество «СкименЪ». Хотя группа не позиционирует себя как исключительно юмористическая, контент, который можно здесь обнаружить, в основном представлен либо мемами (их в выборку попало 20), либо религиозно-просветительскими материалами: цитатами из святоотеческой литературы, высказываниями некоторых философов-теистов, ссылками на статьи, содержащие критику того, что по мнению администрации и части подписчиков группы можно классифицировать как ересь. Косвенные данные указывают на то, что контент здесь является авторским и создается членами администрации, хотя достоверно установить соотношение его источников не удалось. В шапке группы, сказано, что подписчики имеют возможность опубликовать свои материалы на стене, если они не противоречат мировоззрению администраторов. Общая тональность публикаций в группе имеет выраженный полемический характер: значительная часть постов в той или иной мере посвящена критике русской религиозной философии XX века, иных христианских конфессий, идей и отдельных лиц, связанных с экуменистическими, модернистскими и либеральными инициативами.

Публикация мемов, направленных на критику тех или иных идей, личностей и конфессий, порой порождает неоднозначную реакцию подписчиков в комментариях. Под постами, высмеивающими то, что в дискурсе данной группы обобщенно маркируется как «ереси» (экуменизм, модернизм, католицизм, протестантизм, варианты учения об апокатастасисе, концепции персонализма русских религиозных философов: этот список может быть продолжен), подчас можно обнаружить комментарии, выражающие разочарование отдельных подписчиков в контенте группы, а также вполне аргументированные сомнения в том, что язвительное, а иногда и просто грубое (см. Рис. 1, где сторонники взглядов о. Андрея Кураева в сущности названы баранами) подшучивание над «заблуждающимися» людьми – есть поведение, плохо согласующееся с учением Христа. Впрочем, в этих случаях находится достаточное количество защитников позиции сообщества, демонстрирующих высокий уровень погруженности в историко-церковную и богословскую проблематику и обладающих серьезными навыками ведения дискуссии.

Рис. 1. Мем «СкименЪ» 1

Администрация активно участвует в дискуссиях подписчиков, периодически блокируя тех из них, позиция и аргументы которых кажутся некорректными или неубедительными. Встречаются здесь и мемы, содержание которых раскрывает более двух точек зрения на некоторую проблему, а специфический внешний вид персонажей, олицетворяющих их носителей, позволяет реципиенту уяснить отношение авторов к различным позициям (Рис. 2). Впрочем, критика «ересей» с помощью мемов не сводится здесь исключительно к сатире различной степени злобности: встречаются изображения, транслирующие снисходительное или жалостливое отношение к идейным оппонентам: они изображены поверженными и кающимися, а фигура, олицетворяющая в данном контексте истину, протягивает им руку, дабы помочь встать и направиться по верному пути (Рис. 3). Несколько меньшее количество мемов здесь посвящено истории и богословию: в них чаще всего не содержится острой критики, а тональность в целом можно охарактеризовать как нейтрально-юмористическую.

Рис. 2. Мем «Скименъ» 2

Рис. 3. Мем «Скименъ» 3

Рисунки 3 и 4 иллюстрируют то, как при помощи мема, построенного на одном и том же шаблоне, создается высказывание на различные религиозные темы. В случае с рисунком 3 очевиден антагонизм между лежащей и стоящей фигурами, отраженный как в текстовом содержании мема, так и в образе, протягивающем руку помощи: он воплощен в виде лягушонка Пепе с седой бородой, одетого в рясу. Мем с Пепе за время своего существования оброс множеством различных коннотаций, в том числе, с легкой руки экс-президента США Дональда Трампа и его сторонников, стал символом расовой (и, порой, любой другой) нетерпимости и идей ультраправого спектра. Этот мем был отнесен нами к категории посвященных полемике, поскольку его персонажи олицетворяют две конфликтующих точки зрения, а используемые выразительные средства создают однозначную дихотомию «ложное – истинное». Рисунок 4, построенный на том же самом шаблоне с заменой одного из визуальных элементов и текста, изображает уже не идейных противников, а Спасителя и того, кто нуждается в спасении. Данный мем, на наш взгляд, является мемом-манifestацией идеи, причем не исключительно православной, а христианской вообще.

Рис. 4. Мем «Скименъ» 3

В целом контент сообщества «СкименЪ» сильно отличается от содержимого «массовых» групп: он часто посвящен темам, далеким от повседневного опыта верующих, требует подготовки для считывания его смыслов, по-видимому, имеет просветительскую функцию, ориентирован на более эрудированную аудиторию, обладающую отрефлексированной и аргументированной позицией по вопросам веры и религии, готовую отстаивать эту позицию в дискуссиях.

Группа «Terra Orthodoxa» наполняется в основном авторскими мемами (19 шт.). На вопрос об источнике контента администратор сообщил следующее: «как правило я [делаю мемы], бывает и подписчики предлагают (но часто отклоняю, не всегда подходит). Стараюсь все же какую-то планку держать». В группе отсутствует возможность комментировать публикации, поэтому установить специфику реакции на тот или иной контент со стороны аудитории не представляется возможным.

В количественном отношении по ряду параметров мы видим схожую со «СкименЪ» картину. Тематически здесь преобладают полемические мемы, за ними с небольшим отрывом следуют публикации, посвященные элементам ритуальной практики. Спектр критикуемых явлений частично совпадает с таковым в «СкименЪ»: это русская религиозная философия и различные проявления религиозного модернизма. Критика эта, однако, носит иной характер, и раскрывает не столько радикальное несогласие автора с той или иной позицией, сколько подталкивает реципиента к размышлению о проблеме (Рис. 5 и 6). Представлены здесь и мемы, темой которых является повседневный опыт верующего человека, манифестация специфической идентичности людей, вовлеченных в деятельность сообществ, подобных рассматриваемому. Общая сдержанная тональность контента группы не предполагает жестких или провокационных высказываний на темы, связанные с религией.

Рис. 5. Мем «Terra Orthodoxa» 1

Рис. 6. Мем «Terra Orthodoxa» 2

Мемы в публикациях группы не являются преобладающим типом контента. В основном они встречаются между несколькими постами с информацией о религиозных праздниках, цитатами из Евангелия и Предания, размышлениями на богословские темы. Не-юмористическое содержимое сообщества имеет выраженный религиозно-просветительский характер.

На вопрос о том, считает ли он формат интернет-мемов удачным для разговора о религии, администратор группы ответил отрицательно. По мнению информанта, мемы воспринимаются людьми «несерьезно», и являются в массе своей информационным шумом. Вместе с тем, современные реалии требуют современных способов коммуникации, поэтому использование интернет-мемов в процессе разговора на религиозные темы наш собеседник счел неизбежным. Кроме того, существование христианских мемов и публикующих их сообществ способствует трансформации стереотипного представления о христианах, которые «не сидят в интернете и не смотрят эти самые мемы (а некоторые на полном серьезе так считают)». Если рассматривать мемы как инструмент приобщения людей к религии или информирования о различных ее сторонах, то они не являются в этом отношении гарантированно эффективными: «...Если мы это [мемы] рассмотрим как последующий «путь к воцерковлению», то

это ну максимум первый шаг», «...Мемом можно донести информацию. Но в большинстве случаев ты даешь лишь «верхушку», а остальную часть айсберга ты уже предлагаешь познавать читателю, если она еще ему незнакома. Допустим у нас частенько бывают мемы про Флорентийскую унию. Человек может про это не знать ничего, но увидев мем, он пойдет гуглить», сообщил администратор.

Группа «Christian memes», как следует из ее названия, является специализированным мем-сообществом. По количеству обнаруженных мемов оно является лидером в нашей выборке (33 шт.). Мемы, так или иначе касающиеся межконфессиональной полемики, так же, как и в предыдущих исследованных сообществах, составляют большой процент от общего количества. Примечательным данный факт выглядит в свете того, что сообщество внешне не позиционирует себя как ориентированное на репрезентацию точки зрения какой-то конкретной ветви христианства, а посвящено мемам на христианскую тематику вообще. Практически все полемические мемы здесь отражают аспекты разногласий между ветвями христианства, в отдельных можно усмотреть критику современного атеизма, сциентизма и людей, тяготеющих к современным формам внеконфессиональной религиозности.

Мемы, с помощью которых осуществляется манифестация религиозного, частично свидетельствуют о том, что несмотря на внешнее отсутствие ориентации на конкретный вариант христианства, их создатель тяготеет к православию. В интервью администратор, по образованию являющийся религиоведом, а по вероисповеданию православным, сообщил, что является автором 90 % контента группы. В целом мемы категории «манифестация» здесь освещают темы, характерные для христианского (а иногда и религиозного) дискурса в целом: борьба с грехом, спасение, особенности мышления и поведения неопитов. В группе представлен пласт тем, связанных с религиозной практикой: из пяти мемов этого блока два посвящены Великому Посту, два Литургии и один Таинству исповеди. Среди прочего сообществе обнаружен уникальный в рамках нашей выборки пример критики в адрес высшего руководства РПЦ, а именно – патриарха Московского и всея Руси Кирилла, для чего использован ставший популярным в марте-апреле 2021 года шаблон мема «Сынуля-аболтус», в оригинале представлявшего собой серию фотографий женщины с ее сыном, на одной из которых последний вскинул руку в нацистском приветствии. В комментариях к мему нашлись как критики подобного контента, так и те, кто солидаризовался с такой характеристикой патриарха.

В целом, преобладающей смысловой окраской для контента «Christian memes» является положительная либо ироничная. Здесь не встречается мемов, с помощью которых какие-либо идеи объявлялись категорически неверными, а контент полемического содержания направлен скорее на информирование реципиента о существовании тех или иных слабых мест в позициях христианских конфессий и разногласий между ними, способен подтолкнуть к самостоятельному погружению в вопрос. В отношении порога вхождения содержимое группы отличается разнообразием: с одной стороны, оно часто рассчитано на аудиторию, погруженную в религиозную проблематику, однако, здесь можно встретить и мемы, которые могут быть актуальны для неопитов, верующих, для которых практическая сторона религиозной жизни первостепенна по отношению к теоретической, и даже людей в целом далеких от религии.

Для опубликованных за указанный период мемов в группе «Христианские мемы на каждый день» преобладающими оказались темы манифестации, а также истории и богословия. Содержимое группы, по-видимому, ориентировано на достаточно молодую аудиторию: например, это можно констатировать исходя факта из включения в состав мемов-манифестаций отсылок к мультфильмам на телеканале «Союз» (сам канал впервые запустил эфир в 2005 году) и к аниме «Евангелион» в контексте рассуждения о детстве. В мемах достаточно часто фигурируют персонажи фильмов, компьютерных игр, мультфильмов. Уникальной тематической категорией, не встречавшейся в остальных сообществах, являются мемы, в юмористической форме обыгрывающие сюжеты из Ветхого Завета и Евангелия (рис. 7). Подобный контент, хотя и не встречался в исследованных ранее группах, обнаруживается в ориентированном на иудаизм сообществе «Мемный завет». Такого рода мемы примечательны тем, что они апеллируют не к межконфессиональным различиям ветвей христианства, что в той или иной степени было характерно для предыдущих рассмотренных групп «элитарного» блока, а к одной из главных вещей, которая их объединяет – Священному Писанию. Администратор группы сообщил, что «...сообщество нацелено на то, чтобы с помощью мемов подтолкнуть людей к более глубокому изучению христианства, чтению самых базовых книг, как Библия, сочинения святых отцов...», и именно по этой причине «...на паблик подписывались не

только христиане, но и атеисты/агностики, у нас не было пропаганды религии...». В секции комментариев группы, вместе с тем, периодически разворачивались достаточно оживленные дискуссии между представителями разных направлений христианства.

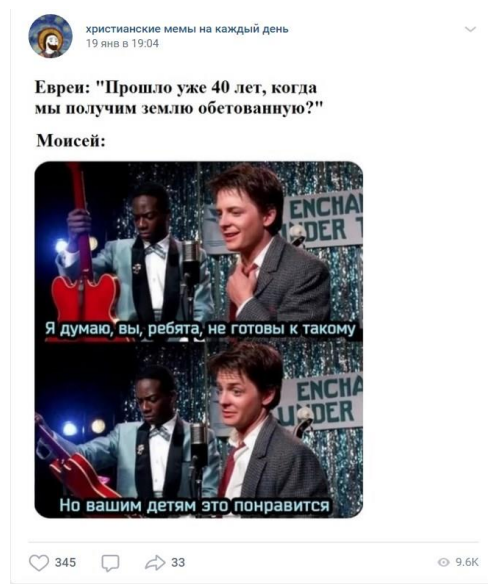

Рис. 7. Мем «Христианские мемы на каждый день»

Рассмотрев совокупность мемов в контенте религиозно-ориентированных сообществ «ВКонтакте», мы можем констатировать следующее. Во-первых, сам формат интернет-мема, как средства разговора на религиозные темы, более распространен в «элитарных» группах с малочисленной и молодой аудиторией. Подписчики «массовых» сообществ этой форме юмора в основном предпочитают более традиционные: анекдоты, карикатуры, текстовые шутки, хотя периодически обращаются и к мемам. Во-вторых, существует достаточно устойчивый круг тем, которые освещаются в этих группах при помощи данного формата. Проанализировав выборку мемов в шести сообществах, мы обнаружили, что вне зависимости от количества участников, их демографических характеристик и институциональной принадлежности администрации к церкви, в мемах оказываются тем или иным образом отражены специфические представления о свойственных религии практиках, определенная идентичность, рефлексия по поводу взаимоотношений с другими конфессиями и философскими учениями. В-третьих, от группы к группе различным является происхождение поступающего в них контента. Для «массового» сообщества «Православные шутят» основным источником мемов являются подписчики, подчас крайне своеобразно воплощающие свои представления о религиозном в этом формате. Для «элитарных» сообществ типичной оказалась ситуация, при которой большая часть контента создается одним или несколькими администраторами, транслирующими через них свои взгляды, и заявляющими в интервью о том, что формальное и содержательное качество материала, предлагаемого подписчиками, в целом довольно низко. В-четвертых, формируемая мемами тональность, в русле которой развивается разговор на какую-либо тему, так же отличается для разных групп. Вне зависимости от тематического направления разговора для контента «массовых» групп свойственна легкая и в чем-то даже наивная тональность, здесь практически не встречается жесткой критики по отношению к чему бы то ни было, распространен беззлобный юмор на темы, касающиеся быта, религиозной повседневности и практики. «Элитарные сообщества» сильнее ориентированы на теоретические аспекты религиозного: местный юмор часто посвящен тонкостям богословских разногласий между конфессиями, довольно жесткой критике целых мировоззрений и философий. В смысле определения своей идентичности и способов ее отстаивания через мемы «элитарные» группы в разной степени радикальны: наиболее непримиримые, такие как «СкименЪ», несколько мягче иронизирующие по поводу заблуждений иных конфессий и философий как «Терра Orthodоха», и в каком-то смысле нацеленные на диалог «Христианские мемы на каждый день». В-пятых, элементы, заимствованные из православной культуры и дискурса, оказываясь творчески интерпретированы и соединены в контексте религиоз-

но-ориентированного мема с остальными его частями, могут видоизменять свое значение, порождая такие нетривиальные феномены как управдома Швондера, советующего искупаться в проруби, или целые коллекции «православных» мемов, в которых едко высмеиваются и обвиняются в «ересях» представители иных христианских конфессий. В целом, можно заключить, что интернет-мемы, в которые включены элементы православного происхождения, отличаются интенсивностью представленности определенных тем и эмоциональной тональностью, однако, выполняют в рамках двух групп сообществ одну и ту же функцию, а именно – раскрывают специфику взглядов администрации и подписчиков на самих себя и мир вокруг.

Несомненным представляется тот факт, что для трансляции религиозных идей, элементов культуры и религиозного опыта отдельных верующих достаточно широко используется формат интернет-мема, являющийся, таким образом, одним из способов репрезентации элементов религиозного комплекса в медиапространстве. По всей видимости, в отношении механизмов генезиса и функционирования, религиозно-ориентированные интернет-мемы не имеют существенных отличий от мемов, распространенных в пределах иных субкультур, активных в виртуальном пространстве: для них характерны общеупотребительные структурные типы, шаблоны и элементы популярной культуры, с которыми оказываются сращены специфическая лексика, образы и темы, характерные для рассматриваемой среды.

По-видимому, процесс приспособления религии к современной языковой реальности, фактически выражающийся в существовании религиозно-ориентированных мемов, протекает вне контроля со стороны религиозных институтов. Несмотря на то, что администрированием специализирующихся на таком контенте сообществ порой занимаются действующие священнослужители, эта работа, по их утверждениям, никак не курируется со стороны официальной церкви, а спектр причин, по которым они ей занимаются, варьируется от стремления к развенчанию стереотипов о христианах до желания поделиться собственным опытом веры и религии. В основном же возникновение таких сообществ является последствием частных инициатив людей, не связанных с церковью институционально, но обладающих религиозным опытом, гуманитарно образованных и исповедующих православие.

Справедливость рассмотрения религиозно-ориентированных мемов как продукта культуры участия с определенными оговорками подтверждается эмпирическим материалом. Подобный контент действительно может быть продуктом со-творчества пользователей: мемы, основанные на одном и том же шаблоне принимают в рамках одного сообщества различные значения, а там, где открыта возможность оставлять комментарии могут разворачиваться ожесточенные споры, в которых религиозно образованные комментаторы пытаются обоюдно оспорить точки зрения, и где исходный мем демонстрирует интерпретационный потенциал. Вместе с тем, практика публикации пользовательского контента оказалась распространена всего лишь в одном из рассмотренных нами сообществ; в основном авторами большей части содержимого являются члены администрации, а потому процесс производства/потребления информации носит здесь скорее вертикальный характер. Однако следует отметить, что в фокус данного исследования попали только сообщества в социальной сети: суть – организации, в которых всегда присутствует иерархия, выражающаяся отношением «администратор – подписчик». За пределами нашего внимания к настоящему времени остались страницы отдельных пользователей, в пределах которых картина может быть иной.

Тезис о том, что религиозно-ориентированные мемы являются одним из материальных проявлений проживаемой религии, в целом подтверждается результатами исследования. В пределах сообществ с помощью мемов ведется разговор на актуальные для верующих людей темы, причем в зависимости от демографических характеристик и масштаба аудитории одни темы оказываются проявлены сильнее, а другие отходят на второй план. Специфика формата интернет-мема: повсеместно распространенного, простого в освоении, предоставляющего широкие возможности для конструирования и трансляции смыслов, подталкивает пользователей (в контексте нашего исследования – преимущественно администрацию групп) к тому, чтобы делиться с его помощью элементами собственного, в том числе религиозного мировоззрения и опыта, находить единомышленников или встречать суровую критику. Элементы культуры, практики и образы религиозного происхождения, будучи помещены в контекст мема, нередко оказываются аберрированы и могут породить не свойственные им изначально смыслы.

Список литературы

1. Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Теории среднего уровня в исследовании религии и медиа: медиатизация, медиация и RSST // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (2). С. 7–40.
2. Гришаева Е. И., Шумкова В. А. Церковь «ВКонтакте». Исследование самопрезентации православных приходов в социальной сети vk.com // Медиатизация культуры: конструирование новых текстов и практик : материалы международной научной конференции. М. : Неолит, 2018. С. 36–42.
3. Гуторенко Л. С. К вопросу об амбивалентности троллинга и его использовании в комических креолизованных Интернет-мемах // Litera. 2018. № 4. С. 244–250.
4. Ефимова О. Б., Туманян Т. Г. К вопросу о месте смеха и юмора в традиции ислама // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология. 2016. Вып. 2. С. 126–134.
5. Зиновьева Н. А. Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 195–201.
6. Канашина С. В. Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Вып. 16 (811). С. 74–79.
7. Канашина С. В. Эффект обманутого ожидания в интернет-мемах как особая коммуникативная стратегия // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (187). С. 9–14.
8. Постнов А. Г. Нарушения логических законов как приемы создания интернет-мемов // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2019. № 27. С. 74–76.
9. Рокотьянская Л. О., Губанов Н. Н., Губанов Н. И. Религия и юмор: истоки противостояния и проблемы разрешения конфликтов // Гуманитарный вестник. 2019. № 4. С. 1–16.
10. Трубина Е. Г., Лубна С. От исследований повседневности к исследованиям религиозной повседневности: понятие «живой религии» // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 185–188.
11. Федорова М. В. Гелотологическая проблематика в контексте современных подходов к изучению религии // Манускрипт. 2016. № 12–2 (74). С. 187–190.
12. Федорова М. В. Хайп-эсхатология или «игра в COVID-19»: изменение религиозного сознания в эпоху глобального кризиса // Философская мысль. 2021. № 1. С. 40–55.
13. Jenkins H. Convergence culture: where old and new media collide. New York University Press. 2008. 368 p.
14. Morgan D. Religion and Humor in the Time of Pandemic / Religious matters in an Entangled World. URL: <https://religiousstudies.duke.edu/news/religion-and-humor-time-pandemic> (дата обращения: 16.04.2021).
15. Orsi R. Everyday Miracles: The study of Lived religion // Lived Religion in America: Toward A History of Practice. Princeton, NJ. Princeton University Press. 1997. Pp. 3–21.
16. Reading Religion in Internet Memes / Bellar W., Campell H. A., Cho K. J., Terry A., Tsuria R., Yaldin-Segal A., Ziemer J. // Journal of Religion, Media and Digital Culture. 2013. Vol. 2. Is. 2. 39 p.
17. Regiani H., Borelli V. Memetizing and mediatizing: memes as an evangelical discursive strategy // Journal for Communication Studies. 2017. Vol. 10. №3 (20). Pp. 9–31.

Experience of comparative research of religiously-oriented Internet memes (based on the materials of communities in the VKontakte social network)

F. D. Redin

assistant of the Religious Studies section of the Department of Ontology and Theory of Cognition,
Ural Federal University n. a. the First President of Russia B. N. Yeltsin.
Russia, Yekaterinburg. E-mail: flyingfortress16@yandex.ru

Abstract. The paper examines Internet memes published in the communities of the VKontakte social network, aimed at a Christian audience. Theoretically, based on the concepts of participatory culture (H. Jenkins) and lived religion (R. Orsi, N. Ammerman, M. McGuire), the author of the article explores six VKontakte communities through a comparative analysis of their content and interviewing administration representatives. As a result of the work done, it is possible to come to conclusions that 1) memes enriched with elements of religious origin are widely used as a means of communication in a confessional-oriented online; 2) religiously-oriented memes are one of the ways of adapting religion to the linguistic realities of modernity; 3) the concepts of culture of participation and lived religion, with some exceptions, satisfy the goals of descriptions of this phenomenon can become the theoretical foundation of similar studies in the future; 4) religiously-oriented memes differ in semantic and structural diversity, they are sufficiently represented in the Russian-speaking segment of the Internet, and even more so in the English-speaking one.

Keywords: memes, VKontakte, social networks, culture of participation, lived religion, religiously-oriented memes.

References

1. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. *Teorii srednego urovnya v issledovanii religii i media: mediatizaciya, mediaciya i RSSST* [Middle-level theories in the study of religion and media: mediatization, mediation and RSSST] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2020. No. 38 (2). Pp. 7–40.
2. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. *Cerkov' "VKontakte". Issledovanie samoprezentacii pravoslavnykh prihodov v social'noj seti vk.com* [Church "VKontakte". Study of self-presentation of Orthodox parishes in the social network vk.com] // *Mediatizaciya kul'tury: konstruirovaniye novykh tekstov i praktik : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* – Mediatization of culture: constructing new texts and practices : materials of the international scientific conference. M. Neolith, 2018. Pp. 36–42.
3. Gutorenko L. S. *K voprosu ob ambivalentnosti trollinga i ego ispol'zovaniyu v komicheskikh kreolizovannykh Internet-memah* [On the ambivalence of trolling and its use in comic creolized Internet memes] // *Litera* – Litera. 2018. No. 4. Pp. 244–250.
4. Efimova O. B., Tumanyan T. G. *K voprosu o meste smekha i yumora v tradicii islama* [On the question of the place of laughter and humor in the tradition of Islam] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Filosofiya i konfliktologiya* – Herald of St. Petersburg University. Series: Philosophy and Conflictology. 2016. Is. 2. Pp. 126–134.
5. Zinov'eva N. A. *Vozdejstvie memov na Internet-pol'zovatelej: tipologiya Internet-memov* [The impact of memes on Internet users: typology of Internet memes] // *Vestnik ekonomiki, prava i sociologii* – Herald of Economics, Law and Sociology. 2015. No. 1. Pp. 195–201.
6. Kanashina S. V. *Semanticheskie osobennosti internet-mema kak polimodal'nogo diskursa* [Semantic features of the Internet meme as a polymodal discourse] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Herald of the Moscow State Linguistic University. Series: Humanities. 2018. Is. 16 (811). Pp. 74–79.
7. Kanashina S. V. *Effekt obmanutogo ozhidaniya v internet-memah kak osobaya kommunikativnaya strategiya* [The effect of deceived expectations in Internet memes as a special communicative strategy] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* – Herald of Tomsk State Pedagogical University. 2017. No. 10 (187). Pp. 9–14.
8. Postnov A. G. *Narusheniya logicheskikh zakonov kak priyomy sozdaniya internet-memov* [Violations of logical laws as techniques for creating Internet memes] // *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova* – Herald of the Khakass State University n. a. N. F. Katanov. 2019. No. 27. Pp. 74–76.
9. Rokotyanskaya L. O., Gubanov N. N., Gubanov N. I. *Religiya i yumor: istoki protivostoyaniya i problemy razresheniya konfliktov* [Religion and humor: the origins of confrontation and problems of conflict resolution] // *Gumanitarnyy vestnik* – Humanitarian herald. 2019. No. 4. Pp. 1–16.
10. Trubina E. G., Lubna S. *Ot issledovaniy povsednevnosti k issledovaniyam religioznoj povsednevnosti: ponyatie "zhivoj religii"* [From studies of everyday life to studies of religious everyday life: the concept of "living religion"] // *Manuskript* – Manuscript. 2020. Vol. 13. Is. 11. Pp. 185–188.
11. Fedorova M. V. *Gelotologicheskaya problematika v kontekste sovremennykh podhodov k izucheniyu religii* [Gelotological problematics in the context of modern approaches to the study of religion] // *Manuskript* – Manuscript. 2016. No. 12–2 (74). Pp. 187–190.
12. Fedorova M. V. *Hajp-eskhatologiya ili "igra v COVID-19": izmeneniye religioznogo soznaniya v epohu global'nogo krizisa* [Hype-eschatology or "the game of COVID-19": changing religious consciousness in the era of global crisis] // *Filosofskaya mysl'* – Philosophical thought. 2021. No. 1. Pp. 40–55.
13. Jenkins H. *Convergence culture: where old and new media collide*. New York University Press. 2008. 368 p.
14. Morgan D. *Religion and Humor in the Time of Pandemic / Religious matters in an Entangled World*. Available at: <https://religiousstudies.duke.edu/news/religion-and-humor-time-pandemic> (date accessed: 16.04.2021).
15. Orsi R. *Everyday Miracles: The study of Lived religion* // *Lived Religion in America: Toward A History of Practice*. Princeton, NJ. Princeton University Press. 1997. Pp. 3–21.
16. *Reading Religion in Internet Memes* / Bellar W., Campell H. A., Cho K. J., Terry A., Tsuria R., Yaldin-Segal A., Ziemer J. // *Journal of Religion, Media and Digital Culture*. 2013. Vol. 2. Is. 2. 39 p.
17. Regiani H., Borelli V. *Memetizing and mediatizing: memes as an evangelical discursive strategy* // *Journal for Communication Studies*. 2017. Vol. 10. No. 3 (20). Pp. 9–31.

Проблема выбора и ответственности в бытовых повестях XVII в.: деятельностный подход к анализу произведений

А. Г. Маслова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Аннотация. В статье анализируются ключевые мотивы «Повести о Горе и Злочастии» и «Повести о Савве Грудцыне», связанные с проблемой выбора героями своего жизненного пути и уходом их из родительского дома. Актуальным является предлагаемый автором статьи деятельностный подход к анализу произведений, основанный на самостоятельном постижении обучающимися значимой для них проблемы. Представлена система заданий для организации учебно-исследовательской и коммуникативной деятельности студентов по выявлению и характеристике сквозных для повестей мотивов: послушание родителей; появление «названного брата», обманом путем ведущего героя в бездну пороков; неразумность поступков героев, покорность Горю или бесу; борьба за спасение Молодца и Саввы; уход героев в монастырь. В результате анализа отдельных фрагментов и сопоставления произведений обучающиеся приходят к выводу, что в бытовых повестях XVII в. человек представлен в душевной борьбе с самим собой, а его нравственный выбор предполагает соответствующую ответственность. Герои обеих повестей захотели жить по-своему, но не смогли противостоять своим слабостям и попали в зависимость от темных сил. В то же время они не были порочными, поэтому заслужили небесное прощение. Мотивацией активного вовлечения обучающихся в чтение и обсуждение текстов XVII в. является аналогия с современной жизнью. Аналогия жизненных ситуаций позволяет студентам поставить себя на место героев, эмоционально пережить прочитанное. Все это способствует как лучшему пониманию прочитанных текстов, так и обретению нового личного жизненного опыта. Результаты исследования могут применяться в практике преподавания литературоведческих дисциплин.

Ключевые слова: древнерусская литература, мотивный анализ, сопоставительный анализ, цикл познания Д. Колба, метод направленного чтения.

Введение. В древнерусской литературе не так много произведений, которые приближены по своему содержанию к проблемам, волнующим молодого человека XXI столетия. Среди этих произведений, безусловно, можно выделить повести XVII в. «О Горе-Злочастии» и «О Савве Грудцыне», в которых впервые в Древней Руси затрагивается такая «вечная» тема, как проблема взаимоотношения поколений, конфликта старого и нового, «отцов и детей». Объединение обсуждения этих повестей закономерно, так как «в идейном отношении обе повести очень близки: обе отстаивают интересы «отцов», показывают «детям» рискованность их попытки жить без опеки старших, заставляют своих героев, совершавших необдуманные, неосторожные поступки, кончать жизнь в монастыре. Такой приговор выносят авторы своим героям, такой «наглядный урок» они дают молодому поколению» [10, с. 202]. Как справедливо отмечает И. О. Скрипиль, «в более раннюю эпоху эти вопросы, как общественная проблема, не могли даже и возникнуть. Для Древней Руси здесь все было ясно: родительская власть была непререкаемым и непоколебимым авторитетом. По отцам судили о детях именно потому, что воля первых формировала характер и направляла поступки последних. Но ко второй половине XVII в. под влиянием ряда внутренних причин, протестов против общественных «нестроений», новые понятия коснулись и семьи, этой крепости древнерусского жизненного уклада» [16, с. 222]. При знакомстве современных студентов с древнерусской литературой именно на занятии, посвященном изучению данных художественных текстов, целесообразно, на наш взгляд, реализовать деятельностный подход, позволяющий вовлечь обучающихся в

исследовательский и поисковый процесс, активизировать их интерес к чтению и обсуждению как содержательных, так и эстетических вопросов, касающихся анализа древнерусских художественных произведений. В этом и состоит выдвигаемая в данном исследовании *гипотеза*.

Деятельностный подход является одним из наиболее продуктивных в современном образовании, так как в процессе деятельности, организуемой на занятиях, обучаемые не получают готовые знания, а учатся их обнаруживать в результате собственной исследовательской и творческой активности. Это в свою очередь способствует их личностному росту, развитию чувства ответственности, формированию способностей, позволяющих «выбирать оптимальные стратегии жизненного пути» [7, с. 44]. Деятельностный подход в образовании складывался и обосновывался как в зарубежной, так и в отечественной педагогике на протяжении нескольких десятилетий. Это труды таких ученых, как А. Дистерверг [3], Дж. Дьюи [4], Л. С. Выготский и его последователи [11], А. В. Хуторской [19] и другие, анализ и подробный обзор которых представлен во многих современных статьях [7; 14; 18]. Главный принцип деятельностного подхода в образовании можно определить так: «Образовательный процесс должен быть организован с предельной степенью самостоятельности обучаемого и содержать различные виды деятельности, влияющие на формирование личности, ее социальных норм и профессиональных качеств» [14, с. 26].

Данное исследование посвящено практической *проблеме* – организации учебно-исследовательской и коммуникативной деятельности обучающихся на учебном занятии, посвященном анализу бытовых повестей XVII в. *Цель* работы – разработать технологию организации деятельностного подхода к анализу художественных произведений. **Задачи:** обозначить круг проблем и мотивов повестей XVII в., которые могут стать основой организации деятельностного подхода к анализу обсуждаемых произведений на практическом занятии со студентами-филологами, определить этапы организации деятельности студентов на практическом занятии и описать каждый из этапов.

Методы. В основу структуры учебного занятия был положен метод американского ученого Д. А. Колба, разработавшего циклическую модель познания, включающую 4 этапа: 1) непосредственный опыт; 2) рефлексия по поводу имеющихся знаний и опыта; 3) теоретическое осмысление новой информации, построение абстрактных моделей, которые исходя из имеющегося опыта могут быть применены на практике; 4) практическое экспериментирование, проверка идей, созданных моделей, концепций, результатом чего является новый опыт, на основе которого можно выстраивать новый цикл [20, с. 118].

Метод Д. А. Колба в трансформированном варианте активно применяется в процессе преподавания экономических дисциплин, при этом цикл познания выглядит следующим образом: 1) вовлечение студента в смоделированную ситуацию через осмысление личного опыта; 2) «рефлексивное наблюдение», заключающееся в осмыслении студентом как своего опыта, так и опыта других участников обсуждения; 3) «абстрактная концептуализация», в процессе которой студент анализирует теоретические концепции, соотносит их с опытом, наблюдениями и выводами, сделанными на предыдущих этапах; 4) «активное экспериментирование», заключающееся в проверке своих умозаключений на практике. Результатом должен стать новый опыт [5, с. 40].

Результаты. В процессе моделирования учебного занятия по анализу художественных текстов Древней Руси возникли закономерные трудности. Занятие по литературе не предусматривает активного экспериментирования в конкретной профессиональной сфере, оно направлено на осмысление художественной природы произведений словесного искусства, выявление эстетической специфики изучаемого текста в ряду других ранее созданных произведений. В результате перед преподавателем стоит серьезный вопрос: как можно использовать жизненный опыт и полученные ранее знания студентов для анализа конкретных текстов, причем не просто содержательного, но и такого, который позволит встроить изучаемые тексты в литературный процесс, позволит студентам осмыслить традиционные и новаторские черты бытовых повестей XVII в. Безусловно, проще дать студентам список научной литературы, изучив которую обучающиеся выпишут уже готовые исследовательские наблюдения о художественном новаторстве древнерусских авторов повестей «О Горе-Злочастии» и «О Савве Грудцыне», но такой метод работы не станет эмоциональным опытом обучающихся, не затронет их сердце и, следовательно, приведет к очень быстрому «забвению» выписанных из чужих работ сведений. В связи с этим возникла потребность в разработке новой формы занятия, актуализирующего деятельностный подход в обучении и основанного на цикле познания Д. Колба.

Основной проблемой практического занятия по изучению древнерусских произведений «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» может стать проблема конфликта отцов и детей, в частности, вопрос, касающийся актуальной для современной молодежи проблемы – жить по-своему, по-новому, или следовать принципам жизни своих родителей? На данный момент эта проблема актуальна как никогда, так как современное поколение кардинально отличается от своих родителей, ведь «сегодняшние дети и подростки родились в реалиях наиболее полной включенности человека в цифровое общество» [6], поэтому в их сознании опыт родителей по созданию коммуникативной среды априори не является образцом. В то же время осознание того, что каждое поколение, в том числе и в далекую эпоху отсутствия не только цифровых технологий, но даже книгопечатания, сталкивалось с проблемами поиска нового образа жизни, не совпадающего с традициями, поможет современным студентам определиться в своей позиции. Главное при этом – соотнести эту позицию с вековыми этическими постулатами, с проблемой выбора между добром и злом, почувствовать личную ответственность каждого человека за сделанный им выбор. Этому учит вся древнерусская литература, и эти традиции восприняла, конечно, и русская классическая литература.

В структуре занятия по изучению древнерусских произведений «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» выделяется четыре этапа:

1. «Актуализация», или вовлечение студентов в тему, обращение к их личному опыту.
2. «Рефлексивное наблюдение», связанное с разбором сюжетов известных студентам литературных произведений, соотносимых с выделенной проблемой.
3. «Абстрактная концептуализация», которую мы понимаем как осмысление и обсуждение теоретических знаний по изучаемому вопросу, изложение исследовательских точек зрения на изучаемые художественные произведения и затронутые в них проблемы. Этот этап не должен занимать более 15 минут. Теория дается в концентрированном формате, в виде презентации, в форме краткого сообщения преподавателя.
4. «Активное экспериментирование», которое в нашем случае предполагает чтение и анализ художественных текстов в группах, соотнесение личного опыта и судеб литературных персонажей, аналитическое осмысление эстетических вопросов о месте анализируемых произведений в литературном процессе. Этот этап является основным, именно здесь реализуется деятельностный подход к анализу художественных текстов, поэтому на практический этап должно отводиться как минимум две трети занятия.

Результатом работы должно стать новое понимание как проблем, касающихся личного опыта, связанного с взаимоотношениями поколений, так и вопросов литературоведческого плана, соотносимых с осмыслением новаторского подхода древнерусских авторов к изображению человека в повестях XVII в. Это можно констатировать как получение нового опыта и в личностном плане, и в изучении литературного процесса Древней Руси.

Проанализируем каждый из этапов занятия.

1. На этапе актуализации студенты оценивают по десятибалльной шкале свою позицию по вопросу: «Как Вы планируете строить свою жизнь – так же, как Ваши родители, или по-своему?» Если студент считает, что он будет строить жизнь однозначно не так, как делали это его родители, то он ставит 10 баллов, если в *большей* степени планирует следовать по стопам своих родителей, то ставит ниже 5 баллов, и тому подобное. Свои баллы студенты располагают на шкале, расположенной на доске, либо в электронной форме в системе google. В результате всем видно, какие баллы ставятся большинством группы. Результаты опроса обсуждаются, участники высказывают свое мнение, почему они поставили тот или иной балл. Большинство, как правило, ставят баллы выше пяти, то есть планируют строить свою жизнь не так, как их родители. При этом отмечается и то, что такая позиция современной молодежи не приводит к конфликту с родителями. В большинстве случаев родители понимают, что время другое, что их дети должны адаптироваться в новых условиях, которые существенно отличаются от тех, что были в самом недалеком прошлом. Так, современные статистические данные указывают, что «тургеневский конфликт перестает быть актуальным – 68 % россиян уверены, что молодые люди вполне могут находить общий язык со старшим поколением. «Ворчунов», считающих, что «старики» и «молодежь» не в состоянии понять друг друга, с годами становится меньше – если в 2004 г. их было 42 %, то в 2014 г. таких пессимистов осталось меньше трети (29 %). Только 5 % молодежи оценивает свои отношения с родителями как «прохладные», в то время как у остальных сложились «очень близкие, доверительные» и «дружеские, теплые» [13].

2. На этапе «рефлексивного наблюдения» студентам предлагается вспомнить литературные произведения, в которых затрагивается проблема смены поколений, противостояния отцов и детей. На основе обсуждения известных студентам художественных текстов, таких как комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума», роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», драма А. Н. Островского «Гроза» и других, формулируется вывод о том, что затронутая проблема волнует каждое поколение, но у каждой эпохи есть свои особенности. Студентам также предлагается вспомнить изученные древнерусские произведения XI–XVI вв. и определить, поднималась ли в них обсуждаемая проблема. Участники отмечают отсутствие данной темы в литературе обозначенного периода, в связи с чем им предлагается подумать, с чем это связано, и почему именно в XVII в. стало возможно появление темы самоопределения молодого поколения, нарушающего родительские заветы. Совместно анализируется отрывок из работы М. О. Скрипиля «Повесть о Савве Грудцыне», приведенный в начале данной статьи. В качестве вывода выделяются следующие причины актуализации темы отцов и детей в русской литературе XVII в.:

- общественные конфликты и «нестроения» (Смута, война с поляками, церковный раскол, крестьянские бунты и войны), пошатнувшие многовековые устои;
- влияние европейской культуры;
- тяга к просвещению;
- протест против косного домостроевского быта;
- интерес к человеческой личности.

Выводом из этого обсуждения должно стать осознание того, что новая эпоха способствовала зарождению новых тем и новых эстетических принципов, утверждающихся в литературе.

3. Следующий этап занятия – «абстрактная концептуализация» – посвящается теоретическим вопросам, касающимся художественных особенностей повестей XVII в., вынесенных на обсуждение. Преподаватель концентрированно излагает сведения о рукописных списках, композиции, жанровых особенностях, новых художественных тенденциях, проявившихся в произведениях. Исследовательской базой служат работы Д. С. Лихачева «Повесть о Горе-Злочасти» [9] и «Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе» [8], М. О. Скрипиля «Повесть о Савве Грудцыне» [16], В. Е. Багно «Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и европейской литературной традиции» [1].

«Повесть о Горе и Злочасти, как Горе Злочастие довело молодца во иноческий чин» обнаружена в единственном списке академиком А. Н. Пыпиным в 1856 г. среди рукописей собрания М. Н. Погодина, в сборнике первой половины XVIII в. В композиции произведения выделяются вступление, в котором повествуется о грехопадении первых людей и изгнании их из рая, основная часть, представляющая собой рассказ о жизни молодца как иллюстрацию безотрадного жизненного пути всего человечества, и заключение: «А сему житию конец мы ведаем. Избави, господи, вечные муки, а дай нам, господи, светлый рай. Во веки веков. Аминь» [12, с. 38]. Ю. Л. Воротников подчеркивает, что в этой повести «происходит эмансипация художественного пространства и сюжета, появляется новый тип персонажа, находящегося в разладе с миром. Коренным образом изменяется точка зрения, организующая мир произведения» [2, с. 29].

Д. С. Лихачевым выделяются следующие новаторские черты повести: «народный стих, народный язык, необычный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и дошедшей до последних степеней падения» [9, с. 207]. Можно также дополнить этот список и другими новыми для литературы Древней Руси чертами: впервые участием автора пользуется человек, нарушивший житейскую мораль общества; автор не занимает позы проповедника, не поучает читателя, он с ним беседует как с равным; происходит открытие ценности человеческой личности самой по себе, независимо от ее официального положения на лестнице феодальных отношений.

В жанровом отношении эта повесть отличается «обилием разнородных связей с различными жанрами народной поэзии» [9, с. 220]: с лирическими песнями о горе, былинами, жанром духовного стиха, но все-таки это образец книжной поэзии.

«Повесть о Савве Грудцыне», как отмечено в работе М. О. Скрипиля, «переписывалась, иллюстрировалась и читалась на протяжении всего XVIII в. Большинство сохранившихся ее списков, – а их всего около 80, – относится именно к этому веку. Встречающиеся на ее листах пометки – Новая-Ладога, Тверь, Ярославль, Астрахань и прочие – свидетельствуют о повсе-

местном распространении ее в это время. Круг ее читателей, насколько можно судить по надписям на ее списках, – купечество, духовенство небольших городов и сел, мещане и крестьяне» [16, с. 227]. Как можно заметить, это произведение имело более широкую популярность, чем «Повесть о Горе и Злочастии», обнаруженная всего в одном рукописном списке. В повествовании о Савве Грудцыне описываются события, относящиеся к первой половине XVII в., но создание произведения исследователями определяется более поздним периодом – конец 60-х годов XVII в. [16, с. 222].

В композиции повести можно выделить, согласно древнерусским традициям, вступление, основную часть и заключения, но первый и последний элементы здесь значительно сокращены, им отводится минимум строк. Основное повествование занимает описание жизненных перипетий главного героя Саввы, представителя купеческого рода Грудцыных. Новаторские черты повести выделены в исследовании М. О. Скрипиля: ее «действие разворачивается на широком полотне, по нескольким сюжетным линиям», «в повести дается многократная перемена места действия», каждый из героев «наделен индивидуальными чертами и представляет собою законченный художественный образ», жизнь главного героя Саввы Грудцына «изображена от его рождения до смерти во всех важнейших проявлениях живой человеческой личности XVII в. – отношение к семье, религии, любовь, борьба за место в жизни» [16, с. 225–226].

В жанровом отношении в «Повести о Савве Грудцыне» проявляются черты таких жанров древнерусской литературы и устного народного творчества, как религиозная легенда (легенды о продаже души дьяволу, о Богородичных иконах), волшебная сказка и былина, историческое сказание, житие, воинская повесть, хождение. В целом исследователи рассматривают это произведение как один из первых опытов создания в русской литературе жанра романа. Так, М. О. Скрипиль пишет: «Всестороннее изучение этой Повести заставляет нас в настоящее время видеть в ней одно из крупнейших произведений древнерусской беллетристики, начатки русского романа» [16, с. 227]. Студентам предлагается изучить таблицу, в которой выделены черты повести, свидетельствующие о формировании нового романного жанра (см. таблицу 1 «Черты романного жанра в «Повести о Савве Грудцыне»).

Таблица 1

Черты романного жанра в «Повести о Савве Грудцыне»

1.	жизнь героя в развитии, на разных этапах его существования
2.	широкий исторический фон
3.	внимание к окружающей природной и социальной среде
4.	«многонаселенность»
5.	внимание к психологической стороне жизни
6.	отход от «этикетности»
7.	индивидуализация и типизация образа главного героя
8.	переплетение нескольких сюжетных линий
9.	развитие сюжета нового типа, обусловленного личными качествами героя, его страстью, безволием, личной удачливостью или неудачливостью

Заключительным моментом теоретического анализа бытовых повестей XVII в. должно стать обсуждение вопроса о мотивах, которые являются общими для повестей «О Горе и Злочастии» и «О Савве Грудцыне». Результатом этого этапа является выделение общих мотивов, которые станут основой для последующей практической работы:

- слушание родителей;
- появление «названного брата», обманном путем ведущего героя в бездну пороков;
- неразумность поступков героев, покорность Горю или бесу;
- борьба за спасение Молодца и Саввы;
- уход героев в монастырь.

4. Наиболее значимым этапом в реализации деятельностного подхода к анализу повестей XVII в. является практический этап «активного экспериментирования», когда каждый студент вовлекается в процесс обсуждения рассмотренных ранее проблем и пытается определить свою позицию по отношению к предложенному его студенческой группе вопросу на основе анализа художественного текста. Методика предполагает деление студенческой группы на команды. Каждая из команд обсуждает определенный мотив, являющийся сквозным для повестей «О Горе-Злочастии» и «О Савве Грудцыне».

В рамках аудиторного практического занятия невозможно ориентировать студентов на прочтение текстов повестей в полном объеме. С ними они знакомятся заранее или включаются в процесс непосредственно на практическом занятии, так как для решения тех или иных задач предлагаются к анализу конкретные фрагменты, с которыми можно детально ознакомиться в процессе выполнения предложенного для осмысления задания. На занятии студенческим «командам» предлагается анализировать эпизоды, в которых наиболее ярко концентрируются мотивы, соотносимые с темой нравственного выбора и ответственности героев за их выбор и являющимися сквозными для обеих повестей. Предлагаемые для изучения на практическом занятии эпизоды, анализ которых проводится студенческими группами, выделены в таблице 2.

Таблица 2

Эпизоды для изучения и анализа

Повесть о Горе и Злочастии		
1	Наставления родителей и послушание	Со слов: «Милое ты наше чадо...» до слов «Как ни стало деньги и полуденьги, так не стало ни друга ни полдруга, род и племя отсчитаются, все дружи прочь отпираются...» [12, с. 29-31]
2	Раскаяние, наставления добрых людей в чужой стороне, возвышение и причины появления Горя-Злочастия	Со слов: «Молодец на пиру невесел сидит...» до слов «хочу я, Горе, в людех жить, и батагом меня не выгонить, а гнездо мое и вотчина во бражниках!» [12, с. 32-34]
3	Молодец покорился Горю-Злочастию – наставления перевозчиков – финал	Со слов: «Али тебе, Молодец, неведома нагота и босота безмерная...» до слов «а Горе у святых ворот остается, к Молодцу впредь не привяжетца!» [12, с. 35-38]
Повесть о Савве Грудцыне		
1	Савва познакомился с бесом и подписал «грамотку некую»	Со слов: «И некогда той Савва изыде из града на поле един...» до слов «И пойдоша убо во град Орел» [12, с. 43-44]
2	Савва посещает царство тьмы	Со слов: «По многом же времени абие входит <...> слух во град Казань к до матери Саввиной...» до слов «Паки придоша во град Орел, и оставил бес Савву» [12, с. 44-46]
3	Эпизод со старцем в селе Павловом Перевозе	Со слов: «И паки бес поем Савву, и об едину ночь оттуда придоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз» до слов «И сие изрече со гневом, и потом поем Савву, оттуда приходит во град, нарицаемый Шую, и тамо пребываху неколикое время» [12, с. 47-48]
4	Чудесные путешествия и подвиги Саввы	Со слов: «Бес же Савву постави во единую ночь от Соли Камской на реке Волге во град, нарицаемый Козмодемьянск...» до слов «И паки бес поем Савву, и об едину ночь оттуда придоша на реку Оку в село, нарицаемое Павлов Перевоз» [12, с. 47]; со слов «Бес же и Савва живяше в граде Шуе...» до слов «И многих убиваху, и тако от них бежаху, токмо след свой показываху, сами же ни от кого ни малого повреждения себе, вреды, не имяху» [12, с. 48-50]
5	Болезнь и исцеление Саввы, финал	Со слов: «И тако скоро отидоша в Москву и нача обитати в доме того же вышереченнаго сотника [Якова Шилова]» до слов «И пожив лет довольно, и преставися, ко Господу душу предаде» [12, с. 51-54]

Каждой команде предлагаются вопросы для анализа.

Так, первой команде дается задание проанализировать *мотив «ослушание родителей»*. Студентам в ходе анализа текста нужно ответить на следующие вопросы:

1. Какие наставления дают родители Молодцу? Выделите их, зачитайте и прокомментируйте.
2. В чем раскаивается Молодец, ласково принятый в чужой стороне? Выделите отрывки, зачитайте и прокомментируйте.
3. Какие советы дают Молодцу люди, увидевшие искреннее покаяние Молодца? Выделите их, зачитайте и прокомментируйте.
4. Какие советы дают Молодцу перевозчики, согласившиеся бесплатно перевезти его на другой берег? Выделите их, зачитайте и прокомментируйте.
5. Исходя из наблюдений над проанализированными фрагментами, сделайте вывод: какая сквозная мысль присутствует в этих эпизодах?

6. Как эта мысль соотносится со вступлением к «Повести» (о грехопадении Адама и Евы)?

7. Дайте краткую сравнительную характеристику с «Повестью о Савве Грудцыне»: насколько глубоко, по Вашему мнению, проявляется тема «ослушания» родителей и возможного спасения героя через возвращение в родной родительский дом в «Повести о Савве Грудцыне»?

Вторая команда анализирует *мотив появления «названного брата», обманном путем ведущего героя в бездну пороков*, опираясь на следующую систему вопросов:

1. Проанализируйте эпизод из «Повести о Горе-Злочастии» о «названном брате» Молодца. Какие события предшествовали этому эпизоду? Что советует Молодцу названный брат, как реагирует Молодец, к каким последствиям это приводит? В чем автору видятся причины подобного исхода событий?

2. Проанализируйте эпизод появления «названного брата» Саввы в «Повести о Савве Грудцыне». Какие события предшествовали этому эпизоду? Как автор показывает внутреннее психологическое состояние героя перед появлением беса? Как автор интерпретирует причины, вызвавшие появление беса?

3. Найдите определение понятия «названный брат» в доступных интернет-источниках. Обсудите и выскажите свою точку зрения по вопросу: почему мнимые друзья героев представлялись «названными братьями»?

Третья группа студентов обращается к анализу *мотива неразумности поступков главного героя, покорности Горю или бесу*. Их работа с текстами выстраивается исходя из следующих заданий:

1. Проанализируйте эпизод из «Повести о Горе-Злочастии» о появлении Горя-Злочастия. Каковы причины его появления в жизни героя, согласно авторской интерпретации? Зачитайте и прокомментируйте соответствующий фрагмент.

2. Проанализируйте эпизод, в котором Молодец, пытающийся утопиться, в конце концов покоряется Горю-Злочастию. Как это описано автором? Каковы причины такой покорности Молодца? Зачитайте и прокомментируйте соответствующий фрагмент.

3. Как в «Повести о Горе-Злочастии» Горе помогает Молодцу, поклонившемуся ему? Как Вы думаете, в чем состоит эта помощь? Почему перевозчики согласились перевезти его бесплатно, хотя до этого отказывались? Почему в Молодце изменилось его внутреннее психологическое состояние?

4. Проанализируйте эпизод «Повести о Савве Грудцыне» о подписании Саввой «рукописания» о продаже души Дьяволу. Зачитайте и прокомментируйте соответствующий фрагмент. Как в этом эпизоде проявляется отношение автора к герою?

5. Сопоставьте проанализированные эпизоды из «Повести о Горе-Злочастии» и «Повести о Савве Грудцыне». Что в них общего, что различного? Что приводит героев этих произведений к подчинению силам Зла? Был ли у них другой путь?

Четвертой группе предлагается работа над анализом проявления в повестях *мотива борьбы за спасение Молодца и Саввы*. Вопросы для обсуждения:

1. Кто из героев «Повести о Горе-Злочастии» борется за Молодца, наставляя его на путь истинный? Слушает ли их советы Молодец? Почему, на Ваш взгляд, Горе не отпускает Молодца?

2. Проанализируйте эпизоды «Повести о Савве Грудцыне», в которых показано участие родителей в судьбе Саввы. Какие попытки они предпринимали, чтобы спасти сына от путей неправедных?

3. Проанализируйте эпизод со старцем в селе Павловом Перевозе. Какую роль играет этот эпизод в развитии сюжета «Повести о Савве Грудцыне»?

4. Как борется за спасение Саввы жена сотника Шилова?

5. Проанализируйте эпизоды, связанные с образом Богородицы. Почему, на Ваш взгляд, именно Богородица сыграла решающую роль в спасении Саввы от бесовских мук?

6. Сопоставьте произведения «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне» с точки зрения мотива борьбы за спасение души героев. В каком произведении этот мотив проработан более детально?

Пятая группа детально прорабатывает вопросы, связанные с *мотивом ухода героев в монастырь*.

1. Зачитайте и прокомментируйте развязку (уход героя в монастырь) «Повести о Горе-Злочастии». Какую позицию по отношению к герою занимает автор? Носит ли эта развязка поучительный смысл?

2. Зачитайте и прокомментируйте развязку (уход героя в монастырь) «Повести о Савве Грудцыне». В чем отличие этого описания от развязки «Повести о Горе-Злочастии»? Имеет ли эта развязка поучительный смысл?

3. Исследователь Всеволод Евгеньевич Багно, анализируя «Повесть о Савве Грудцыне», отметил, что в этом произведении раскрывается «идея ограниченности бесовских сил и зависимости результатов ее воздействия от душевного склада человека» [1, с. 372]. Определите, почему влияние бесовских сил на Савву и Молодца оказалось ограниченным? Как это связано с «душевым складом» героев? Как авторы показывают душевную борьбу Молодца и Саввы? Покажите, что есть общего, что различного в изображении этой душевной борьбы.

4. Сделайте вывод, определив свою позицию по проблеме: заслуживали ли герои «Повести о Горе-Злочастии» и «Повести о Савве Грудцыне» спасения?

После разбора вопросов в отдельных группах каждая команда озвучивает результаты обсуждения. Общим выводом должна стать мысль о том, что в бытовых повестях XVII в. человек представлен в душевной борьбе с самим собой, а его нравственный выбор предполагает соответствующую ответственность. Герои обеих повестей захотели жить по-своему, но не смогли противостоять своим слабостям и страстям, поэтому по своему «неразумию» попали в зависимость от темных сил. В то же время они не были порочными, не приносили зла другим людям, поэтому заслужили небесное прощение.

Обсуждение. Данная статья содержит обобщение результатов педагогического эксперимента, реализованного в процессе изучения «Истории русской литературы» со студентами первого курса в Вятском государственном университете. Апробация описанного выше занятия показала, что студенты с интересом воспринимают предложенную методику проведения занятия, все вовлечены в чтение и обсуждение вопросов. Так как в каждой группе несколько заданий, то в финальном озвучивании результатов работы команды выступать приходится всем, в этом случае невозможно оказаться в стороне. Вовлеченность в общую деятельность, связанную с чтением и анализом фрагментов художественных произведений, обусловлена и заявленной темой, актуальной для современного молодого поколения, так же, как и герои XVII в., стоящего перед выбором. В цифровом мире многое поменялось, жить старыми ценностями в новой ситуации невозможно, но следует в любом случае осознавать, что за любой выбор человек несет ответственность, и выбор, не опирающийся на разум и добрые намерения, может привести к трагическим последствиям. Аналогия жизненных ситуаций позволяет студентам поставить себя на место героев, эмоционально пережить прочитанное. Как справедливо замечает А. В. Смахина, «проводя аналогии положительных и отрицательных действий героя и перекладывая их на свою жизнь, человек осваивает нравственно-эстетические ценности, оценивает свои поступки, знакомится с вариантами решения различных ситуаций, что помогает читателю обрести в процессе чтения ответы на волнующие его вопросы» [17, с. 695]. Все это способствует как лучшему пониманию прочитанных текстов, так и обретению нового личного жизненного опыта.

Сопоставление представленного в статье методического опыта с другими исследованиями, например, с опытом, описанным в статье Т. Б. Рудомазиной, связанным с анализом «Повести о Савве Грудцыне» со студентами-журналистами, показывает, что речь идет о разных подходах к организации работы студентов. В исследовании Т. Б. Рудомазиной даются методические рекомендации, способствующие осуществлению «студентами глубокого и адекватного анализа «Повести о Савве Грудцыне» как образца древнерусской беллетристики» [15, с. 326], мы же актуализируем личностный потенциал студентов, апеллируя к их личному опыту. Кроме того, предложенный нами анализ направлен на активную самостоятельную работу студентов по сопоставлению двух повестей, на поиск общего и различного в них, что также предполагает углубленную вовлеченность всех участников деятельности в личностное осмысление прочитанных произведений.

Заключение. Предложенная в исследовании технология анализа художественных произведений может стать основой для разработки планов проведения практических занятий, посвященных интерпретации литературных текстов. Существенными в данной технологии являются этап актуализации, обращенный к личному опыту обучающихся, и этап «активного экспериментирования», предполагающий работу с текстами. В связи с этим далеко не на каждом практическом занятии по истории русской литературы может быть применена данная технология. Для ее реализации необходимы как минимум два условия: во-первых, актуальность проблематики изучаемого текста для современного молодого поколения, во-вторых,

небольшой объем текста (текстов), чтобы была возможность перечитать отрывки, выделить цитаты, прокомментировать отдельные фрагменты и дать их анализ в соответствии с предложенным заданием. В то же время методика представляется перспективной, так как позволяет вовлечь в осмысление проблематики художественных текстов всех присутствующих на занятии студентов, дать им возможность самостоятельно выбрать интересные эпизоды, цитаты, факты, подтверждающие их позицию, и высказать аргументированную точку зрения по спорным и неоднозначным вопросам, которые ставят авторы анализируемых на занятии произведений.

Список литературы

1. Багно В. Е. Договор человека с дьяволом в «Повести о Савве Грудцыне» и европейской литературной традиции // Труды отдела древнерусской литературы. ТОДРЛ. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1985. Т. 40. С. 364–372.
2. Воронников Ю. Л. Художественный мир «Повести о Горе-Злочастии». М. : РАН, 2017. 61 с. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=bc59a291-6c9d-46fa-8e1f-c05e0a3b347d>.
3. Дистерверг Ф. В. А. Избранные педагогические сочинения. М. : Учпедгиз, 1956. 378 с.
4. Дьюи Дж. Школа будущего. М. : Госиздат, 1926. 208 с.
5. Зелинский М. М., Зелинская Г. А. Использование цикла познания Д. Колба в преподавании экономических дисциплин // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 15 (342). С. 39–50.
6. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskiy-aspekt> (дата обращения: 06.11.2022). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.
7. Купавцев А. В. Деятельностный аспект процесса обучения // Педагогика. 2002. № 6. С. 44–49. Минск : Белорусская цифровая библиотека LIBRARY.BY, 17 октября 2007. URL: https://library.by/portal/modules/shkola/readme.php?subaction=showfull&id=1192629240&archive=1196815384&start_from=&ucat=& (дата обращения: 06.11.2022).
8. Лихачев Д. С. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе // История русского романа : в 2 т. Т. 1. М. ; Л. : Ин-т рус. лит. АН СССР, 1962. С. 26–39.
9. Лихачев Д. С. Повесть о Горе-Злочастии // История русской литературы : в 10 т. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. М. ; Л. : АН СССР, 1948. С. 207–221.
10. Назаревский А. А. К изучению «Повести о Горе-Злочастии» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXIV: Литература и общественная мысль Древней Руси. К 80-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. С. 199–204.
11. Определение деятельностной природы мышления / Куликов Д. К., Выготский Л. С., Леонтьев А. Н., Ильенков Э. В. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 71–84. DOI: 10.24151/2409-1073-2018-3-71-84.
12. Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М. : Худож. лит., 1988. 704 с.
13. Поколение Selfie: пять мифов о современной молодежи // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3265. 13.12.2016. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokolenie-selfie-pyat-mifov-o-sovremennoj-molodezhi> (дата обращения: 26.11.2022).
14. Приходченко Е. И., Кузьмичева А. С., Мотузенко Н. И. Деятельностный подход в обучении // Вестник Донецкого педагогического института. 2017. № 2. С. 22–27.
15. Рудомазина Т. Б. Анализ «Повести о Савве Грудцыне»: об изучении древнерусской литературы студентами-журналистами // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 1. С. 326–330.
16. Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы : в 10 т. Т. 2. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. М. ; Л. : АН СССР, 1948. С. 222–227.
17. Смахина А. В. Метод направленного чтения в воспитании и формировании личности читателя // Общение в эпоху конвергенции технологий : сб. научных трудов. М. : Психологический институт Российской академии образования, 2022. С. 693–695. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-napravlenno-go-chteniya-v-vozpitanii-i-formirovanii-lichnosti-chitatelya> (дата обращения: 26.11.2022).
18. Ступина С. Б. Деятельностный подход и современные образовательные технологии в вузовском пространстве // Образование в современном мире : сб. научных статей. Вып. 7 / под ред. проф. Ю. Г. Голуба. Саратов : Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2012. С. 97–103.
19. Хуторской А. В. Современная дидактика : учеб. пособие. Изд. 2-е, перераб. М. : Высшая школа, 2007. 639 с.
20. Чуланова О. Л., Никитенко Е. Методика обучения по циклу Колба как эффективный инструмент обучения персонала организации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 2–3. С. 115–122.

The problem of choice and responsibility in the household stories of the XVII century: an activity-based approach to the analysis of the works

A. G. Maslova

Doctor of Philology, associate professor,
professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9118-2983. E-mail: usr11021@vyatsu.ru

Abstract. The article analyzes the key motives of "The Tale of Grief and Wickedness" and "The Tale of Savva Grudtsyn", related to the problem of the heroes choosing their life path and leaving their parental home. The activity-based approach to the analysis of works proposed by the author of the article is relevant, based on the independent comprehension by students of a significant problem for them. The system of tasks for the organization of educational, research and communicative activities of students to identify and characterize the motives that are end-to-end for the stories: disobedience of parents is presented; the appearance of a "named brother", fraudulently leading the hero into the abyss of vices; the unreasonableness of the actions of the heroes, submission to Grief or a demon; the struggle for the salvation of the Young Man and Savva; the departure of the heroes to the monastery. As a result of the analysis of individual fragments and comparison of works, students come to the conclusion that in the household stories of the XVII century, a person is represented in a mental struggle with himself, and his moral choice implies appropriate responsibility. The heroes of both stories wanted to live in their own way, but could not resist their weaknesses and became dependent on the dark forces. At the same time, they were not vicious, so they deserved heavenly forgiveness. The motivation for the active involvement of students in reading and discussing texts of the XVII century is an analogy with modern life. The analogy of life situations allows students to put themselves in the place of heroes, emotionally experience what they read. All this contributes both to a better understanding of the texts read and to gaining new personal life experience. The results of the research can be applied in the practice of teaching literary disciplines.

Keywords: ancient Russian literature, motivic analysis, comparative analysis, D. Kolb's cycle of cognition, method of directed reading.

References

1. Bagno V. E. *Dogovor cheloveka s d'yavolom v "Povesti o Savve Grudcynne" i evropejskoj literaturnoj tradicii* [The contract of a man with the devil in the "Tale of Savva Grudtsyn" and the European literary tradition] // *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* – Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. L. Nauka (Science). Leningrad Branch. 1985. Vol. 40. Pp. 364–372.
2. Vorotnikov Yu. L. *Hudozhestvennyj mir "Povesti o Gore-Zlochastii"* [The artistic world of "Tales of Woe and Woe"]. M. RAS. 2017. 61 p. Available at: <http://www.ras.ru/FStorage/download.aspx?id=bc59a291-6c9d-46fa-8e1f-c05e0a3b347d>.
3. Distverg F. V. A. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya* [Selected pedagogical works]. M. Uchpedgiz. 1956. 378 p.
4. Dewey J. *Shkola budushchego* [The school of the future]. M. Gosizdat. 1926. 208 p.
5. Zelinskij M. M., Zelinskaya G. A. *Ispol'zovanie cikla poznaniya D. Kolba v prepodavanii ekonomicheskikh disciplin* [The use of the cycle of cognition by D. Kolb in the teaching of economic disciplines] // *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* – Regional economics: theory and practice. 2014. No. 15 (342). Pp. 39–50.
6. Kulakova A. B. *Pokolenie Z: teoreticheskij aspekt* [Generation Z: theoretical aspect] // *Voprosy territorial'nogo razvitiya* – Issues of territorial development. 2018. No. 2 (42). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-z-teoreticheskij-aspekt> (date accessed: 06.11.2022). DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6.
7. Kupavcev A. V. *Deyatel'nostnyj aspekt processa obucheniya* [Activity aspect of the learning process] // *Pedagogika* – Pedagogy. 2002. No. 6. Pp. 44–49. Minsk. Belarusian Digital Library LIBRARY.BY, October 17, 2007. Available at: https://library.by/portalus/modules/shkola/readme.php?subaction=showfull&id=1192629240&archive=1196815384&start_from=&ucat=& (date accessed: 06.11.2022).
8. Lihachev D. S. *Predposylki vozniknoveniya zhanra romana v russkoj literature* [Prerequisites for the emergence of the genre of the novel in Russian literature] // *Istoriya russkogo romana : v 2 t. T. 1* – History of the Russian novel : in 2 vols. Vol. 1. M. ; L. In-t of Rus. lit. USSR Academy of Sciences. 1962. Pp. 26–39.
9. Lihachev D. S. *Povest' o Gore-Zlochastii* [The Tale of Grief and Wickedness] // *Istoriya russkoj literatury : v 10 t. T. 2. Ch. 2. Literatura 1590-h – 1690-h gg.* – History of Russian Literature : in 10 vols. Vol. 2. Part 2. Literature of the 1590s – 1690s. M. ; L. USSR Academy of Sciences. 1948. Pp. 207–221.
10. Nazarevskij A. A. *K izucheniyu "Povesti o Gore-Zlochastii"* [To the study of the "Tale of Grief and Wickedness"] // *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. XXIV: Literatura i obshchestvennaya mysl' Drevnej Rusi. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya chl.-kor. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc.* – Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Vol. XXIV: Literature and Social Thought of Ancient Russia. To the 80th anniversary of

the birth of corresponding member of Academy of Sciences of the USSR V. P. Adrianova-Peretz. L. Nauka (Science). Leningrad Branch. 1969. Pp. 199–204.

11. *Opredelenie deyatel'nostnoj prirody myshleniya* [Definition of the activity nature of thinking] / Kulikov D. K., Vygotskij L. S., Leont'ev A. N., Il'enkov E. V. // *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya* – Economic and socio-humanitarian studies. 2018. No. 3 (19). Pp. 71–84. DOI: 10.24151/2409-1073-2018-3-71-84.

12. *Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: XVII vek* – Monuments of literature of Ancient Russia: XVII century. M. Hudozhestavennaya literatura (Art. lit.) 1988. 704 p.

13. *Pokolenie Selfie: pyat' mifov o sovremennoj molodezhi* – Selfie Generation: five myths about modern youth // VTSIOM. Press release No. 3265. 13.12.2016. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pokolenie-selfie-pyat-mifov-o-sovremennoj-molodezhi> (date accessed: 26.11.2022).

14. *Prihodchenko E. I., Kuz'micheva A. S., Motuzenko N. I. Deyatel'nostnyj podhod v obuchenii* [Activity approach in teaching] // *Vestnik Doneckogo pedagogicheskogo instituta* – Herald of Donetsk Pedagogical Institute. 2017. No. 2. Pp. 22–27.

15. *Rudomazina T. B. Analiz "Povesti o Savve Grudcynе": ob izuchenii drevnerusskoj literatury studentami-zhurnalistami* [Analysis of "The Story of Savva Grudtsyn": on the study of Ancient Russian literature by students-journalists] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* – News of Tula State University. Humanities. 2014. No. 1. Pp. 326–330.

16. *Skipil' M. O. Povest' o Savve Grudcynе* [The Tale of Savva Grudtsyn] // *Istoriya russkoj literatury : v 10 t. T. 2. Ch. 2. Literatura 1590-h – 1690-h gg.* – History of Russian Literature : in 10 vols. Vol. 2. Part 2. Literature of the 1590s – 1690s. M. ; L. USSR Academy of Sciences. 1948. Pp. 222–227.

17. *Smahtina A. V. Metod napravlennogo chteniya v vospitanii i formirovanii lichnosti chitatelya* [The method of directed reading in the education and formation of the reader's personality] // *Obshchenie v epohu konvergencii tekhnologij : sb. nauchnyh trudov* – Communication in the era of convergence of technologies : collection of scientific papers. M. Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 2022. Pp. 693–695. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-napravlennogo-chteniya-v-vospitanii-i-formirovanii-lichnosti-chitatelya> (date accessed: 26.11.2022).

18. *Stupina S. B. Deyatel'nostnyj podhod i sovremennye obrazovatel'nye tekhnologii v vuzovskom prostranstve* [Activity approach and modern educational technologies in the university space] // *Obrazovanie v sovremennoe mire : sb. nauchnyh statej. Vyp. 7* – Education in the modern world : collection of scientific articles. Is. 7 / ed. by Prof. Yu. G. Golub. Saratov. Saratov National Research State University n. a. N. G. Chernyshevsky. 2012. Pp. 97–103.

19. *Hutorskoj A. V. Sovremennaya didaktika : ucheb. posobie. Izd. 2-e, pererab.* [Modern Didactics : studies manual. 2nd ed., reprinted]. M. Vyshsaya Shkola (Higher School). 2007. 639 p.

20. *Chulanova O. L., Nikitenko E. Metodika obucheniya po ciklu Kolba kak effektivnyj instrument obucheniya personala organizacii* [The methodology of teaching the Flask cycle as an effective tool for training the personnel of the organization] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* – Actual problems of humanities and natural sciences. 2016. No. 2–3. Pp. 115–122.

Искусство акварели в художественно-эстетическом воспитании дошкольников

М. А. Семёнова¹, М. А. Быковская²

¹доктор педагогических наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
Россия, г. Москва. E-mail: SemenovaMAL@mgpu.ru

²педагог-исследователь, АНДОО «Филипп» обособленное подразделение «Детский сад Отрада».
Россия, г. Москва. E-mail: Logrichka@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние искусства акварели на художественно-эстетическое развитие детей дошкольного возраста. Изобразительное искусство в дошкольном воспитании является одним из основных средств эстетического развития личности. Однако искусство акварели, в том числе книжная иллюстрация в акварельной технике, используется недостаточно полно. А ведь этот воздушный, тонкий и в то же время такой яркий и многоцветный материал открывает целый мир, способствующий эстетическому развитию дошкольников. Проблемой нашего исследования стал вопрос: какие виды деятельности наиболее эффективны для эстетического развития детей дошкольного возраста средствами акварельной живописи? Цель исследования: теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка системы мероприятий эстетического развития дошкольников в пространстве искусства акварели. Сочетание методов анализа и синтеза теоретической части исследования, эмпирических методов и анализа продуктов детского творчества позволили провести исследование в полном объеме. Была разработана система занятий с использованием искусства акварели для повышения уровня эстетического развития дошкольников. Система включает в себя комплекс занятий, приемов, игр и упражнений, представленных в статье. Также даны рекомендации по использованию иллюстративного материала, педагогических приемов на разных этапах знакомства с акварельной живописью: от этапа восприятия до непосредственно художественно творческой деятельности детей. Результаты исследования доказывают эффективность разработанной системы мероприятий, которую можно рекомендовать к использованию в детских дошкольных образовательных учреждениях в качестве дополнительного материала к основной общеобразовательной программе. Богатство цветовой палитры, технических приемов, сочетаний с разными художественными материалами – все эти свойства акварели вкпе с колоссальным объемом работ прекрасных художников-иллюстраторов предоставляют педагогу дошкольного образования прекрасный инструмент для решения задач эстетического плана.

Ключевые слова: искусство акварели, эстетическое воспитание, дошкольное воспитание, изобразительная деятельность, акварель, дошкольники, иллюстрация.

Введение. В программе дошкольного образования значительный блок занимает художественно-эстетическое воспитание, рисование в его числе. Однако наиболее распространенными художественными материалами при работе с дошкольниками выступают гуашь и цветные карандаши. Акварель по большей части используют лишь в старшем дошкольном возрасте, причем по наблюдениям из практики нечасто. А ведь этот воздушный, тонкий и в то же время такой яркий и многоцветный материал открывает целый мир, способствующий эстетическому развитию дошкольников. Акварель прекрасно развивает эстетический вкус ребенка и помогает погружению в мир искусства, предоставляя целый спектр художественных особенностей материала таких, как пятно, мазок, прозрачность заливки, для решения художественно образных задач в детском рисунке. Также акварель очень удобна в использовании, работа с акварельными красками прекрасно развивает мелкую моторику ребенка и соответственно умение мыслить.

В нашей статье речь пойдет об акварели на этапе восприятия детьми художественных образов и в непосредственно изобразительной деятельности.

Основная часть. Методы. В процессе изучения проблемы использования искусства акварели в художественно-эстетическом воспитании дошкольников применялись следующие методы исследования: метод анализа при изучении теоретических вопросов исследования; метод синтеза при объединении и комбинировании полученных в ходе исследования данных; методы эмпирического исследования: анализ опыта педагогической работы; анализ продуктов детского творчества, наблюдение за деятельностью детей; систематизация полученных данных.

В нашем исследовании рассмотрим некоторые аспекты решения задач эстетического воспитания детей дошкольного возраста посредством акварельной живописи.

Можно сказать, что отправным пунктом художественно-творческой деятельности дошкольников является восприятие художественных образов. Рассматривая работы мастеров, ребенок соотносит художественные образы с известными ему объектами реальности, тем самым пополняя свой багаж ассоциативными элементами, развивая мышление и воображение, готовя основу для собственных замыслов и вариаций их воплощения. Так, профессор В. М. Дубровин в своей статье отмечает: «Для того чтобы зародился художественный образ, художнику необходимо научиться не только видеть, наблюдать и грамотно передавать средствами искусства на плоскости полученные впечатления, но приучить себя мыслить художественно-образными категориями» [5, с. 38]. Вот это умение мыслить художественно-образными категориями и закладывается на раннем этапе становления личности. Ребенок, научившийся видеть и осмысливать увиденное, понимать и чувствовать формы, цвета, элементы, непременно станет успешен в собственной творческой деятельности. На этапе дошкольного образования первыми учителями, помощниками, эстетическими эталонами становятся художники-иллюстраторы и их работы. Очень многие из них выбрали именно акварель и ее сочетания для создания простых и в то же время насыщенных образов для детской литературы. Это и классики: И. Я. Билибин, В. М. Конашевич, Ю. Д. Коровин, Н. А. Устинов, Е. И. Чарушин [2]; и современные художники: Е. Антоненков, О. Р. Ионайтис и многие другие. В работах мастеров акварель являет нам все многообразие своих граней: тут и легкая дымка весеннего леса, и лаконичные образы персонажей, и тщательно прорисованные элементы декора к народным сказкам (рис. 1).

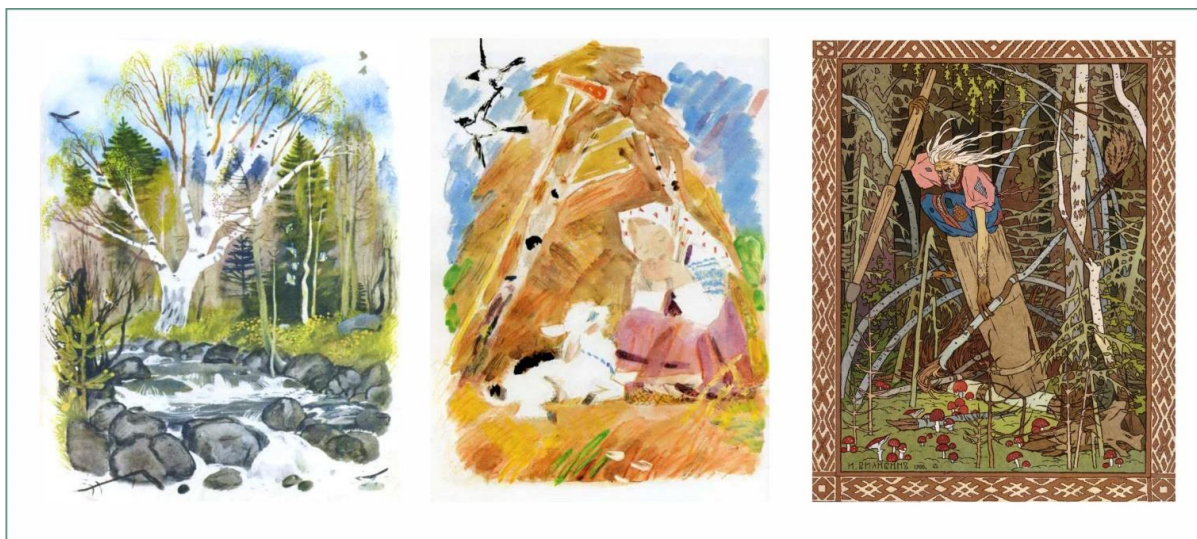

Рис. 1. Книжные иллюстрации, выполненные акварелью. Н. А. Устинов, Ю. Д. Коровин, И. Я. Билибин

Из практики работы в дошкольном образовательном учреждении нам стало известно, что некоторые дети не просто затрудняются, но откровенно боятся начинать работу над рисунком, мотивируя так: «это слишком сложно», «я не знаю, как это нарисовать», или же выбирают наиболее простой вариант замысла. Так, в старшей группе на просьбу нарисовать любимую сказку или любимого персонажа, некоторые ребята рисуют Колобка. Просто потому, что боятся не справиться с более сложной работой. Это в большинстве случаев объясняется отсутствием багажа художественных образов и проблемами с технической стороной исполнения. В процессе знакомства со множеством разноплановых работ художников-иллюстраторов у ребят обогащается эстетический опыт, появляется уверенность в своих замыслах и силах, появляются предпочтения в стилистике, в манере исполнения, в цветовой гамме. Так, знакомство с работами разных мастеров над одним образом помогает детям создать собственный собирательный облик персонажа. Одни иллюстрации помогут найти лучшее решение поз и мимики персонажей, другие – элементов костюма и декора, третьи помогут создать общую композицию и подобрать цветовую гамму, соответствующую настроению момента. Например, образ Маши и Медведя, который современные дети чаще всего ассоциируют с од-

ноименным мультфильмом, полезно разобрать на примере иллюстраций таких художников: Н. М. Кочергина, В. Н. Лосина, Г. А. Скотиной, Н. А. Устинова (рис. 2). На наш взгляд, только после этого у них появляется свое индивидуальное и личностное видение персонажей.

Рис. 2. Иллюстрации к сказке «Маша и медведь», выполненные акварелью.
Н. М. Кочергин, В. Н. Лосин, Г. А. Скотина, Н. А. Устинов

Для работы с детьми дошкольного возраста можно также порекомендовать иллюстрации А. Ф. Пахомова, показывающие, как можно просто передать фигуры и движения людей в акварельном образе; М. П. Митурича-Хлебникова, создавшего выразительные композиции простыми мазками, линиями, пятнами; Ю. Д. Коровина с лаконичными, яркими цветами и тонкой стилистикой. Подробно работу с иллюстрацией рассматривают в своих исследованиях такие авторы, как Т. Н. Доронова [4], В. А. Езикеева [6], В. Я. Кионова [9], Н. А. Курочкина [11].

О цветовой гамме и цвете при работе с акварелью стоит упомянуть отдельно. Наиболее точными станут слова художника и педагога М. А. Семёновой: «В работе с акварелью цвет воспринимается прозрачным и сияющим, это происходит благодаря красоте акварельных пигментов и живописи, написанной по белоснежной бумаге» [16, с. 9]. Дошкольникам очень нравится присутствие в акварельном наборе множества оттенков цвета. Ребята стараются дать названия всем цветам, придумывая и новые: темно-желтый, лимонный, песочный, ванильный, чайный... и так далее. Интересно отметить, что обычно дети не очень любят закрашивать фон, считая это скучным и трудоемким занятием. Но все меняется, как только в дело вступает акварель! Заливка разными, иногда неожиданными цветами неба, моря, осеннего покрова леса вызывает бурю эмоций и желание экспериментировать. Именно после знакомства с акварелью дети начинают более активно использовать палитру для смешивания цветов и при работе с гуашью, что очень важно в процессе художественного освоения материала.

«При этом нужно подчеркнуть, что цвет – самое активное средство гармонизации формы и пространства», [15, с. 75] – с этим тезисом исследователя цвета и колористики А. П. Раца сложно не согласиться. О важности цвета в изобразительном искусстве и общей гармонии эстетического пространства рассуждают многие исследователи и педагоги, в том числе С. М. Даниэль [3], С. П. Ломов [12], Г. Маккензи [20], М. А. Семёнова [17] и другие.

Мастер искусства цвета Иоханнес Иттон писал: «Нет никакого сомнения в том, что цвет оказывает на нас громадное влияние, независимо от того, отдаем ли мы себе в этом отчет или нет» [8, с. 83]. Несомненно, психологический аспект работы с цветом в дошкольном возрасте очень важен. Даже при отсутствии определенных художественных навыков ребенок способен передать цветом свое настроение или свое отношение к изображенному персонажу, действию, моменту. Психологический эффект цвета действует и обратно: светлые, нежные оттенки рабо-

ты помогут маленькому художнику снять напряжение, успокоиться; яркое многоцветье поднимет настроение. Умение пользоваться оттенками цветов развивает способность выражать и контролировать собственные эмоции, переживания, ощущения. Наиболее доступными техниками такого развития эмоционального интеллекта будут «акварель по-сырому» и *a la prima*. Умение раскрепоститься, поддаться воле чувств и эмоций, получить эстетическое удовольствие от переходов цветов и оттенков – этот опыт очень важен для дошкольников. Очень важна в этом аспекте работа по предварительно смоченной бумаге, когда взятые цвета расплываются, образуя цветное пятно, помогающее в развитии фантазии и воображения ребенка. Обычно такие виды работ начинают с изображения различных состояний неба: рассвет или закат, непогода, северное сияние, радуга. В этих техниках прекрасно получаются у дошколят и пейзажи в разные времена года: деревья, осенние лужи, нежность весенних цветов.

Но акварель таит и секреты техники. Краска может быть и размытой, перетекающей из цвета в цвет, и четкой, контурной. Задача педагога – показать детям многообразие вариантов техники и сочетаний акварели с другими материалами. Художники, в том числе иллюстраторы, часто используют тушь в сочетании с акварелью. В случае с дошкольниками – тушь заменяется лайнерами, гелевыми ручками, масляной пастелью. Детям очень нравится сочетание этих материалов: форму и мелкие детали легко изобразить ручкой или мелком, а заливку цветом выполнить быстро и красочно – акварелью.

Работа с гелевыми ручками достаточно кропотлива: требует предварительного карандашного наброска, затем живописным слоем ложится акварель, и только после высыхания красочного слоя прорисовываются ручками детали, орнаменты, контуры. Обычно такая работа занимает не менее двух занятий и подходит старшим дошкольникам. А вот масляная пастель доступна и детям помладше. Форму предметов рисуют мелками, мелкие детали также закрашиваются пастелью, а большие пространства – акварельными красками. Особенно ребята любят «волшебный» эффект белого мелка. Ведь его становится видно на листе только после нанесения акварельного слоя. Также удобно, что после высыхания краски можно добавить некоторые недостающие штрихи снова пастелью (рис. 3).

Рис. 3. Работы детей старшего дошкольного возраста, выполненные акварелью в сочетании с масляной пастелью и гелевыми ручками

Дошкольников также можно знакомить с такими акварельными техниками, как «акварель на смятой бумаге», «акварель с солью», «текстурирование» губками, штампами, работа набрызгом, монотипия. Наиболее интересными в данных техниках получаются работы на тему природы: морские глубины или необъятные пространства космоса, сочетание линий и пятен в склонах гор, переходы цвета в лесных зарослях, переливы цветочных композиций.

Изучив и обобщив теоретические основы изобразительной деятельности детей, в том числе исследования С. Е. Игнатьева [7], Н. В. Микляевой [13], современные отечественные и зарубежные технологии, в том числе практические рекомендации М. Майески [20], а также практические материалы, полученные в ходе исследования, была разработана система занятий с использованием искусства акварели для повышения уровня эстетического развития дошкольников. Система включает в себя комплекс занятий, приемов, игр и упражнений, представленных в таблице 1.

Таблица 1

**Комплекс развивающих мероприятий
 для дошкольников с использованием искусства акварели**

Вид деятельности	Локальные задачи	Рекомендуемый иллюстративный материал
Сравнение двух и более акварельных иллюстраций по одной теме («Маша и медведь», «Муха-цокотуха», «Деревья», «Кошки» и др.) с последующей художественно-изобразительной деятельностью.	Формирование целенаправленного восприятия, развитие внимания, умения проводить сравнительный анализ, делать умозаключения, воспитание эстетического вкуса.	К теме «Маша и медведь» иллюстрации: Н. М. Кочергин, В. Н. Лосин, Г. А. Скотина, Н. А. Устинов. К теме «Муха-Цокотуха» иллюстрации: М. Митурич, В. Сандуляк, В. М. Конашевич, Л. Якшис. К теме «Деревья» иллюстрации: В. Н. Белоусов, Ю. А. Васнецов, В. М. Конашевич, Н. А. Устинов. К теме «Кошки» иллюстрации: Ю. А. Васнецов, В. Г. Сутеев, Е. М. Чарушин.
Мастер-классы «акварель по-сырому» и a la prima. Примерные темы: «Цветы», «Пушистые зверята», «Весенний пейзаж».	Формирование умения пользоваться оттенками цветов, развитие способности выражать и контролировать собственные эмоции, переживания, ощущения.	М. Ханак, Ю. Д. Коровин, Е. М. Чарушин.
Занятия в ИЗО студии с применением смешанных техник.	Знакомство с многообразием вариантов техники и сочетаний акварели с другими материалами, воспитание эстетического вкуса.	В. С. Алфеевский, Е. Антоненков, И. Я. Билибин, Б. А. Дехтерев, О. Р. Ионайтис, В. М. Конашевич, Ю. Д. Коровин, Н. А. Устинов, В. А. Чижиков.
Акварель с гелевыми ручками, лайнерами. Примерные темы: «Подводное царство», «Сова», «Городской пейзаж», Сказочный герой».		
Акварель с масляной пастелью. Примерные темы: «Джунгли», «Зимняя сказка», «Лиса Патрикеевна».		
Мастер-классы или занятия в ИЗО студии с использованием разных техник: «акварель на смятой бумаге», «акварель с солью», «текстурирование» губками, штампами, работа набрызгом, монотипия.	Знакомство с многообразием вариантов акварельной техники, развитие умения применять разные техники для воплощения своего замысла, воспитание эстетического вкуса.	
Дидактические игры «Придумай название новому цветку», «Подбери оттенки для картинки».	Развитие восприятия, креативности мышления, внимания.	Фрагменты акварельных иллюстраций, дидактический материал с оттенками цветов.
Игры-экспериментирования: «Палитра поможет смешать цвета», «Соленая картина», «Отражение».	Развитие познавательной активности, стимулирование творческой деятельности.	

Результаты. В ходе исследования была проведена первичная оценка уровня развития художественно-изобразительных навыков детей и повторная, контрольная оценка на основе анализа продуктов изобразительного творчества. Критерии оценки были подобраны на основе анализа продуктов художественной деятельности Т. С. Комаровой [10] и имели следующие показатели: «замысел» отражает уровень сложности художественного замысла работы и точности его воплощения; «передача формы и строения предметов» отражает точность передачи в рисунке формы предметов, их строения, пропорций; «композиция» отражает правильность построения композиции, расположения рисунка на листе, соблюдение пропорций предметов, передачу пространства; «цветовое решение» отражает соответствие выбранной цветовой гаммы замыслу работы; «разнообразие цветовой гаммы» отражает умение использовать в работе различные цвета и оттенки для передачи замысла. Детям старшего дошкольного возраста было предложено нарисовать иллюстрацию к любимой сказке. Результаты анализа продуктов художественно-изобразительной деятельности представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты анализа продукта художественной деятельности детей старшего дошкольного возраста до и после проведения исследования по влиянию искусства акварели на эстетическое развитие дошкольников

Критерии анализа	Степень выраженности					
	Первичная оценка (36 чел.)			Контрольная оценка (36 чел.)		
	низкая	средняя	высокая	низкая	средняя	высокая
Замысел	7 чел. / 20 %	18 чел. / 50 %	11 чел. / 30 %	1 чел. / 3 %	11 чел. / 20 %	24 чел. / 67 %
Передача формы и строения предметов	7 чел. / 20 %	18 чел. / 50 %	11 чел. / 30 %	2 чел. / 5 %	16 чел. / 40 %	20 чел. / 55 %
Композиция	11 чел. / 30 %	16 чел. / 45 %	9 чел. / 25 %	4 чел. / 12 %	15 чел. / 43 %	16 чел. / 45 %
Цветовое решение	7 чел. / 20 %	20 чел. / 55 %	9 чел. / 25 %	-	6 чел. / 18 %	30 чел. / 82 %
Разнообразие цветовой гаммы	5 чел. / 15 %	20 чел. / 55 %	11 чел. / 30 %	-	9 чел. / 25 %	27 чел. / 75 %

Для проведения сравнительного анализа результатов двух срезов художественно-изобразительных умений детей представим результаты в виде гистограммы. Примем за низкую степень 0 баллов за каждый процент, за среднюю степень – 0,5 баллов за каждый процент и за высокую степень 1 балл за каждый процент, получим градацию шкал с максимальным значением 100 баллов (рис. 4).

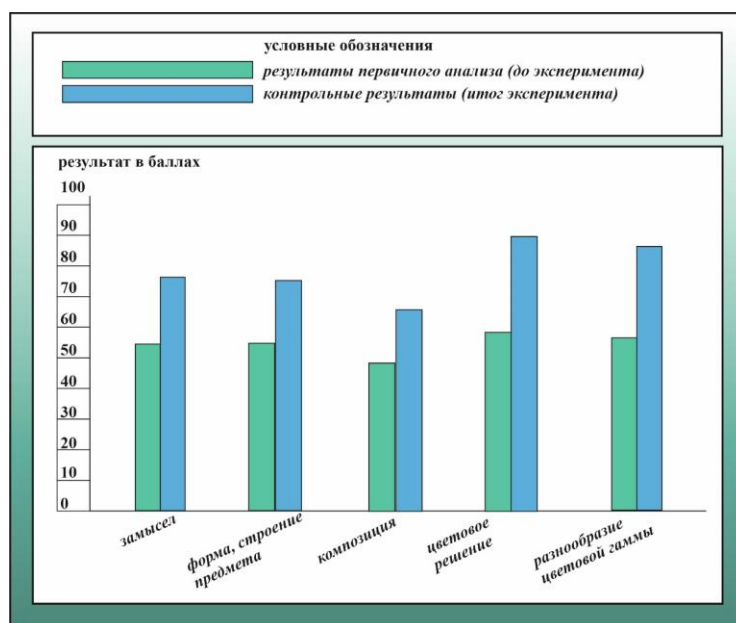

Рис. 4. Сравнительный анализ результатов срезов художественно-изобразительных умений детей

Обсуждение. Качественный анализ детских работ по итогам эксперимента показал рост художественно-изобразительных умений: замысел работ стал сложнее, богаче, разнообразней, на смену «Колобку» пришли самые разные литературные произведения: «Буратино», «Снежная Королева», «Холодное сердце» и другие; дети стали более точно передавать форму и строение предметов и их пропорций, во многих работах появилась детализация; качественно улучшились и свойства композиции во многих работах: пространство передается наличием линии горизонта, уменьшением дальних объектов; изменилось и цветовое решение работ: появилась осознанность в выборе цветовой гаммы, теперь во многих работах она соответствует замыслу, настроению момента или персонажа, появились оттенки цвета, разнообразные цветовые решения фона. Следует отметить, что обогатились и суждения детей о своих работах, о книжных иллюстрациях, предлагаемых к обсуждению. Дошкольники стали демонстрировать внимание к характерным элементам, деталям, стилистике и цветовому решению иллюстраций, научились высказывать различные предположения на основе воспринимаемых образов, у детей появились предпочтения в выборе художественных приемов и техник.

Заключение. Богатство цветовой палитры, технических приемов, сочетаний с разными художественными материалами – все эти свойства акварели вкупе с колоссальным объемом работ прекрасных художников-иллюстраторов предоставляют педагогу дошкольного образования прекрасный инструмент для решения задач эстетического плана. Это и восприятие произведений художественного искусства, и разноплановая художественно-изобразительная деятельность: формирование умений использовать различные технические приемы искусства акварельной живописи и различные сочетания художественных материалов для воплощения художественного замысла, воспитание эстетического вкуса, развитие мышления, фантазии, творчества детей дошкольного возраста.

Список литературы

1. Быковская М. А., Семенова М. А. Роль эстетического воспитания в гармоническом развитии личности ребенка // Мир науки. 2018. Т. 6. № 1. С. 42.
2. Герчук Ю. Я. История графики и искусства книги. М. : Аспект Пресс, 2016. 320 с.: ил.
3. Даниэль С. М. Искусство видеть: О творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о восприятии зрителя. Л. : Искусство, 2015. 223 с.
4. Доронова Т. Н. Дошкольникам о художественных детских книгах. М. : Просвещение, 1991. 220 с.
5. Дубровин В. М., Комарова Е. А. Художник и художественный образ // Художественный образ в живописи. Вопросы теории и практики : сб. научных статей. М. : МГПУ, 2020. С. 38–44.
6. Езикева В. А. Иллюстративный материал для детского изобразительного творчества. М. : Просвещение, 1975. 86 с.
7. Игнатъев С. Е. Закономерности изобразительной деятельности детей : учеб. пособие для вузов. М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2017. 208 с.
8. Иттен И. Искусство цвета / пер. с нем. и предисл. Л. Монаховой. Изд. 2-е. М. : Д. Аронов, 2001. 95 с.
9. Кионова В. Я. Сравнение иллюстраций как один из путей развития эстетического восприятия у детей 5–7 лет // Дошкольное воспитание. 1973. № 2. С. 30–32.
10. Комарова Т. С. Изобразительная деятельность в детском саду. Обучение и творчество. М. : Педагогика, 2015. 148 с.
11. Курочкина Н. А. Знакомим с книжной графикой: Большое искусство маленьким. М. : Детство-Пресс, 2001. 168 с.
12. Ломов С. П. Живопись. М. : Агар, 2008. 135 с.
13. Микляева Н. В. Интеграция образовательного процесса на основе художественно-эстетического воспитания. М. : Сфера, 2018. 601 с.
14. Раевская М. Р., Дубровин В. М. Педагог и ученик в пространстве художественного сотворчества и креативного мышления при работе над книжной иллюстрацией // Педагогический опыт: от теории к практике : сб. Чебоксары : Интерактив Плюс, 2017. С. 20–24.
15. Рац А. П. Основы цветоведения и колористики. Цвет в живописи, архитектуре и дизайне : курс лекций / М-во образования и науки Росс. Федерации, Моск. гос. строит. ун-т. М. : МГСУ, 2014. 128 с.
16. Семенова М. А. Акварельная живопись. Секреты мастерства : учеб.-методическое пособие. М. : МГПУ, 2020. 84 с.
17. Семенова М. А. Искусство акварельной живописи в формировании профессионализма педагогов изобразительного искусства // Педагогика искусства. 2010. № 4. С. 232–239.
18. Семенова М. А. Пленэр в студии дополнительного образования // Начальная школа плюс До и После. 2010. № 4. С. 71–74.
19. Semenova M. A., Bykovskaya M. A. Aesthetic paradigm of art: a role in shaping human future // Pedagogika. 2020. T. 138. № 2. С. 116–130.

20. Gordon Mackenzie *The Watercolor's Essential Notebook – Keep Painting! // A Treasury of Tips to Inspire Your Watercolor Painting Adventure*. NORTH LIGHT Books, 2017. 65 p.

21. *Maysky Mary Creative Activities for Young Children*, Ninth Edition. USA, Delmar, Cengage Learning Delmar, 2009. 646 p.

The art of watercolors in the artistic and aesthetic education of preschoolers

M. A. Semenova¹, M. A. Bykovskaya²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Moscow City Pedagogical University.
Russia, Moscow. E-mail: SemenovaMAL@mgpu.ru

²pedagogue-researcher, ANDOO "Philip" separate unit "Kindergarten Otrada".
Russia, Moscow. E-mail: Logrichka@yandex.ru

Abstract. The article examines the influence of watercolor art on the artistic and aesthetic development of preschool children. Fine art in preschool education is one of the main means of aesthetic development of the individual. However, the art of watercolor, including book illustration in watercolor technique, is not used fully enough. But this airy, thin and at the same time so bright and multicolored material opens up a whole world that contributes to the aesthetic development of preschoolers. The problem of our research was the question: what types of activities are most effective for the aesthetic development of preschool children by means of watercolor painting? The purpose of the study: theoretical substantiation, development and experimental verification of the system of measures for the aesthetic development of preschoolers in the space of watercolor art. The combination of methods of analysis and synthesis of the theoretical part of the study, empirical methods and analysis of the products of children's creativity allowed the study to be carried out in full. A system of classes using the art of watercolor was developed to increase the level of aesthetic development of preschoolers. The system includes a set of classes, techniques, games and exercises presented in the article. Recommendations are also given on the use of illustrative material, pedagogical techniques at different stages of acquaintance with watercolor painting: from the stage of perception to the artistic and creative activity of children themselves. The results of the study prove the effectiveness of the developed system of measures, which can be recommended for use in preschool educational institutions as an additional material to the basic general education program. The richness of the color palette, techniques, combinations with various artistic materials – all these properties of watercolors, coupled with a huge amount of work by excellent illustrators, provide a preschool teacher with an excellent tool for solving aesthetic problems.

Keywords: watercolor art, aesthetic education, preschool education, visual activity, watercolor, preschoolers, illustration.

References

1. Bykovskaya M. A., Semenova M. A. *Rol' esteticheskogo vospitaniya v garmonicheskom razvitiy lichnosti rebenka* [The role of aesthetic education in the harmonious development of a child's personality] // *Mir nauki – The world of science*. 2018. Vol. 6. No. 1. P. 42.
2. Gerchuk Yu. Ya. *Istoriya grafiki i iskusstva knigi* [History of graphics and art books]. M. Aspect Press. 2016. 320 p.: ill.
3. Daniel' S. M. *Iskusstvo videt': O tvorcheskikh sposobnostyakh vospriyatiya, o yazyke linij i krasok i o vospriyatii zritelya* [The art of seeing: About the creative abilities of perception, about the language of lines and colors and about the perception of the viewer]. L. *Iskusstvo (Art)*. 2015. 223 p.
4. Doronova T. N. *Doshkol'nikam o hudozhestvennykh detskikh knigah* [To preschoolers about artistic children's books]. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 1991. 220 p.
5. Dubrovin V. M., Komarova E. A. *Hudozhnik i hudozhestvennyy obraz* [The artist and the artistic image] // *Hudozhestvennyy obraz v zhivopisi. Voprosy teorii i praktiki : sb. nauchnykh statej – The artistic image in painting. Questions of theory and practice : collection of scientific articles*. M. MSPU. 2020. Pp. 38–44.
6. Ezikeeva V. A. *Illyustrativnyy material dlya detskogo izobrazitel'nogo tvorchestva* [Illustrative material for children's fine art]. M. Procveshchenie (Enlightenment). 1975. 86 p.
7. Ignat'ev S. E. *Zakonomernosti izobrazitel'noj deyatel'nosti detej : ucheb. posobie dlya vuzov* [Patterns of children's visual activity : manual for universities]. M. Academic project ; Mir Foundation. 2017. 208 p.
8. Itten I. *Iskusstvo cveta* [The art of color] / transl. from It. and the preface by L. Monakhova. Ed. 2nd. M. D. Aronov. 2001. 95 p.
9. Kionova V. Ya. *Sravnienie illyustracij kak odin iz putej razvitiya esteticheskogo vospriyatiya u detej 5–7 let* [Comparison of illustrations as one of the ways to develop aesthetic perception in children 5–7 years old] // *Doshkol'noe vospitanie – Preschool education*. 1973. No. 2. Pp. 30–32.

10. Komarova T. S. *Izobrazitel'naya deyatel'nost' v detskom sadu. Obuchenie i tvorchestvo* [Visual activity in kindergarten. Education and creativity]. M. Pedagogika (Pedagogy). 2015. 148 p.
11. Kurochkina N. A. *Znakomim s knizhnoj grafikoj: Bol'shoe iskusstvo malen'kim* [Introducing book graphics: Great art to little ones]. M. Detstvo-Press. 2001. 168 p.
12. Lomov S. P. *Zhivopis'* [Painting]. M. Agar. 2008. 135 p.
13. Miklyaeva N. V. *Integraciya obrazovatel'nogo processa na osnove hudozhestvenno-esteticheskogo vospitaniya* [Integration of the educational process on the basis of artistic and aesthetic education]. M. Sphere. 2018. 601 p.
14. Raevskaya M. R., Dubrovin V. M. *Pedagog i uchenik v prostranstve hudozhestvennogo sotvorchestva i kreativnogo myshleniya pri rabote nad knizhnoj illyustraciej* [Teacher and student in the space of artistic co-creation and creative thinking when working on book illustration] // *Pedagogicheskij opyt: ot teorii k praktike : sb.* – Pedagogical experience: from theory to practice : cool. Cheboksary. Interactive Plus. 2017. Pp. 20–24.
15. Ratz A. P. *Osnovy cvetovedeniya i koloristiki. Cvet v zhivopisi, arhitekture i dizajne : kurs lekcij* [Fundamentals of color science and coloristics. Color in painting, architecture and design : a course of lectures] / M-in Education and Science Ross. Federation, Moscow State. Construction University. M. MSCU. 2014. 128 p.
16. Semenova M. A. *Akvarel'naya zhivopis'. Sekrety masterstva : ucheb.-metodicheskoe posobie* [Watercolor painting. Secrets of mastery : methodical manual]. M. MSPU. 2020. 84 p.
17. Semenova M. A. *Iskusstvo akvarel'noj zhivopisi v formirovanii professionalizma pedagogov izobrazitel'nogo iskusstva* [The art of watercolor painting in the formation of professionalism of teachers of fine arts] // *Pedagogika iskusstva – Pedagogy of art.* 2010. No. 4. Pp. 232–239.
18. Semenova M. A. *Plener v studii dopolnitel'nogo obrazovaniya* [Plein air in the studio of additional education] // *Nachal'naya shkola plyus Do i Posle – Elementary school plus Before and After.* 2010. No. 4. Pp. 71–74.
19. Semenova M. A., Bykovskaya M. A. *Aesthetic paradigm of art: a role in shaping human future* // *Pedagogika.* 2020. Vol. 138. No. 2. Pp. 116–130.
20. Gordon Mackenzie *The Watercolor's Essential Notebook – Keep Painting! // A Treasury of Tips to Inspire Your Watercolor Painting Adventure.* NORTH LIGHT Books. 2017. 65 p.
21. Mayesky Mary *Creative Activities for Young Children, Ninth Edition.* USA, Delmar, Cengage Learning Delmar. 2009. 646 p.

УДК 373.2

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.060

Коммуникативно-речевые умения старших дошкольников: диагностика и планирование развивающей работы

Н. С. Александрова¹, О. А. Петушкова²

¹доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и методики дошкольного и начального образования, Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-5364-9204. E-mail: profaleksandrova@yandex.ru

²преподаватель кафедры дефектологии, аспирант кафедры педагогики, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7983-6035. E-mail: Olgica_37@mail.ru

Аннотация. Анализ образовательной практики дошкольных образовательных организаций и коллективной деятельности педагогов показал, что при реализации Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования педагогам необходимо реализовать задачи в образовательных областях «социально-коммуникативное развитие» и «речевое развитие». В возрасте 5–7 лет у детей возникает потребность в установлении взаимоотношений со сверстниками и взрослыми, у современных детей дошкольного возраста часто встречается замкнутость, несформированность навыков общения с другими детьми, рост экранной зависимости, несформированность коммуникативных способностей. Эти причины усложняют процесс формирования коммуникативно-речевых умений старших дошкольников и уточняют проблему исследования, которая заключается в определении основных направлений развивающей работы по формированию коммуникативно-речевых умений старших дошкольников.

Для подробного изучения данной проблемы проведен анализ научной литературы и раскрыты основные понятия исследования: «коммуникативная деятельность», «речевая деятельность», «коммуникативно-речевые умения». В статье представлены результаты констатирующего эксперимента по изучению коммуникативно-речевых умений у старших дошкольников. Охарактеризованы критерии коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста (мотивационный, когнитивный, операциональный, рефлексивный) и уровни данных умений (низкий, средний, высокий).

Для решения данной проблемы использовались методы теоретического анализа психолого-педагогических исследований, невключённое наблюдение, беседы, инструментарий педагогической диагностики. В результате количественного и качественного анализа было выявлено, что большинство старших дошкольников имеют низкий (57 %) и средний (35 %) уровень сформированности коммуникативно-речевых умений, высокий уровень определен всего у 8 % старших дошкольников.

Материалы статьи представляют практическую ценность в экспериментальной проверке критериально-диагностического аппарата, определяющего динамику сформированности у детей старшего дошкольного возраста уровня коммуникативно-речевых умений. Своевременное выявление недостаточного уровня коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет обуславливает необходимость планирования и проведения мероприятий по установлению взаимоотношений между детьми и сверстниками, а также между детьми и взрослыми.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, речевая деятельность, речевое взаимодействие, речевая активность, старший дошкольный возраст, диагностика, критерии коммуникативно-речевых умений.

Введение. Современную систему дошкольного образования в России регламентирует Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДО), утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 [19]. ФГОС ДО в образовательных областях «социально-коммуникативное развитие» и «речевое развитие» обозначена задача развития речи и коммуникации детей для обеспечения процесса межличностного взаимодействия, развития способностей передавать информацию и получать новые знания. Поэтому, изучая коммуникативно-речевые умения старших дошкольников, необходимо учесть исследования в области коммуникативной деятельности и речевой деятельности.

Большой вклад в исследование коммуникативной деятельности детей внесли такие ученые, как Л. С. Выготский [3], А. Н. Леонтьев [11], М. И. Лисина [12] и другие.

В своих психологических исследованиях Л. С. Выготский раскрыл первоначальную функцию речи – коммуникативную. Речь есть прежде всего средство социального общения,

средство высказывания и понимания. В коммуникативной деятельности речь совмещает в себе функцию общения и функцию мышления. Она выступает как деятельность, связанная с взаимодействием между людьми в форме диалога [3, с. 350]. В концепции Л. С. Выготского главным условием психического развития ребенка является его общение со взрослым. При общении ребенка со взрослым создается «зона ближайшего развития», где сотрудничество со взрослым помогает ребенку реализовать свои потенциальные возможности: «развитие внутренних индивидуальных свойств личности ребенка имеет ближайшим источником его сотрудничество с другими людьми. Когда мы применяем принцип сотрудничества для установления зоны ближайшего развития, мы тем самым получаем возможность непосредственно исследовать то, что и определяет точнее всего умственное созревание, которое должно завершиться в ближайший и последующий периоды его возрастного развития» [3, с. 265].

А. Н. Леонтьев изучал общение как коммуникативную деятельность, включенную в коллективную деятельность людей, имеющую специальную цель: речевую передачу, коммуникацию содержания общения. В контексте деятельностного подхода А. Н. Леонтьев анализирует общение, базируясь на основных характеристиках деятельности: «Содержание общения, которое относится к планированию, организации и управлению – это «фаза подготовки» к практической деятельности... Следующая фаза решает функции организации, обмена и воздействия – это обстоятельство сообщает речи самостоятельную мотивацию... Впоследствии формируются внутренние процессы (внутренние речевые действия и внутренние операции), которые сменяются на познавательные процессы: как процессы речевого мышления или процессы активного запоминания и тому подобное» [11, с. 308–309].

М. И. Лисина относит понятия «общение» и «коммуникативная деятельность» к синонимам, рассматривая данные понятия как взаимодействие между участниками данной деятельности, направленное на согласование и объединение усилий участников взаимодействия с целью налаживания связей и достижения общего результата. При этом каждый участник коммуникативной деятельности является носителем активности и предполагает ее в партнерах по взаимодействию. Активность, по мнению М. И. Лисиной, может выражаться в том случае, если ребенок при общении инициативно воздействует на своего собеседника, при этом собеседник воспринимает воздействие на него и отвечает ребенку. В случае общения двух детей происходит взаимодействие, при котором они попеременно воздействуют и воспринимают воздействия друг друга. Общая структура коммуникативной деятельности, считает М. И. Лисина, включает компоненты: предмет, потребность, мотив, средства, продукты. Предметом коммуникативной деятельности является собеседник. Специфика потребности в коммуникации состоит в стремлении к познанию и к оценке других людей, а через них – к самопознанию и самооценке. Коммуникативные мотивы – это то, ради чего ребенок вступает в общение. Средствами коммуникации является деятельность, с помощью которой ребенок вступает в общение, а результатом коммуникативной деятельности – отношения, возникающие между собеседниками в процессе коммуникации [12].

Для детей дошкольного возраста свойственно внеситуативное общение. М. И. Лисина выделяет две внеситуативные формы общения детей: познавательную и личностную. В 3–6 лет проявляется внеситуативно-познавательная форма общения. В этот период складываются потребность в уважении взрослого и познавательные мотивы общения. Взрослый становится источником новой информации, экспертом и эрудитом, способным ответить на вопросы дошкольника и оценить его достижения [13, с. 103–106]. В 5–7 лет уже преобладает внеситуативно-личностная форма общения, когда интересы детей сосредоточены на личности взрослого. Ведущими становятся личностные мотивы общения и потребность ребенка во взаимопонимании и сопереживании взрослого [13, с. 106–109].

Далее рассмотрим вопрос речевой деятельности детей, который исследовался учеными Л. С. Выготским [4], И. А. Зимней [7], А. А. Леонтьевым [10] и другими.

Речевую деятельность Л. С. Выготский соотносил с научной концепцией о диалектической взаимосвязи процессов мышления и речи. Согласно его учению: «ситуация речевой деятельности устной речи каждоминутно создает мотивацию каждого нового изгиба речи, разговора, диалога. Надобность в чем-нибудь и просьба, вопрос и ответ, высказывание и возражение, непонимание и разъяснение и множество других подобных отношений между мотивом и речью положительно целиком определяет ситуацию реально звучащей речи. Она вытекает целиком из нее и протекает по типу ситуационно-мотивированных и ситуационно-обусловленных процессов» [4, с. 210]. Нельзя оставить без внимания выразительность речевой дея-

тельности, о которой пишет в своей работе Л. С. Выготский: «речевая ситуация ясна обоим собеседникам, когда говорящий выражает психологический контекст высказываемого с помощью интонации, мимики и жестов» [4, с. 300]. Таким образом, речевая деятельность человека – это целостный, единый интеллектуальный процесс, в котором происходит порождение и восприятие речевых высказываний. Речевая деятельность мотивирована ситуацией и включена в данную ситуацию. Мотивация речевой коммуникации возникает у детей при наличии эмоций, связанных с яркими впечатлениями, интересом к деятельности.

Речевая деятельность в работах И. А. Зимней рассматривается как специфическая форма человеческой деятельности, которая представляет процесс активного, целенаправленного, опосредствованного языком и обусловливаемого ситуацией общения приема или выдачи речевого сообщения во взаимодействии людей между собой. По мнению И. А. Зимней, речевая деятельность есть такая знаковая деятельность, в которой в качестве средств осуществления выступают знаки естественного языка, а в качестве способов осуществления – виды речи. Иными словами, в речевой деятельности детей выделяются языковые средства и речь, а также способы формирования и формулирования мысли. Формирование речевой активности детей зависит от мысли – эмоциональной направленности предмета речевой деятельности [7, с. 41–50].

Комплексное исследование А. А. Леонтьева по изучению речевой деятельности констатирует систему трех категорий моделирования данной деятельности: язык как способность, язык как предмет, язык как процесс [10, с. 101–112]. В теории речевой деятельности, разработанной А. А. Леонтьевым, дается характеристика речевой деятельности как процесса использования языка для общения при планировании, регулировании и контроля какой-либо другой человеческой деятельности [16, с. 24–25]. Это характеризует речевую деятельность как систему целенаправленных и мотивированных процессов речевого акта. В этой теории А. А. Леонтьев представил ее трехфазовую структуру: 1) мотивы, интенции, образ результата, ориентировка, смысловое планирование; 2) реализация замысла во внешней речи; 3) контроль и оценка [16].

Как показали исследования С. Е. Приваловой, в которых коммуникативно-речевое взаимодействие определено как выполнение речевых действий, основанное на умении ориентироваться в ситуации общения, слушать и понимать обращенную к нему речь собеседника, учитывать эмоциональное состояние партнера, поддерживать беседу как со взрослыми, так и с детьми, отбирая материал для общения, интересный для собеседника. С. Е. Привалова констатировала факт, что у детей дошкольного возраста развитие коммуникативно-речевого взаимодействия происходит в процессе общения со взрослыми и сверстниками. Так как при взаимодействии со взрослым ребенок учится правильно говорить, слушать и понимать собеседника, усваивать новые знания, а в процессе общения со сверстниками – выражать себя, управлять другими людьми, вступать в разнообразные отношения. Коммуникативно-речевое взаимодействие ребенка со взрослыми и сверстниками является неотъемлемым компонентом всех видов детской деятельности. Поэтому С. Е. Привалова делает вывод, что коммуникативно-речевое взаимодействие детей со взрослыми и сверстниками оказывает непосредственное влияние на развитие речи дошкольников [17].

В 70-е гг. было рассмотрено понятие «активности» в коммуникативно-речевом взаимодействии как важнейшее условие формирования коммуникативно-речевых умений. А. И. Крупновым и А. П. Прядеиным [9, с. 5–13] определено, что речевая активность проявляется в интенсивном стремлении человека к овладению речью и способами речевой деятельности, а также в активизации волевых усилий для достижения поставленной цели, устойчивости и объеме взаимодействия, исходящего из внутренней инициативы человека. Каждая речевая активность детей начинается с мотивации и завершается результатом. К мотивации активности детей А. И. Крупнов относит потребности, мотивы, влечения, интересы, притязания, установки, самооценку. Автор предполагает учет содержательных аспектов (внутренних побуждений к общению), результативных аспектов (реальных достижений, полученных в ходе межличностных взаимоотношений), а также процессуальных, динамических аспектов, представляющих реальную картину взаимодействия человека с другими людьми [8].

Р. Р. Орлянская продолжая исследования А. И. Крупнова, А. П. Прядеина, изучала коммуникативно-речевую активность, которая обеспечивает готовность к коммуникативно-речевой деятельности, направленную на совершение речевых реакций для вступления в контакт с окружающими людьми [15].

В исследованиях Н. И. Формановской выделяются три стадии, указывающие на активность собеседника в речевой деятельности. Первая стадия – заинтересованность слушателя, которая постепенно перетекает в следующую – понимание и интерпретирование речи собеседника, последняя стадия – изменение коммуникативной роли со слушателя на говорящего. Так происходит процесс речевой коммуникации от восприятия речи до воспроизведения собственной мысли [20].

Следует отметить, что изучением коммуникативно-речевых умений у детей дошкольного возраста занимались Н. С. Александрова [1], А. Г. Арушанова [2], Г. С. Демидчик [6], О. А. Горлова [5], О. А. Петушкова [1]. А. Г. Арушанова рассматривает коммуникативно-речевые умения как умение налаживать взаимодействие с партнером, использовать речь в разнообразных коммуникативных ситуациях, расширяющихся сферах общения, что предполагает включение ребенка в общение или диалог со взрослыми и сверстниками [2]. Согласно Г. С. Демидчик, эти умения раскрываются как способность ученика правильно использовать словесные средства для эффективного взаимодействия между участниками общения [6]. В исследованиях О. А. Горловой по изучению коммуникативно-речевых умений детей раннего возраста определено, что данные умения – это способность взаимодействовать со взрослыми (сверстниками), используя при этом способы и средства выражения мысли и отношений [5]. Н. С. Александрова и О. А. Петушкова, развивая эти идеи, придерживаются определения, что коммуникативно-речевые умения – это владение способами ориентации в различных ситуациях общения, основанные на подборе содержания общения, планирования и передачи речи при взаимодействии со сверстниками и взрослыми [1].

Теоретический анализ научного исследования коммуникативно-речевых умений позволил нам констатировать актуальность изучаемого феномена и сформулировать цель эксперимента: выявить уровень коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет.

Гипотеза исследования основана на предположении о том, что у старших дошкольников в современной социокультурной ситуации недостаточно сформированы коммуникативно-речевые умения, что проявляется в отсутствии инициативности во взаимодействии со сверстниками и взрослыми, в нарушении грамотности речевого высказывания при общении, отсутствии контроля за речевым высказыванием при взаимодействии со сверстниками и взрослыми.

В соответствии с этим были сформулированы задачи констатирующего эксперимента:

- 1) подобрать диагностические методики для изучения уровня коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет;
- 2) выявить уровень сформированности коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет;
- 3) определить основные направления развивающей работы по формированию коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет.

Методы. В исследовании мы использовали такие теоретические методы, как анализ, обобщение и систематизация подходов к определению коммуникативно-речевых умений старших дошкольников.

В качестве эмпирических методов применялось невключенное наблюдение, диагностические ситуации, беседа, методы обработки эмпирических данных, количественная и качественная обработка результатов исследования.

Методики исследования. В подобранных нами диагностических методиках было выделено четыре критерия исследования коммуникативно-речевых умений: мотивационный по отношению к сверстникам и взрослым, когнитивный, операциональный, рефлексивный.

Диагностика мотивационного критерия коммуникативно-речевых умений со сверстниками была проведена по методу невключенного наблюдения за процессом игровой деятельности. Данный компонент оценивался по адаптированной методике И. А. Орловой и В. М. Холмогоровой «Оценка характера отношения ребенка на межличностное взаимодействие» [18]. Показателями общения детей со сверстниками служат такие параметры, как инициативность – стремление ребенка привлечь к себе внимание сверстника, побудить к совместной деятельности речевыми действиями; чувствительность – проявление ответных реакций на предложения сверстника к взаимодействию и согласованность действий ребенка с действиями сверстника в совместной игровой деятельности.

При оценке мотивационного критерия коммуникативно-речевых умений со взрослыми использовалась адаптированная методика М. И. Лисиной «Методика для выявления уровня развития коммуникативной деятельности со взрослым», основанная на методе ситуативного

тестирования [14]. При проведении данной методики разыгрываются три ситуации: поиграть с игрушками, почитать книжку, поговорить. Данные ситуации раскрывают преобладающую форму общения между ребенком и взрослым: ситуативно-деловую, внеситуативно-познавательную, внеситуативно-личностную. Показателями общения детей со взрослыми служат такие параметры, как инициативность – стремление ребенка привлечь внимание взрослого к своим речевым действиям, вовлечение в совместные действия; чувствительность – стремление ребенка к взаимодействию со взрослым, желание ребенка действовать совместно, способность реагировать на воздействия взрослого и отвечать на них.

С целью оценки когнитивного критерия коммуникативно-речевых умений использовался метод диагностических ситуаций. За основу была взята диагностика исходного уровня диалогической речи у дошкольников, разработанная А. В. Чулковой [21]. Показателями когнитивного критерия являются: умение ребенка использовать правила речевого этикета (приветствие, знакомство, просьба, извинение, конфликт в игре, обращение к взрослому; самостоятельность ребенка в запрашивании информации).

При оценке состояния операционального критерия коммуникативно-речевых умений дошкольников применялась диагностика способностей детей к партнерскому диалогу А. М. Щетиной [22] с помощью метода наблюдения. Диагностировалась способность слушать информацию собеседника; умение договариваться с партнером и способность к эмоциональной перестройке при изменении состояния и переживаний партнера по взаимодействию.

Оценка рефлексивного критерия коммуникативно-речевых умений дошкольников происходила с помощью методики «Картинки» А. Жилия в адаптации Е. С. Смирновой и В. М. Холмогоровой [18]. В основу оценки рефлексивного критерия коммуникативно-речевых умений было положено умение применения социального интеллекта в коммуникативно-речевых ситуациях из повседневной жизни детей в образовательной организации.

Выборка на констатирующем этапе эксперимента исследования: 155 детей, воспитывающихся в детских садах, в возрасте 5, 6 и 7 лет. Экспериментальная база исследования: центр развития ребенка «Кэплёнок», МКДОУ № 33, МКДОУ № 189, МКДОУ № 202, МКДОУ № 211 г. Кирова.

Результаты. Подобранные методики диагностики позволили нам выделить высокий, средний и низкий уровни коммуникативно-речевых умений старших дошкольников. В данных уровнях раскрываются мотивационный, содержательный, деятельностный и оценочный компоненты коммуникативно-речевых умений. Данные компоненты включают в себя критерии коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста: мотивационный компонент – мотивационный критерий, содержательный – когнитивный, деятельностный – операциональный и оценочный компонент включает рефлексивный критерий коммуникативно-речевых умений.

Высокий уровень коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста характеризуется тем, что ребенок активно привлекает окружающих детей к своим действиям и предлагает различные варианты взаимодействия, он с удовольствием откликается на инициативу сверстников, активно подхватывает их идеи и действия; умеет привлекать внимание взрослого для вовлечения в совместную деятельность, стремится к взаимодействию со взрослым и реагирует на его речевые действия; знает и владеет речевым этикетом и всегда его без напоминания использует («приветствие», «знакомство», «просьба», «благодарность», «прощание», «отказ»), умеет правильно формулировать вопросы и самостоятельно строит связное речевое высказывание, имеет достаточный словарный запас для поддержания беседы; умеет внимательно и терпеливо слушать, понимать информацию собеседника, адекватно эмоционально реагирует на ситуации общения; самостоятельно решает проблемные ситуации из повседневной жизни.

Средний уровень коммуникативно-речевых умений определяется трудностями во взаимодействии со сверстниками и со взрослыми: ребенок часто проявляет инициативу, однако он не бывает настойчивым, ребенок не всегда отвечает на предложения включения в совместную деятельность от сверстников и взрослых; знает речевой этикет («приветствие», «знакомство», «просьба», «благодарность», «прощание», «отказ»), но при этом не всегда его использует, при беседе наблюдается частое отвлечение от поставленного вопроса, не наблюдается связность речевого высказывания, имеет достаточный словарный запас для поддержания беседы; умеет слушать, понимать информацию собеседника, иногда проявляет недо-

статочно терпения при слушании партнера, часто не может понять эмоции и чувства партнера; обращается за помощью к взрослому при возникновении проблемных ситуаций.

Низкий уровень коммуникативно-речевых умений характеризуется тем, что ребенок старается не контактировать со сверстниками, к взрослым обращается с жалобой или просьбой; использует речевой этикет при постоянном напоминании со стороны взрослого («приветствие», «просьба», «благодарность», «прощание»), при беседе наблюдается неумение формулировать вопросы и отвечать в соответствии с содержанием вопроса, недостаточный словарный запас и не наблюдается связность речевого высказывания; слушает, но не всегда понимает информацию от собеседника, проявляет недостаточно терпения при слушании партнера, не вполне адекватно понимает его экспрессию и затрудняется договориться с ним; не способен самостоятельно решать проблемные ситуации, при их возникновении проявляет агрессию либо замкнутость и отстраненность.

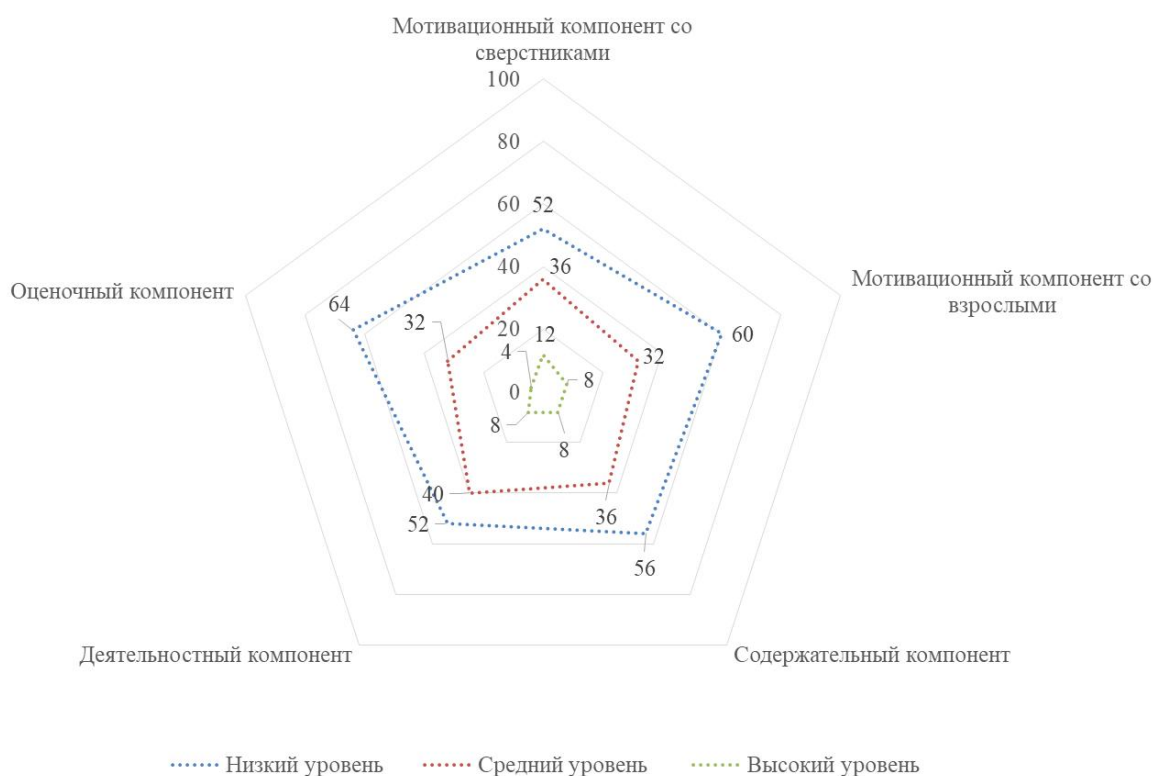

Рис. 1. Результаты изучения уровня коммуникативно-речевых умений детей 5-7 лет

Анализируя полученные данные, которые представлены на рис. 1, по каждому компоненту коммуникативно-речевых умений старших дошкольников можно сделать следующие заключения.

У детей 5-7 лет недостаточно сформирован мотивационный компонент коммуникативно-речевых умений: низкий уровень при общении со сверстниками у 52 % детей, а при общении со взрослыми 60 %; средний уровень при общении со сверстниками у 36 % детей, при общении со взрослыми 32 %; высокий уровень при общении со сверстниками у 12 % детей, при общении со взрослыми 8 %. У большинства респондентов были выявлены нарушения мотивационного компонента при общении со сверстниками. В процессе игровой деятельности дети редко контактировали со сверстниками, при конфликтных ситуациях обращались с жалобой к педагогу, не проявляли инициативу в коммуникации в игре со сверстниками. В некоторых случаях дети начинают проявлять инициативу общения только после того, как сверстник по отношению к ним проявил инициативу первым. Дети с низким уровнем мотивационного компонента откликаются на инициативу сверстника, стремятся к совместной деятельности, действуют неуверенно. По полученным данным мотивационный компонент коммуникативно-речевых умений дошкольников со взрослыми на 8 % ниже, чем при взаимодействии со сверстниками. Большинство детей выбирает ситуативно-деловую форму общения со взрослым, что характеризуется слабой выраженностью внеситуативно-познавательной формы общения, которая в норматив-

ном плане должна преобладать. Дети почти не проявляют внимания ко взрослому, но откликаются на предложение взрослого, в процессе общения отвлекаются и быстро переключаются на посторонние предметы и звуки. Данный показатель при взаимодействии со сверстниками выше, чем при общении со взрослыми, так как для детей 5–7 лет сверстник становится более предпочитаемым и привлекательным партнером по общению, чем взрослый.

Анализ оценки содержательного компонента коммуникативно-речевых умений приводит к выводу, что большая часть детей, участвующих в эксперименте, – 56 %, имеет низкий уровень сформированности данного компонента, средний уровень диагностирован у 36 % детей, высокий уровень – 8 % старших дошкольников. Это свидетельствует о низком уровне использования правил речевого этикета. Дети самостоятельно используют правила приветствия и просьбы, а при помощи взрослого могут познакомиться, извиниться, а разрешить конфликт в игре и обратиться к незнакомому взрослому не могут из-за недостаточного словарного запаса и нарушения связности речевого высказывания. У старших дошкольников со средним уровнем данного компонента наблюдается знание речевого этикета: приветствия, знакомства, просьбы, благодарности, но при этом не всегда его используют при взаимодействии, требуется помощь взрослого, при беседе наблюдается частое отвлечение от поставленного вопроса, не наблюдается связность речевого высказывания, имеют достаточный словарный запас для поддержания беседы.

Исследование состояния деятельностного компонента коммуникативно-речевых умений показало преобладание низкого уровня – 52 % респондентов: они слушают, но не всегда отвечают на информацию от собеседника, не проявляют терпение при слушании партнера, затрудняются договориться с партнером по общению, не проявляют эмоциональную чувствительность при изменении состояния партнера по взаимодействию. Средний уровень диагностирован у 40 % детей старшего дошкольного возраста, выявлено умение слушать и понимать информацию собеседника, иногда проявляют недостаточно терпения при слушании партнера, часто не понимают смену эмоций и чувств партнера по совместной деятельности.

Оценка оценочного компонента коммуникативно-речевых умений выявила низкий уровень у 64 % детей. Они не понимают конфликтные ситуации, не способны самостоятельно их разрешать, некоторые дети проявляют агрессию к сверстникам, либо замкнутость и отстраненность. Дети со средним уровнем оценочного компонента коммуникативно-речевых умений (32 %) обращаются за помощью к взрослому при возникновении конфликтных ситуаций. Самостоятельное решение проблемных ситуаций из повседневной жизни наблюдалось у детей с высоким уровнем оценочного компонента у 4 % старших дошкольников.

Обсуждение. Полученные в ходе констатирующего эксперимента данные по изучению уровня формирования коммуникативно-речевых умений детей 5–7 лет показали, что у 88 респондентов старших дошкольников (57 %) диагностирован низкий уровень коммуникативно-речевых умений. Дети не инициативны во взаимодействии со сверстниками и взрослыми, не умеют слушать и проявлять терпение при восприятии речи собеседника, используют правила речевого этикета при напоминании взрослому, затрудняются в разрешении конфликтных ситуаций с партнером по общению, имеют недостаточный словарный запас и нарушение связного речевого высказывания, проявляют агрессию к сверстникам, замкнутость и отстраненность в совместной деятельности со сверстниками и взрослыми. Старшие дошкольники, у которых выявлен средний уровень коммуникативно-речевых умений, – 54 ребенка (35 %) показали средний уровень мотивационного, содержательного компонентов взаимодействия со сверстниками и со взрослыми и средний уровень деятельностного и оценочного компонентов коммуникативно-речевых умений. Высокий уровень сформированности коммуникативно-речевых умений был обнаружен только у 13 детей (8 %), которые показали высокий уровень сформированности всех исследуемых компонентов. Данные исследования подтверждают, что у детей 5–7 лет недостаточно сформированы коммуникативно-речевые умения, что проявляется в отсутствии инициативности во взаимодействии со сверстниками и взрослыми, в нарушении грамотности речевого высказывания при общении, отсутствии контроля за речевым высказыванием при взаимодействии.

Следовательно, выдвинутая ранее гипотеза подтвердилась: у детей старшего дошкольного возраста недостаточно сформированы коммуникативно-речевые умения. Результаты проведенного исследования определяют дальнейшее изучение формирования коммуникативно-речевых умений старших дошкольников, а также перспективы работы в обосновании и реализации педагогических направлений работы по формированию коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста.

Планирование развивающей работы по формированию коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста необходимо организовать в направлениях консультативно-просветительской и воспитательно-образовательной деятельности. В консультативно-просветительском направлении следует реализовать работу с родителями детей и их законными представителями, а также с педагогическим составом образовательной организации. Данное направление может быть реализовано в индивидуальной и групповой формах работы. Например, просветительские родительские собрания с элементами тренинга по темам: «Важность формирования коммуникативно-речевых умений для детей старшего дошкольного возраста», «Формирование коммуникативно-речевых умений дошкольников: через коммуникативные ситуации»; семинары-практикумы для педагогического персонала по темам: «Формирования коммуникативно-речевых умений в условиях реализации ФГОС ДО», «Включение речевых ситуаций в образовательный процесс», собрание с элементом мозгового штурма: «В каких ситуациях нужно включаться в сюжетно-ролевую игру детей?»

Планирование работы по воспитательно-образовательному направлению учитывает возрастные особенности детей старшего дошкольного возраста. В рамках групповой формы работы планируется выполнение тематических коммуникативно-речевых упражнений, которые побуждают детей к развернутым речевым высказываниям. Мы предполагаем, что по данному направлению следует реализовать авторскую программу «Словечки-человечки», в которой раскрыты следующие задачи: стимулирование старших дошкольников для активного взаимодействия со сверстниками и взрослыми; формирование развернутого речевого высказывания при взаимодействии со сверстниками и взрослыми; формирование игровых умений и навыков, включение в совместную деятельность со сверстниками и взрослыми; развитие способности самостоятельно отбирать алгоритм коммуникативно-речевого взаимодействия со сверстниками и взрослыми в соответствии с правилами и социальными нормами. Таким образом, мы считаем, что грамотно спланированные консультативно-просветительское и воспитательно-образовательное направления работы педагога будут результативны при формировании коммуникативно-речевых умений детей старшего дошкольного возраста.

Заключение. Таким образом, коммуникативно-речевые умения в нашем исследовании рассматриваются как владение способами ориентации в различных ситуациях общения, основанное на подборе содержания общения, планирования и передачи речи при взаимодействии со сверстниками и взрослыми. Структура коммуникативно-речевых умений старших дошкольников раскрывается в мотивационном, содержательном, деятельностном и оценочном компонентах.

Результаты диагностического исследования открывают перспективные направления по организации деятельности в целях эффективности формирования коммуникативно-речевых умений старших дошкольников. В ходе констатирующего исследования выявлена необходимость планирования и реализация педагогических направлений работы по формированию коммуникативно-речевых умений старших дошкольников, которая направлена на взаимодействие со сверстниками и взрослыми.

Мы предполагаем, что детям дошкольного возраста важно до начала школьного периода обучения обеспечить формирование коммуникативно-речевых умений детей для улучшения их дальнейшей социализации и успешного процесса адаптации к школе. Данные умения способствуют поддержанию дружеских отношений и налаживанию контактов со сверстниками и взрослыми, умению выражать просьбу и задавать уточняющие вопросы, разрешать самостоятельно конфликтные ситуации и использовать правила речевого этикета при взаимодействии со сверстниками и взрослыми.

Список литературы

1. Александрова Н. С. Ретроспективный анализ понятия коммуникативно-речевой активности дошкольников в психолого-педагогических исследованиях / Н. С. Александрова, О. А. Петушкова // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 69–1. С. 25–28.
2. Арушанова А. Г. Развитие у детей коммуникативных способностей // Дошкольное воспитание. 2005. № 10. С. 26.
3. Выготский Л. С. Вопросы детской (возрастной) психологии : в 6 т. Т. 4. М. : ЮРАЙТ, 2016. 200 с.
4. Выготский Л. С. Мышление и речь : сборник. М. : АСТ : Хранитель, 2008. 668 с.
5. Горлова О. А. Формирование коммуникативно-речевых умений у детей раннего возраста : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2012. 225 с.

6. Демидчик Г. С. Развитие коммуникативно-речевых умений младших школьников средствами служебных частей речи : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. К., 2001. С. 8.
7. Зимняя И. А. Лингвopsихология речевой деятельности. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : МОДЭК, 2001. 432 с.
8. Крупнов А. И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 25–33.
9. Крупнов А. И. К вопросу о понятии «активность» / А. И. Крупнов, А. П. Прядеин // Личность и деятельность : тезисы докладов к V всесоюзному съезду психологов. М., 1977. 78 с.
10. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М. : Просвещение, 2007. 214 с.
11. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики / под ред. и с предисловием И. Л. Шербина. М. : Мысль, 1965. 579 с.
12. Лисина М. И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками. Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 18–35.
13. Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. М. : Московский психолого-социальный институт; Воронеж : МОДЭК, 2001. 384 с.
14. Общение и речь: Развитие речи у детей в общении со взрослыми / под ред. М. И. Лисиной. М. : Педагогика, 1985. 208 с.
15. Орлянская Р. Р. Речевая активность как социально-педагогическая проблема // Проблемы дошкольного детства в исследованиях молодых ученых : сб. научных статей по материалам международного форума молодых ученых. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. С. 156–163.
16. Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.
17. Привалова С. Е. Формирование коммуникативной компетентности в период дошкольного детства // Педагогическое образование в России. 2015. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-period-doshkolnogo-detstva> (дата обращения: 21.03.2022).
18. Смирнова Е. С. Межличностные отношения дошкольников: Диагностика, проблемы, коррекция / Е. С. Смирнова, В. М. Холмогорова. М. : ВЛАДОС, 2008. 210 с.
19. Федеральный Государственный образовательный стандарт дошкольного образования: утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013г., №1155 / Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2013. 30 с.
20. Формановская Н. И. Теория общения и речевой этикет // Русский язык за рубежом. 2010. № 1 (218). С. 49–55.
21. Чулкова А. В. Формирование диалога у дошкольников : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2008. 220 с.
22. Щетинина А. М. Диагностика социального развития ребенка : учебно-методическое пособие. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 88 с.

Communicative and speech skills of older preschoolers: diagnostics and planning of developmental work

N. S. Alexandrova¹, O. A. Petushkova²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, professor,
professor of the Department of Pedagogy and Methodology of Preschool and Primary Education,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-5364-9204. E-mail: profaleksandrova@yandex.ru
²lecturer of the Department of Defectology, postgraduate student of the Department of Pedagogy,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7983-6035. E-mail: Olgica_37@mail.ru

Abstract. The analysis of the educational practice of preschool educational organizations and the collective activity of teachers showed that when implementing the Federal State Educational Standard of Preschool Education, teachers need to implement tasks in the educational areas of "social and communicative development" and "speech development". At the age of 5–7 years, children have a need to establish relationships with peers and adults, modern preschool children often have isolation, unformed communication skills with other children, the growth of screen addiction, unformed communication abilities. These reasons complicate the process of formation of communicative and speech skills of older preschoolers and clarify the problem of research, which consists in determining the main directions of developing work on the formation of communicative and speech skills of older preschoolers.

For a detailed study of this problem, the analysis of scientific literature was carried out and the basic concepts of the study were revealed: "communicative activity", "speech activity", "communicative and speech skills". The article presents the results of an ascertaining experiment on the study of communicative and speech skills in older preschoolers. The criteria of communicative and speech skills of older preschool children (motivational, cognitive, operational, reflexive) and the levels of these skills (low, medium, high) are characterized.

To solve this problem, methods of theoretical analysis of psychological and pedagogical research, non-included observation, conversations, and pedagogical diagnostic tools were used. As a result of quantitative and qualitative analysis, it was revealed that the majority of older preschoolers have a low (57 %) and medium (35 %) level of formation of communicative and speech skills, a high level was determined in only 8 % of older preschoolers.

The materials of the article are of practical value in the experimental verification of the criterion-diagnostic apparatus that determines the dynamics of the formation of the level of communicative and speech skills in older preschool children. Timely identification of the insufficient level of communicative and speech skills of children aged 5–7 makes it necessary to plan and carry out measures to establish relationships between children and peers, as well as between children and adults.

Keywords: communicative activity, speech activity, speech interaction, speech activity, senior preschool age, diagnostics, criteria of communicative and speech skills.

References

1. Aleksandrova N. S. *Retrospektivnyj analiz ponyatiya kommunikativno-rechevoj aktivnosti doshkol'nikov v psihologo-pedagogicheskikh issledovaniyah* [Retrospective analysis of the concept of communicative and speech activity of preschoolers in psychological and pedagogical research] / N. S. Alexandrova, O. A. Petushkova // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* – Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 69-1. Pp. 25–28.
2. Arushanova A. G. *Razvitie u detej kommunikativnyh sposobnostej* [Development of children's communicative abilities] // *Doshkol'noe vospitanie* – Preschool education. 2005. No. 10. P. 26.
3. Vygotskij L. S. *Voprosy detskoj (vozrastnoj) psihologii : v 6 t. T. 4* [Questions of child (age) psychology : in 6 vols. Vol. 4]. M. YURAYT. 2016. 200 p.
4. Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech' : sbornik* [Thinking and speech : collection]. M. AST : Hranitel' (Keeper). 2008. 668 p.
5. Gorlova O. A. *Formirovanie kommunikativno-rechevyh umenij u detej rannego vozrasta : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01* [Formation of communicative and speech skills in young children : dis. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.01]. M. 2012. 225 p.
6. Demidchik G. S. *Razvitie kommunikativno-rechevyh umenij mladshih shkol'nikov sredstvami sluzhebnyh chastej rechi : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.01* [Development of communicative and speech skills of younger schoolchildren by means of official parts of speech : dis. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.01]. K. 2001. P. 8.
7. Zimnyaya I. A. *Lingvopsihologiya rechevoj deyatel'nosti* [Linguopsychology of speech activity]. M. Moscow Psychological and Social Institute ; Voronezh. MODEK. 2001. 432 p.
8. Krupnov A. I. *Psihologicheskie problemy issledovaniya aktivnosti cheloveka* [Psychological problems of human activity research] // *Voprosy psihologii* – Questions of psychology. 1984. No. 3. Pp. 25–33.
9. Krupnov A. I. *K voprosu o ponyatii "aktivnost"* [On the question of the concept of "activity"] / A. I. Krupnov, A. P. Pryadein // *Lichnost' i deyatel'nost' : tezisy dokladov k V vsesoyuznomu s'ezdu psihologov* – Personality and activity : abstracts of reports to the V All-Union Congress of Psychologists. M. 1977. 78 p.
10. Leont'ev A. A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity]. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 2007. 214 p.
11. Leont'ev A. N. *Problemy razvitiya psihiki* [Problems of the development of the psyche] / ed. and preface by I. L. Sherbin. M. Mysl (Thought). 1965. 579 p.
12. Lisina M. I. *Razvitie poznavatel'noj aktivnosti detej v hode obshcheniya so vzroslymi i sverstnikami* [Development of cognitive activity of children during communication with adults and peers] // *Voprosy psihologii* – Questions of psychology. 1982. No. 4. Pp. 18–35.
13. Lisina M. I. *Obshchenie, lichnost' i psihika rebenka* [Communication, personality and psyche of a child]. M. Moscow Psychological and Social Institute ; Voronezh. MODEK. 2001. 384 p.
14. *Obshchenie i rech' : Razvitie rechi u detej v obshchenii so vzroslymi* – Communication and speech: The development of speech in children in communication with adults / ed. by M. I. Lisina. M. Pedagogika (Pedagogy). 1985. 208 p.
15. Orlyanskaya R. R. *Rechevaya aktivnost' kak social'no-pedagogicheskaya problema* [Speech activity as a socio-pedagogical problem] // *Problemy doshkol'nogo detstva v issledovaniyah molodyh uchenyh : sb. nauchnyh statej po materialam mezhdunarodnogo foruma molodyh uchenyh* – Problems of preschool childhood in the research of young scientists : collection of scientific articles based on the materials of the International forum of Young scientists. SPb. State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen. 2009. Pp. 156–163.
16. *Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti* – Fundamentals of the theory of speech activity. M. Nauka (Science). 1974. 368 p.
17. Privalova S. E. *Formirovanie kommunikativnoj kompetentnosti v period doshkol'nogo detstva* [Formation of communicative competence during preschool childhood] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2015. No. 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kommunikativnoy-kompetentnosti-v-period-doshkolnogo-detstva> (date accessed: 21.03.2022).

18. Smirnova E. S. *Mezhlichnostnye otnosheniya doshkol'nikov: Diagnostika, problemy, korrekciya* [Interpersonal relationships of preschoolers: Diagnostics, problems, correction] / E. S. Smirnova, V. M. Kholmogorova. M. VLADOS. 2008. 210 p.

19. Federal State educational standard of preschool education: approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated October 17, 2013, No. 1155 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow, 2013. 30 p. (in Russ.).

20. Formanovskaya N. I. *Teoriya obshcheniya i rechevoj etiket* [Theory of communication and speech etiquette] // *Russkij yazyk za rubezhom* – Russian language abroad. 2010. No. 1 (218). Pp. 49–55.

21. Chulkova A. V. *Formirovanie dialoga u doshkol'nikov : ucheb. posobie* [Formation of dialogue among preschoolers : studies manual]. Rostov-na-Donu. Phoenix. 2008. 220 p.

22. Shchetinina A. M. *Diagnostika social'nogo razvitiya rebenka : uchebno-metodicheskoe posobie* [Diagnostics of a child's social development : an educational and methodical manual]. Veliky Novgorod. NovSU n. a. Yaroslav the Wise. 2000. 88 p.

Методика обучения решению задач на построение в пространстве на основе расширенной схемы

Н. В. Леонтьева

кандидат педагогических наук, Глазовский государственный педагогический институт им.
В. Г. Короленко. Россия, г. Глазов. ORCID: 0000-0001-9716-907X. E-mail: leonteva-natalia-0812@yandex.ru

Аннотация. Изучение основ конструктивной геометрии на плоскости способствует формированию у школьников логического и пространственного мышления, создает условия для систематизации геометрических знаний. В систематический курс стереометрии данный круг вопросов практически не включается. Однако конструктивные представления позволяют углубить и расширить подготовку учащихся по математике. Создание элективного курса, направленного на обучение решению задач на построение в пространстве, дает возможность продолжить развитие пространственных и стереометрических представлений. Цель исследования заключается в изучении методики обучения решению задач на построение в пространстве на основе расширенной схемы. Для этого определим основные теоретические положения, дающие возможность выполнять пространственные построения. Введем в рассмотрение виртуальные инструменты, позволяющие строить три основных пространственных объекта: прямую, плоскость и сферу, а также базовые построения, обеспечивающие возможность находить их пересечение. При решении задач будем применять расширенную схему, включающую визуализацию, анализ, построение (описание и практическая реализация), доказательство, исследование и динамическое конструирование. Применение предложенной схемы рассмотрено на примере задачи на построение плоскости, перпендикулярной прямой и проходящей через точку, лежащую на этой прямой. Разделение логических и визуальных этапов определяет значимость образного представления искомого и исходных объектов, а также устанавливает соответствие между различными видами выполняемых в процессе решения задачи действий. Последовательное формирование на описанной основе конструктивных представлений позволяет систематизировать и обобщить изученный стереометрический материал, лучше понять взаимное расположение различных пространственных объектов как при стационарном, так и при динамическом моделировании.

Ключевые слова: стереометрия, задачи на построение в пространстве, методика обучения стереометрии, расширенная схема, пространственное мышление, конструктивная геометрия в пространстве.

Принятая Концепция развития математического образования в Российской Федерации определяет значимость математики для научно-технического прогресса [7]. К числу поставленных в ней задач относится обеспечение качественной подготовки обучающихся, интересующихся математикой и проявляющих к ней способности, что приводит к необходимости совершенствования методики обучения математике.

Наиболее сложным разделом школьного курса математики является стереометрия. Ее изучение в курсе средней школы направлено на формирование представлений о пространственных объектах. По мнению В. В. Шлыкова, именно стереометрия оказывает наибольшее влияние на формирование пространственного мышления школьников [19, с. 23]. Вместе с тем российские (В. А. Далингер [5], Н. Г. Подаева, М. В. Подаев, П. А. Агафонов [12; 13; 14], Ш. С. Зиядуллаева [6]) и зарубежные (Л. Руманова, Д. Валло, В. Дурис [22], П. Лебамовский [23; 24], Н. Заранис, Дж. Экзарчакос [25], С. Кристоу, М. Питаллис [21]) авторы отмечают сложность понимания и восприятия стереометрических объектов. Помимо этого, у обучающихся возникают затруднения с построением как заданных по условию, так и дополнительных пространственных объектов. Данный круг вопросов в явном виде практически не включается в курс стереометрии. Проведенный В. А. Далингером анализ показывает, что в основном задачи школьных учебников связаны с построением сечений, пересечений объектов и изображений пространственных тел [5, с. 10–16]. Подобные задания чаще всего являются вспомогательными, их результаты обычно применяют при решении более сложных задач. Основные подходы к их решению, в первую очередь, связаны с изображением пространственных фигур на проекционном чертеже. Однако конструктивные представления, связанные с необходимостью выполнять построения пространственных объектов, являются составной частью подготовки школьников, что приводит к необходимости изучения данного вопроса.

Цель исследования заключается в обосновании методики обучения решению задач на построение в пространстве на основе расширенной схемы.

Для достижения поставленной цели определим следующие задачи:

– обоснуем структуру расширенной схемы с подробной характеристикой каждого из этапов;

– приведем пример ее реализации на конкретной задаче.

В данной работе были использованы следующие методы исследования: обобщение теоретического опыта по теме исследования, метод аналогии.

Обучение решению задач на построение в пространстве будем рассматривать как отдельную тему, которая может изучаться дополнительно в рамках элективных курсов. Геометрической основой является материал о взаимном расположении прямых и плоскостей, о методах их изображения, а также о свойствах сферы. Он может быть изучен как на уроках стереометрии, так и в начале данного элективного курса. Примерное его содержание изложено, например, в главах 1, 2, в параграфе 3 главы 6 и в приложении «Изображение пространственных фигур» учебника Л. С. Атанасяна [9].

Обучение конструктивной геометрии на плоскости оказывает существенное влияние на математическую подготовку школьников. В. А. Далингер определяет значимость подобных заданий для повторения и систематизации геометрического материала, развития логического и пространственного мышления, формирования межпредметных связей [4, с. 40]. Аналогичной позиции придерживаются Н. Г. Подаева, М. В. Подаев, П. А. Агафонов. В своих работах [12; 14] авторы обращают внимание на то влияние, которое оказывает обучение решению конструктивных задач на развитие обучающихся, и отмечают, что при определенных условиях геометрические построения обеспечивают формирование способов мысленного воспроизведения геометрических объектов [14, с. 23]. В дальнейшем возможно использование формируемых конструктивных представлений при решении сложных планиметрических задач в процессе подготовки чертежей, выполнения дополнительных построений. Вполне возможен перенос указанных представлений и в стереометрию. В частности, в своей работе Л. Л. Тухолко акцентирует внимание на том, что необходимо постепенное формирование конструктивной деятельности, позволяющей более осознанно освоить курс геометрии [17, с. 39]. Изучение вопросов, связанных с решением задач на построение в пространстве, способствует развитию пространственного и логического мышления, конструктивных представлений, которые возможно применять при решении различных стереометрических задач.

Однако прямой перенос методики обучения решению задач на построение на плоскости не учитывает особенностей стереометрии. В связи с этим обратим внимание на совершенствование методических положений.

Решение задачи на построение предполагает применение различных инструментов. На плоскости обычно используют циркуль и линейку. Как отмечают Л. Н. Габеева и Л. Б. Лубсанова, не существует чертежных инструментов, позволяющих выполнять построение в пространстве [2, с. 102]. В свою очередь, А. Д. Семушин указывает, что в таком случае достаточно описать последовательность операций, выполнение которых при наличии возможностей привело бы к построению искомого элемента [16, с. 3]. Шаги построения могут сопровождаться воображаемой иллюстрацией, позволяющей представить промежуточные и итоговые результаты. Вопросами построения в пространстве достаточно активно занимались в первой половине XX в. В работах П. С. Александрова, А. И. Маркушевича [20], А. Н. Костовского [8], М. И. Орленко [10], А. Л. Пикус [11], Я. П. Понарина [15], Л. С. Горшковой и Е. В. Мариной [3] рассматриваются аксиоматические основы построений в пространстве. Обобщение положений, высказанных перечисленными выше авторами, а также теоретических представлений, изложенных в работах Н. Ф. Четверухина [18], Б. И. Аргунова и М. Б. Балка [1] на пространственный случай, позволяют выделить совокупность виртуальных инструментов для выполнения построений. За основу возьмем инструменты, предложенные П. С. Александровым и А. И. Маркушевичем [20, с. 201].

Линейка: через две различные точки можно провести прямую.

Плоскограф: через три различные точки, не лежащие на одной прямой, можно провести плоскость.

Сферограф: можно построить сферу с центром в данной точке и радиусом, равным заданному отрезку.

В начальном курсе стереометрии доказываемся ряд теорем, на основании которых можно расширить список случаев применимости выделенных инструментов [20] (таблица 1).

Таблица 1

Различные случаи применения основных инструментов

Инструмент	Построения	Обоснование
Линейка	Через две различные точки проведем прямую	Аксиома существования прямой
	Через две различные точки проведем отрезок	Определение отрезка
	Построим луч, исходящий из одной данной точки и проходящий через другую точку	Определение луча
Плоскограф	По трем различным точкам, не лежащим на одной прямой, построим плоскость	Аксиома существования плоскости
	Через две пересекающиеся прямые можно провести плоскость	Теорема о пересекающихся прямых
	Построим плоскость, проходящую через прямую и точку, не лежащую на этой прямой	Теорема о плоскости, проходящей через прямую и не лежащую на ней точку
	Построим плоскость, проходящую через две параллельные прямые	Определение параллельных прямых
Сферограф	Построим сферу с центром в данной точке и с радиусом, равным заданному отрезку	Определение сферы
	Построим сферу с центром в одной точке и проходящую через другую заданную точку	

С помощью описанных в таблице 1 инструментов можно строить различные пространственные объекты. Дополним их совокупность так называемыми базовыми построениями. К ним отнесем ряд утверждений, описанных Б. И. Аргуновым и М. Б. Балком, которые будем применять при решении задач на построение [1, с. 15–16]. Кроме того, в их число включим построение линии пересечения фигур, получаемых в результате применения основных инструментов. Условия, определяющие взаимное расположение построенных объектов, подробно описаны П. С. Александровым и А. И. Маркушевичем в [20]. Общая совокупность базовых построений представлена в таблице 2.

Таблица 2

Базовые построения в пространстве

Построение	Содержание построения	Результат построения
БП1	Можно построить точку, принадлежащую построенной фигуре	Произвольная точка фигуры
БП2	Можно построить точку, не принадлежащую построенной фигуре	Некоторая точка, лежащая вне фигуры
БП3	Можно построить любое конечное число точек, принадлежащих пересечению двух построенных фигур	Некоторое конечное число точек, принадлежащее пересечению фигур
БП4	Можно построить прямую пересечения двух плоскостей	Прямая
БП5	Можно построить линию пересечения двух сфер	Окружность (допустим случай вырождения окружности в точку)
БП6	Можно построить линию пересечения сферы и плоскости	

Описанные выше инструменты и базовые построения определяют минимальный набор действий, позволяющих выполнять построение пространственных объектов.

При обучении решению задач на построение на плоскости применяют стандартную схему, включающую анализ, построение, доказательство и исследование, подробное описание которой приведено, например, в работе В. А. Далингера [4, с. 25–28]. Адаптируем ее к пространственным построениям.

При решении задач существенное значение имеет описание множества исходных и искомого объектов. В своей работе Н. Г. Подаева, М. В. Подаев и П. А. Агафонов отмечают, что в процессе решения стереометрических задач необходимо создавать, преобразовывать и развивать наглядные или мысленные образы [13, с. 91]. Определение заданных условиями задачи основных пространственных фигур позволяет сформировать набор данных, с которыми обучающимся предстоит работать. Наглядное представление множества исходных и искомого объектов создает базу для дальнейшего решения задачи и дает возможность проверить правильность ее первичного понимания.

Ш. С. Зиядуллаева указывает, что при изучении стереометрии требуется: читать изображения фигур, мысленно представлять соответствующую конфигурацию, а также взаимодействовать одновременно с несколькими пространственными объектами [6, с. 30]. Соответственно требуется изучить взаимное расположение исходных объектов, что обосновывает появление различных вариантов решения задачи. С этой целью можно выполнить несколько различных иллюстративных чертежей как пространственных, так и плоскостных, позволяющих представить конфигурацию заданных и искомых фигур. Изображения могут быть выполнены любым способом, понятным учащимся. Кроме того, желательно обратить внимание школьников на те случаи, когда объекты лежат в одной плоскости, что дает возможность лучше соотнести плоскостные представления с пространственными.

Подготовленный на основе исходных данных чертеж с включенными в него искомыми элементами позволяет наглядно представить условия задачи, с помощью которого можем выполнять поиск ее решения. Этот этап назовем визуализацией.

Полученные результаты используем для проведения анализа, позволяющего составить план построения. Данный этап традиционно применяется при решении задач на построение, его основное содержание характеризуют Б. И. Аргунов, М. Б. Балк [1], В. А. Далингер [4], Н. Ф. Четверухин [18]. Поиск решения представляет собой творческий процесс, который не может быть описан однозначно. Его целью, как отмечал Н. Ф. Четверухин, является установление связей искомого элемента фигуры с данными по условию [18, с. 26]. Для того чтобы проведение анализа было более организованным, можно предложить следующий список вопросов.

1. Какими свойствами обладают исходные фигуры (описать список известных свойств)?
2. Какие фигуры могут быть добавлены к ним на основании указанных ранее свойств (построить эти фигуры)?
3. Какие фигуры могут быть построены с помощью ранее построенных фигур (описать результаты возможных операций над построенными фигурами)?
4. Если предположить, что задача решена и искомое построено, то можно изучить, результатом пересечения каких фигур может быть построенная фигура.
5. Если предположить, что искомое построено, то какими признаками оно обладает (описать список соответствующих признаков)?
6. Существует ли известная задача, решение которой можно использовать в процессе решения текущей?
7. Какие инструменты и базовые построения можно использовать для построения искомого объекта, а также применить по отношению к уже построенным объектам?

Указанный список вопросов не является полным и всеобъемлющим, однако он позволяет систематизировать и структурировать пространственные объекты, получаемые при поиске решения.

Каждое выполняемое при этом действие лучше рассматривать с точки зрения применимости инструментов и базовых построений, то есть конструктивно. Полученные при визуализации изображения объектов могут быть подвергнуты в ходе анализа изменениям и дополнениям. Особое внимание учащихся следует обратить на установление связи между известными теоремами школьного курса геометрии и описанными ранее инструментами, позволяющей обосновать возможность проведения построения.

По результатам анализа составляем план построения, основанный на последовательном применении инструментов и базовых построений и приводящий к искомому объекту. Как отмечают Б. И. Аргунов и М. Б. Балк [1], обоснование каждого шага ссылкой на соответствующее действие, определенное в таблицах 1 и 2, обеспечивает возможность его реализации. Кроме того, необходимо именовать каждый получаемый объект, что упрощает их восприятие.

Процесс построения в пространстве по своей сути является воображаемым, его физическая реализация невозможна. Обоснование корректности созданного плана позволяет говорить о том, что решение задачи найдено.

С. Кристоу, М. Питаллис и другие в своей работе [21] отмечают, что наглядность представляет собой важную часть подготовки школьников в процессе обучения стереометрии. Воплощение составленного плана построения дает возможность продемонстрировать взаимосвязи между стереометрическими объектами и изучить их взаимное расположение, что способствует лучшему пониманию решения задачи. Соответственно этап построения можно разделить на две части: описание шагов построения и их практическая реализация различ-

ными средствами. Для этого можно выполнить серию схематических чертежей, аналогичных тем, что создавались при визуализации и анализе. Подобные чертежи А. Д. Семушин называет иллюстративными и отмечает, что они закрепляют промежуточные этапы проводимых рассуждений и облегчают работу воображения [16, с. 155]. В результате формируется первичное представление о процессе построения. Современный уровень развития информационных технологий дает возможность описать основные инструменты и базовые построения в цифровом виде с помощью прикладных математических пакетов, что приводит к наглядной реализации созданного плана построения.

На этапе доказательства нужно обосновать тот факт, что объект, полученный в результате построения, действительно является искомым и удовлетворяет всем заданным условиям. Б. И. Аргунов и М. Б. Балк отмечают следующую особенность проведения доказательства в конструктивной геометрии: оно осуществляется в предположении, что каждый шаг построения может быть выполнен [1, с. 35]. Выделение признаков геометрических объектов, полученных при построении, и применение известных определений, аксиом, теорем, следствий из них дает возможность обосновать тот факт, что искомые объекты обладают всеми требуемыми свойствами. Как указывает В. А. Далингер, доказательство требуется в тех случаях, когда исходные условия задачи заменялись эквивалентными [4, с. 28]. Обоснование допустимости подобной замены значимо не только с математической, но и с методической точки зрения. Решение простейших задач на построение, когда доказательство фактически следует из составленного плана, может создать впечатление о формальности и ненужности данного этапа. Рассмотрение задач, требующих дополнительного обоснования построения, дает возможность не только изучить различные способы и стратегии доказательства, но и продемонстрировать различия между поиском решения и доказательством справедливости сделанных предположений.

При проведении визуализации, анализа, собственно построения и доказательства могут возникнуть ситуации, когда от положения или значений исходных объектов существенно меняется положение искомого. Их изучение осуществляется при проведении исследования, во время которого чаще всего ищут ответы на следующие вопросы [1; 4].

1. При каких условиях определен результат выполнения очередного шага, имеются ли ограничения? Если таковые существуют, то их нужно описать.

2. Сколько различных вариантов расположения объектов возникает при выполнении очередного шага?

3. Какие варианты расположения начальных данных возможны?

Пункты 2 и 3 в большинстве случаев позволяют ответить на вопрос о числе решений задачи. В случае пространственных построений процесс исследования осложняется в силу большего числа вариантов расположения, а также более разнообразных условий поиска их пересечения.

При проведении исследования не всегда очевидны изменения искомых объектов в зависимости от условий, накладываемых на исходные фигуры. Дополним схему этапом динамического конструирования, направленным на демонстрацию преобразований объектов, получаемых в процессе построения. Для этого в простейших случаях возможно применение иллюстративных чертежей. Кроме того, применение различных математических пакетов позволяет реализовать построение пространственных объектов и наглядно представить изменения искомых объектов в зависимости от положения или размеров исходных. Динамическое конструирование дает возможность проиллюстрировать процесс исследования, увидеть структуру отношений между пространственными объектами.

Приведем пример использования описанной выше расширенной схемы.

Задача. Постройте плоскость, перпендикулярную к данной прямой и проходящую через данную точку.

Визуализация. Выделим исходные данные и введем для них обозначения. По условию задачи дана прямая a и точка A . Требуется построить плоскость α .

В первую очередь нужно определить взаимное расположение точки A и прямой a . В данной работе изучим случай, когда точка A лежит на прямой a . Предположим, что плоскость построена. Для наглядности представления положения прямой и плоскости проведем в ней через точку A прямую и отметим прямой угол (рисунок 1).

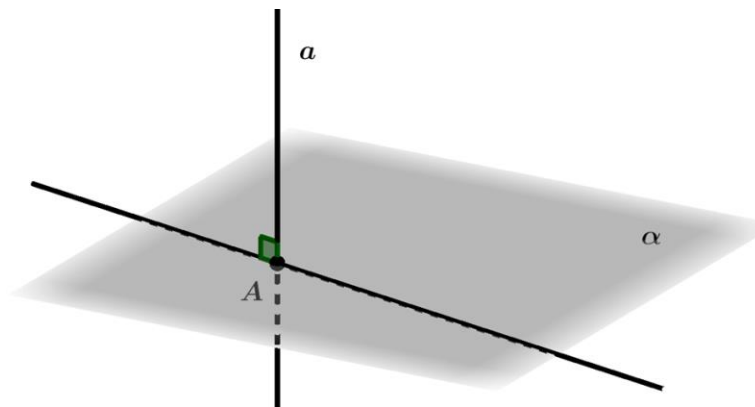

Рис. 1. Первичная модель задачи с уточнением расположения прямой и плоскости

Построение дополнительной прямой основано на определении перпендикулярности прямой и плоскости. При выполнении визуализации желательно обратить внимание обучающихся на необходимость обоснования взаимного расположения изображаемых объектов.

Анализ. По признаку перпендикулярности прямой и плоскости заключаем: если прямая перпендикулярна к двум пересекающимся прямым, лежащим в плоскости, то она перпендикулярна к этой плоскости [9, с. 36]. Теорема позволяет сделать вывод, что достаточно построить две прямые перпендикулярные к данной и проходящие через точку A . Предположим, что такие прямые b и c построены (рис. 2). Тогда прямые b и c задают плоскость.

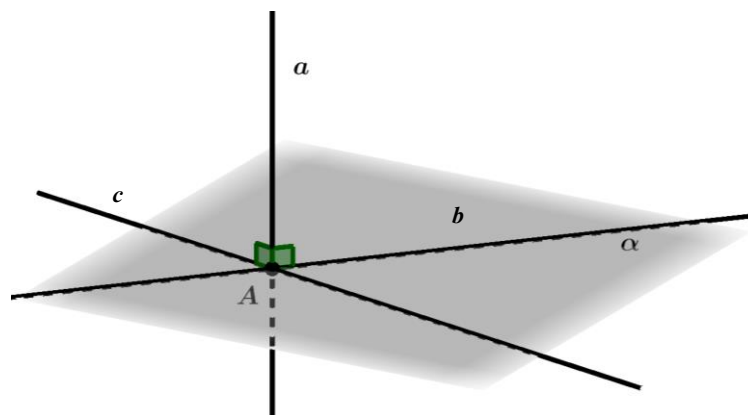

Рис. 2. Прямые, проходящие через точку A и перпендикулярные к прямой a

Определим, как построить в плоскости прямую, перпендикулярную к данной и проходящую через заданную точку, лежащую на этой прямой. Известно, как решается данная задача на плоскости циркулем и линейкой. Найдем равноудаленные точки P и Q от точки A на данной прямой. Построим две окружности с центрами в этих точках и радиусом PQ . Прямая, проходящая через точки пересечения этих окружностей, является искомой. Воспользуемся такой идеей для нашей задачи. Заменим построение окружностей построением сфер. В плоскости, проходящей через окружность, образованную пересечением двух сфер, построенных на отрезке как на радиусе, концы которого равноудалены от точки A , будут лежать прямые, перпендикулярные к данной прямой a .

В процессе проведения анализа каждый шаг необходимо обсуждать с учащимися с точки зрения возможности построения рассматриваемых объектов. Последовательное создание иллюстраций, выполняемых как при визуализации, так и в процессе анализа, позволяет наглядно представить поиск решения.

Построение. Шаги можно реализовать практически с помощью специализированного математического пакета GeoGebra.

1. Построим исходную прямую a и точку A , лежащую на этой прямой (Линейка, БП1) (рис. 3).

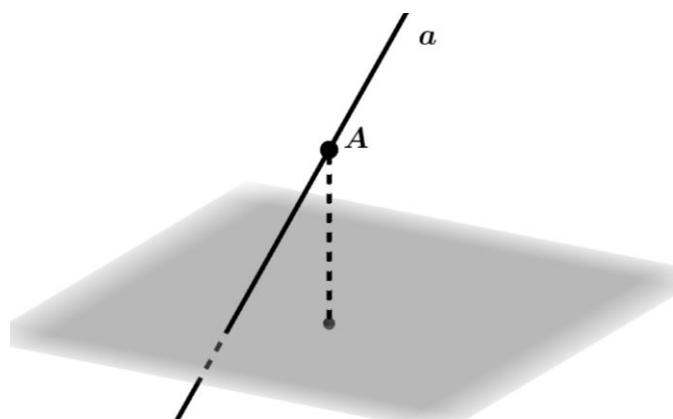

Рис. 3. Исходные данные

2. Построим сферу $\Omega(A, r)$, где r – произвольный радиус (Сферограф).
3. Найдем точки $\{P, Q\} = \Omega \cap a$ (БП3) (рис. 4).

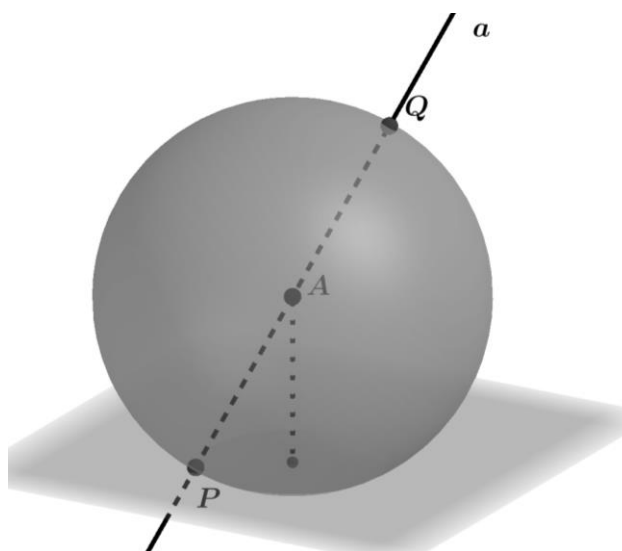

Рис. 4. Построение на прямой a равноудаленных от A точек

4. Построим сферы $\Omega_1(P, PQ)$ и $\Omega_2(Q, PQ)$ (Сферограф).
5. Построим окружность $\omega = \Omega_1 \cap \Omega_2$ (БП5) (рис. 5).

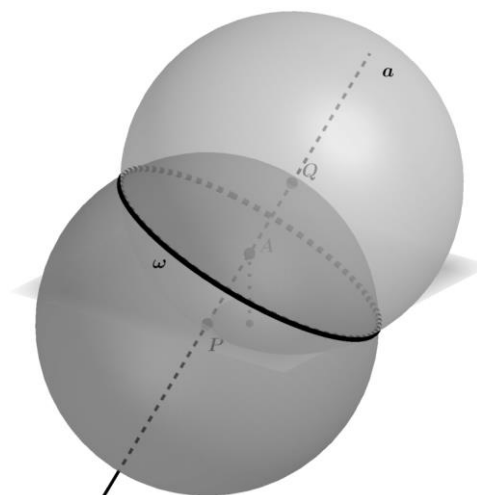

Рис. 5. Построение линии пересечения ω

6. Выберем три произвольные точки X, Y, Z , принадлежащие окружности ω (БП1).
7. Проведем плоскость α через данные точки (Плоскограф) (рис. 6).

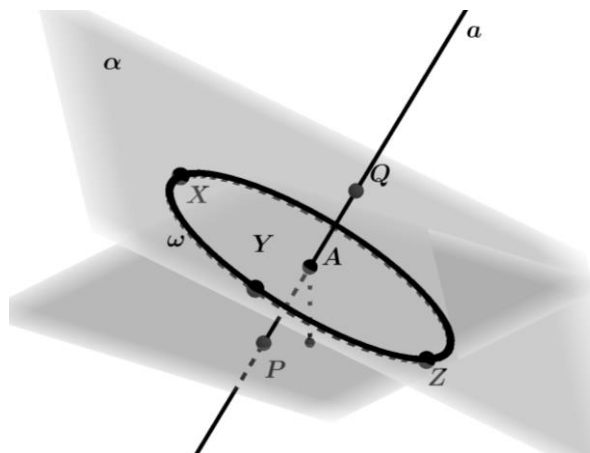

Рис. 6. Искомая плоскость

Плоскость α искомая.

Каждый шаг построения сопровождаем пояснением, какой инструмент или базовое построение было использовано, что обосновывает допустимость выполняемого действия.

Доказательство. Покажем, что построенная плоскость α действительно перпендикулярна данной прямой a и проходит через заданную точку A .

На построенной окружности ω выберем произвольные точки S и T . По построению треугольники PSQ и PTQ – равнобедренные и равные, их высоты проходят через середину основания – точку A . Тогда каждая точка окружности равноудалена от A . По определению она является центром окружности ω и принадлежит плоскости α . Прямые SA и ST перпендикулярны данной прямой и лежат в построенной плоскости. По признаку перпендикулярности прямой и плоскости прямая a перпендикулярна плоскости α .

Желательно акцентировать внимание учащихся на том факте, что доказательство не следует непосредственно из построения. Необходимо определить, какие выводы можно сделать из шагов построения, а какие на основе известных теорем школьного курса геометрии.

Исследование. Построение точек P и Q , а также окружности ω всегда возможно. С учетом теоремы о единственности перпендикуляра, содержащего данную точку, к плоскости задача всегда имеет единственное решение.

Основой для проведения исследования является оценка выполнимости отдельных шагов построения. В тех случаях, когда отдельный шаг не всегда может быть реализован, нужно описать условия, от которых зависит существование получаемых на нем объектов.

Динамическое конструирование. Поскольку задача всегда имеет единственное решение, то имеет смысл продемонстрировать учащимся данный факт. Смена положения прямой a и точки A приводит только к изменению положения искомой плоскости (рис. 7).

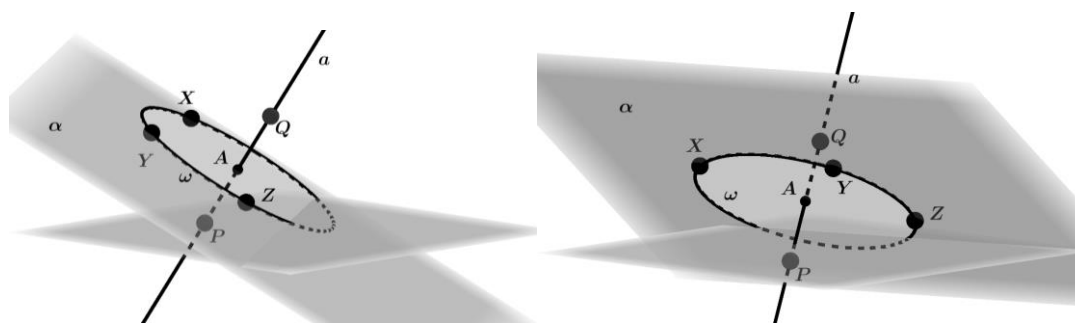

Рис. 7. Различные положения плоскости α

Итак, пространственные построения будем выполнять с помощью трех виртуальных инструментов, позволяющих получить прямую, плоскость и сферу. Дополним их базовыми построениями, направленными на отыскание результатов пересечения имеющих в про-

странстве объектов, а также дающими возможность осуществить выбор точек, определенных различными условиями. Последовательное применение указанных простейших действий фактически представляет собой решение любой задачи на построение.

Дополнение традиционной схемы обучения, описанной в работах В. А. Далингера [4], Б. И. Аргунова, М. Б. Балка [1], Н. Ф. Четверухина [18] и других авторов, позволяет не только наглядно описать исходные и искомые объекты, но и выполнять над ними различные преобразования. Расширенная схема включает в себя следующие этапы:

- 1) визуализация;
- 2) анализ;
- 3) построение (описание и практическая реализация);
- 4) доказательство;
- 5) исследование;
- 6) динамическое конструирование.

Визуализация направлена на подробное изучение множества исходных и искомых объектов, а также их взаимного расположения. Сложность восприятия пространственных фигур требует более подробного изучения условий задачи и по возможности их наглядного представления. Тем самым формируется первоначальная база для проведения анализа. Разделение построения на две составные части обусловлено невозможностью физического выполнения построения с помощью инструментов в реальном пространстве, как это происходит на плоскости циркулем и линейкой. Практическая реализация в таком случае представляет собой желательный, но не обязательный шаг в решении задачи. Динамическое конструирование позволяет охарактеризовать преобразования, которые могут произойти с искомыми объектами при изменении положения начальных фигур. Кроме того, можно проиллюстрировать условия, определяющие существование искомых объектов.

Особенности практической реализации каждого из описанных выше этапов показаны на конкретной задаче. Применение расширенной схемы дополняет традиционно используемые этапы, что способствует формированию конструктивных и стереометрических представлений обучающихся.

Список литературы

1. Аргунов Б. И., Балк М. Б. Геометрические построения на плоскости. М. : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 268 с.
2. Габеева Л. Н., Лубсанова Л. Б. Развитие умений геометрических построений у учащихся старших классов посредством компьютерного моделирования // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 6. С. 101–106. DOI: 10.24158/spp.2021.6.16.
3. Горшкова Л. С., Марина Е. В. Геометрические построения : учеб. пособие для студ. и преп. пед. вузов. Пенза : Изд-во ПГПУ имени В. Г. Белинского, 2008. 140 с.
4. Далингер В. А. Геометрия: планиметрические задачи на построение : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021. 155 с. URL: <https://urait.ru/bcode/473822> (дата обращения: 28.03.2022).
5. Далингер В. А. Геометрия: стереометрические задачи на построение : учеб. пособие для среднего профессионального образования. М. : Юрайт, 2021. 189 с. URL: <https://urait.ru/bcode/473295> (дата обращения: 28.03.2022).
6. Зиядуллаева Ш. С. Развитие пространственного воображения школьников в курсе геометрии с помощью интерактивных средств // International Independent Scientific Journal. 2020. № 15–3. С. 30–33.
7. Концепция развития математического образования в Российской Федерации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499067348?marker=6540IN> (дата обращения: 28.03.2022).
8. Костовский А. Н. Геометрические построения одним циркулем на плоскости и одним лишь сферографом в пространстве. М. : Наука, 1989. 108 с.
9. Математика: алгебра и начала математического анализа, геометрия. Геометрия. 10–11 классы : учеб. для общеобразоват. организаций: базовый и углубленный уровни / Л. С. Атанасян [и др.]. М. : Просвещение, 2018. 256 с.
10. Орленко М. И. Решение геометрических задач на построение : пособие для учителей средней школы. Минск : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения БССР, 1958. 440 с.
11. Пикус А. Л. Вопросы теории и методики геометрических построений в пространстве : дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.00. Ленинград, 1955. 344 с.
12. Подаева Н. Г., Агафонов П. А. Геометрические задачи на построение в электронной образовательной среде как средство развития понятийных психических структур обучающихся: социокультурный подход // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 12–2. С. 103–109.

13. *Поддаева Н. Г., Поддаев М. В., Агафонов П. А.* Развитие деятельности одаренных школьников по овладению геометрическими понятиями в образных структурах // Психология образования в поликультурном пространстве. 2021. № 2 (54). С. 89–96.
14. *Поддаева Н. Г., Поддаев М. В., Агафонов П. А.* Формирование понятий в процессе обучения геометрии школьников в электронной образовательной среде // Научно-методический электронный журнал "Концепт". 2019. № 6. С. 10–25. URL: <https://e-koncept.ru/2019/June.htm> (дата обращения: 28.03.2022).
15. *Понарин Я. П.* Элементарная геометрия : Т. 2: Стереометрия, преобразования пространства. М. : МЦНМО, 2006. 256 с.
16. *Семушин А. Д.* Методика обучения решению задач на построение в пространстве. М. : Изд-во академии педагогических наук РСФСР, 1959. 156 с.
17. *Тухолко Л. Л.* Условия развития конструктивной деятельности учащихся X–XI классов при обучении геометрии // Весці БДПУ. Серыя 3. 2013. № 2. С. 39–44.
18. *Четверухин Н. Ф.* Методы геометрических построений : учеб. пособие для пед. институтов. М. : Государственное учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1952. 148 с.
19. *Шлыков В. В.* Структурные и методические особенности курса стереометрии // Матэматыка: праблемы выкладання. 2008. № 4. С. 20–30.
20. Энциклопедия элементарной математики. Книга 4. Геометрия. М. : Гос. изд-во физико-математической литературы, 1953. 568 с.
21. Developing an Active Learning Environment for the Learning of Stereometry / Christou C., Pittalis M., Mousoulides N., Pitta D., Jones K., Sendova E., Boytchev P. Paper presented at the 8 th International Conference on Technology in Mathematics Teaching (ICTMT8), Hradec Králové, Czech Republic, July 1–4, 2007.
22. *Rumanova L., Vallo D., Duris V.* Didactical Phenomena of Unusual Geometry Tasks in Teaching of Stereometry // Procedia – Social and Behavioral Sciences. May 2015. Vol. 186. Pp. 354–358.
23. *Lebamovski P.* Model of a stereoscopic system for stereometry training in middle and upper course // Science Series Innovative STEM Education. 2020. Vol. 2. Pp. 70–78.
24. *Lebamovski P., Petkov E.* Usage of 3d technologies in stereometry training. Proceedings of CBU in Social Sciences. № 1. Pp. 139–145. DOI: 10.12955/pss.v1.61.
25. *Zaranis N., Exarchakos G. M.* How ICT Affects the Understanding of Stereometry Among University Students // International Journal of Web-Based Learning and Teaching Technologies (IJWLTT). № 13 (1). Pp. 37–49. DOI: 10.4018/IJWLTT.2018010103.

Teaching methods for solving problems for building in space based on an extended scheme

N. V. Leontieva

PhD in Pedagogical Sciences, Glazov State Pedagogical Institute n. a. V. G. Korolenko.
Russia, Glazov. ORCID: 0000-0001-9716-907X. E-mail: leonteva-natalia-0812@yandex.ru

Abstract. The study of the basics of constructive geometry on the plane contributes to the formation of logical and spatial thinking among schoolchildren, creates conditions for the systematization of geometric knowledge. This range of issues is practically not included in the systematic course of stereometry. Some constructive ideas make it possible to deepen and expand the training of students in mathematics. The creation of an elliptical course aimed at solving problems of construction in space makes it possible to continue the development of spatial and stereometric representations. The purpose of the study was to study the teaching methods for solving problems on building in space based on an extended scheme. To do this, we will define the main theoretical provisions that make it possible to perform spatial constructions. We will introduce into consideration virtual tools that allow you to build three main spatial objects: a straight line, a plane and a sphere, as well as basic constructions that make it possible to find their intersections. When solving the problem, an extended scheme is used, including visualization, analysis, construction (description and practical implementation), proof, research and dynamic design. The application of the proposed scheme is considered by the example of the problem of constructing a plane perpendicular to a straight line and passing through a point lying on this straight line. The separation of logical and visual stages determines the significance of the figurative representation of the initial and initial objects, and also establishes the relationship between the various types of actions performed in the process of solving the problem. The consistent formation of constructive representations on the basis described above makes it possible to systematize and generalize the studied stereometric material, to better understand the mutual arrangement of various spatial objects both in stationary and dynamic modeling.

Keywords: stereometry, tasks for building in space, stereometry teaching methodology, extended scheme, spatial thinking, constructive geometry in space.

References

1. Argunov B. I., Balk M. B. *Geometricheskie postroeniya na ploskosti* [Geometric constructions on a plane]. M. State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 1957. 268 p.
2. Gabeeva L. N., Lubsanova L. B. *Razvitie umenij geometricheskikh postroenij u uchashchihsya starshih klassov posredstvom komp'yuternogo modelirovaniya* [The development of geometric construction skills in high school students using computer modeling] // *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* – Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. No. 6. Pp. 101–106. DOI: 10.24158/sPp.2021.6.16.
3. Gorshkova L. S., Marina E. V. *Geometricheskie postroeniya : ucheb. posobie dlya stud. i prep. ped. vuzov* [Geometric constructions : textbook. a manual for students. and prep. ped. universities]. Penza. PSPU n. a. V. G. Belinsky. 2008. 140 P.
4. Dalinger V. A. *Geometriya: planimetricheskie zadachi na postroenie : ucheb. posobie dlya vuzov* [Geometry: planimetric problems for construction : textbook for universities]. M. Yurayt. 2021. 155 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/473822> (date accessed: 28.03.2022).
5. Dalinger V. A. *Geometriya: stereometricheskie zadachi na postroenie : ucheb. posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Geometry : stereometric tasks for construction: studies. manual for secondary vocational education]. M. Yurayt. 2021. 189 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/473295> (date accessed: 28.03.2022).
6. Ziyadullaeva Sh. S. *Razvitie prostranstvennogo voobrazheniya shkol'nikov v kurse geometrii s pomoshch'yu interaktivnyh sredstv* [Development of spatial imagination of schoolchildren in the course of geometry using interactive means] // *International Independent Scientific Journal* – International Independent Scientific Journal. 2020. No. 15-3. Pp. 30–33.
7. *Koncepciya razvitiya matematicheskogo obrazovaniya v Rossijskoj Federacii* – The concept of the development of mathematical education in the Russian Federation. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/499067348?marker=6540IN> (date accessed: 28.03.2022).
8. Kostovskij A. N. *Geometricheskie postroeniya odnim cirkulem na ploskosti i odnim lish' sferografom v prostranstve* [Geometric construction is represented by one compass on the plane and one extra spherograph in space]. M. Nauka (Science). 1989. 108 p.
9. *Matematika: algebra i nachala matematicheskogo analiza, geometriya. Geometriya. 10–11 klassy : ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizacij: bazovyy i uglublennyy urovni* – Mathematics: algebra and the beginning of mathematical analysis, geometry. Geometry. Grades 10–11: textbook for general educational organization: basic and advanced levels / L. S. Atanasyan [et al.]. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 2018. 256 p.
10. Orlenko M. I. *Reshenie geometricheskikh zadach na postroenie : posobie dlya uchitelej srednej shkoly* [Solving geometric problems for construction : manual for secondary school teachers]. Minsk. State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the BSSR. 1958. 440 p.
11. Pikus A. L. *Voprosy teorii i metodiki geometricheskikh postroenij v prostranstve : diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.00* [Questions of theory and methodology of geometric construction in space : diss. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.00]. L. 1955. 344 p.
12. Podaeva N. G., Agafonov P. A. *Geometricheskie zadachi na postroenie v elektronnoj obrazovatel'noj srede kak sredstvo razvitiya ponyatijnyh psicheskikh struktur obuchayushchihsya: sociokul'turnyj podhod* [Geometric tasks for building in an electronic educational environment as a means of developing conceptual mental structures of students: a socio-cultural approach] // *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki* – Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities. 2020. No. 12-2. Pp. 103–109.
13. Podaeva N. G., Podaev M. V., Agafonov P. A. *Razvitie deyatel'nosti odarenykh shkol'nikov po ovladeniyu geometricheskimi ponyatiyami v obraznykh strukturah* [Development of the activity of gifted schoolchildren in mastering geometric concepts in figurative structures] // *Psihologiya obrazovaniya v polikul'turnom prostranstve* – Psychology of education in multicultural space. 2021. No. 2 (54). Pp. 89–96.
14. Podaeva N. G., Podaev M. V., Agafonov P. A. *Formirovanie ponyatij v processe obucheniya geometrii shkol'nikov v elektronnoj obrazovatel'noj srede* [Formation of concepts in the process of teaching geometry to schoolchildren in an electronic educational environment] // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"* – Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2019. No. 6. Pp. 10–25. Available at: <https://e-koncept.ru/2019/June.htm> (date accessed: 28.03.2022).
15. Ponarin Ya. P. *Elementarnaya geometriya : T. 2: Stereometriya, preobrazovaniya prostranstva* [Elementary geometry : vol. 2: Stereometry, space transformation]. M. ICNMO. 2006. 256 p.
16. Semushin A. D. *Metodika obucheniya resheniyu zadach na postroenie v prostranstve* [Teaching methods for solving problems on construction in space]. M. Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 1959. 156 p.
17. Tuholko L. L. *Usloviya razvitiya konstruktivnoj deyatel'nosti uchashchihsya X–XI klassov pri obuchenii geometrii* [Conditions for the development of constructive activity of students of grades X–XI when teaching geometry] // *Vesci BDPU* – News of BSPU. Series 3. 2013. No. 2. Pp. 39–44.
18. Chetveruhin N. F. *Metody geometricheskikh postroenij : ucheb. posobie dlya ped. institutov* [Methods of geometric constructions : textbook for ped. institutions]. M. State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 1952. 148 p.

19. Shlykov V. V. *Strukturnye i metodicheskie osobennosti kursa stereometrii* [Structural and methodological features of the course of stereometry] // *Matematyka: problemy vykladannya* – Mathematics: problems of construction. 2008. No. 4. Pp. 20–30.
20. *Enciklopediya elementarnoj matematiki. Kniga 4. Geometriya* – Encyclopedia of Elementary Mathematics. Book 4. Geometry. M. State Publishing House of Physical and Mathematical literature. 1953. 568 p.
21. Developing an Active Learning Environment for the Learning of Stereometry / Christou C., Pittalis M., Mousoulides N., Pitta D., Jones K., Sendova E., Boytchev P. Paper presented at the 8 th International Conference on Technology in Mathematics Teaching (ICTMT8), Hradec Králové, Czech Republic, July 1–4, 2007.
22. Rumanova L., Vallo D., Duris V. Didactical Phenomena of Unusual Geometry Tasks in Teaching of Stereometry // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. May 2015. Vol. 186. Pp. 354–358.
23. Lebamovski P. Model of a stereoscopic system for stereometry training in middle and upper course // *Science Series Innovative STEM Education*. 2020. Vol. 2. Pp. 70–78.
24. Lebamovski P., Petkov E. Usage of 3d technologies in stereometry training. *Proceedings of CBU in Social Sciences*. No. 1. Pp. 139–145. DOI: 10.12955/pss.v1.61.
25. Zaranis N., Exarchakos G. M. How ICT Affects the Understanding of Stereometry Among University Students // *International Journal of Web-Based Learning and Teaching Technologies (IJWLTT)*. No. 13 (1). Pp. 37–49. DOI: 10.4018/IJWLTT.2018010103.

Освоение будущими учителями математики приемов формирования функциональной математической грамотности учащихся основной школы

Е. Н. Перовщикова¹, А. В. Бычков²

¹доктор педагогических наук, профессор кафедры физики, математики и физико-математического образования,

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-2711-9744. E-mail: perevoshikovaen@mail.ru.

²аспирант кафедры физики, математики и физико-математического образования, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина. Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-2491-614X. E-mail: vsdq@mail.ru.

Аннотация. Согласно Концепции подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 г. актуальной задачей становится разработка единого подхода к осуществлению предметной и методической подготовки будущих учителей математики, направленной на формирование функциональной математической грамотности учащихся. Вместе с тем анализ публикаций и практики подготовки студентов к профессиональной деятельности показал, что процессуальные вопросы, связанные с методикой формирования функциональной грамотности, остаются недостаточно изученными. Поиск решения выделенной проблемы определяет *цель* нашего исследования, которая состоит в описании процессуального компонента методической подготовки будущего учителя математики к формированию функциональной математической грамотности учащихся. В ходе исследования использовались *теоретические и эмпирические методы* исследования: анализ, синтез, обобщение, сравнение и сопоставление. В основу исследования были положены системный, деятельностный и компетентностный подходы. В *результате* исследования установлено, что процесс методической подготовки студентов-математиков к профессиональной деятельности должен быть сонаправлен с процессом формирования функциональной математической грамотности школьников и построен с учетом мотивационного и ценностного этапов, этапа формирования знаний о совокупности действий, используемых в процессе формализации реальной ситуации и интерпретации полученных результатов, этапа формирования умений оперировать названными действиями в процессе обучения математике, этапа применения методических знаний. Вывод, сформулированный в статье, состоит в том, что для достижения поставленной цели необходимо организовать деятельность будущих учителей математики по освоению различных приемов формирования действий, лежащих в основе математического моделирования, по выделению типов заданий и способов деятельности, необходимых для формирования функциональной математической грамотности. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании рабочих программ по дисциплинам математического и методического циклов, включая практическую подготовку студентов в период практики.

Ключевые слова: процессуальный компонент, методическая подготовка, будущий учитель математики, функциональная математическая грамотность.

Введение. Перед современным учителем математики поставлена важнейшая задача по формированию у учащихся основной школы функциональной математической грамотности. Вслед за международным исследованием PISA под функциональной математической грамотностью в нашем исследовании мы понимаем «способность индивидуума проводить математические рассуждения, формулировать ситуацию на математическом языке, применять математические знания, интерпретировать полученные результаты для решения проблем в разнообразных контекстах реального мира» [20, р. 7]. Из определения данного понятия становится ясно, что учителю математики важно помочь учащимся овладеть методом математического моделирования для разрешения проблем близких к тем, что возникают в окружающей действительности.

В педагогической науке достаточно широко представлены исследования, посвященные различным методическим аспектам формирования функциональной математической грамотности и обучения методу математического моделирования в школе. Приведем некоторые из них.

В работах А. В. Бобровской [3], В. С. Былкова [4], М. В. Егуповой [11; 12], Т. В. Малковой, В. М. Монахова [13], В. А. Стукалова [18], И. М. Шапиро [19] предложены различные наборы действий, которые используются при построении математической модели практико-ориен-

тированной ситуации и интерпретации полученных результатов. В статье Н. В. Дударевой, Е. А. Утюмовой [8] описана структурно-логическая модель формирования математической грамотности учащихся на пропедевтическом, базовом, пороговом и продвинутом этапах. Е. Е. Алексеева [2] говорит о необходимости в разработке специальных контекстных заданий и даже приводит описание их уровней сложности в зависимости от содержания и действий при их выполнении. В. С. Абатурова [1] предлагает решение проблемы формирования и развития у школьников умения применять метод математического моделирования с помощью задач линейного программирования. В работах Л. О. Денищевой и других [5; 14] приведены характеристики задач, развивающих функциональную математическую грамотность, а также методические рекомендации по включению таких задач в повседневные уроки математики.

Особо отметим работы, посвященные подготовке будущего учителя к деятельности, направленной на формирование функциональной математической грамотности учащихся. Исследователи Н. М. Евтыхова, О. С. Кипяткова и И. В. Налимова [10; 16] говорят о том, что подготовка будущих учителей начальных классов к формированию функциональной математической грамотности учащихся может быть достигнута через сформированные компоненты математической и методической компетентности учителя (знание курса математики начальной школы; грамотная математическая речь; умение выделять теоретическую базу в различных учебниках математики для младших школьников; умение решать нестандартные математические задачи; знание методик и умение их применять, знание технологии обучения; умение интегрировать математические знания в другие области; умение составлять математические задачи и умение организовать урок математики). С. И. Десненко и Е. Я. Зверева [7] предлагают осуществлять подготовку будущего учителя математики к формированию функциональной математической грамотности у школьников с помощью контекстного обучения и контекстных математических задач (предметных, межпредметных, практических, профессиональных), используемых на разных дисциплинах (математический анализ, алгебра, геометрия, методика обучения математике и так далее).

Однако, как показал анализ этих и других работ по исследуемой проблеме, в настоящее время остаются недостаточно раскрытыми методические вопросы формирования у учащихся основной школы действий, направленных на построение математической модели ситуации, представленной на естественном языке, и интерпретации полученных математических результатов, что также находит свое отражение в действующей подготовке будущего учителя математики. Обозначенная проблема актуализирует тему исследования и служит основанием для постановки его цели, которая состоит в том, чтобы раскрыть процессуальный компонент методической подготовки будущего учителя математики к формированию функциональной математической грамотности учащихся в основной школе.

Методы. В ходе выполнения работы применялись теоретические и эмпирические методы исследования: анализ, синтез, обобщение, сравнение, сопоставление. Основопологающим понятием в ходе исследования является процессуальный компонент системы методической подготовки студентов к профессиональной деятельности, включающий приемы и способы организации их деятельности в процессе изучения дисциплин методического цикла и в организации деятельности учащихся основной школы при изучении математики.

Методологическими ориентирами исследования выступают системный, деятельностный и компетентностный подходы к методической подготовке современного учителя математики. Системный подход служит основанием для определения целостной системы методической подготовки, в структуре которой мы выделяем целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты.

Результаты. В качестве ведущей идеи исследования выступает способ представления процессуального компонента, отражающего собственно процесс формирования функциональной грамотности будущего учителя математики, сонаправленный с процессом формирования функциональной математической грамотности учащихся в основной школе.

С позиций деятельностного подхода процессуальный компонент предусматривает, с одной стороны, освоение будущим учителем действий, необходимых для построения модели и интерпретации результатов, полученных на основе анализа построенной математической модели. С другой стороны, освоение таких действий служит основой для формирования функциональной математической грамотности учащихся в процессе их обучения математике.

Компетентностный подход позволяет выделить этапы формирования профессиональных компетенций ПК-1, ПК-3 в совокупности с общей профессиональной компетенцией ОПК-8

[15]. Опираясь на трактовку понятия компетенции, приведенную в методических рекомендациях по подготовке педагогических кадров «Ядро высшего педагогического образования» [15], при описании процессуального компонента будем выделять следующие этапы: мотивационный и ценностный этапы, этап формирования знаний о совокупности действий, используемых в процессе формализации реальной ситуации и интерпретации полученных результатов, этап формирования умений оперировать названными действиями в процессе обучения и в работе с учащимися, этап применения знаний.

В качестве ведущей технологии методической подготовки будущего учителя к формированию функциональной математической грамотности учащихся основной школы будем рассматривать технологию развивающего обучения, которая предусматривает включение студентов в деятельность в качестве активного субъекта методической деятельности.

Раскроем содержание отдельных этапов методической подготовки будущего учителя математики на примере освоения учащимися основной школы некоторых действий, лежащих в основе математического моделирования, и выделим соответствующие приемы организации деятельности студентов.

Для формирования у школьников умения *заменять объекты из условия задачи их математическими эквивалентами* при работе с практико-ориентированными ситуациями учителю необходимо уметь организовывать работу учащихся по выявлению математических зависимостей и отношений, встречающихся в ходе решения практико-ориентированных задач в курсе школьной математики. Одним из приемов организации такой работы служит *прием по созданию словаря математических отношений и зависимостей*. Освоение такого приема возможно организовать в рамках практических занятий при изучении частных методик. Для этого студентам может быть предложен банк упражнений, для решения которых потребуются выделить основные математические зависимости и отношения, а также записать их словесно и символически всеми возможными способами, представив результаты своей работы в виде двух соответствующих таблиц. На этапе применения полученных знаний необходимо показать студентам приемы организации работы учащихся со словарем при изучении математики в основной школе, начиная с 5-го класса.

Дальнейшая работа со студентами должна быть направлена на актуализацию знаний о различных приемах устной работы и умение применять их для формирования у учащихся действий, используемых в процессе построения математической модели. С этой целью на занятии со студентами можно прибегнуть к использованию *приемов составления заданий на освоение действий по формализации различных ситуаций*. Выделим типы заданий на освоение некоторых из этих действий:

1. На запись математического отношения с помощью словесного языка.
2. На составление текста ситуации, отражающего некоторое отношение между величинами.
3. На выяснение всех возможных отношений между величинами в формулах, чтение этих отношений.
4. На соотнесение реальных объектов различной природы с одной математической моделью.
5. На установление соответствия между содержательной и математической моделью объекта в зависимости от предъявленных условий.
6. На описание реального объекта несколькими математическими моделями.

Так, к последнему типу можно отнести практико-ориентированное задание из ОГЭ по математике про теплицу [17], преобразуя текст которого студенты могут построить следующее упражнение.

Пример 1. На дачном участке было решено построить теплицу (изображение теплицы показано в источнике: <http://alfaplast-kld.ru/teplici/7-teplica-alfa.html>). Для изготовления ее каркаса необходимы металлические дуги. Хозяин решил, что для его участка подходит теплица длиной в 4,5 м, шириной в 1 м, расстоянием между дугами по 0,5 м, и планирует самостоятельно провести математические расчеты. На какой математический объект будет заменена металлическая дуга при вычислении ее длины и при нахождении количества дуг, необходимых для построения каркаса теплицы?

Для формирования у студентов умения организовывать деятельность школьников по самостоятельному *открытию* тех или иных *математических зависимостей* целесообразно использовать *прием анализа конспекта урока*. Для этих целей можно использовать конспекты (фотографии, видеозаписи) уроков, в которых учащимся предлагается провести некоторое исследование путем непосредственных измерений величин (например, при изучении теоре-

мы о сумме углов треугольника) для обнаружения существующей зависимости, но при этом учитель фактически сам формулирует зависимость (формулирует теорему). Анализ подобных конспектов на практическом занятии позволяет обратить внимание студентов на традиционный подход к «открытию нового» на уроке и позволяет включить студентов в поиск вариантов подведения учащихся к формулировке новой зависимости.

Поскольку задачный материал по геометрии содержит большое количество задач на доказательство, отражающих те или иные зависимости (закономерности), то важно, чтобы будущий учитель математики мог переформулировать эти задачи для учащихся по обнаружению многих математических фактов, сформулированных в школьных учебниках в готовом виде, в которых требуется только доказать эти факты.

С этой целью можно использовать прием *построения заданий на открытие математических закономерностей*. Так, взяв за основу задачу под номером 439 из учебника по геометрии за 7–9 классы [6] и изменив требование задачи, студенты могут построить, например, такое исследовательское задание.

Пример 2. Сумма углов при одном из оснований трапеции равна 90° . Разрешается измерить длины оснований трапеции. Как по имеющимся данным вычислить длину отрезка, соединяющего середины оснований трапеции, не прибегая к его построению и непосредственному измерению?

1. Чтобы ответить на этот вопрос, проведите необходимые измерения оснований и отрезка, соединяющего середины этих оснований в каждой из нарисованных трапеций. Подпишите на всех рисунках найденные вами значения длин или представьте полученные значения в таблице.

2. Выполните разные арифметические действия над найденными парами длин оснований. На основе полученных результатов постарайтесь обнаружить связь с соответствующими длинами отрезков, соединяющих середины оснований трапеции.

Отметим, что указанный выше прием позволит будущему учителю конструировать задания, построенные не только на геометрическом, но и алгебраическом материале. Так, при изучении темы «Функция» в курсе алгебры для 7–9 классов с помощью названного приема студенты также смогут разработать два типа заданий на открытие новых математических зависимостей:

1. На распознавание типа существующей функциональной зависимости между величинами, а также на задание этой зависимости с помощью формулы.

2. На установление функциональной зависимости между экспериментальными значениями величин.

Для того чтобы научить студентов составлять условие разнообразных заданий на формирование действий, используемых для формализации ситуации, представленной на естественном языке, целесообразно использовать прием *адаптации прикладных задач*, имеющих в сборниках математических задач, в том числе практико-ориентированных ситуаций, подобранных в Интернете. Работа студентов с сюжетами из Интернета является важной для формирования умения по описанию практико-ориентированных ситуаций, поскольку позволяет обратить внимание будущих учителей математики на необходимость добавления в условие заданий специальных нематематических терминов. Тогда такое условие может послужить основой для включения дополнительного вопроса, связанного с *выяснением смысла встретившегося в тексте незнакомого понятия*, что, несомненно, является важным для формирования функциональной математической грамотности учащихся.

Поскольку для *изображения математических отношений, заложенных в структуре практико-ориентированной ситуации*, полезно использовать табличный процессор, то в ходе методической подготовки будущих учителей необходимо актуализировать их знания и умения, полученные при изучении дисциплин «Компьютерное и математическое моделирование», «Численные методы». Для этих целей на одном из практических занятий важно организовать работу студентов на построение графиков аппроксимирующей функции при выполнении задания на установление функциональной зависимости между экспериментальными значениями величин, а также на применение надстройки «Поиск решения» в задачах на линейное программирование. Организация такой работы студентов позволит осуществлять их подготовку к проведению внеурочной деятельности по формированию функциональной математической грамотности учащихся, готовить будущих учителей к разработке, например, инструкций по построению графиков функций, а также нахождению решений в задачах на линейное программирование с помощью электронной таблицы.

Для формирования у учащихся *действия по объяснению взаимосвязи между формулировкой содержательной задачи и математическим языком* в процессе подготовки студентов полезно демонстрировать примеры построенных заданий, направленных на формирование соответствующего действия. В процессе анализа подобных примеров студентам фактически предстоит решить обратную задачу: установить прием конструирования заданий и особенности построения условий, выделив такие характеристики, как описание реальной проблемы; описание реального объекта, для которого должна быть построена модель; сама математическая модель и форма для указания свойств, которые выбрали и которыми пренебрегли в процессе построения модели.

Наконец, на этапе применения студентами методических знаний, необходимых для формирования у учащихся действий, связанных с интерпретацией полученных математических результатов, целесообразно использовать *прием выделения групп заданий, связанных с различными типами интерпретаций математических результатов*. Суть такого приема состоит в распределении разнообразных заданий на интерпретацию по названиям групп, в каждую из которых должно войти конкретное задание из перечисленного списка: *на чтение и анализ данных с помощью различных форм представления; на проверку и оценку математических решений реальных проблем; на истолкование результатов, полученных на основе модели; на критику и определение границ модели, используемой для решения проблемы*. После такого распределения можно продолжить работу по выделению специфики построения условия и требования заданий в каждой группе.

Обсуждения и заключения. Подводя итоги, отметим, что выделенные в статье приемы и способы организации методической деятельности студентов могут реализоваться в рамках изучаемых дисциплин методического цикла, входящих в модули «Методика обучения математике» и «Технология обучения математике».

Вместе с тем в рамках названных модулей удастся реализовать не все вопросы, связанные с будущей методической деятельностью учителя по формированию функциональной математической грамотности учащихся. К ним можно отнести вопросы, связанные с трактовкой и подходами к описанию понятия функциональной грамотности учащихся, с освоением специальных действий, входящих в состав математического моделирования, с изучением и оценкой сформированности функциональной грамотности учащихся, проводимых в международном исследовании PISA. Для освоения студентами названных вопросов необходим дополнительный курс, расширяющий и углубляющий подготовку будущего учителя к формированию функциональной грамотности учащегося.

Для изучения названных вопросов мы разработали онлайн-курс, реализуемый в формате дистанционного обучения. В рамках этого курса, дополняющего процессуальную основу методической подготовки будущего учителя математики, обеспечивается знакомство студентов с целями и задачами международных исследований математической подготовки учащихся, с типами задач и с результатами участия российских школьников в исследовании PISA.

Подводя итоги, отметим, что в соответствии с целью исследования в статье представлено описание процессуального компонента подготовки студентов-математиков к формированию функциональной математической грамотности учащихся основной школы, который рассматривается как компонент целостной системы методической подготовки будущего учителя математики. Построение процессуального компонента согласовано с профессиональными компетенциями ПК-1, ПК-3 в совокупности с общей профессиональной компетенцией ОПК-8, выделенных во ФГОС ВО и Методических рекомендациях «Ядро высшего педагогического образования» к подготовке бакалавра по направлению «Педагогическое образование». Процессуальный компонент предусматривает следующие способы и приемы, направленные на освоение будущим учителем профессиональных умений, необходимых для формирования функциональной математической грамотности учащихся основной школы:

- создание словаря математических отношений и зависимостей;
- использование различных приемов составления заданий на освоение действий по формализации практико-ориентированных ситуаций, в том числе содержащих нематематические понятия, смысл которых школьникам предстоит выяснить;
- анализ и разработка конспектов уроков по открытию математических зависимостей;
- конструирование заданий на открытие математических закономерностей;
- адаптация имеющихся в различных источниках прикладных задач и практико-ориентированных ситуаций, построение на их основе заданий, способствующих формированию действий по формализации ситуации, представленной на естественном языке;

- разработка инструкций по построению графиков функций, а также нахождению решений в задачах на линейное программирование с помощью электронных таблиц;
- выделение групп заданий, связанных с различными типами интерпретаций математических результатов.

Таким образом, выделенные в статье приемы и способы организации методической подготовки будущих учителей математики позволяют организовать их деятельность, направленную на выделение и построение типов заданий, на формирование у учащихся функциональной математической грамотности на основе освоения действий, характерных для построения математической модели и интерпретации математических результатов.

Список литературы

1. *Абатурова В. С.* О формировании и развитии у учащихся умения применять математическое моделирование при решении мотивационно-прикладных задач // *Continuum. Математика. Информатика. Образование.* 2021. № 1 (21). С. 9–15.
2. *Алексеева Е. Е.* Методические особенности формирования математической грамотности учащихся как составляющей функциональной грамотности // *Мир науки, культуры, образования.* 2020. № 4 (83). С. 214–218.
3. *Бобровская А. В.* Обучение методу математического моделирования средствами курса геометрии педагогического института : дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. СПб., 1996. 232 с.
4. *Былков В. С.* Формирование понятия о математическом моделировании средствами курса алгебры и начал анализа 9 и 10 классов : дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 1986. 195 с.
5. *Возможности школьной математики в формировании математической грамотности : учебно-методическое пособие / Л. О. Денищева, Т. А. Захарова, Н. В. Савинцева [и др.].* М. : Спутник, 2021. 192 с.
6. *Геометрия. 7–9 классы : учеб. для общеобразоват. организаций / Л. С. Атанасян, В. Ф. Бутузов, С. Б. Кадомцев и др. Изд. 2-е.* М. : Просвещение, 2014. 383 с.
7. *Десненко С. И.* Подготовка будущего учителя математики к формированию у школьников математической грамотности / С. И. Десненко, Е. Я. Зверева // *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* 2021. Т. 16. № 5. С. 56–66.
8. *Дударева Н. В.* Модель формирования функционально-математической грамотности в процессе обучения математике / Н. В. Дударева, Е. А. Утюмова // *Педагогическое образование в России.* 2021. № 4. С. 14–25.
9. *Дунаева Н. И., Егорова П. А.* Сопrotивляемость личности трудностям в период обучения в дистанционном формате // *Вестник Мининского университета.* 2021. Т. 9. № 2. С. 8. URL: <https://vestnik.mn-univer.ru/jour/article/view/1232/835> (дата обращения: 29.03.2022).
10. *Евтыхова Н. М.* К вопросу о функциональной математической грамотности будущего учителя начальных классов // *Научно-методический электронный журнал «Концепт».* 2015. Т. 9. С. 81–85. URL: <http://e-koncept.ru/2015/95033.htm>.
11. *Егупова М. В.* Практико-ориентированное обучение геометрии в неполной средней школе Египта / М. В. Егупова, М. С. М. Элсаиди // *Наука и школа.* 2021. № 6. С. 80–92.
12. *Егупова М. В.* Практико-ориентированное обучение математике в школе как предмет методической подготовки учителя : монография. М., 2014. 284 с.
13. *Малкова Т. В., Монахов В. М.* Математическое моделирование – необходимый компонент современной подготовки школьника // *Математика в школе.* 1984. № 3. С. 46–49.
14. *Математическое моделирование – важнейший этап формирования математической грамотности в условиях запросов современного общества / Л. О. Денищева, И. С. Сафуанов, Ю. А. Семеняченко [и др.]* // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Информатика и информатизация образования.* 2021. № 4 (58). С. 60–83.
15. <Письмо> Минпросвещения России от 14.12.2021 № АЗ-1100/08 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по подготовке кадров по программам педагогического бакалавриата на основе единых подходов к их структуре и содержанию («Ядро высшего педагогического образования»)). URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minpros-veshchenija-rossii-ot-14122021-n-az-110008-o-napravlenii/>.
16. *Налимова И. В.* Компетентностный подход к формированию математической грамотности будущих учителей начальных классов / И. В. Налимова, О. С. Кипяткова // *Герценовские чтения. Начальное образование.* 2021. Т. 12. № 1. С. 186–189.
17. *Образовательный портал для подготовки к экзаменам «Решу ОГЭ».* URL: <https://oge.sdamgia.ru/test?theme=114> (дата обращения: 29.03.2022).
18. *Стукалов В. А.* Использование представлений о математическом моделировании в обучении математике : дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 1975. 31 с.
19. *Шапиро И. М.* Использование задач с практическим содержанием в преподавании математики. М. : Просвещение, 1990. 96 с.
20. *PISA 2021 Mathematics framework (DRAFT).* 2018. URL: <https://www.oecd.org/pisa/sitedocument/PISA-2021-mathematics-framework.pdf> (дата обращения: 29.03.2022).

Mastering by future mathematics teachers of techniques for the formation of functional mathematical literacy of primary school students

E. N. Perevoshchikova¹, A. V. Bychkov²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Physics, Mathematics and Physical and Mathematical Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin, Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-2711-9744. E-mail: perevoshikovaen@mail.ru

²master student of the Department of Physics, Mathematics and Physics and Mathematics Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University n. a. K. Minin, Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-2491-614X. E-mail: vsdq@mail.ru

Abstract. According to the Concept of teacher training for the education system for the period up to 2030, the development of a unified approach to the implementation of subject and methodological training of future mathematics teachers aimed at the formation of functional mathematical literacy of students becomes an urgent task. At the same time, the analysis of publications and the practice of preparing students for professional activity showed that procedural issues related to the methodology of forming functional literacy remain insufficiently studied. The search for a solution to the highlighted problem determines the purpose of our research, which consists in describing the procedural component of the methodological preparation of a future mathematics teacher for the formation of functional mathematical literacy of students. In the course of the study, theoretical and empirical research methods were used: analysis, synthesis, generalization, comparison and comparison. The research was based on systematic, activity-based and competence-based approaches. As a result of the study, it was found that the process of methodical preparation of students of mathematics for professional activity should be co-directed with the process of formation of functional mathematical literacy of schoolchildren and built taking into account the motivational and value stages, the stage of formation of knowledge about the totality of actions used in the process of formalization of the real situation and interpretation of the results obtained, the stage of formation of skills to operate with these actions in the process teaching mathematics, the stage of applying methodological knowledge. The conclusion formulated in the article is that in order to achieve this goal, it is necessary to organize the activities of future mathematics teachers to master various methods of forming actions underlying mathematical modeling, to identify the types of tasks and methods of activity necessary for the formation of functional mathematical literacy. The results of the research can be used in the design of work programs in the disciplines of mathematical and methodological cycles, including practical training of students during the practice period.

Keywords: procedural component, methodical preparation, future mathematics teacher, functional mathematical literacy.

References

1. Abaturova V. S. *O formirovanii i razvitiu u uchashchihsya umeniya primenyat' matematicheskoe modelirovanie pri reshenii motivacionno-prikladnykh zadach* [On the formation and development of students' ability to apply mathematical modeling in solving motivational and applied problems] // *Continuum. Matematika. Informatika. Obrazovanie* – Continuum. Mathematics. Computer science. Education. 2021. No. 1 (21). Pp. 9–15.
2. Alekseeva E. E. *Metodicheskie osobennosti formirovaniya matematicheskoy gramotnosti uchashchihsya kak sostavlyayushchej funktsional'noj gramotnosti* [Methodological features of the formation of mathematical literacy of students as a component of functional literacy] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The world of science, culture, education. 2020. No. 4 (83). Pp. 214–218.
3. Bobrovskaya A. V. *Obuchenie metodu matematicheskogo modelirovaniya sredstvami kursa geometrii pedagogicheskogo instituta : diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.02* [Teaching the method of mathematical modeling by means of the geometry course of the Pedagogical Institute : diss. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.02]. SPb. 1996. 232 p.
4. Bylkov B. S. *Formirovanie ponyatiya o matematicheskom modelirovanii sredstvami kursa algebry i nachal analiza 9 i 10 klassov : diss. ... kand. ped. nauk: 13.00.02* [Formation of the concept of mathematical modeling by means of the algebra course and the beginning of the analysis of grades 9 and 10 : diss. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.02]. M. 1986. 195 p.
5. *Vozmozhnosti shkol'noj matematiki v formirovanii matematicheskoy gramotnosti : uchebno-metodicheskoe posobie* – The possibilities of school mathematics in the formation of mathematical literacy : an educational and methodological manual / L. O. Denishcheva, T. A. Zakharova, N. V. Savintseva [et al.]. M. Sputnik. 2021. 192 p.
6. *Geometriya. 7–9 klassy : ucheb. dlya obshcheobrazovat. organizatsij* – Geometry. Grades 7–9 : tutorial for general education organizations / L. S. Atanasyan, V. F. Butuzov, S. B. Kadomtsev and others. Ed. 2nd. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 2014. 383 p.
7. Desnenko S. I. *Podgotovka budushchego uchitelya matematiki k formirovaniyu u shkol'nikov matematicheskoy gramotnosti* [Preparation of a future mathematics teacher for the formation of mathematical lit-

eracy in schoolchildren] / S. I. Desnenko, E. Ya. Zvereva // *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of the Trans-Baikal State University. 2021. Vol. 16. No. 5. Pp. 56–66.

8. Dudareva N. V. *Model' formirovaniya funkcional'no-matematicheskoy gramotnosti v processe obucheniya matematike* [Model of formation of functional and mathematical literacy in the process of teaching mathematics] / N. V. Dudareva, E. A. Utyumova // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2021. No. 4. Pp. 14–25.

9. Dunaeva N. I., Egorova P. A. *Soprotivlyaemost' lichnosti trudnostyam v period obucheniya v distancionnom formate* [Personality resistance to difficulties during distance learning] // *Vestnik Mininskogo universiteta* – Herald of Minin University. 2021. Vol. 9. No. 2. P. 8. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/1232/835> (date accessed: 29.03.2022).

10. Evtyhova N. M. *K voprosu o funkcional'noj matematicheskoy gramotnosti budushchego uchitelya nachal'nyh klassov* [On the question of functional mathematical literacy of the future primary school teacher] // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"* – Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2015. Vol. 9. Pp. 81–85. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/95033.htm>.

11. Egupova M. V. *Praktiko-orientirovannoe obuchenie geometrii v nepolnoj srednej shkole Egipta* [Practice-oriented teaching of geometry in an incomplete secondary school in Egypt] / M. V. Egupova, M. S. M. Elsaidi // *Nauka i shkola* – Science and school. 2021. No. 6. Pp. 80–92.

12. Egupova M. V. *Praktiko-orientirovannoe obuchenie matematike v shkole kak predmet metodicheskoy podgotovki uchitelya : monografiya* [Practice-oriented teaching of mathematics at school as a subject of methodical teacher training : monograph]. M. 2014. 284 p.

13. Malkova T. V., Monahov V. M. *Matematicheskoe modelirovanie – neobhodimyy komponent sovremennoy podgotovki shkol'nika* [Mathematical modeling is a necessary component of modern student training] // *Matematika v shkole* – Math at school. 1984. No. 3. Pp. 46–49.

14. *Matematicheskoe modelirovanie – vazhnejshij etap formirovaniya matematicheskoy gramotnosti v usloviyah zaprosov sovremennogo obshchestva* – Mathematical modeling is the most important stage of the formation of mathematical literacy in the conditions of the demands of modern society / L. O. Denishcheva, I. S. Safuanov, Yu. A. Semenyachenko [et al.] // *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya* – Herald of Moscow City Pedagogical University. Series: Informatics and informatization of education. 2021. No. 4 (58). Pp. 60–83.

15. <Letter> of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 12/14/2021 No. AZ-1100/08 "On the direction of information" (together with "Methodological recommendations for training personnel for pedagogical bachelor's degree programs based on unified approaches to their structure and content ("The core of higher pedagogical education)"). Available at: <https://legalacts.ru/doc/pismo-minprosveshcheniya-rossii-ot-14122021-n-az-110008-o-napravlenii/> (in Russ.).

16. Nalimova I. V. *Kompetentnostnyj podhod k formirovaniyu matematicheskoy gramotnosti budushchih uchitelej nachal'nyh klassov* [Competence approach to the formation of mathematical literacy of future primary school teachers] / I. V. Nalimova, O. S. Kipyatkova // *Gercenovskie chteniya. Nachal'noe obrazovanie* – Herzen readings. Primary education. 2021. Vol. 12. No. 1. Pp. 186–189.

17. *Obrazovatel'nyj portal dlya podgotovki k ekzamenam "Reshu OGE"* – Educational portal for exam preparation "I will solve the OGE". Available at: <https://oge.sdangia.ru/test?theme=114> (date accessed: 29.03.2022).

18. Stukalov V. A. *Ispol'zovanie predstavlenij o matematicheskom modelirovanii v obuchenii matematike : dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02* [The use of ideas about mathematical modeling in teaching mathematics : dis. ... PhD in Pedagogical Sciences: 13.00.02]. M. 1975. 31 p.

19. Shapiro I. M. *Ispol'zovanie zadach s prakticheskim soderzhaniem v prepodavanii matematiki* [The use of problems with practical content in teaching mathematics]. M. Prosveshchenie (Enlightenment). 1990. 96 p.

20. PISA 2021 Mathematics framework (DRAFT). 2018. Available at: <https://www.oecd.org/pisa/sitedocument/PISA-2021-mathematics-framework.pdf> (date accessed: 29.03.2022).

Литературоведческая имагология как учебный курс магистратуры: структурно-содержательные и методические аспекты*

О. Ю. Поляков

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Аннотация. В статье обобщается опыт создания учебно-методического обеспечения новой дисциплины магистратуры, литературоведческой имагологии, в соотнесенности с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 Филология и в связи с неотложными задачами совершенствования магистратур гуманитарного профиля. Дается характеристика внедрения данного учебного курса в Вятском государственном университете в рамках реализации проекта по созданию инновационных учебных курсов магистратуры «Литературоведческая имагология», поддержанного Фондом Владимира Потанина.

Актуальность данной дисциплины, изучающей рецепцию и репрезентацию национальных образов в текстах художественной литературы, обусловлена как социокультурными, так и дидактическими факторами: с одной стороны, повышенным вниманием к проблемам национальной идентичности и межкультурных взаимодействий в современном мире, с другой – необходимостью сформировать общественно значимые личностные качества будущих специалистов-филологов. Кроме того, курс имагологии в силу своей новизны и междисциплинарности призван значительно расширить содержательно-предметное поле традиционных литературоведческих дисциплин, повысить уровень филологических и общекультурных компетенций магистрантов. Концепция курса основана на последовательном рассмотрении генезиса и развития представлений о национальном в России и странах зарубежья, категориального аппарата имагологии и принципов имагопоэтологического анализа художественного текста с дальнейшим обращением к прикладным аспектам изучения репрезентации инонационального в литературах с использованием современных технологий проблемного, интерактивного обучения и ИКТ. В статье рассматриваются направления реализации данной концепции в магистратуре ВятГУ: характеризуются содержание учебной дисциплины, труды, составляющие ее методологическую основу, принципы отбора источников для анализа в ходе занятий, подходы, дающие возможность всесторонне изучить особенности воплощения дискурса о национальном на жанровом, проблемном и других уровнях.

Ключевые слова: литературоведческая имагология, национальный образ, учебно-методическое обеспечение дисциплины, компетенция, междисциплинарность.

В последние годы в трудах российских ученых проблемы магистратуры занимали достаточно значимое место: рассматривались ее институциональные основы, пути оптимизации подготовки магистрантов, подходы к созданию образовательных программ, технологии и оценка качества обучения, проблемы личностного развития преподавателей [4; 8; 11–13; 15–18; 20]. При этом исследовались наиболее общие, глобальные вопросы развития отечественной магистратуры, либо в фокусе внимания оказывались ее негуманитарные профили, что, безусловно, не может не вызывать сожаления, поскольку именно гуманитарное знание способствует развитию духовно-нравственных основ личности, формированию ее общественно значимого самоопределения; социально-гуманитарное знание и образование «выполняют функцию ориентации человека в окружающем его мире, задают осознание корней, показывают прошлое и тем самым формируют направленность в будущее» [2, с. 27].

В связи с этим особую значимость приобретает оптимизация образовательных программ гуманитарного профиля, а именно модернизация содержания образования в магистратурах по филологии. В современных условиях подготовка магистров-филологов необходимо связана с разработкой учебных программ и курсов, ориентированных на интеграцию узкоспециального знания в пространство гуманитаристики. В частности, в профилях подготовки по направлению

«Филология» наряду с традиционными лингвистическими и литературоведческими дисциплинами значимое место могут занять курсы междисциплинарной направленности, что в целом будет способствовать формированию у магистрантов комплексных представлений о современных филологических науках и сложных компетенций. Так, например, особое внимание в магистратуре по литературе должно быть уделено проблемам межкультурной коммуникации, которые прежде, как правило, рассматривались студентами, изучавшими курсы лингвистики и перевода, и дисциплинам, включающим их в свое предметное поле. Это расширение содержания образования призвано дать будущим магистрам возможность вариативного профессионального самоопределения, становления не только как исследователей или преподавателей литературы, но и как специалистов в области коммуникаций, международных связей, а также способствовать формированию у них общественно значимых качеств личности.

В научно-методической литературе отмечалось, что «лишь филологические факультеты готовят к осуществлению <...> межнациональной коммуникации, под которой понимается специфический вид коммуникации межкультурной» [6, с. 22], предполагающей «сочетание в рамках учебного плана языковых, культурологических и литературоведческих курсов, что хорошо ложится на отечественный опыт и традиции филологической подготовки. Кроме того, именно магистратура позволяет на основе бакалавриата вводить новые виды текстов, выработать навыки их обработки и интерпретации, углублять языковую подготовку, раскрывать механизмы взаимодействия языков и культур». [19, с. 326].

В материалах Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по языкознанию и литературоведению, публикациях его руководителей неоднократно говорилось о перспективности междисциплинарных подходов к формированию содержания образования в магистратуре с учетом «активного взаимодействия филологии с другими гуманитарными науками, прежде всего историей, социологией, философией, психологией и культурологией» [7, с. 30].

В связи с очевидной необходимостью разработки комплексных междисциплинарных курсов достойное место в учебном плане магистратуры по филологии может занять литературоведческая имагология как новая отрасль компаративистики, уникальным образом входящая в междискурсивное пространство современного научного знания. Она представляет собой новый интегративный учебный курс, методологически и методически базирующийся на современных научных парадигмах не только литературоведения, но и социологии, социальной психологии, культурологии и других наук, и направленный на комплексное изучение проблем межкультурной коммуникации, рецепции и репрезентации национальных образов в художественных литературах России и зарубежных стран.

Имагология исследует генезис, структуру и эволюцию национальных образов, воплощенных в текстах литературы, постигает роль литературы в формировании национальной идентичности, представлений о национальном характере, складывающихся в системе словесности образов народов, национальных стереотипов. Иными словами, задачей имагологии является анализ образов других народов (гетерообразов), их происхождения, содержания и исторической изменчивости, их корреляций с собственным национальным образом (автообразом). Репрезентация образов наций в литературах является одной из актуальных проблем в связи с современной социокультурной ситуацией и общей логикой цивилизационных процессов, когда феномены глобализма и мультикультурализма приходят в противоречие с укреплением национальных идентичностей, тенденцией к локализации, регионализации культурных потоков [14, с. 5]. Проблемы диалога культур, взаимодействия в них национального и транснационального, выражения национальных стереотипов в литературах сегодня особенно важны.

Актуальность данной дисциплины обусловлена как социокультурными, так и дидактическими факторами: с одной стороны, повышенным вниманием к проблемам национальной идентичности и межкультурных взаимодействий в современном мире, с другой – необходимостью сформировать общественно значимые личностные качества будущих специалистов-филологов (гражданское самосознание, толерантность к иным культурам, умение ориентироваться в сложной геополитической обстановке). Кроме того, курс имагологии в силу своей новизны и междисциплинарности призван значительно расширить содержательно-предметное поле традиционных литературоведческих дисциплин, повысить уровень филологических компетенций магистрантов, дать им представления об основных категориях и понятийно-логических структурах, используемых для анализа объективации национального в системе словесности, углубить сформированные в период обучения на бакалаврских про-

граммах навыки филологического анализа текста. Уникальность курса заключается в том, что на его методологической основе могут быть сконструированы новые учебные дисциплины (историческая имагология, лингвистические аспекты репрезентации национальных образов, имагологические проблемы перевода и другое).

Литературоведческая имагология способствует формированию следующих компетенций, сформулированных в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования магистратуры по направлению подготовки 45.04.01 Филология (утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 августа 2020 г. № 980), согласно которым выпускник магистратуры должен быть способным анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия (УК-5); использовать в профессиональной деятельности, в том числе педагогической, знания современной научной парадигмы в области филологии и динамики ее развития, системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования (ОПК-2); владеть широким спектром методов и приемов филологической работы с различными типами текстов (ОПК-3); анализировать результаты научных исследований, применять их при решении конкретных научно-исследовательских задач в области филологии (ПК-1).

Основываясь на содержании названных компетенций, мы сформулировали концепцию курса литературоведческой имагологии для его внедрения в магистратуре по филологии Вятского государственного университета, согласующуюся с основными положениями Программы развития Вятского государственного университета на 2021–2030 гг. в области образовательной политики, которые предусматривают создание инновационных учебных курсов для учебно-методического обеспечения реализации ценностно-мировоззренческого ядра программ высшего образования. Данный курс должен способствовать развитию ценностных ориентиров обучающихся и подготовке кадров со сформированной целостной картиной мира в силу своего интегративного характера, междисциплинарности и выраженной аксиологической направленности.

Цель дисциплины – дать магистрантам систему знаний о механизмах рецепции и репрезентации национальных образов в художественной литературе.

Задачи дисциплины:

- познакомить магистрантов с историей возникновения имагологии;
- обозначить место имагологии в литературоведении и, шире, в современных гуманитарных науках;
- дать представление о категориальном аппарате этой дисциплины и ее методологических подходах;
- очертить круг основных, важнейших идей и достижений имагологии; познакомить магистрантов с наиболее авторитетными российскими и западными исследователями-имагологами и их работами;
- сформировать у обучающихся навыки имагологического анализа текста.

Концепция курса основана на последовательном рассмотрении генезиса и развития представлений о национальном в России и странах зарубежья, категориального аппарата имагологии и принципов имагопоэтологического анализа художественного текста с дальнейшим обращением к прикладным аспектам изучения репрезентации инонационального в литературах с использованием современных технологий проблемного, интерактивного обучения и ИКТ.

Учебный курс имагологии может состоять из двух разделов. В первом целесообразно изучить историю и методологию имагологической науки, формирование и эволюцию ее ведущих школ. Его содержание может быть представлено следующим образом: 1) основные этапы научного познания образов наций. Формирование этностереотипов в период Возрождения. Раскрытие взаимосвязи антропологии и поэтики на примере текстов XVII в. (Ю. Ц. Скалигер). Систематизация национальных стереотипов в период Просвещения (Д. Вико, И. Гердер, Д. Юм, Ж.-Б. Дюбо). XIX век: позитивизм и обоснование национального своеобразия литератур (культурно-историческая школа И. Тэна). Создание первых трудов, посвященных репрезентации и рецепции отдельных народов в текстах литературы, в первой половине XX в. (Ф. Бальдансперже, Л. П. Бетц и другие). Возникновение имагологии как науки в 1950-х гг. Ж.-М. Карре как один из основоположников имагологии, его представления об исследовании рецепции одних народов другими, изучении категорий «чужого/другого» в контексте межли-

тературных взаимодействий. Структуралистские подходы к проблеме национальной идентичности. Национальный образ как репрезентативен. Современное состояние имагологии, ее основные национальные школы (Германия, Франция, Нидерланды) и представители (Х. Дизеринк, Д.-А. Пажо, Й. Леерссен). Направления имагологической мысли в России (В. Б. Земсков, В. А. Хорев, Н. П. Михальская, В. П. Трыков, В. В. Орехов); 2) понятийный аппарат имагологии. Национальный стереотип как базовое понятие имагологии, его основные трактовки как культуротворческого феномена (В. Б. Земсков), общественно-исторического мифа (В. А. Хорев), тропа, существующего в интертексте культуры (Й. Леерссен). Автостереотип. Гетеростереотип. Имаготип. Имагема. Национальный миф. Национальный нарратив.

Второй раздел дисциплины может быть посвящен изучению рецепции и репрезентации национальных образов в литературах стран, вступающих в культурный диалог, в отношении геополитической конкуренции (Франция, Германия, Великобритания, США и другие). Он может выстраиваться по принципу синхронии/диахронии; по жанрово-видовым признакам (например, «Имагологические аспекты английского травелога XIX в.»), по персоналиям («Образ Польши в творчестве Ф. М. Достоевского» и другое), по этническим группам («Имагология скандинавских народов»...). Возможно рассмотрение следующих проблем: историческая динамика взаимной имагологической рецепции в двух или нескольких национальных литературах, жанровая специфика воплощения национальных образов, национальные образы как авторские мифы и так далее. Могут быть отдельно рассмотрены отражения национальной специфики вечных (архетипических, транснациональных) образов, роль национальных мифов в формировании авто- и гетеростереотипов.

Данная структура учебного курса была конкретизирована во время его апробации на факультете филологии и медиакоммуникаций Вятского государственного университета и отражена в рабочей программе дисциплины, составленной в соответствии с Основной профессиональной образовательной программой ВятГУ по направлению подготовки 45.04.01 от 31.08.2021 г. В учебном плане литературоведческая имагология относится к блоку 1 (дисциплины, модули) части, формируемой участниками образовательных отношений (Б1.В.ОД.6), читается в 4-м семестре и заканчивается зачетом.

В соответствии с концепцией дисциплины были сформированы два учебных модуля – теоретический и практический, в первый вошли 6 часов лекционных и 6 часов практических занятий, во второй, соответственно, 10 и 8 часов. Второй модуль значительно превосходит первый по количеству часов в связи с необходимостью уделить первостепенное внимание формированию у магистрантов навыков имагологического анализа художественного текста.

В первом модуле («Имагология в системе литературоведения») в лекционном формате были рассмотрены следующие темы: имагология и компаративистика; история имагологии: эссенциализм и структуралистские подходы; категориальный аппарат имагологии. Практические занятия были посвящены уяснению особенностей различных имагологических школ и направлений (истоки имагологии в сравнительном литературоведении Франции, культурная иконография Д.-А. Пажо; имагологические исследования в Германии и Нидерландах: Х. Дизеринк, М. Фишер, Й. Леерссен; проблемы рецепции и репрезентации национальных образов в осмыслении российских имагологов В. Б. Земскова, В. А. Хорева, Н. П. Михальской, В. П. Трыкова). Отдельное семинарское занятие было проведено по проблеме «Структура национального образа. Стереотипы. Имагема. Имаготипы. Клише» в связи с тем, что терминсистема имагологической науки до настоящего времени не стабилизировалась: в частности, дискуссионным является соотношение стереотипа и имагообраза, стереотипа и имагема, вызывает вопросы корреляция национального образа и имаготипа, стереотипа и имаготипа, стереотипа и клише и другое. В ходе практического занятия был представлен весь спектр мнений по названным проблемам с применением методики проблемного обучения, эвристического подхода, которые позволили обучающимся сопоставить данные ряда наук, относящиеся к теоретическим основам учебного курса, – сравнительного литературоведения, социологии, социальной психологии, теории межкультурной коммуникации, семиотики – и, таким образом, уяснить междисциплинарный характер имагологии и развить научную эрудицию.

Второй модуль учебной дисциплины ориентирован на освоение прикладных аспектов имагологии. В ходе лекций в его рамках были рассмотрены такие проблемы, как методология исследования национальных образов, взаимоотражение культур Запада и Востока в национальных литературах, а также жанровые аспекты имагологической рецепции и репрезентации (специфика конструирования национальных образов в травелоге, историческом романе,

документально-публицистических жанрах и жанрах массовой литературы (детектив, шпионский роман и другое). Эти лекции позволили актуализировать знания магистрантов в области жанровой поэтики и истории литературы, прояснить возможности взаимодействия художественных и идеологических структур в рамках литературного текста.

При отборе материала для практических занятий второго модуля были учтены такие критерии, как репрезентативность текстов, их облигаторность (присутствие в имагологическом каноне), жанровое разнообразие, принадлежность к различным национальным литературам и литературным эпохам, а также возможность представить базовые имагологические оппозиции и средства репрезентации национального. В частности, на семинарах были рассмотрены имагопоэтика художественного приема (остранение как способ создания гетерообраза в романе Монтескье «Персидские письма»); оппозиция «Запад – Восток» в художественной структуре малой прозы Р. Киплинга (на примере рассказа «За чертой»); жанровый синтез в аспекте имагологической репрезентации, представленный на примере взаимодействия травелога и репортажа в «Русском дневнике» Дж. Стейнбека, и проблема национального Другого в романе Г.-М. Леклезлио «Золотая рыбка». Безусловно, при дальнейшей оптимизации курса при условии увеличения количества академических часов, отводимых на изучение курса имагологии, состав текстов может быть серьезно дополнен: в их число могут войти произведения, в которых отражены гетерообразы зарубежных народов в восприятии русских писателей («Письма из Франции» Д. И. Фонвизина, книга очерков И. А. Гончарова «Фрегат Паллада» и другие), образ России в оценках зарубежных писателей (романы Д. Резерфорда «Русское», М. Брэдбери «В Эрмитаж!», Ф. Бегбедера «Идеаль», Э. Миллера «Подснежники»), автообразы различных наций, региональные образы как воплощение национального этнотипа, выражающие имагологическую оппозицию «центр – периферия» (роман Г. Свифта «Водоземье»), особенности национального нарратива в мультикультурном романе (произведения С. Рушди, В. Найпола и другие), проблема взаимоотношений западных и восточных цивилизаций (роман Э.-М. Форстера «Путешествие в Индию»).

Была разработана также система заданий для самостоятельной работы по учебному курсу, включающая конспектирование источников, написание рефератов и эссе, подготовку презентаций по изучаемым темам, задания тестового характера для самопроверки. Все они отражены в пособии «Литературоведческая имагология», которое было подготовлено О. Ю. Поляковым и О. А. Поляковой и которое наряду с рабочей программой войдет в состав учебно-методического комплекта дисциплины. Учебное пособие содержит конспекты лекций, дополненные научно-критическими текстами для изучения и конспектирования, планы практических занятий, включающие проблемные задания и сопровождаемые консультативными материалами, фрагментами художественных или научных источников, списками рекомендуемой литературы. Пособие содержит также общий библиографический список и глоссарий имагологических терминов.

В связи с тем, что магистратура по направлению подготовки «Филология» в Вятском государственном университете имеет научно-исследовательскую направленность, в ходе изучения курса большое внимание уделяется изучению научно-критических работ и выполнению учебно-исследовательских заданий. Имагология также открывает большие возможности для написания магистерских диссертаций по проблеме национальных образов в литературах, рассмотрения аксиологической структуры этих образов, художественных средств их воплощения, корреляции художественного и документально-публицистического в национальном нарративе, его мифологическом компоненте и другое.

Безусловно, некоторые проблемы при освоении курса имагологии и исследовании магистрантами имагологических аспектов литератур неизбежны в связи с тем, что основная часть научных работ по этой дисциплине не переведена на русский язык. Однако существуют серьезные отечественные труды, среди которых следует отметить сочинения Г. Д. Гачева по сравнительному описанию культур, национального мира разных народов как единства природы, характера и ментальности [3], монографии Н. П. Михальской о восприятии образа России в английской художественной литературе [9; 10], В. П. Трыкова и А. Р. Ощепкова об образе России в художественном сознании Франции [21], В. А. Хорева о Польше в восприятии русских литераторов [23], Т. Н. Бреевой и Л. Ф. Хабибуллиной о национальном мифе в русской и английской литературе [1; 22] и, наконец, труд В. Б. Земскова, закладывающий фундаментальные основы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в художественной литературе [4].

Конечная цель изучения литературоведческой имагологии заключается в том, чтобы дать магистрантам представление о всемирном характере современной литературы, в которой в имагологической «гетероглоссии», в диалогических отношениях различных национальных литератур происходят взаимоотражения национальных образов, взаимодействия западной и восточной традиций, отражаются глобальные духовные проблемы и геополитические тенденции.

Список литературы

1. Бреева Т. Н., Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в русской и английской литературе второй половины XX века. Казань : ТГГПУ, 2009. 611 с.
2. Воробьева О. В. О проблемах и перспективах развития гуманитарных наук и гуманитарного образования в России // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 22–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33.
3. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М. : Академический проект, 2007. 511 с.
4. Земсков В. Б. Образ России в современном мире и иные сюжеты. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив : Гнозис, 2015. 343 с.
5. Игнатъев В. П., Варламова Л. Ф. Мониторинг эффективности реализации магистерских программ // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 7. С. 110–118. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-7-110-118.
6. Ковтун Е. Н. Четверть века работы Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию // Информационный бюллетень № 16 Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. С. 6–23.
7. Ковтун Е. Н., Родионова С. Е. Филологическая магистратура в России: вчера и завтра // Информационный бюллетень № 12 Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 14–38.
8. Макарова С. Н., Резник С. Д. Магистранты российского университета: социальное поведение и качество обучения // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-9-21.
9. Михальская Н. П. Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М. : МПГУ, 1995. 152 с.
10. Михальская Н. П. Россия и Англия: Проблемы имагологии. М. ; Самара : Порто-Принт, 2012. 224 с.
11. Мотовилов О. В. Проблемы подготовки кадров в магистратуре // Высшее образование в России. 2016. № 2 (198). С. 38–45.
12. Опфер Е. А. Трансформации российской магистратуры // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 1. С. 36–48. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-36-48.
13. Поздеева С. И. Магистратура как пространство профессионально-личностного развития студента и преподавателя // Высшее образование в России. 2018. Т. 27. № 3. С. 144–152.
14. Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.
15. Роботова А. С. Проблемы и трудности обучения магистров: взгляд профессора педагогического университета // Научный электронный журнал «Непрерывное образование: XXI век». 2017. № 2 (18). URL: <https://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=3487> (дата обращения: 05.03.2023).
16. Российская магистратура будущего: четыре траектории развития / Петрова О. В., Чепьюк О. Р., Макарова С. Д., Марико В. В., Горылев А. И. // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8-9. С. 20–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-20-33.
17. Сахарчук Е. И. Качество образования в магистратуре // Педагогическая деятельность и педагогическое образование в инновационном обществе / сост. Е. И. Сахарчук. Волгоград : Перемена, 2013. С. 106–110.
18. Сенашенко В. С., Халин В. Г. О тенденциях реформирования магистратуры в структуре российской высшей школы // Высшее образование в России. 2008. № 3. С. 9–22.
19. Сергиева Н. С. Диалог культур в подготовке филолога: магистратура // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии : мат-лы Международной научно-практической конференции (Казань, 4–6 октября 2016 г.), 04.10.2016–06.10.2016. С. 325–328. URL: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/108265> (дата обращения: 03.03.2023).
20. Стукалова И. Б. Развитие магистратуры в России: предпосылки, проблемы и перспективы // Современное образование. 2018. № 3. С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.3.26892.
21. Трыков В. П., Ощепков А. Р. Русская незнакомка во французской «республике словесности»: Образ России в литературном сознании Франции : монография. М. : Директ-Медиа, 2021. 528 с.
22. Хабибуллина Л. Ф. Национальный миф в английской литературе второй половины XX века. Казань : КГУ, 2010. 234 с.
23. Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М. : Индрик, 2005. 231 с.

Literary Imagology as a Master's degree course: Structural, substantive and methodological aspects

O. Yu. Polyakov

Doctor of Philology, professor, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-9362-7720. E-mail: usr09131@vyatsu.ru

Abstract. The article summarizes the experience of creating educational and methodological support for a new discipline of the magistracy, literary imagology, in relation to the Federal State educational standard of higher education of the magistracy in the direction of training 45.04.01 Philology and in connection with the urgent tasks of improving the magistracy of the humanities. The article describes the implementation of this training course at Vyatka State University as part of the project to create innovative master's degree courses "Literary Imagology", supported by the Vladimir Potanin Foundation.

The relevance of this discipline, which studies the reception and representation of national images in the texts of fiction, is due to both socio-cultural and didactic factors: on the one hand, increased attention to the problems of national identity and intercultural interactions in the modern world, on the other - the need to form socially significant personal qualities of future philologists. In addition, the imagology course, due to its novelty and interdisciplinarity, is designed to significantly expand the content and subject field of traditional literary disciplines, increase the level of philological and general cultural competencies of undergraduates. The course concept is based on a consistent consideration of the genesis and development of ideas about the national in Russia and abroad, the categorical apparatus of imagology and the principles of imagopoethological analysis of a literary text with further reference to the applied aspects of studying the representation of the foreign in literature using modern technologies of problem-based, interactive learning and ICT. The article discusses the directions of implementation of this concept in the Vyatka Master's program: the content of the discipline, the works that make up its methodological basis, the principles of selecting sources for analysis during classes, approaches that make it possible to comprehensively study the features of the implementation of the discourse on the national at genre, problem and other levels are characterized.

Keywords: literary imagology, national image, educational and methodological support of discipline, competence, interdisciplinarity.

References

1. Breeva T. N., Habibullina L. F. *Nacional'nyj mif v russkoj i anglijskoj literature vtoroj poloviny XX veka* [The national myth in Russian and English literature of the second half of the twentieth century]. Kazan. TSHPU. 2009. 611 p.
2. Vorob'eva O. V. *O problemah i perspektivah razvitiya gumanitarnyh nauk i gumanitarnogo obrazovaniya v Rossii* [On the problems and prospects of the development of humanities and humanities education in Russia] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 11. Pp. 22–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-22-33.
3. Gachev G. D. *Kosmo-Psiho-Logos: Nacional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos: National images of the world]. M. Akademicheskij Proekt (Academic Project). 2007. 511 p.
4. Zemskov V. B. *Obraz Rossii v sovremennom mire i inye syuzhety* [The image of Russia in the modern world and other subjects]. M. ; Spb. Center for Humanitarian Initiatives ; Gnosis. 2015. 343 p.
5. Ignat'ev V. P., Varlamova L. F. *Monitoring effektivnosti realizacii masterskih programm* [Monitoring the effectiveness of the implementation of master's programs] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 7. Pp. 110–118. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-7-110-118.
6. Kovtun E. N. *Chetvert' veka raboty Soveta po filologii UMO po klassicheskomu universitetskomu obrazovaniju* [A quarter of a century of work of the Council for Philology of the UMO for Classical University Education] // *Informacionnyj byulleten' № 16 Soveta po filologii Uchebno-metodicheskogo ob'edineniya po klassicheskomu universitetskomu obrazovaniju* – Newsletter No. 16 of the Council for Philology of the Educational and Methodological Association for Classical University Education. Tambov : TSU n. a. G. R. Derzhavin. 2015. Pp. 6–23.
7. Kovtun E. N., Rodionova S. E. *Filologicheskaya magistratura v Rossii: vchera i zavtra* [Philological magistracy in Russia: yesterday and tomorrow] // *Informacionnyj byulleten' № 12 Soveta po filologii UMO po klassicheskomu universitetskomu obrazovaniju* – Newsletter No. 12 of the Council for Philology of the UMO for Classical University Education / NovSU n. a. Yaroslav the Wise. Veliky Novgorod. 2010. Pp. 14–38.
8. Makarova S. N., Reznik S. D. *Magistranty rossijskogo universiteta: social'noe povedenie i kachestvo obucheniya* [Undergraduates of the Russian University: social behavior and quality of education] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2019. Vol. 28. No. 11. Pp. 9–21. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-9-21.
9. Mihal'skaya N. P. *Obraz Rossii v anglijskoj hudozhestvennoj literature IX–XIX vv.* [The image of Russia in English fiction of the IX–XIX centuries]. M. MPSU. 1995. 152 p.

10. Mihal'skaya N. P. *Rossiya i Angliya: Problemy imagologii* [Russia and England: Problems of imagology]. M. ; Samara. Porto-Print. 2012. 224 p.
11. Motovilov O. V. *Problemy podgotovki kadrov v magistrature* [Problems of personnel training in the magistracy] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2016. No. 2 (198). Pp. 38–45.
12. Opfer E. A. *Transformacii rossijskoj magistratury* [Transformations of the Russian magistracy] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2021. Vol. 30. No. 1. Pp. 36–48. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-1-36-48.
13. Pozdeeva S. I. *Magistratura kak prostranstvo professional'no-lichnostnogo razvitiya studenta i prepodavatelya* [Magistracy as a space of professional and personal development of a student and teacher] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2018. Vol. 27. No. 3. Pp. 144–152.
14. Polyakov O. Yu., Polyakova O. A. *Imagologiya: teoretiko-metodologicheskie osnovy* [Imagology: theoretical and methodological foundations]. Kirov. Raduga-PRESS. 2013. 162 p.
15. Robotova A. S. *Problemy i trudnosti obucheniya magistrrov: vzglyad professora pedagogicheskogo universiteta* [Problems and difficulties of teaching masters: the view of a professor of a pedagogical university] // *Nauchnyj elektronnyj zhurnal "Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek"* – Scientific electronic journal "Continuing education: XXI century". 2017. No. 2 (18). Available at: <https://ill21.petsu.ru/journal/article.php?id=3487> (date accessed: 05.03.2023).
16. *Rossijskaya magistratura budushchego: chetyre traektorii razvitiya* [Russian magistracy of the future: four trajectories of development] / Petrova O. V., Chep'yuk O. R., Makarova S. D., Mariko V. V., Gorylev A. I. // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2021. Vol. 30. No. 8–9. Pp. 20–33. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-20-33.
17. Saharchuk E. I. *Kachestvo obrazovaniya v magistrature* [The quality of education in the magistracy] // *Pedagogicheskaya deyatel'nost' i pedagogicheskoe obrazovanie v innovacionnom obshchestve* – Pedagogical activity and pedagogical education in an innovative society / comp. E. I. Sakharchuk. Volgograd. Peremena (Break). 2013. Pp. 106–110.
18. Senashenko B. S., Halin V. G. *O tendenciyah reformirovaniya magistratury v strukture rossijskoj vysshej shkoly* [On the trends of reforming the magistracy in the structure of the Russian higher school] // *Vysshee obrazovanie v Rossii* – Higher education in Russia. 2008. No. 3. Pp. 9–22.
19. Sergieva N. S. *Dialog kul'tur v podgotovke filologa: magistratura* [Dialogue of cultures in the preparation of a philologist: Master's degree] // *Russkij yazyk i literatura v tyurkoyazychnom mire: sovremennye koncepcii i tekhnologii : mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Kazan', 4–6 oktyabrya 2016 g.), 04.10.2016–06.10.2016* – Russian language and literature in the Turkic-speaking world: modern concepts and technologies : materials of the International Scientific and Practical Conference (Kazan, October 4–6, 2016), 04.10.2016–06.10.2016. Pp. 325–328. Available at: <http://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/108265> (date accessed: 03.03.2023).
20. Stukalova I. B. *Razvitie magistratury v Rossii: predposylki, problemy i perspektivy* [Development of magistracy in Russia: prerequisites, problems and prospects] // *Sovremennoe obrazovanie* – Modern education. 2018. No. 3. Pp. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8736.2018.3.26892.
21. Trykov V. P., Oshchepkov A. R. *Russkaya neznakomka vo francuzskoj "respublike slovesnosti": Obraz Rossii v literaturnom soznanii Francii : monografiya* [The Russian stranger in the French "Republic of Literature": The image of Russia in the literary consciousness of France : monograph]. M. Direct-Media. 2021. 528 p.
22. Habibullina L. F. *Nacional'nyj mif v anglijskoj literature vtoroj poloviny XX veka* [The national myth in English literature of the second half of the twentieth century]. Kazan. KSU. 2010. 234 p.
23. Horev V. A. *Pol'sha i polyaki glazami russkih literatorov* [Poland and Poles through the eyes of Russian writers]. M. Indrik. 2005. 231 p.

Социально-психологические особенности пользователей подросткового и юношеского возраста с проблемным использованием интернета

М. А. Щукина¹, А. И. Мартела²

¹доктор психологических наук, профессор кафедры психологии, Институт медицинского образования, ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова Минздрава России. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: corr5@mail.ru

²бакалавр психологии. Россия, г. Санкт-Петербург. E-mail: mart_nastya2605@mail.ru

Аннотация. Отмечается недостаток исследований склонности к проблемному использованию интернета в связи с зависимостью и подчиняемостью личности в межличностных отношениях. В работе представлено эмпирическое исследование, направленное на выявление социально-психологических особенностей пользователей подросткового и юношеского возраста с признаками проблемного использования интернета. Участниками являются 156 интернет-пользователей 13–23 лет (39 подростков 13–17 лет, 117 юношей 18–23 лет). Дизайн исследования кросс-секционный. Для выявления симптомов проблемного использования интернета применялись Шкала интернет-зависимости С. Чена (адаптация В. Л. Малыгина), Опросник проблемного использования социальных сетей (Н. А. Сирота и другие). Для определения социально-психологических особенностей личности использовались Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, Опросник межличностной зависимости Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной) и Опросник самопрезентации в социальной сети (Д. С. Корниенко и другие). Сравнительный и множественный регрессионный анализ показали, что выраженность проблемного использования интернета и мера риска формирования интернет-зависимости в незначительной степени обусловлены возрастом и в большей степени определяются социально-психологическими особенностями и стратегиями подростков: доминированием зависимой позиции, неуверенностью в себе, предпочтением мнения других людей в эмоционально трудных ситуациях, готовностью к созданию нереалистичного Я в онлайн-среде с подстройкой под ожидания аудитории. Участники исследования с низкой склонностью к проблемному использованию интернета менее склонны к уступчивому поведению, больше проявляют лидерские качества, отличаются самостоятельностью суждений, уверенностью в собственном мнении и в принятии решений.

Ключевые слова: проблемное использование интернета, интернет-зависимость, проблемное использование социальных сетей, межличностная зависимость, стиль межличностных отношений, подростковый и юношеский возраст.

Введение. По данным ВЦИОМ, для большинства россиян интернет сегодня является важнейшим средством коммуникации – 88 % в сети общаются с друзьями, знакомыми и родственниками [21]. Интернет стал признанным институтом социализации (киберсоциализации), которую Г. У. Солдатова определяет как «процесс овладения и присвоения человеком социального опыта, приобретаемого в онлайн-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-реальности» [16, с. 76]. Из вызывающего настороженность сервиса интернет превратился в площадку самореализации, самовыражения, самообразования и повседневного общения. Вместе с тем проблемный характер влияния интернет-среды продолжает быть важной проблемой психологической науки. В исследованиях О. В. Зарецкой [3], В. Н. Колесникова и коллег [4], О. И. Самосват и А. И. Ахметзянова [12] показано, что интенсивное использование интернет-коммуникации ассоциировано с трудностями построения общения оффлайн, дефицитом социального взаимодействия, наличием фрустрированных социальных потребностей.

Удовлетворение социальных потребностей в сети может осуществляться через поиск единомышленников, вступление в различные онлайн-сообщества, разделение транслируе-

мых в них ценностей, самовыражение. При этом, как обнаружила Э. О. Расина [11], у пользователей преобладают аффилиационные мотивы: стремление быть в обществе других людей и быть принятым группой, получение одобрения, тех или иных социальных выгод. Ю. И. Лазарева подчеркивает, что интернет-коммуникация привлекает возможностью удовлетворить потребность в ощущении собственной ценности, самоутверждении, признании другими, подкреплении личностной идентичности. Однако последствием этого может быть стремление к усредненности виртуального Я, подстраиванию образа под уже существующие одобренные шаблоны и созданию так называемой репост-идентичности, лишенной уникальности, что несет в себе скрытый или частично осознаваемый посыл быть принятым интернет-сообществом, – отмечают Е. Л. Солдатова и Д. Н. Погорелов [17].

В виртуальной среде приветствуется публичность, идеализация собственного образа, редактирование фотографий (с целью скрыть недостатки внешности), нормализация обценной лексики, терпимость к пунктуационным и грамматическим ошибкам [9]. Желательным поведением, которое получает позитивный отклик в социальных сетях, является активность, открытость, демонстративность, публикация актуальной востребованной информации, частое размещение контента, использование своеобразного сленга, открытое обращение, участие в конкурсах, следование трендам и так далее. Стремясь получить больше знаков социального одобрения и признания, такой пользователь может значительно увеличить свою онлайн-активность за счет расширения круга онлайн-друзей в ущерб качеству коммуникации [12], чувствовать подавленность и страдать от одиночества [4].

Уязвимость перед интернет-влиянием, как признают современные исследователи, связана не столько с фактором времени погружения в интернет-среду, сколько с психологическими факторами подверженности ее влиянию (Н. А. Антонова, А. А. Герасимова, Н. В. Грин, О. А. Гуркина, К. Ю. Ерицян, Е. В. Елисеева, С. Коулман, Д. В. Мальцева, Л. В. Марарица, А. Б. Холмогова, С. Б. Цымбаленко и другие). Анализ публикаций показывает, что если модель индивидуально-психологических особенностей склонного к интернет-зависимости пользователя является предметом систематического обсуждения, то социально-психологические факторы формирования зависимости рассматриваются недостаточно. Можно предположить, что личность, которая в воплощении своей виртуальной идентичности стремится к безусловному соответствию нормам сетевой коммуникации, характеризуется выраженными тенденциями к социальной зависимости и одобрению. Наиболее уязвимой возрастной группой в данном случае являются подростки и юноши, самооценка и идентичность которых еще недостаточно сформированы, а подверженность социальным влияниям, напротив, достаточно высока. Однако эмпирических данных, показывающих риски возникновения склонности к проблемному использованию интернета, в связи с социально-психологическими особенностями в данном возрасте недостаточно, что обусловило проведение специального исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Цель исследования – выявление социально-психологических особенностей пользователей подросткового и юношеского возраста с признаками проблемного использования интернета.

Эмпирическое исследование направлено на проверку следующих гипотез: 1) выраженность проблемного использования интернета в подростковом возрасте выше, чем в юношеском возрасте; 2) подростки и юноши с более выраженной проблемностью использования интернета отличаются склонностью к подчиняемости и зависимости в межличностных отношениях; 3) риск формирования интернет-зависимости обусловлен сочетанным воздействием социально-психологических черт личности и характера использования социальных сетей пользователями подросткового и юношеского возраста.

Методика. В исследовании приняли участие 156 респондентов в возрасте от 13 до 23 лет (39 подростков 13–17 лет, 117 юношей 18–23 лет). Формирование выборки осуществляется по принципу добровольного участия с размещением приглашения к онлайн-исследованию в социальной сети ВКонтакте.

Для выявления симптомов проблемного использования интернета применялись «Шкала интернет-зависимости С. Чена» (адаптация В. Л. Малыгина) [22], «Опросник проблемного использования социальных сетей» (Н. А. Сирота и другие) [14]. Для определения социально-психологических особенностей личности использовались «Методика диагностики межличностных отношений» Т. Лири [15], «Опросник межличностной зависимости» Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной) [18] и «Опросник самопрезентации в социальной сети» (Д. С. Корниенко и другие) [6].

Шкала интернет-зависимости С. Чена CIAS позволяет диагностировать выраженность конкретных симптомов интернет-зависимости: Com (компульсивные симптомы); Wit (симптомы отмены); Tol (симптомы толерантности); IH (внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем); TM (проблемы с управлением временем). Рассчитывается общий балл и два надшкальных критерия: Интегральные (ключевые) симптомы интернет-зависимости (IA-Sym=Com+Wit+Tol) и Негативные последствия использования интернета (IA-RP=IH+TM).

Опросник проблемного использования социальных сетей (Н. А. Сирота и другие) выявляет чрезмерность использования социальных сетей и выраженность провоцирующих его факторов. Определяется предпочтение виртуального общения реальному, наличие склонности к регуляции эмоций с помощью социальных сетей, навязчивые размышления о собственной странице, труднопреодолимое стремление чаще заходить в социальные сети и появление негативных последствий интернет-активности.

Опросник самопрезентации в социальной сети (Д. С. Корниенко и другие) устанавливает особенности виртуального образа, предъявляемого личностью в социальной сети. Шкала «Реальное демонстративное Я» отражает стремление выглядеть в глазах других успешным, благополучным и авторитетным, не исключая возможности обсуждения собственных ошибок и неудач; шкала «Фальшивое обманное Я» – предъявить в сети нереалистичный или фиктивный образ с учетом мнения окружающих, подстройкой под ожидаемое и одобряемое поведение.

Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири позволяет с помощью выделения социальных ориентаций «доминирование-подчинение» и «дружелюбие-враждебность» выявить преобладающий стиль межличностного поведения. В фокусе данного исследования показатели интегрального индекса «Дружелюбия», характеризующие личность как склонную к социально зависимому поведению, нерешительную, уязвимую для мнения окружающих (подчиняемый, зависимый, дружелюбный, альтруистический).

Опросник межличностной зависимости Р. Гиршфильда предназначен для диагностики зависимости в социальных отношениях и содержит шкалы: эмоциональная опора на других, ЭО; неуверенность в себе, Н; стремление к автономии, А. Общий показатель зависимости вычисляется через суммирование значений первых двух шкал и вычитание третьей шкалы: ЭО+Н-А=З.

Результаты. В соответствии с первой гипотезой исследования был проведен сравнительный анализ групп подростков и юношей. Статистически значимые различия (табл. 1) были обнаружены по трем параметрам исследования. Они свидетельствуют о более выраженных для подростков интегральных проблемных последствиях использования интернета, проявляющихся в нарушениях регуляции времени, возникновении проблем со здоровьем и межличностной коммуникации. Кроме того, подростки демонстрируют более высокие показатели по шкале «Фальшивое обманное Я», то есть чаще предъявляют в сети нереалистичный образ Я. Однако незначительное число выявленных различий между сравниваемыми возрастными группами не дает достаточных оснований для высказанного предположения о более высокой выраженности проблемного использования интернета в подростковом возрасте. На этом основании последующий статистический анализ проводился без учета фактора возраста.

Таблица 1

Различия сравнения групп подросткового и юношеского возраста

Показатели	Среднее значение (стандартное отклонение)		Статистическая значимость различий*
	Группа подросткового возраста (n=39)	Группа юношеского возраста (n=117)	
Шкала интернет-зависимости С. Чена			
TM (проблемы с управлением временем)	11,41 (3,007)	9,75 (3,34)	0,006
IA-RP (проблемные последствия использования интернет)	25,15 (7,43)	22,11 (6,71)	0,027
Опросник самопрезентации в социальной сети			
Фальшивое обманное Я	0,44 (3,9)	-1,26 (3,6)	0,008

* – статистическая значимость различий средних определялась по критерию t-Стьюдента.

Для проверки второй гипотезы исследования посредством двухэтапного кластерного анализа выборка была разделена на две контрастные группы по выраженности склонности к проблемному использованию интернета. Для кластеризации использовались общие баллы по

«Шкале интернет-зависимости» и «Опроснику проблемного использования социальных сетей». Полученная модель с хорошим качеством кластеризации обозначила две контрастные по уровню проблемного использования интернета группы. Результаты статистического сравнения выделенных групп по социально-психологическим параметрам исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2

Социально-психологические различия групп с разным уровнем проблемного использования интернета

Показатели	Среднее значение (стандартное отклонение)		Статистическая значимость*
	Группа с низким уровнем проблемного использования интернета (n=83)	Группа с высоким уровнем проблемного использования интернета (n=73)	
Опросник самопрезентации в социальной сети			
Реальное демонстративное Я	17,17 (5,99)	18,44 (4,96)	0,15
Фальшивое обманное Я	-1,65 (3,26)	0,08 (4,02)	0,001
Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири			
Авторитарный	8,13 (3,72)	6,15 (3,89)	0,001
Эгоистичный	6,73 (2,79)	5,95 (2,76)	0,078
Агрессивный	7,58 (2,78)	6,82 (2,65)	0,084
Подозрительный	7,51 (3,18)	8,42 (3,32)	0,081
Подчиняемый	7,72 (3,86)	10,51 (3,75)	0,001
Зависимый	5,98 (2,87)	8,10 (3,24)	0,001
Дружелюбный	7,71 (3,13)	8,84 (3,20)	0,028
Альтруистический	8,54 (3,64)	8,96 (3,39)	0,461
Доминирование	1,67 (8,72)	-5,49 (9,59)	0,001
Дружелюбие	0,33 (10,08)	3,89 (8,12)	0,016
Опросник межличностной зависимости Р. Гиршфильда			
Эмоциональная опора на других	40,00 (7,37)	45,95 (9,19)	0,001
Неуверенность в себе	34,07 (5,83)	39,62 (6,24)	0,395
Стремление к автономии	31,66 (7,30)	30,78 (5,57)	0,001
Зависимость	42,41 (14,22)	54,78 (15,44)	0,001

* – статистическая значимость различий средних определялась по критерию *t*-Стьюдента.

Межгрупповой анализ по «Методике диагностики межличностных отношений» Т. Лири показал статистически достоверные различия в характерных для респондентов двух групп стратегиях взаимодействия, свидетельствующие об отличающихся стилях социальных отношений. Респонденты с высокой выраженностью проблемности использования интернета менее склонны к доминированию, реже проявляют активность и упорство в отстаивании собственного мнения в социальном взаимодействии. При этом они отличаются значимо более выраженными чертами подчиняемости и дружелюбия, что в контексте методики трактуется как готовность к зависимости от мнения окружающих, поиску компромиссов в любых ситуациях. По «Опроснику межличностной зависимости» Р. Гиршфильда выраженность проблемности использования интернета сопряжена с повышенным уровнем показателей неуверенности в себе, зависимости и эмоциональной опоры на других людей в трудных ситуациях. Это свидетельствует о более пассивной позиции в общении, уступчивости, наличии потребности в принятии, заботе, помощи со стороны близких людей, зависимость от их мнения у респондентов из данной группы. По «Опроснику самопрезентации в социальной сети» статистический анализ обнаружил достоверные различия для шкалы Фальшивое обманное Я, что показывает склонность подростков и юношей с признаками проблемного использования как интернета к созданию и эксплуатации виртуального образа Я, который подстраивается под различные задачи интернет-коммуникации и ожидания аудитории. Обобщая результаты сравнительного анализа, можно сказать, что пользователи с высокой выраженностью признаков проблемного использования интернета обнаруживают такие черты, как подчиняемость, зависимость, неуверенность в себе, готовность подстраивать свой образ под ожидания окружающих.

Для выявления предикторного характера связи риска формирования интернет-зависимости с социально-психологическими особенностями пользователей и проблемным использованием социальных сетей проведена процедура множественного регрессионного анализа методом Enter с предварительным уточнением модели включаемых переменных с помощью автоматизированного линейного моделирования (таблица 3).

Таблица 3

Социально-психологические предикторы риска интернет-зависимости		
Сводка для модели		
Зависимая переменная: Общий балл риска интернет-зависимости CIAS		
R		0,799
R-квадрат		0,625
Скорректированный R-квадрат		0,611
Стандартная ошибка оценки		8,0129
Регрессия	Сумма квадратов	16225,225
	ст. св.	9
	Средний квадрат	1802,803
	F	28,078
	p	0,0001
Модель		t
(Константа)		2,804
Зависимость		-2,556
Эмоциональная опора на других		2,646
Неуверенность в себе		2,242
Когнитивная поглощенность		5,116
Компульсивное использование		3,214
Негативные последствия		3,370
Фальшивое обманное Я		2,254
Возраст		-1,905
Регуляция эмоций		2,220

Согласно полученной модели с достаточно высокой информативностью (62,5 % дисперсии), риск возникновения интернет-зависимости связан с неуверенностью в себе и готовностью следовать за группой, проявляющейся в зависимости от поведения окружающих, предпочтении мнения других людей в эмоционально трудных ситуациях и создании нереалистичного виртуального Я с подстройкой под ожидания аудитории. При этом важно, что включенность параметра возраста в полученную модель не достигает уровня статистической значимости, что сопрягается в вышеописанном эффектом немногочисленности различий в интернет-поведении между пользователями подросткового и юношеского возраста. Значительную долю предикторов составляют черты проблемного использования социальных сетей (когнитивная поглощенность, компульсивное использование, негативные последствия), что позволяет говорить о возрастании риска образования интернет-зависимости именно в связи с проблемным характером использования виртуальной коммуникации. Это подтверждается структурой корреляционных связей изучаемых параметров, где мера риска интернет-зависимости связана с тенденциями личности к зависимости и подчиняемости личности не напрямую, а посредством проявляемой пользователями чрезмерной увлеченности социальными сетями (рисунок 1).

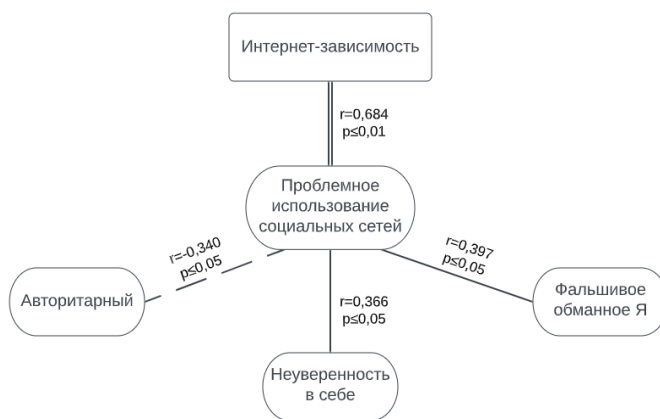

Рис. 1. Корреляционная плеяда параметров исследования в группе с высоким риском интернет-зависимости (коэффициент Спирмена)

Обсуждение. Согласно полученным данным, подтверждается идея о тесной связанности склонности к проблемному использованию интернета и характера межличностных отношений в подростковом и юношеском возрасте. При этом риск несколько выше для подростков, личностная позиция, идентичность и субъектность которых находятся в периоде активного становления. Однако, несмотря на различия в чрезмерной увлеченности интернетом пользователей разного возраста, различий между подростками и юношами в мере тенденций личности к зависимости и подчиняемости не выявлено. Это заставляет предположить, что не сам по себе возраст, а свойственные личности социально-психологические черты (зависимость, подчиняемость, неуверенность в себе, чрезмерная эмоциональная опора на других) являются провоцирующим фактором для формирования проблемности использования интернета. Уступчивость, предпочтение позиции ведомого, неуверенность в себе, отсутствие собственного мнения, несамостоятельность и склонность искать опору в ком-то более сильном являются факторами, провоцирующими поиск одобрения в сети и проблемное использование интернета.

Исследования факторов вовлеченности в интернет-среду показывают, что социальная среда, качество семейных отношений и школьное окружение оказывают существенное влияние на формирование интернет-аддикции у молодых людей; однако это влияние опосредуется через развитие определенных черт характера [13]. Среди них трудности в построении коммуникаций или дефицит социального взаимодействия, слабая эмоциональная чувствительность, наличие фрустрированных потребностей, недостаток самореализации, негативная Я-концепция, гиперсензитивный нарциссизм и перфекционизм со склонностью личности к беспокойству о возможной критике и негативной оценке со стороны других людей, высокий уровень тревожности со склонностью к застенчивости, консерватизму и низкой способностью к рефлексии, а также преобладание мотивации избегания неудач, низкий социальный и эмоциональный интеллект, незрелая идентичность и плохая саморегуляция [3; 4; 5; 7; 20].

Полученные в представленном исследовании результаты дополняют модели личностной обусловленности риска подверженности чрезмерной вовлеченности в использование интернета, обозначая зону высокого риска чрезмерной поглощенности интернетом именно для молодых людей с выраженными тенденциями к зависимости и подчиняемости в межличностных отношениях.

Обращает на себя внимание выявленная высокая мера предикторной обусловленности риска интернет-зависимости характером использования социальных сетей. Для подростков и юношей с высокой возрастной значимостью межличностного общения со сверстниками и неустойчивой идентичностью соцсети являются средой поиска референтов становящейся личности, отыгрывания экспериментальных персональных масок, проб всевозможных форм социального взаимодействия. Сам формат общения и самопрезентации в социальной сети предполагает возможность заполнять и редактировать данные аккаунта по своему усмотрению, искажать или скрывать некоторые биографические сведения, транслировать определенные убеждения, подстраивая свою личность под некий общественный запрос. Рейтинговая подсистема личного аккаунта в данном случае является показателем социального признания или непризнания и, как следствие, выступает средством положительного или отрицательного подкрепления определенного образа действий пользователей [10], что подчеркивается в когнитивно-поведенческой модели интернет-зависимости Р. Девиса [23], где интернет-зависимость рассматривается как следствие оперантной обусловленности. Согласно полученным данным, именно проблемное использование социальных сетей является важным условием формирования интернет-зависимости для молодых людей, предрасположенных к преимущественной позиции ведомого, уступчивости, сомнению в своем мнении, готовности подстроиться под мнение окружающих и продемонстрировать социально ожидаемое онлайн-поведение. Такой результат хорошо согласуется с работами, где раскрыта важность роли соцсетей в формировании интернет-зависимости [14; 25], подтверждает одно из ранних указаний на значимость социальных сетей в модели многоплановой обусловленности интернет-зависимости К. Янг [26].

Ценным результатом исследования является обнаруженная готовность подростков и юношей чрезмерно злоупотреблять имитационными, а зачастую фальшивыми паттернами интернет-общения, на фоне склонности к социально зависимому поведению. Проблемное использование интернета во многом является следствием зависимости личности от порождаемых ею самой онлайн-идентичностей и отклика на них других пользователей [1]. Готовность

идти на поводу группы при отсутствии или слабости собственной позиции усиливает распространенные в интернет-поведении тенденции к избеганию реальности, что указывается Р. ЛаРоуз (R. LaRose) [24] как ведущий фактор формирования интернет-зависимости и подтверждается целым рядом современных исследований [2; 19].

Ограничение результатов исследования связано с локальностью обследованной выборки, анонимностью и произвольной включенностью участников, которые в перспективе можно преодолеть за счет привлечения молодых людей с диагностированной интернет-аддикцией, уточнением социально-психологического портрета привлекаемых респондентов и контроля объективных параметров образа и продуктивности их жизни.

Заключение. Полученные результаты вносят вклад в разработку перспективного направления исследований, связанного с выявлением психологических ресурсов противостояния формированию зависимости от виртуальной среды, и могут быть использованы для построения программ комплексной психолого-социальной профилактики проблемного использования интернета и снижения рисков формирования интернет-аддикции. В программах важно обращать внимание на развитие рефлексии и самосознания, формирование адекватного образа Я, активной личностной позиции, уверенности в себе, самостоятельности, критичности мышления и повышения уровня коммуникативной компетентности пользователей подросткового и юношеского возраста.

Список литературы

1. Богомолова Е. И. Взаимосвязь личностных характеристик с особенностями активности пользователей социальных сетей Интернета : дис. ... канд. психол. наук. КубГУ, 2015. 156 с.
2. Богомолова М. А., Бузина Т. А. Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции // Медицинская психология в России. 2018. № 2. С. 1–13. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-12080.
3. Зарецкая О. В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2017. № 2. С. 145–165. DOI: 10.17759/psyedu.2017090213.
4. Колесников В. Н., Мельник Ю. И., Теплова Л. И. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 34–45. DOI: 10.11621/npj.2019.0104.
5. Колмогорцева А. А., Рыльская Е. А. Индивидуально-психологические особенности личности с интернет-зависимостью // Психология. Психофизиология. 2021. № 1. С. 14–22. DOI: 10.14529/jpps210102.
6. Корниенко Д. С., Дерюш Ф. В., Руднова Н. А., Горбушина Е. А. Психометрические характеристики шкалы самопрезентации в социальной сети // Психологические исследования. 2021. № 75. С. 1–22. DOI: 10.54359/ps.v14i75.153.
7. Корниенко Д. С., Руднова Н. А. Особенности использования социальных сетей в связи с прокрастинацией и саморегуляцией // Психологические исследования. 2018. № 59. DOI: 10.54359/ps.v11i59.284.
8. Лазарева И. Ю. Профилактика деструктивного информационно-психологического воздействия на молодежь в сети интернет // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. № 4 (87). С. 416–422. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-487-416-422.
9. Погорелов Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей // Казанский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 262–267.
10. Расина Э. О. Структурная композиция виртуального образа личности в контексте российского интернет-пространства // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2020. № 1. С. 93–104. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-1-0-8.
11. Расина Э. О. Место виртуального образа личности в перцептивных процессах социального взаимодействия в виртуальном пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2021. № 2. С. 115–129. DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9.
12. Самосват О. И., Ахметзянова А. И. Значимость социального одобрения для подростков в условиях социальных сетей // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2016. № 7. С. 181–190.
13. Семенова Н. Б. Современные представления о роли социальных факторов в развитии интернет-зависимого поведения у детей и подростков (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 22–32. DOI: 10.17759/sps.2022130102.
14. Сирота Н. А., Московченко Д. В., Ялтонский В. М. Разработка русскоязычной версии опросника проблемного использования социальных сетей // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 33–55. DOI: 10.17759/cpp.2018260303.
15. Собчик Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Метод. Руководство. М., 1990.

16. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308.
17. Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. № 5. С. 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.
18. Тест-опросник на межличностную зависимость Р. Гиршфильда (адаптация О. П. Макушиной) // Методы психологического изучения девиантного поведения. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 79 с.
19. Токарь Д. А., Дувалина О. Н. Интернет-зависимость как форма аддиктивного поведения личности // Colloquium-journal. 2019. № 10. С. 101–102. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10282.
20. Холмогорова А. Б., Герасимова А. А. Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста // Консультативная психология и психотерапия. 2019. № 3. С. 138–155. DOI: 10.17759/cpp.2019270309.
21. Цифровой детокс: зачем, как и почему? // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czifrovoj-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (дата обращения: 18.01.2021).
22. Шкала Интернет-зависимости С. Чена (адаптация В. Л. Малыгина, К. А. Феклисова) // Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики : учебное пособие для студентов факультета клинической психологии по дисциплине специализации «Психологическая коррекция аддиктивного поведения» / В. Л. Малыгин, К. А. Феликсов, А. С. Искандирова [и др.]. М. : Московский государственный медико-стоматологический Университет Росздрава, 2011. 32 с.
23. Davis R. A., Flett G. L., Besser A. Validation of a new scale for measuring problematic internet use: implications for pre-employment screening // Cyberpsychol Behav. 2002. Vol. 5. № 4. Pp. 331–345.
24. LaRose R., Eastin M. S. A social cognitive theory of Internet uses and gratifications: Toward a new model of media attendance // Journal of Broadcasting & Electronic Media. 2004. Vol. 48. № 3. Pp. 358–377.
25. Ryan T., Reece J., Chester A., Xenos S. Who gets hooked on Facebook? An exploratory typology of problematic Facebook users // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2016. Vol. 10 (3). Pp. 1–25. DOI: 10.5817/CP2016-3-4.
26. Young K. S. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // Cyberpsychology and Behavior. 1998. Vol. 1 (3). Pp. 237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237.

Socio-psychological characteristics of adolescent and adolescent users with problematic Internet use

М. А. Shchukina¹, А. I. Martela²

¹Doctor of Psychological Sciences, professor of the Department of Psychology, Institute of Medical Education, FSBI National Medical Research Center of the Ministry of Health of Russia n. a. V. A. Almazov, Russia, St. Petersburg. E-mail: corr5@mail.ru

²bachelor of Psychology. Russia, St. Petersburg. E-mail: mart_nastya2605@mail.ru

Abstract. There is a lack of research on the propensity to problematic use of the Internet in connection with the dependence and subordination of personality in interpersonal relationships. The paper presents an empirical study aimed at identifying the socio-psychological characteristics of adolescent and adolescent users with signs of problematic Internet use. The participants are 156 Internet users aged 13–23 (39 teenagers aged 13–17, 117 boys aged 18–23). The design of the study is cross-sectional. To identify the symptoms of problematic Internet use, the S. Chen Scale of Internet Addiction (adapted by V. L. Malygin), the Questionnaire of Problematic Use of Social Networks (N. A. Sirota and others) were used. To determine the socio-psychological characteristics of the personality, the Method of diagnosing interpersonal relationships by T. Leary, the Questionnaire of Interpersonal dependence by R. Girshfield (adaptation by O. P. Makushina) and the Questionnaire of self-presentation in the social network (D. S. Kornienko and others) were used. Comparative and multiple regression analysis have shown that the severity of problematic Internet use and the measure of the risk of Internet addiction formation are to a small extent due to age and are more determined by the socio-psychological characteristics and strategies of adolescents: the dominance of a dependent position, self-doubt, preference for the opinions of other people in emotionally difficult situations, readiness to create an unrealistic Self in an online environment tailored to the expectations of the audience. The study participants with a low propensity for problematic Internet use are less likely to be compliant, show more leadership qualities, differ in independent judgments, confidence in their own opinion and decision-making.

Keywords: problematic Internet use, Internet addiction, problematic use of social networks, interpersonal addiction, interpersonal relationship style, adolescence and adolescence.

References

1. Bogomolova E. I. *Vzaimosvyaz' lichnostnyh harakteristik s osobennostyami aktivnosti pol'zovatelej social'nyh setej Interneta : dis. ... kand. psihol. nauk* [The relationship of personal characteristics with the characteristics of the activity of users of social networks of the Internet : dis. ... PhD in Psychological Sciences]. KubSU. 2015. 156 p.
2. Bogomolova M. A., Buzina T. A. *Internet-zavisimost': aspekty formirovaniya i vozmozhnosti psihologicheskoy korrekcii* [Internet addiction: aspects of formation and possibilities of psychological correction] // *Medicinskaya psihologiya v Rossii – Medical psychology in Russia*. 2018. No. 2. Pp. 1–13. DOI: 10.24411/2219-8245-2018-12080.
3. Zareckaya O. V. *Komp'yuternaya i internet-zavisimost': analiz i sistematizaciya podhodov k probleme* [Computer and Internet addiction: analysis and systematization of approaches to the problem] // *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru – Psychological Science and education psyedu.ru*. 2017. No. 2. Pp. 145–165. DOI: 10.17759/psyedu.2017090213.
4. Kolesnikov V. N., Mel'nik Yu. I., Teplova L. I. *Internet-aktivnost' i problemnoe ispol'zovanie interneta v yunosheskom vozraste* [Internet activity and problematic use of the Internet in adolescence] // *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal – National Psychological Journal*. 2019. No. 1. Pp. 34–45. DOI: 10.11621/npj.2019.0104.
5. Kolmogortseva A. A., Ryl'skaya E. A. [Individual psychological characteristics of a person with Internet addiction] // *Psihologiya – Psychology. Psychophysiology*. 2021. No. 1. Pp. 14–22. DOI: 10.14529/jpps210102.
6. Kolmogorceva A. A., Ryl'skaya E. A. *Individual'no-psihologicheskie osobennosti lichnosti s internet-zavisimost'yu* [Psychometric characteristics of the scale of self-presentation in the social network] // *Psihologicheskie issledovaniya – Psychological research*. 2021. No. 75. Pp. 1–22. DOI: 10.54359/ps.v14i75.153.
7. Kornienko D. S., Rudnova N. A. *Osobennosti ispol'zovaniya social'nyh setej v svyazi s prokrastinaciej i samoregulyaciej* [Features of the use of social networks in connection with procrastination and self-regulation] // *Psihologicheskie issledovaniya – Psychological research*. 2018. No. 59. DOI: 10.54359/ps.v11i59.284.
8. Lazareva I. Yu. *Profilaktika destruktivnogo informacionno-psihologicheskogo vozdejstviya na molodezh' v seti internet* [Prevention of destructive informational and psychological impact on young people on the Internet] // *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement agencies*. 2021. No. 4 (87). Pp. 416–422. DOI: 10.24412/1999-6241-2021-487-416-422.
9. Pogorelov D. N. *Struktura virtual'noj identichnosti pol'zovatelej social'nyh setej* [Structure of virtual identity of users of social networks] // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal – Kazan Pedagogical Journal*. 2020. No. 4. Pp. 262–267.
10. Rasina E. O. *Strukturnaya kompoziciya virtual'nogo obraza lichnosti v kontekste rossijskogo internet-prostranstva* [Structural composition of the virtual image of a personality in the context of the Russian Internet space] // *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya – Scientific result. Pedagogy and psychology of education*. 2020. No. 1. Pp. 93–104. DOI: 10.18413/2313-8971-2020-6-1-0-8.
11. Rasina E. O. *Mesto virtual'nogo obraza lichnosti v perceptivnyh processah social'nogo vzaimodejstviya v virtual'nom prostranstve* [The place of the virtual image of personality in the perceptual processes of social interaction in virtual space] // *Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologiya obrazovaniya – Scientific result. Pedagogy and psychology of education*. 2021. No. 2. Pp. 115–129. DOI: 10.18413/2313-8971-2021-7-2-0-9.
12. Samosvat O. I., Ahmetzyanova A. I. *Znachimost' social'nogo odobreniya dlya podrostkov v usloviyah social'nyh setej* [The importance of social approval for adolescents in the context of social networks] // *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya – Questions of journalism, pedagogy, linguistics*. 2016. No. 7. Pp. 181–190.
13. Semenova N. B. *Sovremennye predstavleniya o roli social'nyh faktorov v razvitii internet-zavisimogo povedeniya u detej i podrostkov (po materialam zarubezhnyh issledovanij)* [Modern ideas about the role of social factors in the development of Internet-dependent behavior in children and adolescents (based on foreign research materials)] // *Social'naya psihologiya i obshchestvo – Social Psychology and society*. 2022. Vol. 13. No. 1. Pp. 22–32. DOI: 10.17759/sps.2022130102.
14. Sirota N. A., Moskovchenko D. V., Yaltonskij V. M. *Razrabotka russkoyazychnoj versii oprosnika problemnogo ispol'zovaniya social'nyh setej* [Development of the Russian-language version of the questionnaire of problematic use of social networks] // *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya – Consultative psychology and psychotherapy*. 2018. Vol. 26. No. 3. Pp. 33–55. DOI: 10.17759/cPp.2018260303.
15. Sobchik L. N. *Metody psihologicheskoy diagnostiki. Vyp. 3. Diagnostika mezhlichnostnyh otnoshenij. Modificirovannyj variant interpersonal'noj diagnostiki T. Liri. Metod. rukovodstvo* [Methods of psychological diagnostics. Issue 3. Diagnostics of interpersonal relationships. A modified version of T. Leary's interpersonal diagnostics. Method. manual]. M. 1990.
16. Soldatova G. U. *Cifrovaya socializaciya v kul'turno-istoricheskoy paradigme: izmenyayushchiysya rebenok v izmenyayushchemsya mire* [Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world] // *Social'naya psihologiya i obshchestvo – Social psychology and society*. 2018. No. 3. Pp. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308.
17. Soldatova E. L., Pogorelov D. N. *Fenomen virtual'noj identichnosti: sovremennoe sostoyanie problemy* [The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem] // *Obrazovanie i nauka – Education and Science*. 2018. No. 5. Pp. 105–124. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124.

18. *Test-oprosnik na mezhlichnostnuyu zavisimost' R. Girshfil'da (adaptaciya O. P. Makushinoj)* – Test questionnaire on interpersonal dependence by R. Girshfield (adaptation by O. P. Makushina) // *Metody psihologicheskogo izucheniya deviantnogo povedeniya* – Methods of psychological study of deviant behavior. Voronezh. Voronezh State University. 2006. 79 p.

19. *Tokar' D. A., Duvalina O. N. Internet-zavisimost' kak forma addiktivnogo povedeniya lichnosti* [Internet addiction as a form of addictive personality behavior] // *Colloquium-journal* – Colloquium-journal. 2019. No. 10. Pp. 101–102. DOI: 10.24411/2520-6990-2019-10282.

20. *Holmogorova A. B., Gerasimova A. A. Psihologicheskie faktory problemnogo ispol'zovaniya Interneta u devushek podrostkovogo i yunosheskogo vozrasta* [Psychological factors of problematic Internet use in adolescent and adolescent girls] // *Konsul'tativnaya psihologiya i psihoterapiya* – Consultative psychology and psychotherapy. 2019. No. 3. Pp. 138–155. DOI: 10.17759/cPp.2019270309.

21. *Cifrovoy detoks: zachem, kak i pochemu?* – Digital detox: why, how and why? // *Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya* – All-Russian Center for the Study of Public Opinion. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoy-detoks-zachem-kak-i-pochemu> (date accessed: 18.01.2021).

22. *Shkala Internet-zavisimosti S. Chena (adaptaciya V. L. Malygina, K. A. Feklisova)* – The scale of Internet addiction by S. Chen (adaptation by V. L. Malygin, K. A. Feklisova) // *Internet-zavisimoe povedenie. Kriterii i metody diagnostiki : uchebnoe posobie dlya studentov fakul'teta klinicheskoy psihologii po discipline specializacii "Psihologicheskaya korrekciya addiktivnogo povedeniya"* – Internet-dependent behavior. Criteria and methods of diagnosis : textbook for students of the Faculty of Clinical Psychology in the discipline of specialization "Psychological correction of addictive behavior" / V. L. Malygin, K. A. Felixov, A. S. Iskandirova [et al.]. M. Moscow State Medical and Dental University of Roszdrav. 2011. 32 p.

23. *Davis R. A., Flett G. L., Besser A.* Validation of a new scale for measuring problematic internet use: implications for pre-employment screening // *Cyberpsychol Behav.* 2002. Vol. 5. No. 4. Pp. 331–345.

24. *LaRose R., Eastin M. S.* A social cognitive theory of Internet uses and gratifications: Toward a new model of media attendance // *Journal of Broadcasting & Electronic Media.* 2004. Vol. 48. No. 3. Pp. 358–377.

25. *Ryan T., Reece J., Chester A., Xenos S.* Who gets hooked on Facebook? An exploratory typology of problematic Facebook users // *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace.* 2016. Vol. 10 (3). Pp. 1–25. DOI: 10.5817/CP2016-3-4.

26. *Young K. S.* Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // *Cyberpsychology and Behavior.* 1998. Vol. 1 (3). Pp. 237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237.

Влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери

Л. А. Пузырёва

кандидат психологических наук, доцент, Ярославский государственный медицинский университет.
Россия, г. Ярославль. E-mail: lapysireva@mail.ru

Аннотация. В рамках данной темы изучалось влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери. Актуальность темы не вызывает сомнений, так как созависимость оказывает существенное влияние не только на специфику отношений между людьми, но и на формирование личности.

Цель исследования – выявить влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери. В качестве испытуемых выступили 66 женщин в возрасте от 18 до 57 лет. В исследовании были использованы следующие методы: опросник созависимых моделей поведения Б. и Дж. Уайнхолд, текст на тему «Моя мама» с последующим контент-анализом, семантический дифференциал, цветовой тест отношений А. М. Эткинда.

В результате исследования подтвердилась гипотеза о влиянии субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери. Выявлено влияние определенных характеристик матери на созависимое поведение дочери. Так, наибольшее влияние на формирование созависимого поведения дочери оказывает болезненность матери. В проведенном исследовании выявлена взаимосвязь созависимого поведения дочери с ее субъективным восприятием матери как корыстной, неряшливой, неопрятной, скупой, зависимой от мнения окружающих.

Также было выделено два основных типа матери созависимой женщины. Первый тип получил название «Плохая хозяйка», он включает такие личностные особенности матери, как негостеприимность, лень, скупость, бесхозяйственность, безразличие к успехам дочери. Второй тип получил название «Эмоционально холодная мама», он включает в себя следующие особенности матери – зависимая, эмоционально холодная, не жалеющая (ДА! СОГЛАСНА) себя женщина.

Результаты исследования можно использовать для разработки программ психологической помощи людям с выраженными моделями созависимого поведения, а также для составления программ профилактики созависимых моделей поведения.

Ключевые слова: созависимость, женщины, мать, дочь, семья, личностные характеристики.

Введение. В последнее десятилетие наблюдается рост интереса к такому феномену, как созависимое поведение. Созависимость привлекает внимание как врачей (психиатров, наркологов), так и психологов. Ни в медицине, ни в психологии на данный момент созависимость не имеет четкого определения, но все специалисты сходятся во мнении, что это сложное по генезису психологическое расстройство.

Созависимость – это отношения двух людей, характеризующиеся чрезмерной эмоциональной, а иногда физической и социальной зависимостью, которые занимают крайне большое место в жизни, вытесняя и обесценивая все остальное, и при этом не приносят удовлетворение [9, с. 246].

Созависимым в психологии принято называть человека, который будучи эмоционально зависим от настроения и поведения другого человека (муж, жена, сын, дочь, брат, мама, папа), пытается контролировать его действия, манипулировать им, тем самым регулирует свое состояние [20].

По мнению зарубежных и отечественных психологов, созависимое поведение – одна из наиболее распространенных тем в психологической практике, которая мешает человеку проживать полноценную жизнь (Н. Г. Артемцева, Е. В. Емельянова, С. Карпман, В. Д. Москаленко и др.). Б. и Дж. Уайнхолд, проводя исследование проблемы созависимости, отмечают, что созависимое поведение в той или иной степени характерно для 98 % людей [16].

Рост интереса к данному феномену способствовал поиску причин созависимости [22].

Впервые термин «созависимость» стал использоваться для описания поведения женщин, которые находились в разного рода отношениях с мужчинами, страдающими алкоголизмом (мать, жена, девушка, сестры) (их называли – со-алкоголики) [7; 8]. Исследователи отмечали,

что длительное взаимодействие женщины с зависимым партнером (от алкоголя или наркотиков) приводит ее к определенному психическому и физическому состоянию [7; 8; 12; 19].

В рамках психодинамического подхода созависимость рассматривается как психологическое расстройство, возникающее вследствие незавершенности важной стадии развития в детском возрасте, а именно стадии установления психологической автономии от родителя [16].

Созависимое поведение изначально больше изучалось врачами, оно рассматривалось как форма психопатологии. Были сделаны попытки разработать диагностические критерии для выявления созависимости [21]. Однако предложенная модель Созависимого Личностного Расстройства для включения в DSM-III-R не была принята комитетом APA из-за недостатка представленных эмпирических исследований [13].

Эмпирические исследования созависимости начались с конца 80-х гг. XX в. Они способствовали расширению представлений о причинах созависимого поведения.

В проведенных исследованиях ученые пытались учесть множество факторов, которые могли способствовать развитию созависимой модели поведения.

Врачи-психиатры, психотерапевты рассматривают созависимость как форму невроза, характерную по большей части для женщин. В основе этого невроза лежит биохимическая уязвимость подобных женщин к депрессиям [9].

Психологические исследования подтвердили предположение, что корни созависимого поведения лежат в родительской семье созависимого. В частности, речь шла о дисфункциональных семьях, где ребенок в течение длительного времени наблюдает нездоровые модели поведения родителей [7; 11].

Рост популярности семейной терапии обратил внимание исследователей на необходимость учитывать семейный контекст при поиске причин созависимого поведения [13]. Согласно наблюдениям психологов, семья, в которой воспитывался созависимый, всегда дисфункциональна, она не дает ребенку ощущения безопасности и собственной значимости (В. Д. Москаленко, 2004, Е. М. Раклова, 2006, Н. И. Слободчикова, 2017, Я. В. Шимановская, 2010, М. Битти, 1989 и другие).

Были выделены характеристики неблагополучной семьи, повышающие риск возникновения созависимости у ребенка [9, с. 248–249].

Изначально и в настоящее время созависимое поведение в большей степени атрибутируется женщинам [13]. Но на данный момент в литературе нет исследований, раскрывающих влияние материнской фигуры на формирование созависимого поведения дочери. Отношения между матерью и дочерью строятся в самых разных планах и не всегда предсказуемы [18]. Роль матери в психическом развитии девочки не требует специальных доказательств (это же верно и в отношении отца, сына). Довольно часто мать одна воспитывает дочь, количество неполных семей растет с каждым годом.

Имея определенный научный интерес в сфере изучения созависимости, мы решили рассмотреть, как личностные характеристики матери могут влиять на формирование созависимых моделей поведения дочери.

Методы. Цель данной исследовательской работы – выявить влияние субъективного образа матери на формирование созависимого поведения дочери. В качестве испытуемых выступили 66 женщин в возрасте от 18 до 57 лет. В исследовании были использованы следующие методы: опросник созависимых моделей поведения Б. и Дж. Уайнхолд, текст на тему «моя мама» с последующим контент-анализом, семантический дифференциал, цветовой тест отношений А. М. Эткинда.

Математические и статистические методы обработки данных результатов исследования: ранговый коэффициент корреляции Спирмена, метод Varimax, метод K-Means Clustering, метод Principal components, метод Multiple Regression.

Гипотеза исследования состояла в предположении, что на формирование созависимого поведения дочери влияет субъективное восприятие дочерью личностных характеристик матери.

Результаты. Исследование проходило в несколько этапов.

Для участия в исследовании мы отбирали женщин с высокой и очень высокой степенью выраженности созависимых моделей поведения (по результатам опросника Б. Уайнхолд и Д. Уайнхолд).

На втором этапе – с помощью цветового теста отношений А. М. Эткинда – исследовалось эмоциональное отношение женщины к родителям [10].

Результаты данного исследования показали, что более половины женщин (67 %) оценивают свои отношения с матерью как эмоционально положительные, и только 7 % оценивают их как конфликтные.

На основании данной информации мы можем предположить следующее. Поскольку большая часть женщин оценивают отношения с матерью как эмоционально положительные, то и модель поведения матери ими будет бессознательно оцениваться как правильная.

Далее испытуемым предлагалось задание – написать сочинение на тему «Моя мама», в котором они должны были отразить ответы на следующие вопросы: как мама проводила свободное время, каким было ее настроение большую часть времени, какие были отношения у мамы с мужем (отцом или отчимом), любила ли мама ухаживать за собой, любила ли она заниматься домашним хозяйством, приводить в порядок дом, создавать там чистоту, уют, была ли мама счастлива. Вопросы направлены на актуализацию детских переживаний у испытуемых.

Далее был проведен контент-анализ данных сочинений и отобраны прилагательные, с помощью которых наши испытуемые наиболее часто описывали свою маму. Данная работа была проведена с целью создания семантического дифференциала для дальнейшего исследования [10].

На следующем этапе был проведен корреляционный анализ (Ч. Спирмен) всех полученных данных (опросник созависимых моделей поведения, тест А. М. Эткинда, семантический дифференциал).

Были выделены следующие взаимосвязи:

1) Высокий уровень созависимых моделей поведения дочери взаимосвязан с восприятием матери как неряшливой, скупой, корыстной, зависимой от мнения окружающих.

2) Равнодушное отношение дочери к матери взаимосвязано с ее восприятием как неопрятной, ленивой, болезненной и приземленной.

3) Взаимосвязаны между собой восприятие матери как ухоженной, духовной, энергичной и позитивное отношение к ней дочери.

4) Отмечается взаимосвязь между вероятностью конфликта с матерью и ее восприятием как глупой, безразличной к успехам дочери, замкнутой [10].

Также были выделены ведущие характеристики матери при ее субъективном восприятии дочерью. К ним относятся – безразличие, бесхозяйственность, негостеприимность, замкнутость, злость, игнорирование, скупость.

На следующем этапе была проведена ранговая корреляция между показателями семантического дифференциала, утверждениями опросника Дж. и Б. Уайнхолда и общим баллом по созависимости. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Ранговая корреляция Ч. Спирмена
 между показателями семантического дифференциала и утверждениями опросника
 на созависимые модели поведения Б. и Дж. Уайнхолда**

Вопрос из опросника на созависимые модели поведения Б. и Дж. Уайнхолд	Личностные характеристики матери по семантическому дифференциалу				Общий результат оп- росника на соза- висимые модели поведения
	Здоровая болезненная (часто болеет)	Строгая – мягкая	Энергичная – вялая	Бережно к себе относилась – не жалела себя	
1	2	3	4	5	6
1. Я склонна брать на себя ответственность за чувства и/или поведение других людей	-0,02	-0,05	-0,13	-0,10	0,24*
2. Мне трудно определить, что я чувствую в данный момент	0,16	0,11	0,18	-0,05	0,22
3. Мне тяжело выражать свои чувства	0,27*	0,16	0,32**	0,07	0,35**
4. Я беспокоюсь о том, как другие отреагируют на мои чувства или поведение	-0,07	0,17	0,15	0,08	0,24*

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
5. Я свожу к минимуму проблемы и отрицаю или изменяю правду о чувствах или поведении людей, с которыми общаюсь	0,07	0,16	0,19	-0,04	0,19
6. Мне трудно устанавливать или поддерживать тесные взаимоотношения	0,14	0,11	0,23	0,23	0,09
7. Я боюсь быть отвергнутой	0,11	0,07	0,23	0,13	0,27*
8. Я стараюсь добиваться во всем совершенства и сужу себя строго	0,02	-0,01	-0,06	-0,05	0,15
9. Мне трудно принимать решения	0,08	0,32**	0,29*	0,07	0,26*
10. Я склонна полагаться на мнения других, а не действовать по своему усмотрению	-0,01	0,05	0,16	0,24*	0,16
11. Я склонна ставить желания и потребности других людей на первый план	0,02	0,06	-0,02	0,20	0,20
12. Я склонна ценить мнение других людей выше своего собственного	0,01	0,12	0,16	0,34**	0,21
13. Мое ощущение собственного достоинства идет извне, в зависимости от мнения или действий других людей	0,07	-0,06	0,24*	0,05	0,13
14. Мне сложно просить о помощи	0,10	-0,04	-0,08	0,22	0,09
15. Я стремлюсь контролировать других	0,06	-0,14	0,05	0,15	0,28*
16. Я слишком лоялен (лояльна) к другим, даже в том случае, когда эта лояльность не оправдывается	-0,06	0,09	0,08	0,11	0,25*
17. У меня привычка рассматривать ситуации по принципу «все или ничего»	0,07	-0,01	0,19	-0,03	0,33**
18. Я очень толерантна к непоследовательности и смешанным поручениям	-0,17	-0,02	-0,11	0,08	-0,25*
19. В моей жизни происходят эмоциональные кризисы и хаос	0,32**	0,03	0,24*	0,05	0,43***
20. Я стараюсь искать взаимоотношения там, где чувствую себя «нужной», и пытаюсь затем сохранять их	0,06	0,13	0,25*	-0,11	0,10

Примечание:

* – корреляция на уровне значимости $p < 0,05$

** – корреляция на уровне значимости $p < 0,01$

*** – корреляция на уровне значимости $p < 0,001$

Из таблицы видно, что наибольший вклад в общий балл по созависимости вносят такие показатели созависимого поведения, как хаотичность жизни и большое количество эмоциональных кризисов, трудность выражения собственных чувств и стремление к оцениванию жизненных ситуаций с позиции «все или ничего».

Созависимые люди стремятся к тотальному контролю ситуаций и людей вокруг себя. Все это требует от них чрезмерной сосредоточенности, напряженности, включенности в ситуацию, сил для удержания этого контроля. Такая совокупность требований и определяет хаотичность их жизни. Женщина берет на себя ответственность не за свои чувства, а за чувства других людей, что приводит к частым нервным срывам, так как своим чувствам она не дает выход, подавляет их.

То есть женщине трудно отслеживать и выражать свои чувства, которые имеют тенденцию накапливаться во внутреннее напряжение. Женщина чувствует одно, а выражает совсем другое. Такой отказ от собственных чувств действует как некая анестезия, обезболивание своих переживаний.

Мышление по типу «все или ничего» представлено у эмоционально незрелых людей. Они просто неспособны принять все многообразие окружающего их мира. Эти женщины, скорее всего, длительное время находились в состоянии безуспешной борьбы за какую-то навязчивую идею.

Далее для проверки гипотезы о наличии влияния субъективного образа матери на созависимые модели поведения дочери нами был использован регрессионный анализ между

показателями семантического дифференциала и утверждениями опросника Дж. и Б. Уайнхолда. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Регрессионный анализ семантического дифференциала с утверждениями опросника на созависимые модели поведения Б. и Дж. Уайнхолда

Субъективное восприятие личностных характеристик матери по семантическому дифференциалу	Утверждения опросника на созависимые модели поведения					
	2. Мне трудно определить то, что я чувствую в данный момент	3. Мне тяжело выражать свои чувства	9. Мне трудно принимать решения	12. Мнение других людей для меня важнее, чем мое собственное	19. Моя жизнь изобилует эмоциональными срывами	20. Я стараюсь искать взаимоотношения там, где чувствую себя «нужной», и пытаюсь затем сохранить их
Мягкая по характеру мать	0,039*		0,001***			
Вялая мать		0,022*	0,029*			
Депрессивная мать				0,008**		
Мать не жалела себя				0,018*		0,016*
Мать безразлична к успехам дочери			0,030*		0,037*	

Примечание:

* – корреляция на уровне значимости $p < 0,05$

** – корреляция на уровне значимости $p < 0,01$

*** – корреляция на уровне значимости $p < 0,001$

Регрессионный анализ семантического дифференциала с общим баллом по опроснику созависимых моделей поведения Б. и Дж. Уайнхолд выявил значимое влияние на созависимость следующей личностной характеристики – болезненность матери (0,007796 на уровне значимости $p \leq 0,01$).

Это можно трактовать следующим образом: частота болезненных проявлений у матери может способствовать повышению чувства ответственности за ее состояние у дочери. Когда мама часто болеет, у дочери повышается тревога, возникает чувство беспокойства за здоровье матери, страх, что она может остаться одна. Она начинает брать на себя часть каких-то домашних дел, которые раньше делала мама. Девочка может начать себя ограничивать в посещении каких-то мероприятий, в общении со сверстниками, меньше покидать дом на длительное время. Жизнь дочери становится зависимой от состояния матери, вызывая у нее противоречивые переживания. С одной стороны, есть страх за здоровье матери, с другой стороны, недовольство ею, что из-за нее нужно в чем-то себе отказывать, перестраиваться. У дочери возникает большое внутреннее напряжение из-за противоречивых эмоций в отношении матери. И это не способствует ее физическому и эмоциональному здоровью, влечет за собой депрессивные состояния, трудности сделать выбор, желание контролировать ситуацию (это и есть проявления созависимого поведения).

Чем более мама воспринимается мягкой, малоэнергичной, тем больше трудностей возникает у дочери в принятии решений и в определении собственных эмоций.

Вероятно, мягкость матери дочь расценивает как ее проявление неуверенности в своих решениях, желание переложить принятие решения на кого-то еще. Дочери часто перенимают модель поведения матери. Поэтому если мама не дает четкой позиции по своим решениям, то и дочь, скорее всего, будет затрудняться в принятии решений.

Мягкая, малоэнергичная мама также, возможно, не показывает ребенку весь спектр и всю яркость эмоций. Но ведь именно на родителях лежит ответственность за обучение детей выражению эмоций.

Следующий интересный результат нашего исследования. Чем больше мама воспринимается дочерью как не жалеющая себя (не позволяющая себе отдыхать, помогающая другим вопреки своим интересам), тем больше у дочери потребность в отношениях, где в ней нуждаются. Кроме того, дочь, выросшая с такой матерью, скорее всего, будет воспринимать чужое мнение как более значимое, чем свое.

С точки зрения дочери, такое поведение матери объясняется желанием быть нужной, приносить пользу семье и обществу, и дочь подсознательно воспринимает это как благородную идею. Она начинает искать отношения, в которых бы в ней нуждались.

Женщина, которая много заботится о других, имеет меньше возможностей уделять внимание себе, своей внешности, здоровью. Это часто свидетельствует о низкой самооценке. Человек с низкой самооценкой вряд ли будет считать свое мнение более значимым, чем мнение других.

Следующее выявленное влияние – чем больше мама воспринимается дочерью как депрессивная, тем больше дочь воспринимает чужое мнение более значимым.

Мнение депрессивной мамы с точки зрения дочери кажется менее аргументированным, видимо, в силу отсутствия жизненных показателей успеха мамы (мама мало радуется успехам). Дочери требуется оценка своих действий со стороны, мама такую яркую позитивную оценку не дает в силу своего состояния. Соответственно для дочери становятся важными и ценными мнения других людей. Со временем мнение других людей становится преобладающим в системе оценки дочерью своих действий и действий окружающих (событий, мнений и так далее).

Следующее обнаруженное нами влияние – чем больше мама воспринимается дочерью как безразличная к ее успехам, тем сложнее дочери принимать решения и тем больше в ее жизни хаотичности и эмоциональных срывов.

Дети оценивают свои действия по реакции на них родителей. В случае безразличной реакции матери на действия дочери дочь не может оценить свой поступок как положительный или отрицательный, что в последующем затрудняет для нее принятие решений.

В любом случае дочь страдает без эмоциональной поддержки матери, и порой это приводит к эмоциональным срывам.

На следующем этапе нашего исследования мы выделили типы матерей созависимых женщин. Для этого мы провели извлечение факторов из семантического дифференциала методом главных компонент (Principal components) с последующим ортогональным вращением методом Varimax.

Было выделено три фактора, которые характеризуют мать созависимой женщины. Мы назвали эти факторы по той характеристике, которая имеет наибольший удельный вес в формировании фактора.

1. «Плохая хозяйка» – включает в себя такие описания: негостеприимная, ленивая, глупая, скупая, безответственная, замкнутая, злая, бесхозяйственная, корыстная, безразличная к успехам дочери, живет для себя.

2. «Грубая» – включает в себя такие описания: строгая, строптивая, грубая, тревожная, безразличная, не любит готовить, злая, безынициативная, депрессивная, консервативная, конфликтующая с дочерью.

3. «Эмоционально холодная» – включает в себя такие описания: эмоционально холодная, не жалеет себя, вялая, консервативная, приземленная, зависимая, часто болела.

Затем была проведена кластеризация описанных выше факторов с помощью метода K-Means Clustering. Результаты представлены на рис. 1.

Рис. 1. Кластеризация факторов, извлеченных из семантического дифференциала

В результате было выделено два типа мам (по наиболее выраженным качествам):

1 тип – «плохая хозяйка»,

2 тип – «эмоционально холодная».

Наибольшую значимость имеет эмоциональная холодность матери, так как по этому показателю наибольший разрыв в двух кластерах.

В нашей выборке выявилось следующее распределение:

49 созависимых женщин имеют мать с чертами первого типа,

17 созависимых женщин имеют мать с чертами второго типа.

Пример текста «Моя мама» женщины, чья мать относится к 1 типу («плохая хозяйка»):

«Моя мама – это человек, на которого я похожа не только внешне. Меня пугает сходство в поведении, и я стараюсь купировать эти похожие черты. Мама развелась с первым мужем, со вторым также оказалась не счастлива. Она была главой семьи – отец не допускался ни к важным решениям, ни к семейному бюджету, не имел права голоса. Семейные обязательства мама перевешивала на других членов семьи – не убрано, потому что дети не убрали, не приготовлено покушать – муж не купил и не приготовил. Сейчас дети все выросли и разъехались, а ситуация та же – только во всех бедах виноват муж. Мама любила «играть на публику»: это тот момент, когда при гостях она вдруг бросалась намывать посуду, или при подругах демонстративно подпиливала ногти (а потом месяцами ходила с облезшим лаком). Больше всего в маме я любила ее умение поддержать, даже если она не согласна с тобой – всегда выслушает и поймет. Больше всего раздражало – негатив в общении – большая часть ее разговора заполнена жалобами – на мужа, работу, соседей, цены и жизнь в общем. А если жаловаться не на что – обязательно расскажет, как ругался кто-то в автобусе или на рынке».

Пример текста «Моя мама» женщины, чья мать относится к 2 типу («эмоционально холодная»):

«Мама все время работала, я ее практически не видела. Все-таки директор школы, приходила поздно усталая. Мы редко куда-то ходили вместе даже в выходные и праздники. Поскольку в свободное время она почти всегда спала. У нее была высокая должность. Когда я подходила к ней, чтобы поговорить, она чаще всего отвечала: «Иди делать уроки». Домашним хозяйством занималась, стирала, готовила, это да, в выходные. Но без удовольствия. В свободное время вышивала иногда, но редко. В основном тетрадки проверяла. Если честно – я редко ее видела счастливой. Не думаю, что в браке она была счастлива, отец тоже предпочитал проводить время в гараже или на работе. Семья трудолюбивых, в общем, и я такая же стала. Работа – это мое все. Без работы маюсь в выходные. Выглядела мама всегда в форме, директор. Строгая. А дома носила джинсы или трико и майку. Настроение в основном было такое грустно-усталое. Мама уставала от своей работы, поэтому так и происходило, наверное».

Заключение. Проведенное исследование показало, что субъективный образ матери как болезненной, мягкой, вялой, малоэнергичной, безразличной к успехам дочери, без жалости к себе, депрессивной, влияет на возникновение созависимого поведения у ее дочери.

Полученные результаты можно использовать для составления программ профилактики созависимых моделей поведения (например, работая с женщинами до рождения ими детей или в период раннего детства ребенка), а также непосредственно для помощи женщинам с высоким уровнем созависимых моделей поведения.

Список литературы

1. *Артемова Н. Г.* Феномен созависимости: история возникновения и перспективы развития : мат-лы V Московских чтений по истории психологии, 2–5 июля 2009. М. : МосГУ, 2009.
2. *Артемова Н. Г.* Феномен созависимости: психологический аспект. М. : РИО МГУДТ, 2012. 222 с.
3. *Данилович Н. В.* Теоретический анализ зарубежных исследований феномена созависимости // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2018. Т. 12. № 6. С. 91–94.
4. *Емельянова Е. В.* Кризис в созависимых отношениях // Принципы и алгоритмы консультирования. СПб. : Речь, 2004. 368 с.
5. *Калашникова Е. А.* Проблема многообразия подходов к причинам возникновения созависимого поведения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4–1 (29). С. 19–21.
6. *Коваленко Д. С.* Психологический детерминизм формирования созависимого поведения // Психология и педагогика в Крыму: пути развития. 2018. № 3. С. 25.
7. *Москаленко В. Д.* Зависимость: семейная болезнь. Изд. 2-е, перераб. и дополн. М., 2004. 336 с.
8. *Москаленко В. Д.* Когда любви слишком много: Профилактика любовной зависимости. М. : Психотерапия, 2006. 224 с.

9. Пузырёва Л. А. Социально-психологические предпосылки созависимых отношений // Ярославский педагогический вестник. Психолого-педагогические науки. Ярославль : ЯГПУ, 2012. № 3. Т. II. С. 246–250.
10. Пузырёва Л. А., Арсеньева Л. А. Взаимосвязь созависимого поведения дочери и личностных характеристик матери. Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей V Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 167–171.
11. Пунинская Ю. Н. Роль родителей в формировании условий созависимости // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 2. С. 115.
12. Раклова Е. М. Причины созависимых взаимоотношений личности на разных этапах детства и взрослости // The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal. 2015. № 1–2. С. 92–95.
13. Резвая Т. Н., Самсонов А. С., Куташова Л. А. Психологический анализ феномена созависимости // Центральный научный вестник. Воронеж, 2017. № 1. Т. 2. С. 26–34.
14. Скугаревская Е. И. Феномен зависимости. Созависимость. Подходы к профилактике зависимого поведения // Медицинский журнал. 2008. № 4 (26). С. 110–114.
15. Слободчикова Н. И. Созависимые дети // Профилактика зависимостей. 2017. № 2 (10). С. 110–113.
16. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М. : Независимая фирма «Класс», 2002. 224 с.
17. Шимановская Я. В. Семья и созависимость : мат-лы Межрегиональной научно-практической конференции, департамент социальной защиты населения Ивановской области. 2010. С. 61–62.
18. Эльячефф К., Эйниш Н. Дочки-матери. Третий лишний? М. : Институт общегуманитарных исследований, 2006. 336 с.
19. Beattie M. Codependents' Guide to the Twelve Steps. Fireside. New York : Parkside, Simon & Schuster, 1992. 273 p.
20. Beattie M. Beyond Codependency and getting better all the time. San Francisco : Harper & Row, 1989.
21. Cermak T. Diagnosing and treating codependence. Hazelden Publ., 1998. 132 p.
22. Karpman S. A Game Free Life. San Francisco, 2014. 300 p.
23. Whitfield C. L. Codependence: Healing the Human Condition: The New Paradigm for Helping Professionals and People in Recovery, Health Communications. Deerfield Beach, 1991. 336 p.

The influence of the subjective image of the mother on the formation of the daughter's codependent behavior

L. A. Puzyreva

PhD in Psychological Sciences, associate professor, Yaroslavl State Medical University.
Russia, Yaroslavl. E-mail: lapysireva@mail.ru

Abstract. Within the framework of this topic, the influence of the subjective image of the mother on the formation of the daughter's codependent behavior was studied. The relevance of the topic is beyond doubt, since codependency has a significant impact not only on the specifics of relationships between people, but also on the formation of personality.

The aim of the study is to identify the influence of the subjective image of the mother on the formation of the daughter's codependent behavior. The subjects were 66 women aged 18 to 57 years. The following methods were used in the study: a questionnaire of codependent behaviors of B. and J. Weinhold, text on the topic "My mother" with subsequent content analysis, semantic differential, color test of relations by A. M. Etkind.

As a result of the study, the hypothesis about the influence of the subjective image of the mother on the formation of the daughter's codependent behavior was confirmed. The influence of certain characteristics of the mother on the daughter's codependent behavior was revealed. Thus, the greatest influence on the formation of a daughter's codependent behavior is exerted by the mother's morbidity. The study revealed the relationship of the daughter's codependent behavior with her subjective perception of the mother as selfish, sloppy, untidy, stingy, dependent on the opinions of others.

There were also two main types of mother of a codependent woman. The first type is called "Bad hostess", it includes such personal characteristics of the mother as inhospitality, laziness, avarice, mismanagement, indifference to the success of the daughter. The second type is called "Emotionally cold mom", it includes the following features of a mother – a dependent, emotionally cold, self-pitying (YES! I AGREE) woman.

The results of the study can be used to develop psychological assistance programs for people with pronounced patterns of codependent behavior, as well as to develop prevention programs for codependent behaviors.

Keywords: codependency, women, mother, daughter, family, personal characteristics.

References

1. Artemceva N. G. *Fenomen sozavisimosti: istoriya vozniknoveniya i perspektivy razvitiya : mat-ly V Moskovskih chtenij po istorii psihologii, 2–5 iyulya 2009* [The phenomenon of codependency: the history of emergence and prospects for development : the materials of the V Moscow Readings on the history of Psychology, July 2–5, 2009]. M. Moscow State University. 2009.
2. Artemceva N. G. *Fenomen sozavisimosti: psihologicheskij aspekt* [The phenomenon of codependency: psychological aspect]. M. RIO MSUDT. 2012. 222 p.
3. Danilovich N. V. *Teoreticheskij analiz zarubezhnyh issledovaniy fenomena sozavisimosti* [Theoretical analysis of foreign studies of the phenomenon of codependency] // *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i social'no-ekonomicheskikh nauk – Actual problems of humanities and socio-economic sciences*. 2018. Vol. 12. No. 6. Pp. 91–94.
4. Emel'yanova E. V. *Krizis v sozavisimyh otnosheniyah* [Crisis in codependent relationships] // *Principy i algoritmy konsul'tirovaniya – Principles and algorithms of counseling*. SPb. Rech' (Speech). 2004. 368 p.
5. Kalashnova E. A. *Problema mnogoobraziya podhodov k prichinam vozniknoveniya sozavisimogo povedeniya* [The problem of diversity of approaches to the causes of codependent behavior] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture, education*. 2011. No. 4–1 (29). Pp. 19–21.
6. Kovalenko D. S. *Psihologicheskij determinizm formirovaniya sozavisimogo povedeniya* [Psychological determinism of the formation of codependent behavior] // *Psihologiya i pedagogika v Krymu: puti razvitiya – Psychology and pedagogy in the Crimea: ways of development*. 2018. No. 3. P. 25.
7. Moskalenko V. D. *Zavisimost': semejnaya bolezn'. Izd. 2-e, pererab. i dopoln.* [Addiction: family illness. 2nd ed., reprint. and supplemented]. M. 2004. 336 p.
8. Moskalenko V. D. *Kogda lyubvi slishkom mnogo: Profilaktika lyubovnoj zavisimosti* [When there is too much love: Prevention of love addiction]. M. Psychotherapy. 2006. 224 p.
9. Puzryyova L. A. *Social'no-psihologicheskie predposylki sozavisimyh otnoshenij* [Socio-psychological prerequisites of codependent relationships] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Psihologo-pedagogicheskie nauki – Yaroslavl Pedagogical herald. Psychological and pedagogical sciences*. Yaroslavl. YaSPU. 2012. No. 3. Vol. II. Pp. 246–250.
10. Puzryyova L. A., Arsen'eva L. A. *Vzaimosvyaz' sozavisimogo povedeniya docheri i lichnostnyh harakteristik materi. Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya : sbornik statej V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [The relationship of the daughter's codependent behavior and the mother's personal characteristics. Topical issues of modern science and education : collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference]. Penza. ICNS "Science and Education". 2020. 180 p. Pp. 167–171.
11. Puninskaya Yu. N. *Rol' roditelej v formirovanii uslovij sozavisimosti* [The role of parents in the formation of conditions of codependency] // *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik – International Student scientific herald*. 2018. No. 2. P. 115.
12. Raklova E. M. *Prichiny sozavisimyh vzaimootnoshenij lichnosti na raznyh etapah detstva i vzroslosti* [The causes of codependent personality relationships at different stages of childhood and adulthood] // *The Unity of Science: International Scientific Periodical Journal – The Unity of Science: International Scientific Periodic Journal*. 2015. No. 1–2. Pp. 92–95.
13. Rezvaya T. N., Samsonov A. S., Kutashova L. A. *Psihologicheskij analiz fenomena sozavisimosti* [Psychological analysis of the phenomenon of codependency] // *Central'nyj nauchnyj vestnik – Central scientific herald*. Voronezh, 2017. No. 1. Vol. 2. Pp. 26–34.
14. Skugarevskaya E. I. *Fenomen zavisimosti. Sozavisimost'. Podhody k profilaktike zavisimogo povedeniya* [The phenomenon of dependence. Codependency. Approaches to the prevention of dependent behavior] // *Medicinskij zhurnal – Medical journal*. 2008. No. 4 (26). Pp. 110–114.
15. Slobodchikova N. I. *Sozavisimye deti* [Codependent children] // *Profilaktika zavisimostej – Prevention of addictions*. 2017. No. 2 (10). Pp. 110–113.
16. Weinhold B., Weinhold J. *Osvobozhdenie ot sozavisimosti* [Liberation from codependency]. M. Independent firm "Class". 2002. 224 p.
17. Shimanovskaya Ya. V. *Sem'ya i sozavisimost' : mat-ly Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, departament social'noj zashchity naseleniya Ivanovskoj oblasti* [Family and codependency : materials of the Interregional scientific and practical conference, Department of social protection of the population of the Ivanovo region]. 2010. Pp. 61–62.
18. El'yacheff K., Ejnish N. *Dochki–materi. Tretij lishnij?* [Daughters–mothers. The third is unwanted?] M. Institute of General Humanitarian Research. 2006. 336 p.
19. Beattie M. *Codependents' Guide to the Twelve Steps*. Fireside. New York : Parkside, Simon & Schuster, 1992. 273 p.
20. Beattie M. *Beyond Codependency and getting better all the time*. San Francisco : Harper & Row, 1989.
21. Cermak T. *Diagnosing and treating codependence*. Hazelden Publ. 1998. 132 p.
22. Karpman S. A. *A Game Free Life*. San Francisco, 2014. 300 p.
23. Whitfield C. L. *Codependence: Healing the Human Condition: The New Paradigm for Helping Professionals and People in Recovery, Health Communications*. Deerfield Beach, 1991. 336 p.

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 378.12(470.342)(092)

DOI: 10.25730/VSU.7606.22.066

Профессор Е. М. Вечтомов – духовный просветитель Вятского края (методологический портрет)

Ю. А. Сауров

доктор педагогических наук, профессор кафедры физики и методики обучения физике,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru

Аннотация. Эмоционально-ценностные отношения к окружающим людям, к коллегам по делу науки и образования – это тоже наш ресурс. И его надо настойчиво оформлять и использовать. Прежде всего, для трансляции актуально окрашенного опыта деятельности в среде преподавателей, студентов и учителей. И тогда «капля точит камень»...

Профессор Е. М. Вечтомов с предметно-содержательной и чувственно-процессуальной сторон – интересный и богатый объект исследования. Он патриот Вятского края и России, ревностный служитель, прежде всего, математического образования, он деятель с широким диапазоном интересов в культуре и науке. Он – творец в мирах математики и методики обучения математике.

Научная школа профессора Е. М. Вечтомова «Функциональная алгебра и теория полуколец» – объективный и эффективный интеллектуальный инструмент развития и образования. Это живущий феномен. И есть резоны ему поклониться. В этом и смыслы предлагаемой статьи по случаю юбилея ученого.

Ключевые слова: методология, математика, творчество, научная школа, личность, образование, методика обучения математике, проблемы жизни и науки, юбилей.

Нет большего блага, чем радоваться своим делам,
Ибо в этом и доля человека...
Экклезиаст [19]

Мой заповед по теме. Евгению Михайловичу Вечтому повезло: судьбе было угодно определить ему служение математике, что сродни служению великому Духу. И его родословная дала твердое основание для такого выбора: в вятском роду Вештомовых-Вечтомовых вот уже почти четыре столетия много священников, светских духовных деятелей – ученых, врачей, учителей, преподавателей (Н. А. Баженова [1]). Хочешь или не хочешь, но судьба ведет по жизни... И высокий стиль отношения к жизни, к самому себе определяется и оправдывается именно служением.

С давних времен математика как язык во многом вне конкуренции определяла духовные поиски в разных сферах человеческой деятельности (столетиями наравне с теологией). И двигала людей вперед. В наше время это тоже так. Чего-чего, а логики (рациональности) в жизни все еще так не хватает! В том числе и в чувственном познании мира. Вот почему борьбы за математическую культуру много не бывает. Вот почему мое преклонение перед позицией и действиями Е. М. Вечтомова в защиту математики в образовании и в разработку математики как науки. Это стержень его личности. Это миссия в жизни.

Евгений Михайлович Вечтомов – успешный человек, что подтверждено многими делами, наградами и оценками. Назовем здесь некоторые. Он – почетный работник высшего профессионального образования РФ (2003), заслуженный работник высшей школы РФ (2008). Он – лауреат научной премии Кировской городской думы и администрации г. Кирова (1996), пяти научных премий ВятГГУ по естественнонаучному направлению, премии Кировской области (2015). Руководитель научных грантов РФФИ (2003, 2008), РГНФ (2006, 2012, 2015),

грантов Минобрнауки: проектная часть (2014–2016) и базовая часть (2017–2019), исполнитель по гранту Минобрнауки по созданию онлайн курса по математике (2020–2021). А также грантов ВятГГУ за руководство ведущей научной школой университета (2008, 2013, 2014). Он награжден Почетными грамотами Министерства образования РСФСР (1990) и РФ (1997), знаком Отличник народного просвещения (1996), нагрудным знаком Минобрнауки «За развитие научно-исследовательской работы студентов» (2009), почетным знаком «За заслуги перед Кировской областью» (2015).

Заметим, что успехи шли постоянно, были восходящими, а значит, не случайными, а объективными.

Научная деятельность. Такая абстрактная область деятельности – как математика – по универсальности и сложности умственных действий – сияющая вершина человеческого духа. Построение этой вершины – удел избранных.

Что больше: часть или целое? По-видимому, вопрос философский. И ответы зависят от целостности представления объекта мысли. Так, в математике полукольца шире, фундаментальнее колец.

Что же такое полукольца непрерывных функций? Очевидно, математический объект. Как он строится?

Задумаемся: все мы математику сравнительно долго и много учили, но сможем ли назвать ее основные математические структуры? А ведь не случайно Евгений Михайлович так настойчив в их определении и обозначении: множества, алгебры, упорядоченные множества, топологические пространства, структуры инцидентности... [9]. Миры математики с их специфическим языком, стремлением аксиоматизировать их строение дают возможность найти и обжить свою область деятельности. Такой шанс всегда есть, но не всем он дан.

Е. М. Вечтомов известен в России и за рубежом как специалист по теории колец и полуколец функций, основатель и руководитель научной школы «Функциональная алгебра и теория полуколец» [2; 5; 6]. Он – один из создателей общей теории колец непрерывных функций и основоположник теории полуколец непрерывных функций. Всего им опубликовано около 560 работ по математике, методике и методологии математики, в том числе 70 статей в научных журналах из международных баз данных Scopus и Web of Science.

И в математике «капля точит камень». Евгений Михайлович умеет это делать. Вот и результаты: в теории колец непрерывных функций он разработал метод максимального спектра и применил метод пучковых представлений, рассмотрел задачи структурного изоморфизма колец непрерывных функций и полуколец непрерывных функций (совместно с В. В. Сидоровым). Вместе со своими учениками В. И. Варанкиной, М. Н. Подлевских, И. А. Семеновой, Д. В. Широковым, Д. В. Чупраковым, Е. Н. Лубягиной развил теорию идеалов и конгруэнций полуколец непрерывных неотрицательных функций. Евгений Михайлович внес существенный вклад в развитие структурной теории полуколец. Построил теорию абелево-регулярных положительных полуколец (в соавторстве с А. В. Михалёвым, В. В. Чермных, О. В. Старостиной); заложил основы функциональных представлений полутел (с А. В. Чераневой); исследовал линейно упорядоченные полутела (с А. В. Ряттель) и полукольцевые объединения кольца и полутела (с М. А. Лукиным). Его учениками А. С. Бестужевым и И. В. Орловой описано строение циклических полуколец, как с коммутативным, так и с некоммутативным сложением. Вместе с А. А. Петровым получены базовые результаты о полукольцах с идемпотентным умножением. Е. М. Вечтомов описал функционально полные полукольца, для изучения конечных полуколец предложил функциональный подход. Словом, настойчиво и последовательно обживал математический мир колец и полуколец.

Научный багаж, прежде всего, – десять монографий, первая вышла в 1993 г., значит, раз в три года новая работа. Большая их часть – плод коллективных усилий, это как раз тот случай, когда можно точно говорить о жизни научной школы. Е. М. Вечтомовым создана продук-

Официальное фото на приеме
в Правительстве
Кировской области (2015)

Страсть и интеллект в коммуникации
(в диалоге с нашим земляком академиком РАО
В. Г. Разумовским на конференции
Кировского физико-математического лицея, 2008)

тивная научная среда: под его руководством защищено 16 кандидатских диссертаций, его ученик В. В. Чермных стал доктором физико-математических наук по функциональным представлениям полуколец, подготовлено 19 магистрантов. А ведь они могут и ежедневно влияют на интеллектуальную жизнь школьников, студентов, преподавателей Вятского края. Это как раз то, что надо. Правда, как трудно взвесить на весах жизни эту ежедневную и многотрудную деятельность...

Жизнь – это дискретные дни, дни, дни... Но для ученого естественен счет времени по статьям-смыслам. Месяц работы над интересной темой-статьей пролетает как один день. Выберем только один сравнительно типичный на статьи 2012 г. Вот их названия:

- 1) Циклические полукольца с идемпотентным некоммутативным сложением / Е. М. Вечтомов, И. В. Лубягина // *Фундаментальная и прикладная математика*. 2012. Т. 17. Вып. 1. С. 33–52.
- 2) Полукольца непрерывных $[0,1]$ -значных функций / Е. М. Вечтомов, Е. Н. Лубягина // *Фундаментальная и прикладная математика*. 2012. Т. 17. Вып. 4. С. 53–82.
- 3) Определяемость компактов решетками идеалов и конгруэнций непрерывных $[0,1]$ -значных функций / Е. М. Вечтомов, Е. Н. Лубягина // *Известия вузов. Математика*. 2012. № 1. С. 87–91.
- 4) О бинарных отношениях для математиков и информатиков / Е. М. Вечтомов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 1 (3). С. 51–58.
- 5) Изучение алгебраической структуры / Е. М. Вечтомов, В. В. Чермных // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 1 (3). С. 41–48.
- 6) Об эстетике математики / Е. М. Вечтомов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 1 (4). С. 69–75.
- 7) V Всероссийская научно-методическая конференция «Проблемы современного математического образования в вузах и школах России» / Е. М. Вечтомов // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 2 (1). С. 153–155.
- 8) Методика изучения теории действительных чисел / Е. М. Вечтомов, В. В. Чермных, Д. В. Широков // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета*. 2012. № 2 (3). С. 57–68.
- 9) О полукольцах sc -функций / Е. М. Вечтомов, Е. Н. Лубягина // *Вестник Сыктывкарского университета*. Серия 1: Математика. Механика. Информатика. 2012. Вып. 15. С. 73–82.
- 10) Решение логических задач как основа развития мышления / Е. М. Вечтомов, Я. В. Петухова // *Концепт : научно-метод. электрон. журн*. 2012. № 8 (авг.). ART 12109. 1,2 п. л. URL: <http://www.covenok.ru/kon-sept/2012/12109.htm>.
- 11) Свойства мультипликативно идемпотентных полуколец / Е. М. Вечтомов, А. А. Петров // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2012. № 6. Ч. 2. С. 60–68.
- 12) Натуральный ряд / Е. М. Вечтомов // *Математика в высшем образовании*. 2012. Вып. 10. С. 15–34.
- 13) Преподаватели математики Вятского педагогического института в 20–30-е гг. XX века / В. И. Варанкина, Е. М. Вечтомов // *Вятская земля в прошлом и настоящем : сб. материалов научно-практ. конф., г. Киров, 18 окт. 2012 г. Киров : ВятГГУ, 2012. С. 260–266.*
- 14) МПГУ – кузница научно-педагогических кадров России / Е. М. Вечтомов // *Математика, информатика, физика в науке и образовании : сборник научных трудов к 140-летию МПГУ*. М. : МПГУ; Прометей, 2012. С. 3–8.
- 15) Cyclic semirings with idempotent noncommutative addition / Е. М. Vechtomov, I. V. Lubyagina // *Journal of Mathematical Sciences [New York]*. 2012. Vol. 185. № 3. Pp. 367–380.

Задумаемся: попробуем почувствовать накал труда, только просто переписав названия публикаций в объеме 56 страниц (!), а ведь работу мысли и не счесть – можно строчку искать днями. Да, и написать и издать – разные дела.

В науке Е. М. Вечтомов – деятель. Одновременно он – слуга Великой математики.

Образовательная деятельность. С одной стороны, математику учат и должны знать все. Но это только та часть и тот ее уровень, который приобрел форму всеобщих норм. Это базовый духовный уровень, это опора для любой профессиональной деятельности. Это матрица видения мира человеческой деятельности. Но от этого уровня надо идти и вести студентов выше. Вот почему объяснима активность профессора Е. М. Вечтомова в организации и проведении научных семинаров и конференций.

В образовании все важно. Но, пожалуй, можно выделить два фундаментальных объекта-процесса – предметные лекции и творческие семинары. Хотя немаловажна и образовательная функция научных конференций. Здесь в коммуникации и общении «в живом виде» передаются на качественном языке прорывные идеи, формируются «точки соприкосновения» в делах нашей практики. А ежедневная наша практика, как ни крути, – это просвещение. Стратегически дальновидно постоянная работа от конференции до конференции. Более двух сотен конференций разного уровня – в наших условиях непреодолимая планка! Какой заряд интеллектуальной мощности надо иметь, сколько сил надо положить, чтобы так идти и идти по тиражированию и сообщению своего духовного опыта... Заметим, что это все добровольное, бескорыстное, подвижническое дело. Образование – непрерывный процесс.

Но образовательные действия через книгу как форму передачи знаний имеют неопределенно большое значение. Пособие для студентов – мощный инструмент влияния. По-моему, последние двадцать лет Евгений Михайлович живет под лозунгом «Ни года без пособия по математике!». Нередко выходит несколько пособий! [9–11; 14; 16; 17]. Некоторые из обозначенных в списке литературы книг я настойчиво читал [3; 6–9]. И убежден: математики блестящи в формулировке темы, в экономной и ясной логике подбора материала, в законченности структуры. Это учит так делать и для других предметов. Это построение красивого и гармоничного духовного мира для других! Пусть пока в словах и формулах, но через шаг – в материальных делах дома и на заводе... Это и есть образовательная жизнь.

Вопрос. Евгений Михайлович, я привык считать математику царицей наук. А как язык мы ее не замечаем. Но ученые-математики создают этот язык, хотя его внутренняя логика и его современные научные результаты малодоступны. По-моему, справедлив и существен, хотя и труден вопрос: что для совершенства нашего духа дают ваши изыскания в области колец и полуколец функций? И что дает научное открытие нашей духовной жизни?

Ответ. В правильном выборе профессии – главный смысл жизни любого человека, особенно мужчины. Самое любимое мое занятие – размышление. Размышление над математической задачей, лекцией, текстом, жизненной ситуацией. А также наблюдение, мысленный эксперимент, а уже затем – действие, поступок. Лучший подарок – решение нетривиальной математической задачи, донесение нового полученного результата до математической и педагогической общественности – через доклад и публикацию. Первый мой результат был опубликован в 1976 г. в тезисах докладов III Всесоюзного симпозиума по алгебрам, кольцам и модулям (г. Тарту) – по кольцам непрерывных функций. А первый результат по абстрактной алгебре (обобщенно евклидовы кольца) опубликован в 1982 г. в сборнике статей межрегиональной молодежной математической конференции, ежегодно проводившейся в Горьковском государственном университете имени Н. И. Лобачевского. Мы с учениками исследуем и разрабатываем тематику двух направлений современной математики – вопросы функциональной алгебры (кольца и полукольца непрерывных функций) [21; 15] и структурной теории полуколец [12–14]. Изучение функциональной алгебры интересно выявлением все новых взаимосвязей между объектами тополого-геометрической природы и соответствующими им алгебраическими структурами. В исследовании абстрактных полуколец вызывает особый интерес описание конечных полуколец с различными дополнительными условиями (циклических, идемпотентных, регулярных и других), которое находит приложения в дискретной математике, теории кодирования и криптографии.

Общественные дела. Несомненно, в прямом смысле это просветительская, во многом социальная деятельность. От нее всегда можно уклониться, но свой мир надо обустроить, иначе придут иные со стороны и сделают по-своему... Евгений Михайлович это не просто понимает, но действует. Для него общественные дела неразрывно связаны с образованием, с профессией, с конкретными людьми. Отсюда и страсть в их выполнении. Отсюда их ежедневность.

Приведу значимый пример. К столетию Вятского госпединститута понеслись мысли-обобщения об истории математического образования в Вятке, о деятельности предшественников. Дата требовала весомости содержания и формы выражения. Надо думать, не один десяток часов прошел в поисках темы, материала, оформления. И вот книга на ладони: в ней вокруг личности профессора Ф. Нагибина развернута история нашего математического образования [3]. Это история возникновения и функционирования кафедр математического факультета, история профессиональной деятельности преподавателей, доцентов, профессоров и студентов (см. также [4; 5]). По сути, очерчена жизнь математического образования Вятского края второй половины двадцатого века.

Вопрос. *Рефлексия процессов и результатов нашей деятельности – фундаментальная черта современного человека. Без нее нет полноценной духовной жизни. Для преодоления трудностей мы обращаемся к практикам молитвы, исповеди, поста, обета... И хотя это закрытая книга нашего духовного мира, все же обозначьте лично для вас ее значение. И какой выбор в жизни был всех труднее?*

Ответ. *В научной деятельности преодоление затруднений – дело обычное. Хотя и не простое. Здесь мой ресурс – опыт предшественников, учителей. К ним я бегу за помощью, веду*

мысленный диалог... А за служением духу дела идет очищение мыслей и чувств, идет просветление души... Так, наверное, всегда и у всех. Для меня выбор сферы деятельности был естественным – это математика и преподавание математики, так как буквально с первого класса нравилось решать арифметические и логические задачи, рассказывать решение другим. Что оказалось предназначением, смыслом моей жизни, наряду с ощущением и пониманием своей семьи и нашей Родины – государства Российского. С другой стороны, с детства у меня было обостренное восприятие несправедливости, и оно, к счастью, не улетучилось, только стало более правильным и отчасти философским. Иногда это приводило к непониманию, конфликтам, резким моим поступкам (о некоторых из которых я жалею, поскольку мог обидеть близких и коллег). Но я всегда старался и стараюсь говорить и поступать так, как считаю правильным и справедливым.

мысленный диалог... А за служением духу дела идет очищение мыслей и чувств, идет просветление души... Так, наверное, всегда и у всех. Для меня выбор сферы деятельности был естественным – это математика и преподавание математики, так как буквально с первого класса нравилось решать арифметические и логические задачи, рассказывать решение другим. Что оказалось предназначением, смыслом моей жизни, наряду с ощущением и пониманием своей семьи и нашей Родины – государства Российского. С другой стороны, с детства у меня было обостренное восприятие несправедливости, и оно, к счастью, не улетучилось, только стало более правильным и отчасти философским. Иногда это приводило к непониманию, конфликтам, резким моим поступкам (о некоторых из которых я жалею, поскольку мог обидеть близких и коллег). Но я

всегда старался и стараюсь говорить и поступать так, как считаю правильным и справедливым.

Личность. Все мы живем в среде. Если ее определить как социум, то это все, что есть. В принципе, критиковать это все как систему, тем более с ней бороться – невозможно. Можно оценивать какие-то фрагменты, какие-то конкретности. И действовать. Человек должен быть готов на свободное сознательное социальное действие: публичное слово, открытое действие оценки хорошего или плохого... Такое свободное действие всегда и всем дается трудно. И в нем, как в кристалле, раскрывается личность, суть человека.

Е. М. Вечтомов не только «человек разумный», но и «человек принципиальный». И когда грань переходить нельзя, он бунтует. Для меня запомнились два случая-события, отчасти я воспринимал их с долей иронии, но всегда с уважением.

Первое действие – заявление в адрес диссертационного совета (тогда я был его председателем, а Евгений Михайлович зам. председателя). Вот его фрагмент: «Друзья, прошу считать меня выбывшим из членов Совета по причине полной неудовлетворенности научным уровнем защищаемых диссертаций...» (2006). Согласен: да, эта проблема была и есть. Она устойчиво сохраняется в обучении студентов: кто не сетовал по поводу беспомощного ответа на экзамене, формального текста диплома...? Эта проблема многоцветная, но, чтобы ее решать, надо ее ставить и думать. Легче не ставить: легко спрятаться за благостными оценками...

Второе действие: публичное длинное письмо в адрес проректора. Вот его фрагмент: «Из года в год ухудшаются условия для по-настоящему качественного обучения студентов. Неуклонно продолжается так называемая оптимизация учебного процесса. Сначала убрали консультации и коллоквиумы, затем сократили часы на зачеты и экзамены, теперь ликвидировали все контрольные работы и резко повысили учебную нагрузку у основной части преподавателей. Процветает бумаготворчество...» (2012). Разве нет этой болезни? А сколько силы она выпила? И как-то легко любовь и совесть задвинуты на задворки в оценке наших действий... Мы единомышленники в отношении к «педагогическим изыскам», вроде отделения физического и математического учительского образования от предметного фундамента. Уверен, будем жалеть...

Все пройдет, но честная, не лживая гражданская позиция останется вершиной жизненных успехов любого человека. Хорошо бы нам всем ее иметь. Бороться за истину, несомненно, миссия ученого.

Радуюсь за дела – книги, статьи, выступления, лекции – Евгения Михайловича Вечтомова [18–19]. И желаю ему удачи в постижении мудрости математического, а значит, и человеческого мира.

Список литературы

1. *Баженова Н. А.* Жизнь вятских священников. Киров : Кировская областная типография, 2019. 360 с.
2. *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М.* Научная алгебраическая школа // Герценка: Вятские записки. 2009. Вып. 15. С. 199–207.
3. *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М., Канин Е. С.* Профессор Фёдор Нагибин. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2014. 316 с.
4. *Варанкина В. И., Вечтомов Е. М.* Первая кафедра математики на Вятской земле // Математический вестник Вятского государственного университета. 2021. № 1 (20). С. 39–56.
5. *Вечтомов Е. М., Варанкина В. И.* Кировская научно-методическая школа по математическому образованию: история и современность // Математика и проблемы образования : мат-лы 41-го Международного научного семинара преподавателей математики и информатики университетов и педагогических вузов. Киров : ВятГУ ; Веси, 2022. 292 с.
6. *Вечтомов Е. М.* Математик. Педагог. Философ : биобиблиографический указатель / сост. В. И. Варанкина. Киров : Герценка, 2018. 288 с.
7. *Вечтомов Е. М.* Философия математики. Киров : ВятГГУ, 2004. 191 с. (Расширенное издание в 2013 г.).
8. *Вечтомов Е. М.* Метафизика математики. Киров : ВятГГУ, 2006. 508 с.
9. *Вечтомов Е. М.* Математика: основные математические структуры : учебное пособие для академического бакалавриата. Изд. 2-е. М. : Юрайт, 2018. 296 с. Гриф УМО высшего образования. Гриф УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона.
10. *Вечтомов Е. М.* Философия математики : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. Изд. 2-е. М. : Юрайт, 2018. 317 с. Гриф УМО высшего образования.
11. *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н.* Компьютерная геометрия: геометрические основы компьютерной графики : учеб. пособие для вузов. Изд. 2-е. М. : Юрайт, 2020. 157 с. Гриф УМО высшего образования.
12. *Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Чермных В. В.* Элементы теории полуколец. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. 228 с.
13. *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Полукольца с идемпотентным умножением. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. 144 с.
14. *Вечтомов Е. М., Петров А. А.* Функциональная алгебра и полукольца. Полукольца с идемпотентным умножением : учеб. пособие для вузов. Санкт-Петербург : Лань, 2022. 180 с.
15. *Вечтомов Е. М., Сидоров В. В., Чупраков Д. В.* Полукольца непрерывных функций. Киров : ВятГГУ, 2011. 312 с.
16. *Вечтомов Е. М., Широков Д. В.* Математика: логика, множества, комбинаторика : учеб. пособие для академического бакалавриата. Изд. 2-е. М. : Юрайт, 2018. 243 с. Гриф УМО высшего образования.
17. *Лубягина Е. Н., Вечтомов Е. М.* Линейная алгебра : учеб. пособие для вузов. Изд. 2-е. М. : Юрайт, 2019. 150 с. (11,6 п. л.). Гриф УМО высшего образования. Гриф УМО по математике педвузов и университетов Волго-Вятского региона.
18. *Поэзия и проза древнего востока.* М. : Художественная литература, 1973. С. 642.
19. *Сауров Ю. А.* Поиск истины в науке и жизни...: (размышления о творчестве профессора Е. М. Вечтомова по случаю юбилея) // Математический вестник педвузов и университетов Волго-Вятского региона. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. Вып. 15. С. 456–460.
20. *Сауров Ю. А.* Методика обучения физике: поиски смыслов – люди и идеи... Вопросы науковедения : монография. Киров, 2017. С. 245–253, 355.
21. Элементы функциональной алгебры : в 2 т. / Вечтомов Е. М., Лубягина Е. Н., Сидоров В. В., Чупраков Д. В. [под ред. Е. М. Вечтомова]. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. Т. 1, 284 с.; Т. 2, 316 с.

Professor E. M. Vechtomov – spiritual educator of the Vyatka Region (methodological portrait)

Yu. A. Saurov

Doctor of Pedagogical Sciences, professor of the Department of Physics and Methods of Teaching Physics,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-8756-8103. E-mail: saurov-ya@yandex.ru

Abstract. Emotional-value relations to people around us, to colleagues in the field of science and education – this is also our resource. And it must be persistently designed and used. First of all, to broadcast an actual colored experience of activity among teachers, students and teachers. And then "the drop sharpens the stone".

Professor E. M. Vechtomov from the substantive and sensory-procedural sides is an interesting and rich object of research. He is a patriot of the Vyatka Region and Russia, a zealous servant, first of all, of mathematical education, he is a figure with a wide range of interests in culture and science. He is the creator in the worlds of mathematics and methods of teaching mathematics.

The scientific school of Professor E. M. Vechtomov "Functional algebra and the theory of half-rings" is an objective and effective intellectual tool for development and education. It's a living phenomenon. And there are reasons to bow to him. This is the meaning of the proposed article on the occasion of the anniversary of the scientist.

Keywords: methodology, mathematics, creativity, scientific school, personality, education, methods of teaching mathematics, problems of life and science, anniversary.

References

1. Bazhenova N. A. *Zhizn' vyatskih svyashchennikov* [The life of Vyatka priests]. Kirov. Kirov regional printing house. 2019. 360 p.
2. Varankina V. I., Vechtomov E. M. *Nauchnaya algebraicheskaya shkola* [Scientific algebraic school] // *Gercenka: Vyatskie zapiski – Hertsenka: Vyatka notes*. 2009. Is. 15. Pp. 199–207.
3. Varankina V. I., Vechtomov E. M., Kanin E. S. *Professor Fyodor Nagibin* [Professor Fedor Nagibin]. Kirov. VyatSHU, 2014. 316 p.
4. Varankina V. I., Vechtomov E. M. *Pervaya kafedra matematiki na Vyatskoj zemle* [The first Department of mathematics on Vyatka land] // *Matematicheskij vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Mathematical herald of Vyatka State University*. 2021. No. 1 (20). Pp. 39–56.
5. Vechtomov E. M., Varankina V. I. *Kirovskaya nauchno-metodicheskaya shkola po matematicheskomu obrazovaniyu: istoriya i sovremennost'* [Kirov scientific and methodological school of mathematical education: history and modernity] // *Matematika i problemy obrazovaniya : mat-ly 41-go Mezhdunarodnogo nauchnogo seminara prepodavatelej matematiki i informatiki universitetov i pedagogicheskikh vuzov – Mathematics and problems of education : materials of the 41st International Scientific Seminar of teachers of Mathematics and Computer science of universities and pedagogical universities*. Kirov. VyatSU ; Vesi, 2022. 292 p.
6. Vechtomov E. M. *Matematik. Pedagog. Filosof : biobibliograficheskij ukazatel'* – Vechtomov E. M. Mathematician. Teacher. Philosopher : biobibliographic index / comp. V. I. Varankina. Kirov. Hertsenka. 2018. 288 p.
7. Vechtomov E. M. *Filosofiya matematiki* [Philosophy of mathematics]. Kirov. VyatSHU. 2004. 191 p. (Expanded edition in 2013).
8. Vechtomov E. M. *Metafizika matematiki* [Metaphysics of mathematics]. Kirov. VyatSHU. 2006. 508 p.
9. Vechtomov E. M. *Matematika: osnovnye matematicheskie struktury : uchebnoe posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. Izd. 2-e* [Mathematics: basic mathematical structures : textbook for academic bachelor's degree. Ed. 2nd]. M. Yurayt. 2018. 296 p. Vulture of higher education. Vulture of the UMO in mathematics of pedagogical colleges and universities of the Volga–Vyatka region.
10. Vechtomov E. M. *Filosofiya matematiki : uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury. Izd. 2-e* [Philosophy of mathematics : textbook for undergraduate and graduate studies. Ed. 2nd]. M. Yurayt. 2018. 317 p. Vulture UMO of higher education.
11. Vechtomov E. M., Lubyagina E. N. *Komp'yuternaya geometriya: geometricheskie osnovy komp'yuternoj grafiki : ucheb. posobie dlya vuzov* [Computer geometry: geometric foundations of computer graphics : textbook for universities. Ed. 2nd]. M. Yurayt. 2020. 157 p. Vulture of higher education.
12. Vechtomov E. M., Lubyagina E. N., Chermnyh V. V. *Elementy teorii polukolec* [Elements of the theory of half-rings]. Kirov. Raduga–PRESS. 2012. 228 p.
13. Vechtomov E. M., Petrov A. A. *Polukol'ca s idempotentnym umnozheniem* [Semirings with idempotent multiplication]. Kirov. Raduga–PRESS. 2015. 144 p.
14. Vechtomov E. M., Petrov A. A. *Funktional'naya algebra i polukol'ca. Polukol'ca s idempotentnym umnozheniem : ucheb. posobie dlya vuzov* [Functional algebra and semirings. Semirings with idempotent multiplication : manual for universities]. SPb. Hind (Lan'). 2022. 180 p.
15. Vechtomov E. M., Sidorov V. V., Chuprakov D. V. *Polukol'ca nepreryvnyh funkcij* [Semirings of continuous functions]. Kirov. VyatSHU. 2011. 312 p.

16. Vechtomov E. M., Shirokov D. V. *Matematika: logika, mnozhestva, kombinatorika : ucheb. posobie dlya akademicheskogo bakalavriata. Izd. 2-e* [Mathematics: logic, sets, combinatorics : manual for academic bachelor's degree. Ed. 2nd]. M. Yurayt. 2018. 243 p. Vulture of higher education.

17. Lubyagina E. N., Vechtomov E. M. *Linejnaya algebra : ucheb. posobie dlya vuzov. Izd. 2-e* [Linear algebra : textbook for universities. Ed. 2nd]. M. Yurayt. 2019. 150 p. (11.6 p. l.). Vulture of higher education UMO. Vulture of the UMO in mathematics of pedagogical colleges and universities of the Volga-Vyatka region.

18. *Poeziya i proza drevnego vostoka* – Poetry and prose of the ancient East. M. Fiction. 1973. P. 642.

19. Saurov Yu. A. *Poisk istiny v nauke i zhizni...: (razmyshleniya o tvorchestve professora E. M. Vechtomova po sluchayu yubileya)* [The search for truth in science and life ...: (reflections on the work of Professor E. M. Vechtomov on the occasion of the anniversary)] // *Matematicheskij vestnik pedvuzov i universitetov Volgo-Vyatskogo regiona* – Mathematical herald of pedagogical colleges and universities of the Volga-Vyatka region]. Kirov. Raduga-PRESS. 2013. Is. 15. Pp. 456–460.

20. Saurov Yu. A. *Metodika obucheniya fizike: poiski smyslov – lyudi i idei... Voprosy naukovedeniya : monografiya* [Methods of teaching physics: the search for meanings – people and ideas... Questions of science studies : monograph]. Kirov. 2017. Pp. 245–253, 355.

21. *Elementy funkcional'noj algebry : v 2 t.* [Elements of functional algebra : in 2 vols.] / Vechtomov E. M., Lubyagina E. N., Sidorov V. V., Chuprakov D. V. [ed. by E. M. Vechtomov]. Kirov. Raduga-PRESS. 2016. Vol. 1, 284 p.; Vol. 2, 316 p.

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 4 (146) (2022)**

16+

Редактор А. В. Мариева
Технический редактор **Л. А. Кислицына**
Дизайн обложки **А. К. Долгова**
Редактор выпускающий **А. Ю. Егоров**
Ответственный за выпуск **И. В. Смольняк**

Подписано в печать 22.04.2023 г.
Дата выхода в свет 08.06.2023 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 200 экз. Заказ № 205.

Подписной индекс журнала «Вестник Вятского государственного университета»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН085

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36